

Плюснин Ю.М.

**СОЦИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

common place

Плюснин Ю.М.

**СОЦИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

Москва, 2022

Книга выпущена при финансовой поддержке фонда «Хамовники»

Позиция автора является независимой и может не совпадать с позицией фонда и его учредителя

Ответственный редактор:

С. Г. Кордонский, ординарный профессор, заведующий кафедрой местного самоуправления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Рецензенты:

В. И. Ильин, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации, исторический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Д. М. Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования, РАНХиГС, Москва

Плюснин Ю.М.

П 40

Социальная структура провинциального общества. — М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-6046947-6-3

В монографии приведено эмпирическое описание структуры российского провинциального общества на локальном уровне. На основе феноменологических критериев осуществлена типология местных обществ. Социальная структура описана в аспектах территориальной, социально-экономической, социально-профессиональной, родственно-соседской, статусной и локальной социально-политической структуры каждого из установленных типов местных обществ. Представленные результаты основываются на полевых исследованиях автора и охватывают период с 1980-х по 2020-е годы.

Книга адресована социологам, экономистам, политологам. Может быть использована в качестве дополнительного источника при обучении студентов высших учебных заведений по специальностям «социология», «политология», «экономика», «государственное и муниципальное управление».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
--------------------------	---

Благодарности	11
----------------------------	----

Введение

Российское провинциальное общество и его структура.....	14
Основная идея.....	15
Структура книги.....	19

Глава 1. Концепция

1.1. Провинциальное общество.....	24
1.2. Местное общество.....	27
1.2.1. Размеры, территория и границы.....	28
1.2.1.1. Численность популяции.....	29
1.2.1.2. Территориальные границы и плотность населения.....	32
1.2.2. Общество и община, город и его сельская округа.....	34
1.2.2.1. Социально-территориальный компонент – общины.....	35
1.2.2.2. Пространственно-организационный компонент – город и сельская округа.....	39
1.2.3. Социальные отношения.....	41
1.2.4. Местное общество: дефиниция.....	46
1.3. Дополнительные социальные структуры на локальном уровне.....	48
1.4. Территориальная структура.....	54
1.5. Трёхосевая бинарная социальная структура.....	58
1.6. Заключение. Своеобразие местных обществ.....	64

Глава 2. Методология

2.1. Методология качественного исследования.....	68
2.2. Наблюдение и интервью.....	72
2.2.1. Непосредственное наблюдение.....	73
2.2.2. Интервью.....	77
2.3. Эмпирические материалы.....	83

Глава 3. Типология

3.1. Объективные ограничения.....	98
3.2. Основания типологизации.....	100
3.3. Типология по продолжительности существования сообществ.....	105
3.4. Типология сообществ по пространственной изоляции.....	114
3.5. Типология по причинам возникновения и развития сообществ.....	123
3.6. Заключение. Неоднозначность типологий по нескольким основаниям.....	134

Глава 4. Территория

4.1. Территориальная структура.....	139
4.2. Принципы пространственной организации местного общества.....	141
4.3. Атрибуты территориальной структуры.....	151
4.4. Территориальная структура сообществ с разным положением в пространстве.....	157
4.4.1. Изолированные сообщества.....	157
4.4.2. «Турбулентные» и «ординарные» сообщества.....	159
4.4.3. Сравнение территориальной структуры сообществ разного пространственного расположения.....	161
4.5. Территориальная структура сообществ с разными условиями возникновения и развития.....	163
4.5.1. Сообщества «принудительного» типа развития.....	164
4.5.2. Сообщества «естественного» типа развития.....	168
4.5.3. Сравнение территориальной структуры сообществ разного типа развития.....	171
4.6. Описание типов на примере локальных территорий.....	173
4.6.1. Тип территории изолированных сообществ естественного развития.....	174
4.6.2. Тип территории изолированных сообществ принудительного развития.....	182
4.6.3. Тип территории «турбулентных» сообществ естественного развития.....	189
4.6.4. Тип территории «турбулентных» сообществ принудительного развития.....	193
4.6.5. Тип территории «ординарных» сообществ естественного развития.....	198
4.6.6. Тип территории «ординарных» сообществ принудительного развития.....	202
4.7. Заключение. Существенные различия типов территориальной структуры.....	207

Глава 5. Хозяйство

5.1. Формальная и неформальная экономика.....	216
5.2. Местная экономика.....	219
5.2.1. «Бюджетная» сфера.....	220
5.2.2. Сфера материального производства и услуг.....	223
5.2.3. Малое предпринимательство.....	228
5.3. Неформальные хозяйственные практики (промыслы).....	230
5.3.1. Селитебная дифференциация промыслов.....	233
5.3.2. «Гаражники».....	236
5.3.3. «Рассеянные мануфактуры».....	238
5.3.4. «Отходничество».....	245
5.3.5. Домашние промыслы домохозяйств.....	258
5.4. Местная экономика и промыслы в сообществах разного типа.....	267
5.4.1. Структурные особенности местной экономики в разных типах сообществ.....	268
5.4.2. Промысловые практики домохозяйств в разных типах сообществ.....	270
5.4.3. Примеры организации местной экономики и промысловых практик в сообществах разных типов.....	275
5.4.3.1. Пространственно изолированные сообщества естественного развития.....	275
5.4.3.2. Пространственно изолированные сообщества принудительного развития.....	277
5.4.3.3. «Ординарные» сообщества естественного и принудительного развития.....	281
5.4.3.4. «Турбулентные» естественного развития сообщества.....	285
5.4.3.5. «Турбулентные» принудительного развития сообщества.....	287
5.5. Заключение. Типические различия промысловых практик.....	288

Глава 6. Соседство

6.1. «Свои».....	292
6.2. «Чужие».....	300
6.3. Локальные родственные связи.....	308
6.4. Соседские связи: резиденты и мигранты.....	315
6.5. Двухкомпонентная модель структуры «свои – чужие».....	319
6.6. «Свои» и «чужие» в изолированных сообществах.....	326
6.6.1. Разный этноконфессиональный субстрат.....	328
6.6.2. Однородный иноэтнический субстрат.....	331
6.6.3. Однородный русский субстрат.....	333

6.6.4. Особенности структуры «свои – чужие» в изолированных сообществах.....	342
6.7. «Свои» и «чужие» в «турбулентных» и «ординарных» сообществах.....	348
6.7.1. Состав и структура «своих».....	349
6.7.2. Состав и структура «чужих».....	360
6.8. Заключение. Общее и особенное в структуре провинциальных соседско-родственных связей.....	364

Глава 7. Статус и власть

7.1. Персональный статус в провинциальном обществе и его критерии.....	368
7.1.1. Влияние.....	376
7.1.2. Клан.....	379
7.1.3. Власть.....	381
7.1.4. Доход.....	385
7.2. Провинциальная власть и её типы.....	387
7.2.1. Муниципалитеты с реальным местным самоуправлением.....	393
7.2.2. Муниципалитеты-«поместья».....	394
7.2.3. Муниципалитеты «советского» типа.....	397
7.2.4. «Политизированные» муниципалитеты.....	398
7.3. Заключение. Статус и конфигурации власти в разных типах местных обществ.....	400

Заключение

Комплементарность провинциальной социальной структуры.....	404
Основания типологии местных обществ.....	407
Территориальная структура.....	408
Экономическая структура.....	410
Социальная структура.....	414
Библиография.....	420

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленные в этой книге результаты являются обобщением моих многолетних эмпирических социальных исследований, начиная с конца 1980-х и до настоящего времени. Это материалы непосредственных наблюдений около 500 провинциальных местных сообществ на всей территории России. Среди этой слишком многочисленной для описания и обобщения совокупности я выбрал около 300 сообществ, а затем и их сократил вдвое. Результаты этих наблюдений я посчитал возможным экстраполировать на те примерно 1700 местных сообществ, составляющих так называемую «*провинциальную Россию*». Это не общество больших и даже средних городов. Это общество малых городов и их сельской округи. Важно при этом иметь в виду, что я не анализирую провинциальное общество как таковое, в его целостности, поскольку полагаю само понятие «*провинциальное общество вообще*» умозрительным концептом, не имеющим реального денотата. Я рассматриваю наше провинциальное общество исключительно на локальном уровне — как совокупность местных обществ, которые сами состоят из совокупности территориальных общин. Именно на такой эмпирической базе — территориальных общин и состоящих из них локальных сообществ — я выстраиваю некую обобщённую картину «*провинциального общества*». Основанием для обобщений является разработанная мной феноменологическая типология — это явилось совершенной необходимостью для связного и внятного описания эмпирического многообразия провинциальной жизни. Поскольку никакая типология не может быть исчерпывающим обобщением эмпирических наблюдений, я предлагаю не один, а целых три варианта типологизации локальных сообществ, хотя такой приём и не выглядит совершенно удовлетворительным.

Надо специально отметить, что в соответствии со старой научной традицией я трижды повторяю основные результаты на протяжении всего текста монографии: обобщённо и крат-

ПРЕДИСЛОВИЕ

ко — во введении и в заключении, насколько можно подробно — в четырёх основных главах, посвящённых территориальной, экономической и собственно социальной структуре местного общества. Так что читатель может легко выбрать что-то одно и, не затрудняясь чтением длинного текста, ограничиться знакомством с совсем кратким текстом введения или с чуть более пространственным заключением.

БЛАГОДАРНОСТИ

Инициатива моих полевых исследований последних пятнадцати лет, специально посвящённых именно структуре провинциальных местных обществ, исходила от профессора Симона Гдальевича Кордонского. Настоящая работа подробно обсуждалась с ним на протяжении всех последних лет. Он также стал автором нескольких важных идей и концепций, которые я развиваю в этой книге. Ряд статей, которые предшествовали этой монографии и материалы которых использованы здесь, были опубликованы нами совместно. Он же инспирировал и саму идею подготовки данной монографии. Я должен быть глубоко признателен моему старшему коллеге и другу.

Текст подготовлен на основе материалов полевых исследований по двум проектам фонда «Хамовники» в 2011–2015 гг. и по двум же проектам Научного фонда НИУ ВШЭ в 2017–2020 гг. Реализация проектов на пожертвования благотворительного фонда «Хамовники» осуществлялась по теме «Социальная структура российского провинциального общества» (проект № 2011–002 в 2011–2012 гг. и проект № 2013–007 в 2013–2015 гг.). В дальнейшем полевые исследования осуществлялись в ходе проведения исследований в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 и 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100» (грант № 17–01–0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества» и грант № 19–01–067 «Провинциальные промыслы: неформальные экономические практики населения»).

Я хочу специально поблагодарить директора фонда «Хамовники» Чолпон Эрмековну Бейшеналиеву за всемерную организационную поддержку и дружеское внимание к этим и другим моим проектам, выполненным при поддержке фонда. Одновременно я выражаю глубокую признательность учредителю фонда «Хамовники» Александру Ильичу Клячину, чьё понимание

БЛАГОДАРНОСТИ

важности исследований российской социальной реальности обеспечило их успех, в том числе и этого моего исследования.

Многие более ранние мои исследования 1995–2010 гг. осуществлены на экспедиционные гранты Российского гуманитарного научного фонда (1996, № 96–03–18019е; 1997, № 97–06–18005е; 1997–1998, № 97–06–08278; 1998, № 98–06–18011е; 1999, № 99–06–18013е; 2001, № 01–06–18010е; 2006, № 06–06–18001; 2010, № 1–03–18022е). В большинстве этих экспедиционных проектов мне помогли мои коллеги из Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

Кроме того, много эмпирических материалов, представленных в книге, я получил в результате исследований, осуществлённых на грант Московского общественного научного фонда и Фонда Форда (1999 г., № SP-99–1–14 «Динамика неадаптивных трансформаций экономического поведения и социальных ценностных установок населения провинциальной России»), на грант Regional Scholar Exchange Program 2001–2002, USA, “Social stability and instability on the local level: the analysis of internal factors in overcoming the crisis”, а также на грант Президента Российской Федерации (через АНО «Институт общественного проектирования») № 36/к «Структура муниципальной власти и её влияние на развитие общественной солидарности и местного предпринимательства», 2008–2009 гг.

Эмпирический материал собирался автором при участии многих помощников, среди которых считаю необходимым особенно отметить с благодарностью за участие в нескольких экспедициях и осуществлении совместных исследований А. А. Позаненко, Н. Н. Жидкевич, В. М. Плюснина, И. И. Попову, С. В. Пыжука, О. А. Моляренко, Д. Г. Валиеву, А. М. Аблажея, Я. Д. Заусаеву, А. С. Байдакову, Л. Г. Романову, А. В. Гришечкина, М. С. Олянчука, А. Б. Павлова, С. С. Селеева, О. Д. Писарева, Е. В. Степанову, И. Д. Иващенко, А. С. Пьянову, А. И. Кульчу, Е. Ю. Николаева, Я. Ю. Слободского-Плюснина.

Не могу, к сожалению, перечислить здесь более чем 140 молодых исследователей из Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики» (г. Москва), аспирантов, магистрантов и студентов старших курсов бакалавриа-

БЛАГОДАРНОСТИ

та, кто лишь однократно принимал участие в период с 2006 по 2020 год в наших исследованиях провинциального общества, но я со всем удовольствием должен выразить им благодарность за скрупулёзный и ответственный сбор полевого материала в регионах нашей страны.

ВВЕДЕНИЕ

РОССИЙСКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО СТРУКТУРА

Говоря о социальной структуре, я имею в виду дифференцирующие признаки, отличные от обычно рассматриваемых. Это не социально-демографическая или социально-профессиональная структура общества, и не структура на основе доходной стратификации домохозяйств, дифференциации населения по размерам располагаемого капитала, и не структура брачно-родственных отношений, и не сословная или классовая (по объёму контролируемых ресурсов) структура. С моей точки зрения, эмпирическое описание любого локального сообщества требует фиксировать совокупность отношений между людьми (семьями, домохозяйствами, профессиональными и прочими группами), каковая выстраивается на трёх основаниях: обитании, бытовании и хозяйствовании. Соответственно таким основаниям создаётся социальная структура местного общества, представленная тремя основными компонентами: территориальным, социально-экономическим и собственно социальным (последний компонент составлен из нескольких). Любое локальное сообщество имеет физическую репрезентацию в обитаемом пространстве и, следовательно, формирует свою территориальную структуру. Сообщество также описывается совокупной активностью людей, объединённых в домохозяйства, с целью непосредственного жизнеобеспечения, что и составляет его социально-экономическую (хозяйственную) структуру. Оно же описывается совокупностью отношений, результатом которых является воспроизводство самого сообщества через воспроизводство его базовых институтов (бытование), что и составляет собственно социальную структуру сообщества. Каждый компонент локальной социальной структуры описывается мной по отдельности. В совокупности

ВВЕДЕНИЕ

получается некое феноменологическое обобщение. Таким образом, я предлагаю читателям эмпирическое описание трёхкомпонентной структуры российских провинциальных местных обществ, представленное, однако, не в этнографическом формате, а в формате типологического описания.

Я посвящаю отдельные параграфы для определения концептов «провинциальное общество» и «местное общество». Если в первом случае дефиниция носит лишь общий характер, то во втором случае осуществлён компонентный и структурный анализ концепта «местное общество»¹. Я попытался показать, что любое местное общество должно рассматриваться в социально-территориальном и пространственно-организационном аспектах. Первое заключается в утверждении, что любое местное общество представлено на территории в форме общин — отдельных относительно автономных ассоциаций, выстраиваемых на основе родственно-соседских и хозяйственно-кооперативных связей. Второе заключается в утверждении, что любое местное общество состоит из центра и периферии — административного центра (городка) и его сельской округи, их композиция создаёт территориальную структуру. Тривиальность каждого из этих утверждений по отдельности преодолевается содержательным анализом концептов «множественная общинная организация», «центр — периферия» и их суперпозиции.

ОСНОВНАЯ ИДЕЯ

Исходно, в период интенсивного сбора эмпирического материала, и вплоть до последнего времени описание социальной структуры в качестве цели исследований понималось мною до-

¹ Далее в тексте я использую термины «местное общество», «сообщество», «локальное сообщество» или «локальное общество» как синонимы, тем самым отделяя их от термина «провинциальное общество». Различия в употреблении терминов «местное общество» и «община» обсуждаются специально.

ВВЕДЕНИЕ

статочно узко, операционально. Я пробовал анализировать материал в теоретических рамках концепции сословной структуры российского общества С. Г. Кордонского [Кордонский, 2008a; 2008b; Kordonsky, 2016] или классовой концепции доходной стратификации [Scott, 1996; Радаев, Шкаратан, 1996; Шкаратан, 2012; Тихонова, 2018; Lambert, Griffiths, 2018]. В действительности оказалось, что эмпирически описываемая локальная низовая социальная структура не укладывается ни в схемы классовой, ни сословной стратификации, ни тем более частных схем. Знакомые всем представления социальной структуры как результата стратификации по доходам домохозяйств либо распределения граждан по рангам в государственной сословной системе не позволяют понять суть существующих отношений между людьми, семьями, социальными группами внутри локального сообщества. Кроме того, эти отношения и вся жизнедеятельность местного общества теснейшим образом связаны с локальной территориальной структурой. Одно без другого не существует, они взаимно определяют друг друга. Физическая проекция сообщества есть органическая часть социальной структуры (что уже давно является общим местом социологии [Simmel, 1950, p. 402–408; Park et al., 1984; Bourdieu, 1987; Маркин, Черныш, 2019]). Неразрывны три компонента социального поведения, обеспечивающие непрерывность существования локального сообщества: обитание (организация пространства), бытование (выстраивание системы отношений) и хозяйствование (система жизнеобеспечения). Структура каждого из них особенна и специфична, но каждая зависима от двух других. Таким образом, оказалось необходимым описывать не просто структуру отношений между людьми, но и систему жизнеобеспечения — практики хозяйственного и экономического поведения, которая оказывает существенное влияние на структуру отношений. Конечно, и сами хозяйственно-экономические практики оказались теснейшим образом связанными с территориальной структурой, поскольку жизнеобеспечение нашего провинциального населения находится преимущественно в неформальном и теневом сегменте экономики. Оно зависит от ресурсов, предоставляемых природой и создаваемых самими

ВВЕДЕНИЕ

людьми на собственных усадьбах. Поэтому провинциальная социальная структура описывается здесь мною как трёхкомпонентная система: территориальная структура, социально-экономическая структура (жизнеобеспечение) и структура отношений в системе базовых оппозиций, описывающих эти отношения (три оппозиционных пары: «свой — чужие», «активное население — пассивное население», «верхи — низы»). Таким образом, под общим названием «*социальная структура*» я разумею три компонента, различные по природе, но взаимосвязанные: территориальную, социально-экономическую и собственно социальную (родственно-соседскую и статусную) структуры. В этом отношении социальная структура провинциального локального общества довольно существенно отличается от обычно обсуждаемой структуры «большого общества», начиная от Г. Зиммеля и М. Вебера [Зиммель, 1909; Вебер, 1994] и заканчивая Ш. Эйзенштадтом [Эйзенштадт, 1999].

Представление социальной структуры как трёхкомпонентной имеет своим основанием две связанные авторские концепции. Первая концепция, которую я рассматриваю как вытекающую из вышеупомянутой концепции С. Г. Кордонского [Кордонский, 2008а, 2008b], заключается в предположении о существовании двух взаимодополнительных социальных структур: внешней, создаваемой государством *сословной* структуры, и внутренней структуры отношений, выстраиваемых на низовом уровне, в значительной степени структуры *общинной*. Оба структурных компонента не вполне совпадают друг с другом, между ними существуют «трения» и «зияния»². Государственная сословная структура стремится подчинить себе структуру общинную, но эта последняя всякий раз «ускользает из рук». Активности, направленные на воспроизводство сословной и общинной структур, являются источником локальной социальной самоор-

² В контексте представлений о природе общественной структуры, соответствующей исторической типологии общества, «общинная» структура совпадает с сегментарной, соответствующей архаическому обществу, а «сословная» структура — со стратификационной, соответствующей традиционному обществу, и только отчасти — с функциональной структурой, соответствующей «модерновому» обществу (см.: [Луман, 2007]).

ВВЕДЕНИЕ

ганизации и способствуют развитию и существованию реального местного самоуправления, что есть свидетельство «социальной системности».

Вторая концепция, развиваемая в книге, заключается в утверждении, что низовая («общинная») социальная структура выстраивается на основе определённой совокупности базовых (инвариантных) отношений; наличие всех их без исключения является условием целостности локального сообщества. Таким образом, это есть система социальных отношений, детерминирующая и структуру сообщества.

Поскольку эмпирический материал очень разнообразен и со временем приобрёл характер этнографического, это заставило обобщать его³. Классический способ обобщения в нашем случае — типология. Предпринятые мною способы типологизации локальных сообществ показали достаточную эвристичность. Основными подходами явились типологии сообществ по длительности непрерывного существования, по характеру расположения в пространстве (изолированности от других сообществ), по степени внешнего воздействия на локальное социальное развитие (преимущественно со стороны государства). С помощью этих средств оказалось возможным расписать особенности всех трёх указанных структурных компонент в небольшое количество типических форм. Я выделил несколько типов локальных сообществ, которые в конечном счёте были сведены к шести, а затем к четырём базовым типам.

Благодаря двум обобщающим подходам: разложению на три структурных компонента и типологии сообществ по внешним основаниям, удалось свести пёструю картину провинциальной жизни к нескольким вполне ясным схемам. Их достоинством я считаю не только описательную исчерпываемость и лаконичность, но и прогностичность. Зная, к какому типу может быть отнесено любое местное сообщество — по длительности существования, по изолированности в пространстве, по влиянию

³ Я сознательно отказался от следования антропологическому описанию местного общества, оценив соответствующий опыт исследовательского коллектива под руководством В. А. Тишкова (см.: [Мы здесь живём: Социальная антропология малого российского города, 2013]).

ВВЕДЕНИЕ

государственных ресурсов на его развитие, мы имеем возможность не только определённо судить о структуре контролируемой территории, но и делать обоснованные предположения о характере и даже видах массовых хозяйственных практик населения, о структуре местной экономики, а также о составе населения, структуре «своих» и «чужих» в сообществе, а кроме того — об особенностях организации властных отношений и детерминантах статусных позиций отдельных людей. Конечно, я не льщу себя мыслью, что прогностическая ценность разработанной мною схемы абсолютна. Слишком велико разнообразие провинциальных обществ на великом пространстве России, чтобы покорно укладываться в прокрустово ложе социологических концепций. Тем не менее это оказывается ограничено возможным, и я считаю это одним из самых существенных моих результатов.

Мне представляется, что предсказательность схемы, выстроенной на анализе территориального, хозяйственно-экономического и собственно социального компонентов структуры, имеет и ещё одно немаловажное достоинство. Она позволяет оценить уровень самоорганизации и степень жизнестойкости локального общества, способность его противостоять разнообразным внешним разрушающим воздействиям, будь то источники природные, экономические или политические.

СТРУКТУРА КНИГИ

Книга содержит семь глав. Первые три главы составляют методологический и концептуальный каркас, на который «навешивается» вся эмпирия структуры локального общества. Концепция исследования, базирующаяся на трёх вышеуказанных гипотезах, представлена в главе 1. Глава 2 посвящена методологии качественного исследования, описанию методов наблюдения и интервью, составляющих основу всех моих эмпирических исследований. Вторая часть главы есть описание эмпирического материала, относящегося к почти трём сотням локальных

ВВЕДЕНИЕ

обществ, из которых я выбрал половину для более подробного анализа. Глава 3 есть спекуляция о нескольких типологиях, которые могут быть разработаны для обобщения эмпирических социологических описаний. В ней предложены и обоснованы три типологии, каждая из них на разных, независимых друг от друга основаниях.

Глава 4 посвящена территориальной структуре локального общества. Выделены и определены до десятка критериев, необходимо и достаточно описывающих территориальную структуру. Исчерпывающее описание территорий в рамках всех трёх типологий позволило дифференцировать территории разных типов обществ по совокупности выделенных критериев.

В главе 5 приведено обобщённое описание многообразных хозяйственно-экономических практик провинциального населения в локальном разрезе (на уровне поселений). Здесь я рассматриваю также формальную местную экономику, которая образует «тощую лужайку» сравнительно с «буйными зарослями» неформальной экономики. Невидимая государству, неконтролируемая, нерегулируемая и оттого не осязаемая экономистами, именно эта часть экономики и составляет основу провинциального жизнеобеспечения. Описываются как архаические виды экономик, представленные отходничеством (возвратной трудовой миграцией) и «рассеянными мануфактурами» в малых городах, так и многие современные виды экономических практик, представленные «гаражной экономикой» и многообразными домашними промыслами.

Глава 6 есть описание структуры родственных и соседских отношений в дихотомии «свои — чужие». Родство и соседство есть основа провинциальной социальной структуры. Любые отношения, будь то профессиональные или властные, «нанизаны» на родственно-соседские связи. Тем самым провинциальное общество радикально отличается от общества большого города. Структура родственно-соседских связей в провинции может рассматриваться как инвариантная, независимая от типа общества. Однако состав «своих» зависит от характера образования локальной общности: возникновение и последующее существование сообщества может идти по пути «агломерации», из раз-

ВВЕДЕНИЕ

народных частей, или по пути «слоистости», из последовательного по времени напластования новых частей. А вот состав «чужих» имеет только количественные различия, здесь я не обнаружил качественных типологических различий.

Глава 7 есть описание природы и отдельных компонентов персонального статуса провинциального обитателя, а вместе с тем и описание характера местной власти. В провинциальном обществе доминанты детерминации статуса отличаются от тех, что бытуют в обществах крупного города. Важнейшими факторами, которыми определяется здесь локальный социальный статус человека, являются (привожу в порядке значимости) персональное влияние, принадлежность к клану/семье, формальная властная позиция и располагаемый капитал (доход). Но в разных типах обществ определяющее значение имеют разные факторы. С этим связаны, как оказалось, и стили местного (муниципального) управления. Выделенные в прежних наших исследованиях характерные стили (или стратегии) управления соотносятся с факторами пространственной изоляции и зависимости от государственных ресурсов, т.е. с двумя из трёх типологических критериев.

Таким образом, последние четыре главы монографии являются обобщением моих продолжительных эмпирических наблюдений в разрезе территориальной структуры, организации социально-экономической жизни, родственно-соседских и статусных отношений провинциальных российских сообществ на 30–40-летнем рубеже XX–XXI веков.

Хотя мне хочется верить, что социальная структура наших провинциальных сообществ глубоко архаична и потому имеет вневременной характер и весьма устойчива к любым внешним угрозам, однако почти подсознательно грызёт меня мысль, что представленное здесь описание спустя совсем непродолжительное время станет неактуальным, перейдёт в разряд исторических анекдотов.

ГЛАВА 1

КОНЦЕПЦИЯ

1.1. ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Объекты, определяемые термином «*провинциальный*», не вызывают никаких затруднений в обыденном сознании людей, хотя концепт и имеет неоднозначные коннотации при научном его описании. В первом случае «*провинциальный*» — это нестоличный, не из мегаполиса или большого города, вообще же «не горожанин». Таким образом, в обыденном сознании концепт определяется прежде всего негативными терминами и содержательно однозначен. Во втором случае однозначности совсем мало⁴. Между тем, по моему представлению, именно первая позиция — нерасчленённое определение в негативных терминах — есть более полное и целостное представление. Провинция есть периферия, всё то, что находится вне центра и располагается вокруг него, но неразрывно связано с центром, непременно нуждается в центре (см.: [Shils, 1961, p. 117–130]). Без центра периферии нет, нет провинции без столицы. Этого достаточно. Границы концепта расплывчаты, демаркация неопределённа. Потому я ограничусь *предельным* (экстремальным) определением: провинция есть периферия. Здесь важен масштаб и контраст. Всё то, что вне Москвы, есть российская провинция. Но на меньшем масштабе, например, на региональном уровне, провинцией является окружение Города (в любом регионе «Город» с большой буквы есть региональная столица для всех остальных жителей административной территории, т.е. провинциалов). То же самое вплоть до локального уровня: для любого малого города его сельская округа и есть «провинция», хотя всякий житель такого городка понимает, что и он есть провинциал для жителя Города, а тот, в свою очередь, есть провинциал для жителя столицы. Относительность понятия «*провинциальный*» безусловна. Потому нет большого смысла углубляться в детали определений, тем более что уже имеются исчерпывающие историко-социологические, политические, антропологические и фило-

⁴ См., например: специальный выпуск журнала «Отечественные записки», весь посвящённый провинции [Анатомия провинции, 2006].

КОНЦЕПЦИЯ

логические описания этих деталей (см., напр.: [Shils, 1975; Зайонц, 2000, 2006; Куприянов, 2007; Донских, 2011⁵]).

Для целей нашего исследования достаточно ограничиться определением-указанием российского провинциального общества как общества малых городов и их сельской округи. Таким образом, с одной стороны, я исключаю из анализа столичные и крупнейшие города, а также города крупные и средние⁶. Тем самым я являюсь сторонником гипотезы тотального противостояния городского аномичного и сельского общинного образа жизни («*Город и деревня противостоят друг другу прежде всего не как два типа населённых мест, но как два принципа организации социальной жизни...*» [Вишневский, 2010, с. 78]). С другой стороны, такое определение задаёт административно-территориальный

⁵ Эдвард Шилз [Edward Shils] в своих известных эссе о соотношении центра и периферии, об обществе и обществах (society and societies) обращает специальное внимание на моральные, ценностные и политические аспекты взаимовлияния и взаимодействия центра и его периферии [Shils, 1975, р. 3–16; 34–47]. О. А. Донских осуществил детальное историко-социологическое исследование провинциальности, где показал развитие такого понятия в связи со становлением абсолютистского государства, системой служений и формированием дворянского статуса и административного статуса города [Донских, 2011, с. 25–44].

⁶ В российской административной и научной традиции малый город есть городское поселение с численностью жителей до 50 000 человек. Суть различий между большим, средним и малым городом попробовал выписать в своей недавней монографии В. Л. Глазычев, осуществив беглый обзор русской тысячелетней истории «освоения, присвоения и усвоения пространства», где город большой, столичный проступает мало-помалу и прорывается сквозь толстую кору провинциальности, под которой город ещё мало отличим от деревни [Глазычев, 2011, с. 144–209]. Иной подход, формально-статистический, использует для различения городов по их малости-крупности экономгеограф А. И. Трейвиш [Трейвиш, 2009, с. 248–267; 282–287]. Я намеренно не рассматриваю позиции географов по этому вопросу. По-видимому, только сословно определённые занятия жителей городов к XVII–XVIII векам радикально отличило их от соседствующей деревни, позже и от посада, городского пригорода. К тому времени подавляющее большинство городских насельников составляли сословия мещан, купцов, дворян-военных и священнослужителей [Каменский, 2007, с. 55–90; Иванова, Желтова, 2009, с. 325–404].

акцент «*провинциальности как периферии*»: имеют значение не пространственные (географические) и не селитебные аспекты, а именно социальные, поскольку всякое общество есть система как территориальная, так и политическая.

Выделение «*провинции*» на основе негативного критерия «не-центр = негородская жизнь» есть явно недостаточное, предельно упрощенное. Но не лишённое содержания. Ограничив же «*провинциальное общество*» только малыми городами и сельской округой, я тем самым сужаю его ещё больше, но в той же мере добавляю ещё содержательности. С уменьшением масштаба нарастает целостность, явственно проявляются признаки социальной самоорганизации, что позволяет с большим основанием говорить о локальном сообществе как о целостном социальном объекте. Одновременно возрастает *обозримость* такого объекта. Провинциальное же общество, взятое как таковое, не является ни обозримым, ни целостным объектом. Это не есть реальный объект, а лишь *наименование*. Такое общество в действительности состоит из множества локальных сообществ. Каждое такое локальное сообщество связано со своими соседями в значительной, малой или почти никакой (исчезающе малой) степени. Чем выше степень пространственной изоляции, тем более целостным, самодостаточным представляется сообщество, и тем оно всё больше приближается к одной-единственной общине. Когда разнообразные связи очень сильны, локальное сообщество почти растворяется в своих соседях, и выделить его как особость, определить, где проходят, помимо административных, границы территориальные и социальные, практически не представляется возможным. Такие, почти «*растворённые*» сообщества невозможно выделить как отдельность, как особый социальный объект, если только не обращаться к социальной самоидентификации их членов (см. специально: [Tajfel, Turner, 1979; Tajfel, 2010; Jenkins, 2008, p. 118–131; Gowland, Thompson, 2013]). Именно поэтому всегда удобнее исследовать пространственно изолированные сообщества, имеющие достаточно чёткие собственные территориальные (не административные) границы, а в их пределах — ограниченные и обозримые соседские и родственные связи.

КОНЦЕПЦИЯ

Таким образом, «*провинциальное общество*» есть отвлечённая социологическая конструкция, определяемая в терминах периферии и центра. Центральным концептом моего исследования является понятие «*местное общество*».

1.2. МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

«*Местное общество*» является репрезентируемым объектом, в отличие от «*провинциального общества*»; мы имеем в какой-то мере реальную (но не всегда) возможность указать на каждое из них. Как следствие, нелегко зафиксировать общие признаки. Нередко локальное общество отождествляют с общиной. Но не всякое локальное общество является общиной, хотя как раз община и является «*базовым фокусом общественной жизни*» [Murdock, 1949, p. 82], поскольку общепринятым определением общины является, в соответствии с традицией, заложенной Фердинандом Тённисом [Tönnies, 1887], группа людей, связанных родством, свойством, живущих в одном месте и находящихся в непосредственном взаимодействии и общении друг с другом (также: [Murdock et al, 1945, p. 29]). Местное общество всегда есть констелляция нескольких общин. Лишь в предельном случае это есть одна-единственная община. Предваряя определение «*местного общества*», я зафиксирую следующие важнейшие признаки его. Как целое, как относительно автономная «*социальная система*», оно характеризуется:

(а) *объектностью*, заключающейся в физической и/или символической отграниченности от своих соседей и от вмещающей среды — территорией и её границами, в пределах которых обитает ограниченная по численности человеческая популяция;

(б) *композицией* — определённым составом, образующим социальную структуру;

(в) *системой отношений*, благодаря чему популяция взаимодействующих индивидов способна к длительному самоподдержанию социальной структуры и превращается в самоорганизующуюся и самодостаточную «социальную систему».

В значительной степени такая расшифровка определения близка к метафорической формуле «система есть совокупность взаимосвязанных элементов», восходящей с начала XX века к Александру А. Богданову (Малиновскому) и позднее, в 1920-х годах, к Питириму А. Сорокину и далее, развитой в 1930–1940-е годы Людвигом фон Берталанфи [Богданов, 1922 (1989); Сорокин, 1920, vol. 1, p. 1–22; Bertalanffy, 1968, p. 194–197]. Однако, как мне представляется, в приводимых ниже определениях «местного общества» наличествует операционально более адекватное разъяснение. Здесь термину «совокупность» соответствует «отграниченность», термину «взаимосвязанных» — «отношения», а термину «элементам» — «состав», представленный не только элементами, но и структурными компонентами. Рассмотрю все три детерминанта по отдельности.

1.2.1. РАЗМЕРЫ, ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ

Для любого полевого исследователя при описании и определении локального сообщества ключевая проблема заключается в возможности указания на физически присутствующий предмет, который есть в то же время социальный объект [Bourdieu, 1987]. Одновременно это есть и классификационная проблема, далеко не решённая в социологии (см.: [Кордонский, 2008b]). Частное решение выражается в ответах на два вопроса: каковы размеры местного общества и где провести его границы, по каким критериям следует отделять одно общество от соседнего? Другими словами, как (а) *выделить объект* и (б) *отделить от подобных объектов*? Действительно, где проходят физические — в пространстве — границы, а где популяционно-экологические — в поведении? Каковы минимальная и максимальная численность членов местного общества? Как трансформирована физическая среда обитания? И как связаны между собой оба типа границ, территориальных и популяционных, не только же плотностью распределения индивидов в пространстве?

1.2.1.1. ЧИСЛЕННОСТЬ ПОПУЛЯЦИИ

Неоднозначен вопрос о популяционных границах. Если нижнюю границу можно провести на основе интуитивных соображений (это не один и даже не десяток человек, не десяток семей – но сколько всё же?), то гораздо большие трудности возникают с определением верхней границы численности популяции, всё ещё способной составлять локальное сообщество. Известно, что самоорганизация и самоуправление возможны и на уровне отдельного домохозяйства, но и десяток собранных вместе домохозяйств ведёт лишь физическое существование и может осуществлять лишь экономику материального воспроизводства (производство продукции исключительно для собственного потребления). Такая община неспособна к сколь-нибудь длительному социальному воспроизводству, а также не может существовать как биологическая популяция. Для воспроизводящейся человеческой популяции необходима численность минимум в 500 человек, возможно, не менее 1 000 человек (см: [MacArthur, Wilson, 1967; Kimura, Crow, 1963]). Известные же оценки антропологов численности архаической общины колеблются в пределах 50–1000 человек [Peregrine, Ember, 2001–2002], в среднем составляя 250–450 человек [Murdock, 1949, p. 81]. Отмечу, что в моих наблюдениях самодостаточные и пространственно изолированные сообщества, представленные всего лишь единственной общиной, как раз и состоят из 100–200 и не более 1 000 членов. Однако они отнюдь не являются воспроизводящимися популяциями, а нуждаются, как хорошо известно биологам и этнографам, в постоянном взаимодействии с соседними общинами.

Здесь имеет смысл высказать соображение о так называемом Dunbar's number – оценке тесных, психологически значимых связей между индивидами, предложенной Робинотом Данбаром в 1990-х [Dunbar, 1992], а также о соответствующих оценках, предложенных тогда же Расселом Бернардом и Петером Киллвортом (Russell Bernard & Peter Killworth) [Bernard et al., 1991; McCarty et al., 2001]. Оба количественных инварианта (в первом случае 150 человек, во втором – 290), как некоей кон-

станты числа постоянных, тесных и устойчивых социальных связей среднего индивидуума, вполне совпадают со средними размерами поселений сельской округи (т.е. минимальной общины) практически любого локального сообщества в России: они составляют около 100–300 взрослых членов, и именно здесь происходит наиболее интенсивное взаимодействие людей и выстраиваются постоянные социальные связи. Именно «кусты» (территориальные совокупности деревень, посёлков и сёл) таких сельских поселений обычно и составляют в российских условиях настоящие общины: домохозяйства связаны родством, соседством (проживанием на общей территории), кооперацией и взаимопомощью в хозяйственной деятельности.

Верхняя граница локального общества остаётся менее определённой. В любом случае предположения о верхней границе местного общества исключительно гипотетичны. Но мы всё же располагаем некоторыми предположениями и расчётами, которые могут быть отнесёнными в том числе и к оценке максимальной численности местного общества. Поскольку современные неизолированные локальные сообщества представлены многими общинами, численность таких общин, в отличие от изолированных общин, существенно больше 1 000 человек и обычно больше 3 000. Но насколько больше? К решению вопроса о верхней границе численности можно также подойти с социально-психологической стороны. Исходя из известного научного факта, введённого в оборот ещё в 1974 году антропологом Рэем Бёдуистлом (Ray Birdwhistell) и утверждающего, что в среднем каждый человек может быть знаком с 2 000 других людей, поддерживая хотя бы эпизодические связи [Birdwhistell, 1974], следует предполагать, что все жители подавляющего большинства наших провинциальных городов, не говоря уже об их сельской округе, знакомы между собой. Действительно, если принять для оценки, что члены средней семьи, обычно состоящей из трёх-четырёх человек, с учётом общих знакомств, могут быть знакомы с 5 000–6 000 и более других людей, то при средней численности в 3 000–10 000 городских семей в местном обществе каждая семья будет знакома практически со всеми остальными семьями. Тем самым индивид может опосредованно, через род-

КОНЦЕПЦИЯ

ственников и близких, взаимодействовать в среднем с 20 000–40 000 человек. Средний же размер изучаемого мною провинциального локального сообщества является как раз таковым — около 30 000 человек. Это, конечно, не община, а несколько — до десятка и более — общин. Но на основе этого можно предполагать, что такой размер локального сообщества является максимальным с точки зрения крепости и постоянства социальных связей между людьми. Если ещё при этом предположить, что Dunbar's number можно рассматривать как инвариантно-множитель числа вершин, образующих полный граф размером K_{150} , или Bernard – Killworth estimate размером K_{290} (каждый взрослый человек имеет физическую возможность поддерживать постоянные отношения в среднем только со 150–290 другими людьми, подавляющее большинство из которых родственники и соседи), то максимальная численность вершин полного графа составит как раз от 20 000 до 80 000 человек.

На основе высказанных предположений можно допустить, что минимальный размер местного сообщества составляет не менее 100–500 человек. Максимальный размер указать труднее: это может быть примерно 20 000–30 000 человек. Но вероятно, что локальное единство и способность к самоорганизации начинают быстро утрачиваться после достижения численности в 40 000 человек. При численности более 50 тысяч человек такое единство локальности и взаимная поддержка могут уже слабо ощущаться и самими членами сообщества, а при приближении к 80–100 тысячам сообщество утрачивает локальность вместе с целостностью, то есть неспособно к спонтанной самоорганизации и самоуправлению. Необходимы внешние скрепы, каковые и предоставляет государство (см.: [Johnson, Earle, 1987; Carneiro, 1981; Cohen, Toland, 1988; Крадин, Лынша, 1995]). Соотнеся эти оценки с нашими эмпирическими данными, следует указать реалистичные пределы: 100–500 взрослых индивидуумов есть нижняя граница, 40 000 человек (включая детей) есть граница верхняя; 20 000–30 000 есть современная численность большинства наших локальных сообществ. Переводя эти значения в количество общин, составляющих сообщества, следует указывать от 1 до 10–20 общин на каждое локальное сооб-

щество. Неопределённость (расплывчатость) верхней оценки количества связанных воедино общин обусловлена как разной численностью их членов (от 50–100 до 1 000–3 000 человек), так и вариативностью количества отдельных поселений в одной общине — от одного до нескольких десятков.

1.2.1.2. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Второй вопрос, о территориальных границах, естественно вытекает из вопроса о численности местного общества. По каким рубежам, рекам и морям, горам и лесам, болотам и тундрам проходит граница сообщества, выделяющая территорию, необходимую и достаточную для текущего жизнеобеспечения и длительного существования популяции определённой численности? Только в двух случаях эта задача легко разрешима: в случае полной пространственной изоляции сообщества и в случае наличия непреодолимой физической границы, отделяющей конкретное сообщество от соседей. Но обычно оба случая совпадают. Любое местное общество создаёт и имеет границы постольку, поскольку оно существует в физической среде, в пространстве, и поскольку граница, отделяющая часть пространства от всего остального, превращает это пространство в территорию. Территория есть непереносимое условие существования сообщества и жизнедеятельности его членов, поскольку её размеры зависят от минимально необходимого количества ресурсов, собираемых или производимых для обеспечения и воспроизводства членов сообщества. Граница задаёт (определяет) также и территориальную структуру сообщества. А эта последняя, в свою очередь, конституирует сообщество как целостную отдельность. Поэтому территория и её граница есть обязательный *исходный пункт* как для состава, так и для структуры любого сообщества. Собственно говоря, территория и создаёт общину (ср.: [Мёрдок, 2003, р. 106–108]).

КОНЦЕПЦИЯ

Определяя физические границы, мы тем самым определяем во многом и социальные границы. Основная причина заключается в определённых (граничных) значениях плотности популяции. Усреднённые значения плотности могут варьировать в очень широких пределах: от мизерных $0,01$ чел/км² (что соответствует одному человеку на 100 квадратных километров) до 100 – 200 чел/км² (что соответствует 1–2 человекам на 1 га). Но это есть средние значения плотности населения в пересчёте на всю территорию сообщества. Имеют значение не они, а плотность населения в административном центре. «Разреженность» пространства может быть очень велика, но центр должен быть заселён и заселён с определённой плотностью. В русском провинциальном обществе это составляет, по моим наблюдениям, от 300 до $1\ 000$ чел/км², в среднем примерно 400 – 500 чел/км². С учётом же только селитебной территории, т.е. предназначенной для проживания (исключая зоны промышленной застройки и отчуждённой для социальной инфраструктуры), в административном центре каждое домохозяйство со средней численностью 3 человека располагается на территории в 300 – $1\ 500$ м². Плотность домохозяйств в деревнях сельской округи ниже примерно в 3–10 раз. Даже по официально утверждённым нормативам на одно домохозяйство в селе выделялось не менее $2\ 000$ – $4\ 000$ м² земли. И это именно та площадь земли, которой достаточно для самообеспечения в умеренном климате России. Таким образом, исторически сложившаяся плотность обитания (не хозяйствования!) в административном центре провинциального сообщества составляет 500 чел/км² (lim: 300 – $1\ 000$); в деревнях сельской округи плотность снижается на порядок (lim: 30 – 100 чел/км²), а к окраинам контролируемой территории плотность обитания понижается ещё сильнее.

Таким образом, определяющее значение имеет распределение плотности населения по территории, т.е. территориальная структура сообщества, что и является основанием для развития социальной структуры и границ. Социальные границы фиксируют компоненты, из которых составляется локальное сообщество. Они могут выделяться достаточно произвольно, поскольку образуют многоцветное разнообразие этнографических форм. Но

при всём многоцветье форм всегда имеет место некая инвариантная совокупность компонентов, которая характеризует всякое местное общество без исключений. Это не только половозрастной состав, но и этническая и национальная принадлежность, характер родственных и семейных связей, основной вид занятий людей, их материальное воспроизводство (то, что именуется неформальной экономикой), взаимная поддержка, система санкций и преференций, наконец, локальная культура. Именно особой констелляции этих инвариантных компонент обязано многоцветье локальных сообществ, и этим будут отличаться, например, сообщества эвенков и долган сибирского Анабара от сообществ пермских коми-зырян, или сообществ костромских луговых черемисов от черемисов горных, но отнюдь не принадлежностью их к разным социополитическим системам. Напротив, именно эти последние в наибольшей степени размывают и растворяют как специфические констелляции социального состава, так и конструкты, составляющие их инвариантный каркас.

1.2.2. ОБЩЕСТВО И ОБЩИНА, ГОРОД И ЕГО СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА

В составе местного общества следует различать элементы и компоненты. Хотя обычно их отождествляют. Элементами являются отдельные люди, но не как простые физические индивиды, а как члены сообщества. В этом отношении чужие, как не-члены сообщества, являются в то же время «чужеродными элементами». Они также присутствуют в составе общества, как, например, вирусы, бактерии или иные паразиты непременно присутствуют в любом организме, не являясь (или являясь в ограниченной мере) его собственными элементами. Также элементами могут быть, как бы странно это ни прозвучало, и другие живые организмы, образующие основу жизнеобеспечения сообщества: например, лошади и коровы, собаки и кошки, а также и мистические объекты локальной идеологии, су-

КОНЦЕПЦИЯ

существующие только в сознании членов общества, но оказывающие притом реальное воздействие на них и их существование: например, умершие предки, домовые, лешие или черти (см.: [Плюснин, 1991]). Животные, необходимо присутствующие в любом человеческом сообществе, как и люди-чужаки, в наше время столь же обычные, составляют особые типы элементов, наряду с собственно автохтонами (членами сообщества как элементами). Все эти три типа элементов – свои, чужие и иные – находятся в особых отношениях друг с другом, что уже предполагает как минимум наличие соответствующих институтов (см., напр., специальное исследование вопроса: [Шипилов, 2008]). Хотя нередко считают, что элементы есть существенная часть композиции общества, мне представляется, что они важны лишь в «снятом» виде, как представители институтов, а в физическом отношении имеют значение всего лишь как «наполнители» общины, как «элементарные составляющие» популяции (демографические учётные единицы).

Компоненты локального сообщества представлены, по моему мнению, двумя сопряжёнными формами: социально-территориальной и пространственно-организационной. Первая есть совокупность территориальных общин, из которых и образована композиция любого локального сообщества. Вторая форма есть инвариант «центр – периферия» [Shils, 1961; 1975], всегда представленная двумя структурными составляющими: административным центром (обычно малый город) и его сельской округой. Указанные две формы есть не разные, но взаимно дополнительные компоненты сообщества.

1.2.2.1. СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ – ОБЩИНЫ

Наличие такого компонента логически очевидно, но *in situ* («на местности») выделить его крайне трудно. Внешнему наблюдателю редко удаётся зафиксировать, где заканчивается

одна община и начинается другая — как на территории, так и по отдельным людям. В современном обществе эти границы и вовсе исчезающе прозрачны⁷, хотя в русском языке легко различимы понятия, относящиеся к трём уровням социальной интеграции: провинциальное общество, местное общество и община. Российские провинциальные локальные общества состоят от одной-двух до нескольких десятков общин. Когда местное общество представлено всего лишь одной-двумя общинами, то это есть всегда особая, экстремальная ситуация, предполагающая простую физическую изоляцию или социальную самоизоляцию. Последняя возникает по этническим, конфессиональным или идеологическим, реже по политическим причинам. Чуждый этнос, поселившийся на территории другого; группа иного вероисповедания, занявшая территорию среди общин, исповедующих общую религию; сообщество единомышленников, разделяющих идеологию, чуждую их окружению; группа людей, перемещённых насильственно на новую территорию. Все эти случаи имеются в моих материалах, но это есть незначительная доля местных обществ. Гораздо чаще в российских условиях мы встречаемся с ситуацией пространственной изоляции. До ⅓ всей территории России создают физические препятствия к межобщинным коммуникациям. Таковы территории Арктики, Крайнего Севера Сибири, нередко и европейского Русского Севера. Но такие же сообщества есть и в горных районах юга, в обширных лесах в центре России и в тайге средней и южной Сибири. Сообщества, проживающие здесь, обычно находятся в изоляции, не имеют развитой дорожной сети, а нередко и вообще не имеют дорог. В этих условиях местные общества малочисленны и образуют одну общину либо представлены немногими общинами, пространственно удалёнными друг от друга, но всё же поддерживающими устойчивые родственные и экономические связи между собой.

Большинство современных местных обществ состоит не из одной общины, а из одного-двух десятков общин. Обычно об-

⁷ О чём, между прочим, ещё более ста лет назад писал Эмиль Дюркгейм [Durkheim, 1893, p. 34].

КОНЦЕПЦИЯ

щина конституируется в составе не одной деревни, аула, села или станицы, а в форме «куста» — совокупности нескольких деревень и сёл (до нескольких десятков), тесно связанных территориально, исторически и экономически. Однако отдельными поселениями община нередко представлена в центре и на юге Европейской России, на Урале и на юге Сибири. Такие отдельные поселения-общины достаточно велики, нередко их составляют от нескольких тысяч до полутора десятков тысяч человек. Такая община-поселение может контролировать территорию от нескольких км² (на юге) до нескольких десятков км² (в центре). Иначе дело обстоит на Русском Севере и на западе России. Здесь община обычно состоит из «куста» деревень, который называется «округой» или «сельской округой». Обычно «куст», или «округа», представлены жителями, находящимися в разных степенях родства, поскольку подавляющее большинство безвыездно проживает на территории на протяжении нескольких поколений, нередко это 10–15 поколений. Площади, занимаемые таким «кустом», составляют около 20–100 км². Различия в первом и втором случаях — между общинами, состоящими только из одного поселения, и общинами-«кустами», состоящими из нескольких небольших деревень, — обусловлены большей численностью поселений и меньшей контролируемой площадью территории центральных, южных и сибирских деревень по сравнению с северными и западными, а также с более развитой транспортной инфраструктурой первых.

Современная провинциальная российская община сохраняет важнейшие признаки традиционной общины, выделенные ещё Ф. Тённисом: соседство и родство, реципрокные связи («*Gemeinschaft ist des Blutes, des Ortes, des Geistes. Verwandtschaft – Nachbarschaft – Freundschaft*») [Tönnies, 1887, S. 17]. Общины одного местного общества связаны между собой исторически и административно. Административное единство в большинстве случаев просто наследует исторические связи. Кроме того, связь упрочена и церковной структурой. Православные погосты, католические приходы, как и мусульманская *махалля* и проч., в прежние времена окормляли, как правило, насельников одной, реже нескольких общин, но в советское и нынеш-

нее время имеется один церковный приход на целое местное общество в сельской местности, 1–2 прихода в городах численностью 3 000–10 000 жителей, 3–5 приходов в городах с численностью более 20 000 жителей. Так что локальное общество скреплено, как и прежде, родственно-соседскими (клановыми и родовыми) связями, а в дополнение к ним — государством и церковью.

Многие местные общества в составе их общин имеют длительную историю существования и имеют давно сложившиеся, исторически обусловленные границы. Молодые сообщества обычно объединены административными границами в составе района (прежние уезды или их части, волости). Но очень часто и современные административные границы были установлены в соответствии с исторически сложившимися границами между издавна существующими местными обществами (в европейской России), либо сами местные общества формировались и вырастали в административных границах, создаваемых государством по резонам экономическим или географическим (как на Урале и в Сибири и особенно на Дальнем Востоке России). Так что нередко оба типа границ, исторические и административные, совпадают.

Община есть социальная целостность, единство, сформированное на *«крови и почве»*. Она существует актуально как часть локального общества или может являться, при определённых условиях, самодостаточной самоорганизующейся и самоуправляющейся системой. Местное общество есть совокупность — композиция — общин, но не всегда оно есть целостное социальное образование. Поскольку такое сообщество образуется двумя основными путями. В одном случае местное общество вырастает из единственной общины (одного «куста») и, дифференцируясь, делится в течение поколений на несколько территориально разделённых общин, но связанных родством и локальной культурой, а нередко и хозяйственными практиками. Таково большинство традиционных обществ Русского Севера, запада и центра Европейской России, а также локальные сообщества угорских, татарских и башкирских народов Поволжья, кавказских и сибирских народов. Эти общества есть автономные са-

КОНЦЕПЦИЯ

моорганизующиеся социальные системы; ниже я определяю их как тип естественно развивающихся обществ.

Во втором случае местное общество «сажается» (часто с помощью государства, но иногда и по собственной инициативе) на территорию и исходно состоит либо из нескольких случайным образом объединённых общин, либо из случайно собранных индивидов, переселенцев. Во всех случаях это есть мигранты, новые насельники территории. Лишь со временем отдельные люди или отдельные общины устанавливают между собой соседские и родственные связи и создают локальное сообщество. Это есть типичная ситуация сравнительно недавно заселённых территорий Дальнего Востока Сибири, некоторые территории Северного Кавказа, западных окраин страны. Такие общества я называю принудительно созданными. Нередко, однако, оба пути переплетены меж собой, так что одни группы людей или общины образованы первым, а другие, в том же обществе, – вторым путём.

1.2.2.2. ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТ – ГОРОД И СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА

Любое общество имеет структуру центра и периферии. В нашем случае провинциального местного общества это есть деление на административный центр и сельскую округу. Всякое местное общество представлено поселениями двух типов: городом и деревнями сельской округи. Центр есть «местечко», малый город, реже село, посёлок городского типа, облечённый комплексом необходимых административных и религиозных функций. Только эти последние функции выделяют поселение среди других и придают ему статус центра. Поселения периферии могут быть сравнимы с центром по численности, по славности своей истории, могут располагаться в более удобном или даже центральном месте на территории, но если не облечены административными функциями, то они не рассматриваются и са-

мими жителями в качестве центра⁸. Сельская округа есть совокупность отдельных поселений (деревни, хутора, сёла и посёлки), окружающих «местечко», отделяемая от сельских округ иных локальных обществ исторически определённой и административно зафиксированной территорией.

Небольшие города обычно образуют только одну общину (и всегда только одна община в других типах поселений – село и посёлок – если они выполняют функции административного центра). Если население города достаточно велико, обычно более 5 000 жителей, то начинают образовываться «концы» – выделяться локусы с более тесными соседскими связями, а часто и сегрегированные по этническим и даже профессиональным признакам. Такие «концы» есть предпосылка будущих внутригородских общин. В молодых городах «концы» образовывались изначально по экономическим причинам: возле каждого крупного предприятия формировался жилой спальный район, населённый в основном работниками предприятия. Так и с петровских, и с ранних советских лет принудительно закладывались общины, исходную основу которых составляла принадлежность к одной профессиональной группе (особенно характерно для поселений, создававшихся при горных мануфактурах и заводах на Урале в имперские времена, и при заводах, комбинатах, рудниках в Сибири в советские времена). Только позже такие сообщества приобретали признаки настоящей общины с преобладанием не только соседских, но и родственных связей. В городах с численностью жителей больше 20 000 человек общины обычно «размыты» и «растворены», не могут быть выявлены чётко, да и сами жители не разграничивают их. Поскольку родственники проживают не компактно, а разбросаны по всему городу, а чаще и по сельской округе, то родственные связи пронизывают соседские связи; те и другие отношения могут

⁸ Административный центр есть далеко не всегда наиболее населённая часть местного общества. Таковое положение имеет место в наши дни, но ещё в недавнем прошлом (до начала XX века) нередко административный и религиозный центры, не всегда находившиеся в одном поселении, уступали в численности населению деревень своей сельской округи.

КОНЦЕПЦИЯ

быть одинаково тесными в целях кооперации жизнедеятельности. В таком случае можно говорить об одной большой территориальной общине. В наше время это тем более актуально, поскольку повсюду существуют городские сайты и форумы, в которых непрерывно «общаются» и тем самым объединяются большинство жителей.

Сельская округа гораздо лучше дифференцирована на общины: здесь они всегда территориально отграничены. Как уже выше отмечено, общины представлены либо одним большим селом или несколькими близко расположенными поселениями или же «кустами», которые могут занимать довольно значительное пространство. Между тем, в силу экзогамии, все без исключения общины в местном обществе связаны друг с другом родственными и свойскими (символически родственными) связями их обитателей. Нередко такие связи очень удалённые.

Как видно из приведённых описаний, оба типа компонентов местного общества тесно связаны: общины дифференцированы по территории на центр и периферию, взаимопроникая друг в друга связями своих элементов. Особый случай единственной общины и единственного поселения отнюдь не нарушает это правило: периферию в таком случае составляют хутора и временные поселения (сезонные лагеря, стоянки), разбросанные на территории.

1.2.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Взаимодействие и зависимость компонентов локального сообщества (с одной стороны, общин между собой, с другой — городского центра и сельской округи) обеспечивается определённой совокупностью отношений, которые я рассматриваю в качестве необходимых и достаточных для того, чтобы какая-либо локальная человеческая популяция могла являться самоорганизованным сообществом. То есть в ней наблюдаются механизмы социальной самоорганизации. В этом смысле такая совокупность отношений есть инвариантная, а в силу

этого и архаическая, т.е. присутствующая повсеместно и существующая извечно. Мой анализ таких инвариантных отношений позволяет утверждать, что имеет место определённое количество видов отношений. Поскольку сами по себе все эти отношения хорошо известны, а не очевидна лишь их композиционная структура, я ограничусь кратким общим описанием. Я выделяю четыре пары базовых отношений, детерминирующих местное общество как целостный социальный объект. Каждая пара отношений относится к определённой сфере жизнедеятельности, совершенно необходимой для существования любого сообщества.

Наличное существование сообщества — «здесь и теперь» (*ectio*) — есть физическая реальность, действительность, оно фиксируется отношениями совместности и современности (синхронности) существования группы людей, поддерживающих локальную целостность. Отношения *совместности*, или *коммунальности* (lat. *communalitas* — жизнь внутри общих стен), характеризуют совместность постоянного проживания членов сообщества на общей территории, которую они считают своей (а их соседи признают её таковой), контролируют её и защищают от чужаков и любых посягательств. Эти отношения лежат в основе институтов, ответственных за обеспечение физической безопасности членов сообщества, а также защиты его территории, в какой бы форме таковые не существовали. Совершенно очевидно, что отношения коммунальности безусловно сопряжены с отношениями, направленными на синхронизацию единовременной жизнедеятельности людей. Отношения *синхронии* (lat. *synchronicity, contemporality*) проявляются прежде всего и преимущественно локально: синхронизация повседневной жизнедеятельности отдельных людей и домохозяйств в масштабе ежедневной и ежеминутной регуляции поведения (например, часы начала и окончания рабочего дня, дни праздников, сроки осуществления ритуалов); синхронизация функционирования социальных институтов, обеспеченная календарным циклом как природного, так и социального происхождения (местное время сева и сбора урожая, даты общих и профессиональных праздников и т.п.); необходимость синхронизации

КОНЦЕПЦИЯ

актов осуществления обрядов и ритуалов в рамках локальной традиции, способствующих поддержанию единства общины и всего местного общества.

Базовые отношения, определяющие любого рода деятельность (активность) членов сообщества (*actio*), есть взаимосвязанная пара отношений кооперации и координации. Отношения *кооперации* (lat. cooperante), исходно обусловленные целями жизнеобеспечения и социального воспроизводства, устанавливаются в результате взаимодействия отдельных людей и домохозяйств в экономической и социальной деятельности. Они определяют дифференциацию функций отдельных людей и групп, характер разделения труда в семье, в домохозяйстве и в общине⁹. Говоря о кооперации, мы также говорим и о разделении труда. Совершенно очевидно, что кооперация деятельности предполагает и нуждается в координации этой деятельности. Кооперация как таковая невозможна без координации даже на уровне простейшей работы, если она не может быть выполнена только одним человеком (см.: [Богданов, 1989, ч. 1, гл. 2]). Потому отношения *координации* (lat. coordinationem) составляют дополнительную пару к отношениям кооперации. Они отвечают за выстраивание системы субординации, необходимое для устойчивого существования и развития местного общества. Отношения координации задают не только функциональную (трудовую) и статусную иерархию, но и сетевые связи в сообществе (гетерархия). Таким образом, они определяют базовые составляющие социальной структуры, статусные позиции функционально разнородных членов общины.

Следует говорить также о реактивной деятельности (*reactio*), которая является отражением продуктивной деятельности (активности). Она также есть и обеспечивающая (поддерживающая) собственно производительную активность, необходимую для жизнеобеспечения, для биологического и социального воспроизводства (см., напр., об этом: [Durkheim,

⁹ Первая и важнейшая форма кооперации есть дополнительность биологических, социальных и экономических функций мужа и жены, отца и матери в семье (см: [Durkheim, 1893, p. 130–131; Мёрдок, 2003, с. 25–30]).

1893, livre I, chapitre III.III, p. 130–136]). Такие реактивные отношения вновь представлены дополнительной парой – коммуникацией и сочувствием. *Коммуникативные* отношения (lat. communicationis) есть, по сути, согласие (в частности, и единогласие) по созданию и поддержанию системы локальной коммуникации – повседневный взаимопонятный информационный обмен на базе местных говоров и диалектов общего для всех членов сообщества языка. Отношения *сочувствия* (lat. compatientus) есть результат реципрокного альтруизма. Способность поставить (представить) себя на место любого другого члена сообщества и сочувствовать ему есть создание и поддержание особого психоэмоционального поля, обеспечивающего чувство общности членов локального общества. Только на общем психоэмоциональном поле возможна взаимопонятная коммуникация. Информационный обмен в значительной мере состоит из невербальных посланий, составляющих основу и существенную смысловую часть содержания сообщений. Как и вышеуказанные пары отношений, обыденная коммуникация не бывает без сочувствия, а сочувствие предполагает коммуникацию.

Наконец, четвёртая пара отношений есть результат проективной активности (*proectio*) членов сообщества. Они реализуются как представление людей о собственном существовании и повседневной деятельности. В них отражается жизненная идеология (мировосприятие), мифология и жизненная философия (мировоззрение). Такие отношения могут быть названы отношениями *консенсуса* (lat. consensus) и *сознания* (lat. conscientia). Консенсус есть отношения, направленные на установление и поддержание общего мнения членов сообщества. Нередко результат такой деятельности по поддержанию локального ментального единства обозначается термином *менталитет*. Это есть не только представление о себе и о мире (проекция себя на мир и внешнего окружения на себя), но также отношения с другими членами сообщества, обеспечивающие локальный менталитет и удостоверяющие его стабильность, что есть также удостоверение стабильности картины мира простого человека и полного её соответствия картине

КОНЦЕПЦИЯ

мира его сограждан (правильнее сказать, соплеменников). Дополнительным видом отношения здесь является сознание, т.е. отношения по поводу традиционного опытного знания, по поводу формирования и поддержания системы знаний, как результата длительного локального опыта, специфичного для каждого конкретного местного общества. Такая система знаний нередко описывается как народный опыт, народное знание, локальная традиция. Но она воспринимается как суеверие, как знание, основанное не столько на науке, сколько на вере и традиции. Взгляд на локальное сознание как на суеверие есть взгляд постороннего, представителя иной культуры, чужого. Локальное сознание не предполагает и не позволяет критического отношения к миру, к обществу и к сородичам. Единство мнения (всего множества мнений) и общинного сознания поэтому присуще лишь членам общины и членам локального общества. Но уже на более крупном масштабе такое единство начинает потрескивать и давать сбои; возникает феномен ментального плюрализма, недопустимого, например, в архаическом обществе или старой сельской общине, где инакомыслящий по самому этому факту становится изгоем. Потому отношения локального консенсуса и сознания есть важные скрепы общинного единства, основа локальной самоорганизации в той же мере, в какой ею являются совместность и синхронизация жизнедеятельности.

Таким образом, четыре пары образуют как бы круг взаимосвязанных видов отношений (... — *ectio* — *actio* — *reactio* — *proectio* — *ectio* — ...); обязательное наличие каждого и всех вместе обуславливают (детерминируют) существование локального общества как целостного социального объекта. Сообщество существует только там, так, тогда, всегда и навсегда, если его члены находятся «здесь и сейчас» — ведут совместную единовременную деятельность; они «так и таким образом» кооперируют (осуществляют разделение труда) и координируют (функционально субординированы) свою активность; они имеют общий язык и способны понимать друг друга, поддерживать коммуникацию и обладать сочувствием, чтобы проявить альтруизм и готовность к самопожертвованию ради близких; они обладают

общим повседневным опытом, придерживаются одних и тех же практик и традиций, имеют общие представления о себе, об окружающем мире, о своей истории, своём прошлом и будущем. Утверждаю, что только такие отношения и создают системность общественной жизни.

1.2.4. МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО: ДЕФИНИЦИЯ

Обобщая приведённые в двух предыдущих параграфах описания, я определяю «провинциальное местное общество» следующим образом. Это есть территориально отграниченная совокупность нескольких общин (в предельном случае единственной общины), связанных обычно общей историей и происхождением, пронизанных кровнородственными связями большинства семей. (В особых случаях локальное общество агрегировано из нескольких разнородных, изначально чуждых общин; такие общества созданы принудительно.) В то же время это есть налично существующая популяция, представленная отдельными домохозяйствами (семьями), организованными в поселения, которые сами организованы в пространстве в двухуровневую территориальную структуру административного центра (города-местечка) и его сельской округи (сети деревень, сёл, посёлков). Члены общин в составе домохозяйств связаны между собой родственными отношениями и соседскими в силу продолжительного совместного существования; они также связаны отношениями взаимности (реципрокного обмена), поскольку находятся в кооперативных и координированных взаимодействиях — осуществляют совместную жизнедеятельность и формируют определённую структуру производственных и социальных субординаций. Важнейшими признаками местного общества являются и представления людей о единстве в рамках их социальной локальности. Это обеспечивает, с одной стороны, поддержание стереотипов поведения, локальных традиций и установившихся практик, выражение локального менталитета и системы локального опыта. С другой стороны, это обеспечивает каждому члену со-

КОНЦЕПЦИЯ

общества защиту не только в форме физической безопасности, но и в форме локально признанных привилегий и преференций, взаимных уступок и льгот, социальных обязанностей и развѐсток по профессиональному, половозрастному, соседскому, клановому и родственному принципам.

Такое определение, конечно, не является удовлетворительным хотя бы потому, что его нельзя назвать лаконичным. Но здесь зафиксированы все основные, по моему мнению, признаки, присущие локальному сообществу:

- 1) территориальная отграниченность, наличие своей территории и границ, определяющих её и фиксирующих принадлежность всех или какой-то части природных ресурсов и произведѐнных материальных ценностей сообществу;
- 2) продолжительность непрерывного существования на одной территории в течение поколений, что определяет историческую преемственность;
- 3) составность локального общества из общин, в основе единства которых лежат родственные и соседские связи, перекрытые отношениями взаимности как результата реципрокного альтруизма и nepотизма;
- 4) организационная структура, представленная отдельными домохозяйствами, распределѐнными в пространстве не равномерно, а организованные в поселения, которые сами всегда имеют двухуровневую (редко трёхуровневую) структуру – городской центр и его периферию, сельскую округу;
- 5) функциональная разнокачественность и статусная неоднородность членов общества, определяющие отношения кооперации и координации всех и каждого;
- 6) коммуникативно-чувственное и ментальное единство членов общества, обеспечивающее социальное воспроизводство и лежащее в основе местного самоуправления, которое (самоуправление) только в этом случае и возможно.

Итак, ниже я описываю структуру «местного общества», которое кратко (поскольку уже привѐл развѐрнутое определе-

ние) определяю как территориально отграниченную совокупность нескольких общин, исторически и административно связанных между собой и именно потому образующих феномен целостной социальной локальности.

Описание социальной структуры должно базироваться на некоем концептуальном каркасе. Таковым выступают три взаимосвязанные концепции. Основной является гипотеза дополнительности двух социальных структур, сформированных на «теле» локального сообщества. Она является источником для двух зависимых концепций. Первая из них есть утверждение о взаимосвязи социальной и территориальной структур локального общества: одна без другой не существует. Вторая концепция есть утверждение о триаксиальной бинарной оппозиционной структуре социальных связей на локальном уровне.

1.3. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ

Исходной концепцией моего эмпирического исследования является авторская гипотеза дополнительности социальных структур. Суть её заключается в следующем. Социальная структура каждого локального сообщества не является целостной, поскольку она не «одномерна». Она строится на двух взаимодополнительных основаниях. Имеет место «внешняя» социальная структура, которая детерминирована и «налагается сверху» государством. Именно эта социальная структура является почти исключительным предметом социологических исследований (см., напр.: [Goldthorpe, 1987; Vidich, 1995; Scott, 1996; Радаев, Шкаратан, 1996; Bergman, Joye, 2005; Chan, Goldthorpe, 2007; Радаев, 2008; Горшков, Пэйлинь, Голенкова, 2012; Manning and Tikhonova, 2017; Аникин, Лежнина, 2018; Тихонова и др., 2018; Тихонова, 2019]). Эта структура может быть как классовой, так и сословной. В первом случае стратификация является результатом доходной стратификации или

КОНЦЕПЦИЯ

определяется размерами располагаемого капитала, а также объёмом контролируемых ресурсов. Во втором случае она определяется законодательно зафиксированной системой государственных служений и поддерживается традицией. Чаще всего (а в современных условиях обязательно) в чистом виде исключительно классовой или сословной структур не бывает; в большей или меньшей степени они дополняют друг друга. В случае же современного российского общества таковой следует преимущественно считать именно сословную структуру [Кордонский, 2008a; 2008b; Шкаратан, 2012; Kordonsky, 2018] (но в то же время: [Rieber, 1982, p. 416; Becker, 1985, chapter 1, p. 16–20]). Доходная стратификация хотя и имеет место, но не позволяет однозначно определять позиции классов [Тихонова, 2018]; особенно размыты границы среднего класса [Радаев, 2008; Tikhonova, 2020]. Я придерживаюсь позиций теории сословной структуры современного российского общества, которая предложена и разработана С. Г. Кордонским в начале 2000-х, описана им в нескольких монографиях (см.: [Кордонский, 2008a; 2008b; 2010; Kordonsky, 2016; 2018]). В соответствии с его теорией сословная структура российского общества только по видимости представляется как классовая и таковой официально называется, но по своей природе классовой не является. Имеют место все признаки сословной структуры [Кордонский, 2008a, с. 52]:

- а) закреплённость в государственных законах прав каждого сословия;
- б) наследственность сословных прав, сопровождающаяся институтами воспроизводства (сословные учебные заведения, где обучаются дети представителей соответствующих сословий);
- в) наличие сословных организаций с самыми широкими правами, в том числе судебного характера;
- г) наличие сословного самоуправления;
- д) наличие внешних признаков принадлежности к сословию (форма одежды, знаки отличия, наградные системы, образ жизни, приличествующий члену сословия и т.п.);
- е) наличие сословного самосознания.

В рамках теории сословной структуры С. Г. Кордонского им выделяются четыре основные группы сословий [Kordonsky, 2016, p. 80–84; 91–95]:

- 1) «*власть*» («титульные сословия», чиновники, служивые люди, находящиеся непосредственно на службе государства),
- 2) «*народ*» (не титульное и не служивое сословие, представленное самыми разными группами работников в промышленности, сельском хозяйстве, сфере услуг или публичном секторе – «бюджетниками», рабочими, безработными, пенсионерами),
- 3) «*предприниматели*» (разнородная группа независимых профессионалов, продающих свои услуги или товары на рынке),
- 4) «*маргиналы*» (люди, полностью лишённые или частично ограниченные в правах, заключённые или имеющие криминальное прошлое, а также относящиеся к преступному миру).

В каждой из четырёх сословных групп выделяется до десятка и более отдельных сословий, которые преимущественно определяются либо узаконенным государственным статусом, либо самоопределением и наличием определённых прав и преференций, но не всегда законодательно зафиксированных. В случае наличия государственного сословного статуса это детерминированные специальными законами «титульные сословия» и «маргиналы». Во втором случае сословного самоопределения это «народ» и «предприниматели».

В рамках теории сословной структуры на уровне локального сообщества могут быть выделены следующие особенности. Во-первых, в провинции представлены далеко не все сословия, во-вторых, в каждой из групп сословий они представлены по-разному. Этим провинциальные местные общества сильно отличаются от сословной структуры населения средних и крупных городов. Полнее всего в провинции сословный состав представлен в группе чиновных сословий, но представители каждого из сословий единичны, а вся их численность часто ниже 5–10 процентов взрослого населения. Это обуслов-

КОНЦЕПЦИЯ

лено тем, что «на местах» имеются лишь территориальные отделения государственных учреждений, да и то не все и не везде. Состав сословий в самой многочисленной группе «народ» очень неоднороден от общества к обществу. И обычно разнообразие видов сословий в конкретном обществе невелико. Повсеместны, конечно, пенсионеры и «бюджетники» (служащие, получающие жалование из государственного бюджета: врачи, учителя, библиотекари, муниципальные служащие и т.п.). Однородны сословные категории сельскохозяйственных работников, но обычно нет или немного индустриальных наёмных рабочих. Очень мало и производственных специалистов. В сословной группе «предпринимателей» — независимых предпринимателей, живущих доходом, и лиц свободных профессий, живущих гонораром, — практически нет или очень мало, а почти весь состав — это мелкие коммерсанты. Численность этой группы составляет около 10–15 процентов с учётом теневого предпринимательства (когда человек формально принадлежит к одной сословной группе, а реально относится к данной). Четвёртая сословная группа, «маргиналы», наименее всего представлена в местных обществах — обычно не более 1–2 процентов, и именно это является причиной крайне низкого уровня преступности в провинциальных обществах. Редко в каких обществах имеются в значительном количестве бывшие заключённые, и только там, где располагаются зоны да исправительные колонии (около 1–2 процентов всех учтённых мной обществ). Бывшие заключённые, даже если они присутствуют в составе местного общества, оказываются «проточными людьми», мигрантами, лишь на время осевшими на местной почве. К тому же они, как правило, и оседают на периферии общества, нередко в монастырях, которые сами являются «чужаками». Столь же мало лиц с ограниченным статусом в силу сниженной дееспособности. Почти все они переведены в статус государственных иждивенцев и помещаются в домах инвалидов и престарелых; тем самым они формально отнесены к группе пенсионеров. Лица же постоянного проживания, ограниченные в правах (бывшие заключённые), или воры и бандиты почти не присутству-

ют в таких обществах¹⁰. Здесь они не могут получить доступ к ресурсам для «кормления», поскольку среда родственная и соседская, а значительная часть жизненных ресурсов контролируется не государством, а самими жителями. Потому большая часть местных маргиналов перемещаются в крупные города, более кормные места для их «профессиональной специализации». На местах остаются «совсем деклассированные» единицы. Местные жители, ранее бывшие заключёнными, возвращаясь домой после «отсидки», как правило, получают все ранее утраченные права и перемещаются в сословия «народа» или «предпринимателей». В целом определяемая государством социальная структура хорошо видима и чётко оформлена, иерархически выстроена, универсальна для любой локальности, возможны лишь минимальные вариации.

Наряду и вместе с ней существует и «низовая», собственная локальная социальная структура, происходящая и вырастающая снизу, из собственного «тела». В российских провинциальных условиях она в целом соответствует общеизвестным критериям общинной (*Gemeinschaft*) структуры, другими словами, это есть архаическая структура. По совокупности всех обследованных мной локальных обществ можно утверждать, с некоторыми допущениями, что социальная структура определяется следующими критериями. Важнейшим является критерий общественного влияния человека, детерминированный его профессиональным опытом, компетенциями, специальными знаниями и практическими умениями, имеющими существенное значение для жизнеобеспечения локальной популяции. Уважение, которым и определяется влияние, зависит не только от ума, знаний, опыта и умений человека, но и в не меньшей мере от его моральных и нравственных качеств — социально правильного поведения и образцовых ментальных установок. Вторым по значимости

¹⁰ Известный период разгула новых русских в 1990-е годы практически не затронул российскую провинцию. Местные бандиты если и действовали (оперировали) у себя дома, то объектами их интереса были либо «чужие», либо (реже) представители соседних общин в составе одного местного общества, когда такое местное общество достаточно велико и состоит из десятка или нескольких десятков общин.

КОНЦЕПЦИЯ

критерием является принадлежность к клану. До сих пор в провинции сильны и имеют определяющее значение для социальной стратификации связи кровного родства, клановой и этнической принадлежности, т.е. социальные позиции человека зависят от разных степеней генетического родства и свойства (принадлежности к клану и этносу). В нынешних условиях особенностью является то, что те, другие и третьи виды связей перемешаны и в представлениях людей «род» и «родственная группа» есть также нередко синоним и «клана», и «этноса». Только третьим критерием социальной позиции человека в провинции оказывается его формальный статус в системе государственной иерархии (системе служений). Наконец, лишь четвёртое место занимает значение денежного дохода или располагаемого капитала, объёма контролируемых ресурсов. Конечно, имеют место случаи тотального контроля местных ресурсов одним человеком или родственной группой (группой семей, связанных родством и этнической принадлежностью); в таких случаях данный критерий оказывается определяющим для локальной социальной стратификации. Но чаще дело выглядит иначе, и локальная позиция человека зависит от капитала не в первую и даже не во вторую очередь.

Таким образом, «низовая» локальная социальная структура, которую можно назвать «общинной», формируется как результат констелляции критериев: влияния, родства, власти и капитала. Они в разной степени (во многом в зависимости от типа локального общества) определяют объём неформально устанавливаемых прав и обязанностей, предпочтений и степень доступа к локальным ресурсам и институциональным позициям.

Обе структуры, формальная сословная и низовая «общинная», соотносятся между собой неодинаковым образом и неоднозначно. Нельзя сказать, что принадлежность человека к чиновному сословию автоматически сочетается с его высоким влиянием или верхней властной позицией или что он автоматически располагает значительным капиталом или контролирует важные для местного общества ресурсы. Точно так же формальная принадлежность человека к сословной группе маргиналов не предполагает малого капитала или отсутствия влия-

ния. Возможно, но и то не всегда, что такой человек не будет занимать высоких позиций в формальной властной иерархии — но исключительно потому, что он ограничен в правах. Помимо прочего надо иметь в виду, что указанные четыре критерия могут иметь континуальное значение (влияние и капитал) или задавать бинарные оппозиции (клан и власть). Следовательно, их композиция приобретает дополнительную сложность в фиксации множества вариантов, которыми определяется социальная позиция каждого конкретного человека в каждом конкретном локальном обществе. В итоге сложность констелляции четырёх сословных позиций и четырёх элементов «общинной» структуры создают социальную стратификацию, которая до известной степени оказывается уникальной для каждого локального общества.

1.4. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Гипотеза о том, что территориальная структура есть физическая основа социальной структуры, строится на хорошо известном положении о конгруэнтности социального пространства и физического пространства [Christaller, 1933 (1980); Altman, Chemers, 1980; Bourdieu, 1987; Бурдьё, 2007]. Перефразируя Пьера Бурдьё, социальное пространство стремится стать овеществлённым в физическом пространстве путём его присвоения и размечивания, прежде всего указанием на физические и символические границы — то есть реконструируя себя в пространстве физическом в качестве физического объекта [Bourdieu, 1989, p. 14–25]). Любые способы социальной дифференциации имеют репрезентацию в физическом пространстве, физически объективируются. Физическое пространство любого размера — от нескольких квадратных метров до миллионов квадратных километров — так или иначе повсюду преобразовано в социальное пространство. Это преобразование физического пространства осуществляется в основном с помощью трёх универсальных механизмов.

КОНЦЕПЦИЯ

Во-первых, социально-психологическим механизмом присвоения — делением на «наше» («моё») и «чужое». «Наше» фиксируется с помощью границ и оформляется как территория. Это может быть и индивидуальная территория «моей комнаты» или «моей усадьбы», а также территория «моего города» и «моей страны». Второй универсальный механизм есть выделение в пространстве центра и периферии [Shils, 1961] («...столица не может мыслиться иначе, как в отношении с провинцией...» [Бурдьё, 2007, с. 55]). Центр и периферия оформляются в бинарные оппозиции, которых несчётное множество: от дифференциации пространства дома («красный угол» — «кут» (закуток), женская и мужская половины) до пространства любого публичного здания (церкви — на алтарь и паперть, театра — на сцену и галёрку и т.п.), любого городского или сельского пространства на главную площадь, где располагаются важнейшие учреждения, и окраины (кремль и посад, «центр» и «шанхай»). В любом местном обществе выделяются административный центр («местечко») и сельская округа, в любом государстве — столица и окраины. Это механизм институциональной структурно-функциональной дифференциации пространства. Помимо этих двух общеизвестных механизмов существует также общеизвестный, но экстремальный политический механизм, на который специально указывал П. Бурдьё [Bourdieu, 1987, р. 150–160; Бурдьё, 2007, с. 50]: преобразование «социального пространства <...> в физическое с помощью удаления или депортации некоторых людей», а также и больших групп, включая целые города, этнические группы и целые народы. Такой механизм использовался регулярно всеми политиями в прежние времена, но теперь использование его есть удел военного времени и перекройки государственных границ, что мы и наблюдаем последние 30 лет в широких масштабах (Косово и Карабах, Южная Осетия и Абхазия, Сирия и Ирак, Филиппины и США и многие другие).

Механизмы преобразования физического пространства в социальное пространство есть механизмы превращения пространства в территорию. Тем самым такие механизмы ответственны и за создание территориальной структуры. Мне пред-

ставляется важным сделать акцент именно на том, что имеет место структурное соответствие между физическим пространством, преобразованным в территорию, и социальной дифференциацией, устанавливаемой на территории и поддерживаемой соответствующими институтами. Территориальная структура, таким образом, в самых разных масштабах имеет достаточное соответствие в социальной структуре, нередко однозначное. И классовая, и сословная (а кастовая особенно) дифференциация общества на локальном уровне имеют проявление в мельчайших признаках территориальной сегрегации. Укажу на общеизвестные вещи. Представители разных сословий, разных классов предпочитают или вынуждены селиться в определённых районах городов и сёл, которые в таком случае называются либо престижными, либо «гетто». Районы городов и отдельные жилые комплексы сегрегированы в физическом пространстве в соответствии со складывающейся новой сословной структурой. Аналогичная сегрегация имеет место и для публичных пространств, немалая часть сооружений и территорий оказываются либо «элитными закрытыми клубами», либо «клоаками, населёнными подлым людом» с криминальным поведением. Наиболее ярко территориальная сегрегация, репрезентирующая социальную дифференциацию, проявляется в особенной организации наших кладбищ (о чём ниже) и наличии множества заборов, препятствующих проникновению на огороженные участки, в «публичные» здания и жилые дома представителям других страт/сословий или профессиональных групп. Именно поэтому после окончания советского периода, когда доминировавшая до того идеология «гомогенного, бесклассового общества» оказалась «выброшенной на помойку истории», в наших городах — сначала столицах, а затем даже в малых городах и посёлках — повсеместно стали появляться ограды и заборы, шлагбаумы и автоматические замки, а количество охранников повсеместно возросло до нескольких миллионов человек. В стране началось формирование новой социальной структуры, и самым первым и наглядным признаком этого оказались изменения в организации территории и способах её контроля.

КОНЦЕПЦИЯ

Тот же самый феномен пространственной сегрегации, соответствующей (и идущей вслед за) социальной дифференциации, наблюдается и в отношении — как бы парадоксально это ни было — транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктуры. Качество её и даже наличие или отсутствие в некоторой (но достаточно отчётливой) степени связано с территориями повседневного обитания представителей разных социальных страт, в том числе дифференцированных по профессиональным признакам или месту жительства (особенно городскому или сельскому). Качество дорожного покрытия, разметка и обустройство уличных дорог и проездов оказываются существенно разными в разных районах, которые при ближайшем рассмотрении оказываются населёнными обитателями, принадлежащими к разным классам и сословиям. Даже энергетическая инфраструктура территориально разнится. Электрические сети разнятся в меньшей степени, а тепловые и газовые — в совершенно определённой (что легко зафиксировать путём прогулки по улицам региональных столиц, малых городов и мелких деревень). То же следует утверждать и в отношении коммунальной инфраструктуры. Водопроводные сети и канализация в разных селитебных зонах и строятся, и эксплуатируются по-разному. Ещё более яркую картину демонстрирует сфера услуг и социального воспроизводства. Университеты и училища, больницы и поликлиники, санатории и стадионы, даже кладбища, бани и публичные дома избирательно нацелены на обслуживание определённых классов и сословий, и эффективным механизмом для этого выступает даже не их избирательная закрытость, а стоимость услуг. В одних случаях они доступны только для верхнего по доходам класса, в других случаях низкий уровень стоимости запрещает обращаться сюда представителям среднего класса уже из соображений престижа («это же больница для бедных!»). Но все эти публичные — по первоначальному определению — места распределены совершенно определённым образом в пространстве и являются элементами территориальной структуры общества. Стоит обратить особое внимание на то, что такого рода «инфраструктурная сегрегация» характерна в большей мере для сословного, нежели для классового общества, хотя, конечно, имеет место и здесь.

Этих соображений достаточно, как мне представляется, для того чтобы феномен взаимного соответствия территориальной и социальной структур мог считаться тривиальным, а гипотеза территориальной структуры как физической базы социальной структуры быть очевидно приемлемой. Однако это необходимо было зафиксировать. Ко всему прочему, территория есть удобный классификационный признак, поскольку в данном случае существует ясная процедура проверки соответствия между феноменом, наблюдаемым исследователем, и самоидентификацией людей, проживающих на территории. Имеет место очевидное соответствие того и другого как для исследователя, так и для местных жителей, что и является необходимым требованием к любой «естественной» классификации [Кордонский, 2008а, с. 40]. Поэтому классификация территориальной структуры может являться предпосылкой и для классификации социальной структуры. Именно эту задачу я решаю ниже.

1.5. ТРЁХОСЕВАЯ БИНАРНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Вторая из двух указанных рабочих гипотез была предложена С. Г. Кордонским при нашей совместной работе по эмпирическому изучению местных обществ [Кордонский, 2008b; Кордонский и др., 2009]. Содержательно она заключается в следующем. Структура локального сообщества может быть зафиксирована не по одному, а по нескольким основаниям одновременно. Предполагается, что это позволяет дать описание, релевантное социальной реальности: созданный исследователем концепт будет полнее соответствовать тому, что есть на самом деле [Кордонский, 2008а, с. 37–40]. Структуру конкретного местного общества предполагалось описывать в системе трёх координат: каждая координата представляет ось бинарно-оппозиционных признаков. Три координаты суть:

КОНЦЕПЦИЯ

- 1) степень включённости человека в сообщество;
- 2) его социальный статус;
- 3) степень его экономической зависимости/независимости от государства.

Первая ось «включённости» представлена универсальной бинарной оппозицией «мы — они» или «свои — чужие». Каждый человек, находящийся на территории локального общества может быть отнесён либо к «своим», либо к «чужим». Но он также может находиться и между этими оппозициями, являясь не до конца «своим» или не совсем «чужим», то есть находиться на пути к одному или другому полюсу. Чаще это состояние перехода из статуса «чужого» в статус «своего». Гораздо реже обратная ситуация. Очевидно, что значительная часть людей, проживающих в поселениях на территории местного общества, относятся к «своим». Но в любом обществе всегда присутствуют и «чужие», в некоторых обществах много, в других единицы (однако и ныне имеет место крайне редкий случай полного отсутствия «чужих»). По соотношению численности «своих» и «чужих» локальные общества могут быть классифицированы как общества с разным уровнем миграции и объёмом диаспоры или диаспор. Современные сообщества все имеют в своём составе большую или меньшую долю мигрантов. Важно, что мигранты не есть исключительно «чужие», они располагаются на разных ступенях приближения к «своим» в каждом локальном обществе [Collier, 2013, p. 57–110].

Дифференциация «своих» и «чужих» может осуществляться по нескольким критериям. Наиболее ясными и очевидными критериями являются: а) селитебный статус обитателей поселения, зафиксированный, в частности, в регистрационных документах по месту жительства; б) постоянство и продолжительность местожительства; в) правовой статус жителя на основании статуса жилища (местные жители в собственных домах или квартирах и дачники в дачных домиках, временно проживающие на территории); г) исторические обстоятельства (значение фактора последовательности вселения разных групп обитателей на территорию и присвоения ими её ресурсов); д) этнический фактор (принадлежность к автохтонному этносу или родственной группе).

Дихотомия «свои — чужие» имеет значение для социальной сплочённости и самоорганизации, поскольку наличие чужих консолидирует местное общество. Они всегда нужны, но их должно быть мало. Чужие не должны претендовать на базовые ресурсы, за счёт которых живёт местное общество. Если они претендуют или вторгаются в систему распределения ресурсов, общество упруго сопротивляется. Но с возрастанием давления чужих (особенно в случае роста численности диаспоры и объёмов располагаемых ими ресурсов) сообщество начинает разрушаться изнутри. В то же время чужие способны инкорпорироваться, ассимилироваться и довольно быстро становиться своими. Поэтому по составу «своих» и «чужих» может быть выявлена и описана структура «свойства» для каждого эмпирического случая (такое описание см., напр.: [Плюснин, 2013]).

Ось «социального статуса» представлена столь же универсальной бинарной оппозицией «верхи — низы»¹¹. Ясно, что, в отличие от «своих — чужих», эта оппозиция континуальна: статусы распределяются на всей длине иерархической шкалы, а не только на полюсах. Однако надо иметь в виду, что на локальном уровне существует не примитивная линейная иерархия, подобная армейской структуре, но как минимум несколько параллельных иерархий, а наряду с ними и гетерархические (обычно сетевые) структуры. Причём именно последние имеют на локальном уровне нередко большее значение, чем иерархии. Последние обычно относятся к формальной сфере в системе государственных служений, поэтому привязаны к сословным статусам и к государственной «табели о рангах». А первые имеют место в сфере неформальных отношений, межличностных, соседских и родственных связей.

Множественность и неоднозначность отношений между «верхами» и «низами» обуславливает нелинейный характер оси статуса. Чаще всего несоответствия имеют место между формальным статусом члена общества, который задаётся должностной структурой в системе государственных (и муниципальных)

¹¹ В России до сих пор распространено определение статуса терминами «белая кость» и «чёрная кость», оставшимися в наследство с монгольских времён.

КОНЦЕПЦИЯ

служений, и неформальным статусом, который определяется не официальной должностью, а другими факторами. Это же обуславливает трудности операционального определения статусов членов локальных сообществ. Один и тот же индивид может располагаться в самых «низах» формальной должностной иерархии (например, быть кочегаром или уборщицей), но в системе неформальных отношений будет иметь очень большое влияние и поэтому обладать самым высоким статусом (например, быть уважаемым и влиятельным «аксакалом» или «решателем вопросов»¹²). И наоборот, когда формально высокий статус не даёт человеку никакого влияния в местном обществе. При этом редко один статус конвертируется в другой. Но отдельные случаи известны¹³. Притом чаще всего в провинциальном обществе формально высокий статус конвертируется в низкий неформальный статус (между прочим, в аномичном урбанизированном обществе такое трудно представить).

Ось «степени экономической зависимости от государства» выглядит странной и чужеродной конструкцией на фоне двух первых. Но в российских условиях это есть очень важное различие, поскольку значительная часть экономической активности людей осуществляется в неформальной, теневой и криминальной сферах. Более того, в провинции значительная часть трудоспособного населения, до 1/2 и более, находится вне местной экономики, будучи в статусе самозанятых. Именно этот статус самозанятости мы рассматриваем в качестве критерия выделения оппозиции «зависимые — независимые». Поскольку речь идёт о жизнеобеспечении людей, о характере их экономической активно-

¹² На провинциальном локальном уровне криминальная субкультура отнюдь не противостоит сообществу, но мирно соседствует и вырастает в него. Криминальная она только по отношению к государству.

¹³ Приведу один из недавних примеров подобного перехода, шокировавшего федеральные российские массмедиа, но ничуть не воспринятого самими местными жителями в качестве чего-то экстраординарного: осенью 2020 года в одном из районов Костромской области состоялись муниципальные выборы, по итогам которых статус главы муниципалитета (официально это высшая позиция в местном сообществе) получила уборщица, формально в той же системе рангов занимающая низшую позицию.

сти, мы используем термины «самодеятельное/рентное население». К самодеятельному, или активному, населению отнесены те, кто обеспечивает своё существование посредством проявления собственной инициативы, становясь предпринимателями или самозанятыми работниками, поскольку «...их доходы формируются ими самими» [Кордонский и др., 2012, с. 81]. К рентному, или пассивному, населению отнесены те, кто в деле жизнеобеспечения в значительной мере зависят от государства: это так называемые «бюджетники» — служащие, получающие государственное жалование, а также люди, живущие на пенсию и разного рода пособия (неработающие пенсионеры и разные категории людей, нуждающихся в социальной поддержке). Государственные гарантии доходов этой группы есть критерий отнесения их к категории «рентное население» [Кордонский и др., 2012, с. 81].

Такая дифференциация позволяет, на первый взгляд, легко разделить всех членов локального общества на самодеятельных и «рентных», но в реальности имеется много переходных состояний и нередко один человек должен быть отнесён как к той, так и к другой категории. При широкой распространённости в нашей провинции вторичной занятости один и тот же человек может являться и «бюджетником» и быть самозанятым «гаражником» или даже «отходником». Это в ещё большей мере относится к домохозяйствам, в которых одни члены являются представителями самодеятельной категории, а другие — рентной. Тем не менее такое деление позволяет классифицировать крупные группы людей, разводя их с достаточно большой определённой по двум полярным типам. Критериями для дифференциации являются: а) характер зависимости в экономической деятельности — самозанятость или служение; б) способ формирования дохода — самообеспечение или государственные гарантии обеспечения; в) вид получаемого дохода (доход от предпринимательской деятельности, гонорар и зарплата или жалование, паёк, пособие, пенсия, льгота). Используя эти дифференцирующие критерии, мы имеем дело с «пушистым» множеством, более размытым, чем те, что определяются осями «свои — чужие» и «верхи — низы».

Три бинарные оси задают множество (объёмную матрицу) из восьми возможных типов, каждый из которых достаточно

КОНЦЕПЦИЯ

полно определяет позицию человека в сообществе в зависимости от принадлежности к «своим» или к «чужим», нахождения вверху или внизу социальной лестницы, основного отношения с государством, материально зависимого или независимого. Это есть следующие типы, определяемые перебором одной из восьми композиций:

- 1) свои – верхи – активные,
- 2) свои – верхи – рентные,
- 3) свои – низы – активные,
- 4) свои – низы – рентные,
- 5) чужие – верхи – активные,
- 6) чужие – верхи – рентные,
- 7) чужие – низы – активные,
- 8) чужие – низы – рентные.

Ясно, что отдельный человек или отдельное домохозяйство находится в одной ячейке этой матрицы, но может также находиться сразу в двух или трёх ячейках. Но важнее представляется зафиксировать эти основные типы отношений, которые и могут являться параметрами социальной структуры.

Рассмотрим кратко, какие категории населения в местном обществе могут быть отнесены к каждому из типов. В случае (1) это могут быть местные предприниматели с высоким статусом в сообществе, как формальным, так и неформальным. К этой же группе могут относиться, например, высокопрофессиональные отходники, пользующиеся уважением соседей. В случае (2) это могут быть муниципальные руководители и государственные чиновники или служащие-«бюджетники» высокой квалификации, формально обладающие высоким статусом, прожившие всю свою жизнь в сообществе и всеми признаваемые за «своих». В случае (3) это могут быть простые работяги-отходники или неформально занятые местные безработные. В случае (4) это могут быть служащие-бюджетники невысокой или низкой квалификации из местных жителей. Конечно, сюда относятся и большинство местных пенсионеров, и все те, кто представляет «социальное дно», нуждающиеся в государственной поддержке и помощи, социально необеспеченные категории населения, которых иногда называют «бедными». В случае (5) это могут

быть приезжие крупные предприниматели, которые ведут дело на территории, но не признаются за «своих» остальными жителями. В случае (6) это могут быть чиновники и служащие высокого формального ранга, также специалисты высокой квалификации (врачи, учителя, работники культуры и т.п.), прибывшие в сообщество временно на службу. В случае (7) это могут быть такие категории, как бывшие заключённые, представители чуждых конфессий, случайные и временные люди, даже туристы как категория «вечно текучих чужих». В случае (8) это могут быть, например, горожане-дачники пенсионного возраста, поселившиеся здесь постоянно или прибывающие только на лето. В каждом конкретном сообществе категории людей, относимые к одному из восьми типов, будут разными, но типы сами сохраняются. Эмпирические материалы показывают, что при очень большом разнообразии российских местных обществ они довольно близки по представленности разных категорий в каждом из восьми типов. Мало обществ, где имеют место какие-то уникальные категории¹⁴. Совсем редки сообщества, где одна или две ячейки из восьми типов являются «пустыми», незаполненными. Если это имеет место, то преимущественно в пространственно изолированных обществах. Основные различия наблюдаются не в составе указанных восьми типов, а в соотношении долей разных категорий населения, отнесённых к каждому типу.

1.6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СВОЕОБРАЗИЕ МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ

Провинциальное общество рассматривается мной не само по себе, но только лишь как совокупность — отнюдь не целостность — множества локальных сообществ, разделённых с сосе-

¹⁴ Например, миссионеры нетрадиционных религиозных течений или сект, группы бывших заключённых, монахи или группы людей языческо-экологической ориентации — даже они распространены повсеместно и обнаруживаются в каждом втором-третьем местном обществе.

дями территориальными границами, историческими и административными. Местные общества имеют не только двойственную пространственную организацию, но тройственную собственную социальную структуру. В первом случае (пространственная организация сообщества) социально-территориальный компонент сочетается с пространственно-организационным: территориально отграниченные общины, из которых составлено местное общество, всегда есть двухуровневые, они состоят из нескольких (или десятков) «кустов», связанных воедино административным центром, городком. Нижний уровень составляют общины, объединённые в «кусты», в которых также выделяется свой центр, несущий, наряду с другими, нередко и некоторые административные функции. Однако он рассматривается лишь как центр низшего промежуточного уровня (в административном смысле это уровень волости/сельсовета) и выступает в качестве общинного центра. Верхний уровень образует административный центр нескольких общин вместе с совокупностью «кустов», сельской округой.

Во втором случае (хозяйственно-экономическая структура) жизнедеятельность всех без исключения провинциальных домохозяйств зиждется не на формальном доходе (заработной плате, жаловании, пенсии, пособиях и прочих видах денежного обеспечения со стороны государства и частных предприятий), а на доходах, получаемых в неформальном сегменте экономики — с помощью *промыслов*. Совокупность промысловых практик домохозяйств имеет особую конфигурацию в каждом поселении, в каждой общине и в каждом местном обществе. Структура промыслов определяется различиями в источниках ресурсов, продолжительностью отдельных видов практик, технологическими и производственными особенностями промыслов. Тем не менее своеобразие локальной хозяйственно-экономической промысловой структуры в значительной степени определяется типом, к которому относится местное общество, притом что имеет место очевидная зависимость её и от природно-экологических и климатогеографических факторов. В целом же хозяйственно-экономическая структура имеет подчинённое значение по отношению к собственно социальной структуре.

При этом территориальная структура, имеющая также второстепенное значение по отношению к вышеуказанной, зависит и от промысловой структуры, поскольку основные элементы территории формируются сообразно доминирующим в сообществе промысловым практикам.

В третьем случае (социальная структура) отношения между людьми, общинные по преимуществу, в сочетании с государственно определяемой сословной структурой обеспечивают местным провинциальным обществам значительное отличие от популяций больших городов и даже городов средних. Их социальная структура, в отличие от таковой структуры больших городов, сохраняет признаки архаические — и тем самым инвариантные. Схожесть множества локальных сообществ по социальной структуре дополняется существенно большим разнообразием территориальной и промысловой структур. Социальная структура как бы *расцветчивается* связанной с ней, но более разнообразной территориальной структурой, а в ещё большей степени — хозяйственно-экономической, промысловой по преимуществу, структурой. Можно думать, что именно это локальное структурное разнообразие есть причина того, что для обитателей провинциальных обществ их «родная земля», «малая родина» имеют несравненно большее значение, чем для городского жителя.

Если исходить только из этих соображений, то нет оснований сопоставлять социальную структуру провинциальных обществ со структурой общества больших городов. Они существенно разные. Они не аддитивны и не изоморфны. «Мир города» несопоставим с «миром провинции». Именно исходя из установки противопоставления характера социальных связей в провинции и большом городе, я и рассматриваю социальную структуру провинциального общества столь «однобоко». Но в этой «однобокости» — в архаичности структуры отношений, привязанности к территории и самоценности обитания, самодостаточности хозяйствования, самостийности бытования и в естественности (спонтанной) самоорганизации — заключается сила и жизнестойкость наших локальных обществ, каждого по отдельности и всех вместе. В этом заключается своеобразие провинциального мира.

ГЛАВА 2

МЕТОДОЛОГИЯ

Базой изучения провинциального общества является методология качественного исследования. Каждое местное общество, взятое в целом, наблюдается как *case study*. Два метода применены тотально: непосредственное наблюдение *in situ* и интервью, всегда представленное разными формами, непременно включающими и глубинное интервью. Количественные методы применяются как вспомогательные, наряду и вместе с качественными.

Исходно наблюдениями были охвачены около 500 местных обществ, что примерно составляет $\frac{1}{3}$ всех провинциальных сообществ, зафиксированных как административно-территориальные образования. Эмпирической базой явились натурные наблюдения в 285 местных обществах, рассеянных на территории 54 из 81 провинциальных регионов России. Из общего количества выбрана половина — 142 общества, в которых уделено более пристальное внимание социальной и территориальной структуре обществ, повседневной жизни людей, способам их жизнеобеспечения, экономическому поведению домохозяйств и социальной самоорганизации. Они же составили эмпирическую основу для типологии локальных сообществ. Это был мой основной список. Оставшаяся группа из 143 сообществ явилась дополнительным списком, который использовался для подтверждения выводов, полученных на материалах основного списка.

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект нашего исследования — местное общество — имеет неясные очертания и неопределённые границы. Мы редко можем обозреть его как целостный, отдельный и чётко отграниченный от соседей объект. Местное общество всегда, в большей или меньшей степени, «растворено» в обществе большом и всегда оно «теряется» на фоне больших городов. Чтобы «выпарить»

МЕТОДОЛОГИЯ

и «кристаллизировать» его социальную структуру, необходимы идеализации. Одновременно это требует и конкретности описания каждого локального общества. Но чтобы осуществить конкретное описание провинциального общества во множестве его форм и состояний, которое, с одной стороны, базировалось бы на введённых теоретических ограничениях, а с другой — являлось эмпирически достоверным, необходим нередукционистский исследовательский подход. Такой подход даёт, по моему разумению, методология качественного исследования, включающая, в частности, методологию «наивного наблюдения» [Schütz, 1932; Шютц, 2003] и структуралистский анализ.

Я не вношу ничего оригинального в применяемый подход качественного анализа социального феномена. Методология подхода применяется мною во вполне сложившемся и давно уже традиционном социологическом духе (см., например: [Garfinkle, 1984; King et al., 1994; Weisberg et al., 1996; Becker, 1998; Ковалёв, Штейнберг, 1999; Шанин, 1999; George and Barnett, 2005]). В этой традиции осуществляется подавляющее большинство исследований группы учёных, в которую я вхожу, и качественная методология неизменно прописывается в наших работах (см.: [Плюснин, 2000; Кордонский и др., 2009; Кордонский и др., 2010, Кордонский и др., 2011]).

Между тем важно специально отметить, что неперменным взаимодополнением к феноменологическому анализу является структурно-функциональный анализ. Это две стороны «одной медали» качественной методологии. Целостность впечатления о местном обществе предполагает одновременно и частное эмпирическое описание конкретного случая (*case study*), и формализованное описание как случая типичного, укладывающегося в структурные схемы (см.: [Abbot, 1992, p. 53–82]). Для этого нужно его типологизировать и классифицировать — выявить и описать структурные элементы, определить их назначение для повседневной жизни людей. В таком подходе я придерживаюсь традиции структурализма, заложенной Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким, продолженной и развитой К. Леви-Строссом (R. Jakobson, N. S. Trubetskoj, K. Levi-Strauss). Сочетание феноменологии и структуралистского подхода — как бы ни

казалось это лишённым логики научного единообразия — позволяет выстроить и разложить многообразие вариаций локальной общественной жизни в структурные схемы, столь необходимые для *ограниченного понимания сложности*. При этом необходимость применения качественных методов исследования заставляет представить серию case studies, чтобы получить тот обобщённый результат, который, подобно картине, может быть «схвачен» одним взглядом. Используя такую методологию, я ставлю задачу описания каждого отдельного местного общества в системе отношений родства, соседства и взаимности, в структуре пространственных и социальных связей, тем самым представляя это общество как объект типический, т.е. классифицируя его во введённых мною же идеализациях.

Приверженность качественному подходу и структурным схемам определённо ограничивает применение методологии количественного анализа. Часто «учёт» и статистика социального объекта невозможны или просто искажают реальность. Поэтому социальный анализ, базирующийся на количественных данных (особенно на официальной статистике, которая уже 30 лет как не «опускается» на муниципальный уровень), привлекается лишь потому, что я считаю это необходимым, прежде всего для сравнения отдельных местных обществ или их типов по таким показателям, как, например, численность и плотность населения, размеры контролируемой территории, структура занятости и размещения производства и тому подобные показатели, социальная значимость которых вторична.

Безусловно, что основными методами при сборе полевых материалов являются непосредственное наблюдение на местности и продолжительные диалоги с её насельниками. Они являются составляющими метода case study. Но — и это важно! — его первым компонентом является метод интеллектуального впечатления, blink, исчерпывающе описанный Малкольмом Гладуэллом [Gladwell, 2005]). Действительно, именно «тонкий срез первого впечатления» является первым и обязательным условием всякого последующего содержательного описания социального феномена, и описания также формализованного. Такое «впечатление» сродни поверхностному взгляду журналиста,

МЕТОДОЛОГИЯ

остановившегося на часок на рыночной площади провинциального городка. Но именно оно бывает и более верным, нежели сотня анкет интервью, собранная в том же городке и объявленная «репрезентативным срезом мнений горожан».

Таким образом, изучая провинциальное местное общество, я использую преимущественно методологию качественного исследования, а в рамках её применяю методы трёх уровней. На первом уровне, вовсе не формализуемом и даже не нуждающемся в применении какой-либо научной терминологии, применяется метод интуитивного интеллектуального впечатления, в некотором смысле инсайт.

На втором уровне это есть базовые методы любого качественного исследования: непосредственное наблюдение провинциальной городской жизни и свободное интервью, дополняемое также глубинными интервью и групповыми беседами. По большому счёту совокупность разнородных интервью образует то, что Д. М. Рогозин с соавторами назвали «этнографическим интервью» [Рогозин и др., 2020]. Их специфику в применении к локальному сообществу я описываю ниже. Эти методы и образуют каркас следующего методического уровня — case study.

На третьем уровне применяемый метод есть case study, монографическое исследование локального сообщества как целого. Здесь я в целом придерживаюсь принципов драматургического подхода в полевом качественном исследовании В. И. Ильина [Ильин, 2006, с. 48–55], где местное общество есть театр, провинциальный город есть сцена, а жители — актёры, играющие спектакль обыденного существования (обыватели) при единственном зрителе, исследователе, который временами вскакивает со своего места и задаёт вопросы актёрам, а бывает, что и на сцену забегают (в этом и заключается *включённость* наблюдения). Впрочем, надо отметить, указанный подход является развитием идеологии и дизайна классического case study в сложившемся многообразии форм (ср., напр.: [Glazer, Strauss, 1967; Goffman, 1986, 2000; Denzin, Lincoln, 1998; Patton, 2002; George and Bennet, 2005; Ильин, 2006; Creswell, 2009; Yin, 2014]).

2.2. НАБЛЮДЕНИЕ И ИНТЕРВЬЮ

В рамках методологии качественного исследования основными методами получения результатов являются непосредственное наблюдение жизнедеятельности местных обществ и неформализованные фокусированные интервью с местными жителями по вопросам приватной и общественной жизни. В качестве дополнительных методов использовались сравнительно-исторический метод для описания истории конкретного местного общества в сравнительном ключе, а также сбор и анализ местных информационных материалов, недоступных иначе, как непосредственно на месте: частных и редких краеведческих источников, частных документов, учётно-отчётных документов, публикаций местных средств массовой информации. Всё вместе позволяло реализовать методологию *case study* применительно к провинциальным локальным сообществам. Таким способом я и мои сотрудники выявляли и описывали основные компоненты жизнедеятельности отдельных людей и домохозяйств и особенности организации жизни всего местного общества. Довольно подробно исследовалось экономическое поведение домохозяйств, особенно неформальные экономические практики (которые мы называем промыслами). Выявлялись непосредственные, соседские и родственные, связи между людьми. Выявлялись и описывались взаимодействия, лежащие в основе реципрокных отношений (взаимных партнёрских и дружеских связей), а также система локальных связей, определяющая локальные социальные статусы.

Специфической особенностью эмпирических исследований, базирующихся на непосредственном наблюдении, являлось то, что в каждом обследуемом сообществе мы имели возможность выявить и описать все распространённые и большинство редких экономических практик населения как в формальном поле, так и множество неформальных промысловых активностей. Считаю это важным моментом, поскольку непосредственное жизнеобеспечение людей является базой развития других видов отношений, а также условием лучшего понимания реципрокных связей. Вслед за этим и одновременно удавалось

фиксировать отношения, присущие общинному типу социальной организации, помимо обменных, формализованных отношений между людьми. Непосредственные наблюдения позволяли «вытащить» и скрытую территориальную структуру общества. Архивные поиски и работа в местных музеях и библиотеках давала возможность получить опубликованные и неопубликованные материалы, описывающие современную и древнюю историю локального общества. Это позволяло осуществить локальный сравнительно-исторический анализ. А на основе сопоставления социальных историй нескольких обществ появилась возможность определить некоторые их важные типические особенности.

2.2.1. НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Наблюдение является основным методом в любом качественном исследовании, на который затем «нанизываются» все остальные методики (см., напр.: [Ильин, 2006; Abbott, 2004]). Мы всегда уделяли ему соответствующее внимание [Кордонский и др., 2011]. Наблюдения носят как стохастический, так и систематический (обоснованный наперед заданной схемой наблюдений) характер. Мы применяли и ту и другую форму. Схема непосредственного наблюдения, какое использовали я и мои коллеги, методически достаточно проста, хотя и требует специальной технической подготовки. Всё наблюдение разбивалось на несколько этапов и видов.

Первый этап представлял собой экскурсию, целиком неформальную. При первом посещении местного общества наблюдение начиналось с его административного центра, малого города. Исследователь первым делом обращался в местные администрации муниципального района и городского поселения (или городского округа) и сообщал о целях своего приезда. Местные руководители всегда и без исключения доброжелательно относились к исследованию и по мере возможностей помогали. Одновременно этот первый формальный контакт

нередко перерастал в интервью с руководителем администрации. Во время экскурсии необходимо было осуществить спонтанный осмотр всего города и определить важнейшие точки для последующего более детального наблюдения и интервью. Выявлялись, осматривались и регистрировались максимально полно все такие точки, по возможности устанавливались знакомства с их руководителями и сотрудниками, договаривались о будущих интервью.

Исходно самыми важными «точками» в административном центре являются (в порядке перечисления по их информационной значимости на основе собственного опыта):

- 1) местный рынок (ежедневный и еженедельный),
- 2) библиотека,
- 3) музей,
- 4) церковь,
- 5) дом культуры (клуб),
- 6) редакция местной газеты или телеканала,
- 7) небольшие продуктовые магазины,
- 8) частные малые производственные предприятия,
- 9) муниципальная администрация,
- 10) различные государственные учреждения (служба занятости, отдел статистики, архив, поликлиника, больница, почта, банк, пенсионный фонд, центр социального обеспечения, дома призрения, отдел полиции, военизированные подразделения и т.д.),
- 11) школы и детские сады,
- 12) монастыри,
- 13) бары и пивнушки, рестораны и кафе,
- 14) общественные организации,
- 15) представительства политических партий,
- 16) средние и крупные предприятия,
- 17) торговые центры,
- 18) спортивные учреждения (физкультурно-оздоровительные комплексы, стадионы, бассейны, футбольные поля и хоккейные площадки и т.п.),
- 19) городские парки с аттракционами,
- 20) развлекательные и увеселительные заведения.

МЕТОДОЛОГИЯ

На втором этапе наблюдений осуществлялся целенаправленный обход выявленных объектов. Проводился осмотр объектов, наблюдалась деятельность персонала, выявлялись скрытые особенности их функционирования, брались интервью с руководителями и сотрудниками. Заранее запланированные интервью чаще всего регистрировали на аудионосители. Но нередко респонденты запрещали запись, поскольку передавали важную, с их точки зрения, информацию. Такие интервью, а также спонтанно возникавшие беседы регистрировали непосредственно после их проведения. Всегда стояла задача максимально полного обхода учреждений и предприятий города. Далеко не всегда она могла быть реализована. Нередко в государственных учреждениях, а также на предприятиях среднего и крупного бизнеса исследователям отказывали в информации.

На третьем этапе наблюдения проводились в деревнях сельской округи. Исследователи старались посетить наиболее важные поселения округи, проводили осмотр населённых пунктов и обследовали окружающий ландшафт, особенно сельскохозяйственные угодья. По ходу осмотра проводились случайные беседы на улицах и на усадьбах сельских обитателей. Продолжительные интервью осуществлялись в нескольких видах учреждений. В сельской округе наиболее важными объектами наблюдений являются (по значимости):

- 1) сельская библиотека,
- 2) сельский клуб,
- 3) церковь/религиозная организация (монастырь, мечеть, дацан, синагога),
- 4) фельдшерско-амбулаторный пункт или больница,
- 5) администрация сельского поселения,
- 6) крестьянские фермерские хозяйства,
- 7) малые предприятия, гаражи,
- 8) продуктовые магазины.

В поселениях сельской округи почти не бывает каких-либо государственных учреждений, предприятий мало, а магазинов обычно не больше одного-двух на село. Самым важным центром консолидации местной общественной жизни повсюду является библиотека и нередко совмещённый с нею сельский клуб. Обще-

ственную активность здесь поддерживает человек, обычно женщина пенсионного возраста, которая является точкой сосредоточения внимания жителей, более важной, чем сельская администрация. Столь же важным источником информации являются сельские религиозные учреждения, чаще всего православные храмы и их приходы во главе с сельским священником. Остальные указанные объекты имеют значение только в зависимости от результативности взаимодействия с респондентами, в целом же их информационная ценность повсеместно одинаково невелика.

Последним, четвёртым этапом наблюдений является заключительный обобщённый взгляд на административный центр общества: исследователь уточняет свои первые и последующие впечатления, ещё раз осматривая город и его важнейшие объекты. Обычно такой заключительный осмотр проводится в поздние, вечерние часы. Полученные уже знания о городе и сельской округе позволяют исследователю отмечать мелочи, ускользнувшие ранее от внимания. Кроме того, вооружённый разнообразной информацией о местном обществе исследователь легче заводит непринуждённые уличные беседы с обывателями, во время которых получается нередко очень важная информация.

В разных экспедициях мы проводили наблюдения разного вида. Во многих случаях наблюдения носили фокусированный характер, с акцентом на определённый вид деятельности обитателей. Чаще всего это была экономическая активность отдельных людей, отдельных домохозяйств, малых и средних предприятий. В других случаях акцент делался на муниципальные вопросы или на общественную активность населения. Часть наблюдений относились к механизмам самоорганизации и самоуправления. Но во всех случаях осуществлялось знакомство с местным обществом в виде наблюдения первого, безоценочного впечатления. Благодаря такой схеме исследователи, особенно молодые, могли избавиться от предвзятого впечатления от города и округа, привнесённого стереотипного взгляда столичного жителя на провинцию.

Во время наблюдений ведётся дневник. Дневник наблюдений оформляется в свободном стиле, хотя иногда ему придавалась форма классической этнологической регистрации [Eibl-

МЕТОДОЛОГИЯ

Eibesfeldt, 1989, p. 107–112] или техники записей в полевых этнологических практиках (напр.: [Sunstein, Chiseri-Strater, 2002, p. 217–292]). Дневник имеет вид неформализованного безоценочного описания увиденного и услышанного. Отказ от каких-либо оценок в процессе наблюдений есть важнейший принцип, который мы исповедуем [Кордонский и др., 2010, Kordonsky, Plusnin, 2015]. Это позволяет избегать поспешных обобщений и нередко неверных выводов, получаемых вследствие исходно предвзятого и заранее привнесённого представления, сложившегося на основе предыдущих наблюдений или бытового жизненного опыта. Такой безоценочный подход позволил нам избежать очень многих социальных мифов о русском провинциальном обществе, распространённых в среде журналистов и кабинетных учёных (см. об этих мифах [Кордонский и др., 2011]). Аналитические суждения о местном обществе исследователь формулирует в самый последний момент, уже после посещения конкретного места, фиксируя это не в дневнике наблюдений, а в аналитическом отчёте.

2.2.2. ИНТЕРВЬЮ

Наравне и одновременно с наблюдением проводится интервью в многообразии его форм: от случайной ситуативной беседы на улице или фокусированного «допроса» до глубинного часового интервью или трёх-четырёхчасового нарратива о личной жизни респондента. Но во всех случаях длительность зависит от качества ожидаемой информации. Хотя необходимо отметить, что исследователь никогда не прерывает интервью по такому прагматическому поводу, оно либо завершается естественным образом, либо, много реже, прерывается самим респондентом. Нередко случайный разговор с преобладанием невербальных компонентов в речи приносит гораздо больше содержательной информации, нежели длительное фокусированное интервью. В качестве примера сошлюсь на уже опубликованный сюжет [Плюснин, 2018б, с. 144]: «...из случайного разговора с муж-

чиной, продающим грибы на дороге в селе Лазарево (Приамурье, Еврейская автономная область): И.: – *Охота тут у вас хорошая, наверное! Вон, лес на сопках какой.* Р.: – *Кабанов много. – Охотитесь на них? – Да. Но скоро и тигры с [реки] Уссури придут за кабанами на откорм. – А уйдут [тигры обратно]? – Ну да!»* Это хмыканье с кратким восклицанием «Ну да!» одно только стоит нескольких часов «допросов» местных жителей о запрещённых видах промыслов – и всё равно они не признаются в этом.

Приведённый пример очень краткого, но и очень информативного интервью – спонтанной беседы – важен ещё в одном отношении. Как показывает моя многолетняя практика, наиболее информативными, несущими неожиданную, часто совершенно новую информацию, оказываются не заранее запланированные интервью, как бы ни были они продолжительны, а внезапные встречи и случайные, незапланированные беседы, дающие гораздо больше для понимания скрытой от наблюдателя сути локальной социальной жизни.

Фокусированные интервью, в отличие от длительных бесед «ни о чём» или нарратива про «несчастную жизнь», экономны: они позволяют получить ожидаемую информацию за более короткий срок и от большего числа людей. Но они же и определяют «узость» впечатления о местной жизни, особенно если мы собираемся получить целостное описание её. Таковы были наши интервью о проблемах публичного управления: взаимодействиях муниципальных властей с региональными государственными чиновниками, взаимодействиях НГО (негосударственных общественных организаций) с местной властью и общественностью. Таковы же и интервью, фокусированные на проблемах трудовой миграции (отходничества) или домашних экономических практиках (промыслах). Добытая с их помощью информация полна, но ограниченно полна, она односторонняя. Беседы и спонтанные интервью дают более яркую, красочную и разнообразную картину местной жизни. Но они хаотичны, нередко бессвязны и требуют значительной аналитической работы по расшифровке и пониманию ситуации. Кроме того, такие ситуативные беседы предполагают, что исследователь уже погружён в местную жизнь и немало знает о ней. *Sapienti sat.*

Без этого предварительного знания такая беседа может быть «пропущена мимо ушей», не схвачено смысловое содержание не только *хмыканий*, но и содержательных высказываний.

Все интервью, как свободные, так и фокусированные, были структурированными. Структура просматривалась по двум направлениям: по концептуально заданным структурным компонентам и по тематическим аспектам. В первом случае этими концептуальными компонентами были три «бинарные оппозиции» (см. гл. 1). Во время всякого интервью необходимо было «разложить» (дифференцировать) представителей местного общества на (1) «своих – чужих», (2) экономически активное и рентное население, (3) «белую кость – чёрную кость». В каждом кейсе мы старались выявить и описать локальную уникальность указанных оппозиционных пар. Кто «свои» и кто конкретно «чужие» в местном обществе, каков их состав? Какими профессиональными группами и в каком соотношении представлены экономически активные обыватели и кем представлены «бюджетники»? Какова структура промыслов и формальной местной экономики? Как содержательно выглядит иерархическая структура, кто образует её «верхи» и кто – «низы»? Одновременно с этими вопросами мы старались выявить и описать локальную территориальную структуру – представления людей о контролируемой территории, необходимой им для жизнеобеспечения. В случае второго, тематического направления структура интервью была представлена шестью темами с обязательными для обсуждения вопросами по каждой теме. Конечно, не с каждым респондентом все темы обсуждались. Но и никакого вопросника респондентам не предъявлялось. Шесть тем есть следующие аспекты организации местной жизни: исторический, экономический, психологический, социальный, политический и муниципальный.

Исторический аспект предполагал выявление локального знания об истории данной местности, истории её заселения в разные периоды, составе этнических и родственных групп, распределении их по территории. Это весьма важно для понимания нынешних отношений между группами, особенно в части ведения экономической деятельности и контроля природных

ресурсов, а также разного влияния этносоциальных групп в обществе. Определялась степень сохранности этих знаний. Исторический аспект всегда дополнялся материалами, получаемыми в местных библиотеках, музеях, нередко от местных краеведов, которые, к счастью, есть в каждом обществе. Необходимость знания локальной социальной истории позволяла лучше описать ныне существующую социальную структуру и его территориальную структуру.

Экономический аспект интервью важен с совершенной очевидностью, поскольку является базой для формирования представления обо всей системе жизнеобеспечения как отдельных домохозяйств, так и всего сообщества в целом. Помимо прочего, нередко «*вопрос о погоде*»: «*Ну, как Вы живёте?*» (аналогичного вида «затравочный», вступительный вопрос для начала разговора) — вызывал подробный рассказ именно об экономических нуждах и проблемах и тем самым являлся затравкой к продолжительному интервью, которое и начиналось, и кончалось вопросами экономическими.

Психологический аспект интервью предполагал выяснение отношения респондента к образу жизни своей семьи и собственному, оценке трудностей и преимуществ, перспектив и безысходности. Во многом это есть компонент локального менталитета. Он очень важен для успеха любого интервью по той простой причине, что особенностью нашей национальной психологии является потребность и желание *жаловаться* на свою жизнь, независимо от того, тяжка ли она или беззаботна. Я неоднократно писал об этом как социолог, но гораздо ранее это же примечали многие литераторы, и первыми среди них были А. И. Герцен и Ф. М. Достоевский. Даже иностранные литераторы отмечали такую особенность нашего национального характера (например: [Gautier, 1988, p. 349–396]). Причины этого частично вскрыла О. Э. Бессонова, описывая тысячелетнюю экономическую историю русских жалоб и челобитных [Бессонова, 2006, с. 2–19]. Именно благодаря жалобам на «тяжкую жизнь и невзгоды», как важного компонента нашего менталитета, мы можем немало раскрыть и понять об организации всей нашей общественной жизни. (Из интервью в селениях Север-

ной Осетии в апреле 2019: *«Плохо живём. Зарплата всего 5 тысяч рублей. – Да? А вот у Вас во дворе стоит грузовик, два трактора, автомобиль... и двухэтажный кирпичный дом, <...> и ворота за семь миллионов... – Ну это так... Но бедно живём».*) Конечно, в значительной мере этот аспект выявлялся не с помощью ответов на прямые вопросы, а перекрывался наблюдениями интервьюера.

Социальный аспект наиболее важен для выявления и описания локальной социальной структуры; он предполагает акцент на вопросах локальной иерархии, направлен на вскрытие соседских и родственных связей, на выявление взаимных отношений между социально-профессиональными, этническими группами, кланами. Важно выяснить и взаимодействия статусных групп с внешней средой: в каких отношениях находятся те или иные люди и кланы с влиятельными людьми, группами в соседних обществах. Имеет значение и характер неэкономических взаимодействий между семьями простых людей.

Политический аспект интервью актуален в плане взаимодействия разных категорий населения с властью, муниципальной и государственной региональной. Насколько подвержены административным воздействиям со стороны власти отдельные социально профессиональные группы, например, такие полярные, как служащие-бюджетники и трудовые мигранты-отходники? Первые целиком и полностью зависят от произвола своего начальника-чиновника, и их деятельность безусловно регламентирована. А вторые, напротив, находятся вне местной экономики, нередко сами устанавливают свой рабочий режим. Существенны также отношения с властью разных этнических групп, некоторые из них приближены к власти, занимают важные и лучшие должности в государственных и местных органах, имеют большой доступ к ресурсам, больше или меньше криминализованы. Эти «расклады» определяют их «вес» в обществе и их политический статус во внешней социальной среде. Наконец, важное значение может иметь социально-политическая активность отдельных групп, которые могут солидаризироваться по этническим, профессиональным, партийным или идеологическим признакам и оказывать влияние на местную социальную жизнь.

Муниципальный, или локальный, управленческий аспект заключается в акцентировании внимания на проблемы самоуправления как важнейшего элемента социальной самоорганизации. Есть общества, где общественная жизнь «едва теплится», семьи разобщены, поселения выморочны, административный центр в полном упадке. Люди апатичны, утратили волю к жизни, не готовы ни к какому социальному усилию. Это есть всё признаки нарушенных механизмов самоорганизации. В таких поселениях и в таких обществах не найти самоуправления. Общество или отдельные поселения разрушаются, всё *«зафастает травой и лесом»*. Я наблюдал немало таких поселений и таких обществ; многие из них есть общества, созданные принудительно государственным усилием и без поддержки государства неспособны к автономному существованию. Напротив, имеют место и многочисленные противоположные примеры: автономные, самостоятельные, процветающие местные сообщества, со всеми признаками самоуправления. В большинстве своём это мало или вовсе не зависящие от государства сообщества, нередко они пространственно изолированы. Противопоставление обществ, различных по их потенциалу самоорганизации и самоуправления, оказывается одной из наиболее важных характеристик.

Продолжительность интервью составляла как четверть часа (в случае накладок, возникавших по внешним или внутренним причинам: возникшие вновь обстоятельства, отвлечение другими людьми, занятость респондента, его внезапный отказ от беседы и т.п.), так и два-три часа в благоприятных обстоятельствах. В среднем интервью продолжалось от получаса до часа. Ясно, что интервью с простыми обывателями отличались от интервью с местными экспертами.

В качестве местных экспертов выступали, как правило, три группы людей: (1) так называемая интеллигенция — люди, компетентные в силу образования и профессиональной деятельности (библиотекари, учителя, врачи, инженеры, деятели искусства и т.п.), (2) успешные предприниматели, как люди, компетентные в местной экономике, (3) управленцы, руководители учреждений, государственные и муниципальные служащие, компетентные в вопросах организации и управления местной

МЕТОДОЛОГИЯ

жизнью. Но к этой же категории местных экспертов я отношу и нередко встречавшихся простых людей, не обладающих формальными компетенциями, но имеющих знания и мудрость, что позволяло им давать крайне информативные ответы.

Интервью с простыми обывателями, к которым отнесены все не обладавшие вышеуказанными компетенциями, носили чаще всего вид беседы или случайного разговора без повода, были непродолжительны. Хотя и здесь всегда встречаются респонденты, разговор с которыми затягивался на два-три часа, и по ходу его исследователь узнавал не только историю жизни этого человека, но и множество деталей из жизни всего поселения. Поскольку в исследованиях мы всегда предпочитали интервью анкетному опросу, соотношение экспертных и обывательских интервью смещено в сторону значительно повышенной доли экспертных. Обобщая данные по нескольким десяткам отдельных исследований и прикидывая соотношение тех и других, я могу дать лишь такую приблизительную оценку: $\frac{1}{3}$ экспертных к $\frac{2}{3}$ обывательских интервью.

2.3. ЭМПИРИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Для детального анализа территориальной и социальной структуры я выбрал только 142 местных общества в основной список из общего списка в 285 обществ, в которых я проводил наблюдения в разное время. В табл. 1 приведён список всех обществ, поименованных по их административным центрам. В первом столбце дан список регионов, в которых находятся изучаемые общества. Он приведён по схеме, принятой в административно-территориальном делении Российской Федерации. В соответствии с «рангом» региона первыми указаны республики, вторыми – края, третьими – области, последними, наконец – автономные области и округа. Во втором столбце представлен основной список из 142 обществ, обследованных в основном в период с 2000 по 2020 год. В третьем столбце дан дополнительный список 143 обществ, в которых мною проводи-

лись наблюдения также в разное время в период с 1985 по 2020 год, но я посчитал их недостаточными для того, чтобы иметь исчерпывающее представление о социальной структуре, и не внёс их в основной список. Между тем наблюдения этих обществ дополняют общую картину, поэтому я посчитал необходимым указать их, полагая, что увеличение объёма эмпирической выборки повышает некоторым образом надёжность обобщений.

Следует специально указать, что наименования местных обществ я даю в основном по названию административного центра, а в некоторых случаях использую старое историческое название города или территории (например, «Тутаев-Романов», «Удора»). Наименования регионов приводятся либо по их историческим названиям (все республики), либо по наименованию административного центра, без указания на административно-территориальный статус (например, «Кострома» вместо «Костромская область»).

Как хорошо видно из табл. 1, эмпирический материал представлен неравномерно по территории страны и по отдельным регионам (см. также карту распределений обществ на пространстве страны, рис. 1). Правда, я и не стремился ни к полному охвату, ни к равномерному распределению. Полный охват фактически невозможен, поскольку почти все общества я наблюдал непосредственно. Только 6 обществ из основных 142 до сих пор мною не посещались и материал по ним был собран моими сотрудниками и коллегами по специально разработанной программе. Напротив, каждое из 143 обществ дополнительного списка посещалось мною неоднократно и здесь повсюду проводились наблюдения.

Равномерность представления регионов невозможна на столь большом пространстве. Кроме того, я и не считаю это необходимым, это не есть свидетельство «репрезентативности». В некоторых регионах представлены общества только либо основного, либо общего списка. Таких всего 15 регионов, 8 и 7 соответственно. Мои наблюдения проведены суммарно в 54 регионах (из 81 субъекта Российской Федерации, которые относятся к провинциальным регионам). Кроме того, в 9 регионах наблюдения проводились всего лишь в одном местном обществе, а в 27 регионах (в половине случаев) наблюдались сразу

МЕТОДОЛОГИЯ

5 и более обществ (от 5 до 16). Причины неравномерности есть, во-первых, разная транспортная доступность как регионов, так и отдельных обществ. Во-вторых, материалы мои собирались в рамках различных исследовательских проектов, в которых были вполне однозначно зафиксированы территории исследований, и здесь я мог проводить детальные исследования в нескольких обществах, но в определённых регионах. В-третьих, наконец, некоторые регионы я имел возможность посещать частным образом и неоднократно, в результате я использовал эти возможности для наблюдений сразу нескольких соседних обществ (таковы, к примеру, регионы Карелия, Архангельск, Вологда, Кострома, Ярославль, Тверь, Иваново, Нижний Новгород, Краснодар, Новосибирск, Иркутск, Горный Алтай).

В сумме эмпирический материал составляют следующие местные общества: 57 обществ (из которых 32 из основного списка) в 14-ти из 22-х республик; 52 общества (23 из основного списка) в 8-ми из 9-ти краёв; 168 обществ (83 из основного списка) в 30-ти из 46-ти областей; 8 обществ (4 из основного списка) в 2-х из 4-х автономных территорий. Естественно, что я не проводил исследования в трёх субъектах Российской Федерации, которыми являются города федерального значения.

Общества очень сильно различаются между собой как по численности населения, так и по контролируемой этим населением территории. В своём большинстве местные общества ограничены территориально административными границами районов, поскольку современные границы сохраняют историческую преемственность с издревле существующими границами (см. специально гл. 4). Контролируемая территория общества обычно целиком уместается внутри административной границы, но не всегда совпадает с ней. Но некоторые общества могут иметь и существенно меньшие границы. Это обусловлено обычно действием двух факторов: пространственным и этноконфессиональным. Есть районы, особенно на Севере и в Сибири, где население разобщено в пределах одной административной территории. В таких случаях отдельные части муниципальной территории составляют каждая собственное местное общество. Таковы, например, общества в Ловозёрском районе Мурман-

ской области (Ловозеро и Краснощелье), в Лоухском районе Карелии (Чупа, Гридино, Калгалакша, Поньгома), в Приморском районе (Пушлахта, Лямцы, Кянда, Соловки) и Лешуконском районе Архангельской области (Лешуконское, Вожгора, Койнас), в Коми (Удора и Усогорск).

Особая ситуация имеет место в случаях укрупнения административных территорий, когда в состав их включаются несколько прежде существовавших районов, а в них — отдельных по факту местных обществ. Такова Тура в Эвенкийском национальном районе в Красноярском крае. Этот район объединён из трёх бывших районов и имеет всего 23 поселения на громадной площади в 763 167 км². Между тем почти каждое поселение изолировано и представляет собой отдельное местное общество. Некоторые общества состоят из двух, но не более трёх поселений. Например, таковы наблюдавшиеся мной не только сама Тура с окрестными ближайшими к ней посёлками Нидым и Учами, но удалённые Кислокан и Тутончаны, Ванавара и Чемдальск, Стрелка-Чуня и Муторай, Байкит. Все они расположены так, что ближайшее поселение находится на расстоянии в 100–200 км и связь с ним возможна только по воздуху или по рекам (по Нижней Тунгуске или Подкаменной Тунгуске). Поэтому каждое из этих изолированных обществ хотя и контролирует невообразимо большую территорию (от 50 до 100 и 200 км², т.е. примерно по 20 км² на человека), но она всё-таки существенно меньше площади всей административной единицы.

В других районах, со смешанным по национальности или конфессиональной принадлежности населением, отдельные общества могут территориально самоизолироваться в рамках административного района. Таковы, например, русские старобрядцы Сизима и Эржея в Каа-Хемском кужууне (муниципальном районе) Тувы, живущие в окружении иноверцев-тувинцев. В целом же изолированных обществ в составе более крупных административных границ немного, они всегда исторически определены, и причины их выделения из состава территориально большего общества известны. В моём основном списке таковы только восемь обществ: Варнек (Вайгач), Горбатов (Нижний Новгород), Краснощелье (Мурман), Курмач-Байгол

МЕТОДОЛОГИЯ

(Турочак, Горный Алтай), Томпо (Томпонский наслег в Якутии), Тура в Эвенкийском районе в Красноярском крае, Эржей-Сизим в Туве, Соловки (Приморский район в Архангельской области). За исключением общества Горбатова все остальные являются крайне изолированными.

Размеры контролируемой территории обществ весьма вариативны. Обычно территория немного меньше административной территории. Но поскольку более-менее точно определить контролируемые границы общества чаще всего невозможно при непродолжительном наблюдении, я принял довольно грубое допущение, что территория общества совпадает по площади с административной территорией. Средняя территория обществ составляет около 10 тысяч км² при средней численности общества в 31 тысячу человек. Плотность населения составляет в среднем 18,5 чел/км², что в 2,5 раза выше средней плотности населения в России (8,6 чел/км²) и примерно соответствует плотности населения на европейской территории страны (23 чел/км²). В данном случае из оценки исключены незаселённые территории, кроме того почти $\frac{2}{3}$ обществ (90 из 142) располагаются как раз на европейской территории страны. Вариативность территорий и плотности населения крайне велика и определяется как географическими факторами, так и пространственной изоляцией. На ограниченных территориях плотность населения всего общества может быть почти такой же, как в малом городе — составлять от 100 до 300 чел/км² (Большой Камень в Приморье, Анапа-округа в Краснодаре, Кизилюрт в Дагестане, Качканар в Свердловской области). На обширных изолированных территориях на севере Сибири плотность населения может составлять 0,01–0,02 чел/км² и ниже (Томпо в Якутии, Тура в Красноярске, Варнек на острове Вайгач). Однако локальная плотность населения, которая выше среднероссийской плотности, имеет место только в 57 обществах; следовательно, в остальных 95 обществах (60%) плотность населения ниже 8 чел/км².

Столь же вариативны и значения численности населения. Есть общества численностью от 100 до 1 000 человек (это примерно 30–300 домохозяйств), таковых в основной выборке всего 6; конечно, это все пространственно изолированные общества

(Варнек (Вайгач), Краснощелье, Курмач-Байгол, Томпо, Эржей-Сизим, Соловки). Есть, напротив, и общества с численностью населения более 100 000 человек (не менее 30 000 домохозяйств). Таковых также немного, всего 5, и все они располагаются на транспортных магистралях (Анапа – сельская округа, Искитим, Кинешма, Темрюк, Усть-Лабинск). При этом $\frac{2}{5}$ всех обследованных обществ имеют численность от 1 000 до 20 000 человек (54 общества). Одну треть (44) составляют общества с численностью от 20 000 до 40 000 человек. Только 30 обществ имеют численность от 40 000 до 100 000 человек. Основное же количество обществ (около 100) имеет население в пределах от 10 до 50 тысяч человек; в среднем несколько более 30 тысяч человек, т.е. около 10 000 домохозяйств. Совершенно аналогична картина и по обществам дополнительного (неосновного) списка.

Половина всех жителей проживают в административном центре; а населённость его составляет в среднем около 17 000 человек. В подавляющем большинстве это малые города численностью от 3 000 до 50 000 жителей. Есть только 7 городов, которые формально относятся к средним городам с численностью жителей от 55 до 88 тысяч (Биробиджан, Гусь-Хрустальный, Искитим, Кинешма, Лабинск, Ржев и Чистополь). Однако фактически, по образу жизни и экономическому поведению населения, они мало отличаются от всех других городов обоих списков. То же самое относится к 36 административным центрам, которые имеют статус не города, но села или посёлка: все они в реальности мало отличаются от центров со статусом города. Как районные центры и даже как центры сельских поселений, они имеют на территории почти все муниципальные и некоторые государственные организации.

Сельская округа – в среднем это половина всех жителей общества, но разброс значений по отдельным обществам составляет от 10 до 80 процентов. В индустриальных районах и на юге страны доля сельских жителей невелика (10–30 процентов), на севере и в изолированных обществах она может составлять до 60–80 процентов. В среднем на одно локальное сообщество приходится около 120 сельских поселений – деревень и посёлков. Количество их варьирует от 1–2 в северных обществах до 400–

500 деревень в обществах средней полосы Европейской России. На юге, на Урале и в Сибири количество поселений всегда существенно меньше и составляет от 10 до 30, редко больше. Зато эти сельские поселения многолюдны. Но это есть лишь официально зарегистрированные населённые пункты. Весьма велика доля так называемых «выморочных» поселений — таких, которые совсем покинуты жителями или их количество составляет 1–4 человека, обычно одиноких стариков¹⁵. Наибольшее их количество имеется как раз в средней полосе Европейской России. Здесь их доля составляет от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всех учтённых поселений, т.е. до 100–200 деревень. «Выморочных» поселений мало на Урале и в Сибири: в среднем около 4–5 на 30 поселений. Почти нет их на юге страны. Обычно нет совсем на Крайнем Севере и в Арктике, где и само-то количество поселений очень мало.

Необходимо отметить, что я уделял значительно больше внимания изолированным обществам, чем обществам, расположенным на транспортных магистралях. Причина состоит в том, что исследование их социальной структуры легче в описательном отношении и даёт больше для понимания природы социальной организации, чем в обществах, находящихся постоянно под сильным прессом миграции и с непрерывно возмущаемой социальной структурой. Но также и потому, что в такие сообщества труднее добраться, и если ты оказался здесь, то следует внимательнее присмотреться.

В тексте следующих глав кое-где приводится более детальное описание эмпирического материала. Это сделано из содержательных соображений большего удобства, а также потому, что отдельные аспекты социальной организации исследовались полнее не повсеместно, но на отдельных выбранных территориях. Это касается прежде всего исследований территориальной и социальной структуры местных обществ и разнообразных форм экономического поведения населения.

¹⁵ Я принял в качестве критерия «выморочности» поселения, которое считается официально существующим и не ликвидировано (не вычеркнуто из списка населённых пунктов), количество жителей в нём не более четырёх человек. Большинство «выморочных» поселений не имеют совсем жителей.

Так, для изучения социальной структуры местных обществ по специально разработанной проф. С. Г. Кордонским и мной программе были проведены под моим руководством в период с 2010 по 2020 год 71 экспедиция. Экспедиции были как краткие, трёх-четырёхдневные (таких 10), но с массовым участием студентов, так и продолжительностью до 2 недель или более длительного срока. В этих экспедициях проводились наблюдения во всех местных обществах, указанных в основном списке.

В рамках этого общего количества экспедиций осуществлялись и специальные исследования разных видов неформальной экономики провинциального населения. Для более детального описания экономического поведения домохозяйств я с моими сотрудниками и с участием студентов осуществил специальные обследования в 15 регионах России. При специальном исследовании с акцентом на неформальное экономическое поведение людей удалось зафиксировать все виды домашних промысловых практик в 144 поселениях в 39 местных обществах (из них 37 малых городов и крупных посёлков, а также 107 деревень, сёл и станиц). Эти исследования были реализованы в период с 2011 по 2020 год за 16 полевых экспедиций. Такая работа осуществлялась в виде сплошного обследования домохозяйств: с помощью непосредственных наблюдений и ситуативных опросов мы пытались зафиксировать всё многообразие форм экономической активности населения в каждом конкретном поселении. Методология описана в статье [Плюснин, 2018a].

При специализированном изучении сравнительно редкой, но в локальном масштабе массовой для населения экономической практики, каковой является «рассеянная мануфактура», мы углублённо изучали местные общества только в шести городах, где смогли выявить такой вид экономики (Ростов Великий, Кимры, Углич, Лабинск, Новохопёрск, Урюпинск). В каждый из этих городов было направлено от 2 до 5 экспедиций в период с 2014 по 2020 год (всего 14 экспедиций), в течение которых мы выявили и описали организацию «мануфактур». Методология описана в статье [Кордонский, Плюснин, 2018]. Ещё более объёмные исследования проведены мною совместно с коллегами для изучения возвратной трудовой миграции (отходниче-

МЕТОДОЛОГИЯ

ства) жителей российской провинции. Мы специально изучали этот вид экономического поведения провинциального населения в период с 2009 по 2015 год. В 17 экспедициях обследовано было население 157 поселений в 40 регионах России. (см.: [Plusnin et al., 2015, p. 67–75]).

Помимо этого в более ранний период, с конца 1980-х по 2009 год, я проводил многочисленные полевые исследования местных обществ по инициативным проектам, поддержанным грантами различных фондов. Методология описана в работах [Плюснин, 2000; Кордонский и др., 2009; Кордонский и др., 2011]. Представить точные данные по количеству всех проведённых интервью в этих многолетних полевых исследованиях мне представляется уже невозможным, да и ненужным.

ТАБЛИЦА 1

Основной и дополнительный списки местных обществ, где проведены исследования социальной структуры (наименования местных обществ приведены по наименованию административного центра или основного поселения)

Наименования регионов Российской Федерации	Основной список	Дополнительный список
Республики		
Алтай	Курмач-Байгол Майма Улаган Усть-Кан	Горно-Алтайск Кош-Агач Турочак Усть-Кокса
Башкортостан	Караидель	—
Бурятия	Гусиноозёрск Кяхта	Иволгинск
Дагестан	Гергебиль Гуниб Кизилюрт	Дербент Избербаш

Продолжение таблицы 1

Карелия	Беломорск Кемь Медвежьегорск Олонец Пудож Чуша	Великая Губа Видлица Гридино Кондопога Поньгома Сумский Посад
Коми	Сысола (Визинга) Удора	Усогорск Усть-Цильма
Марий Эл	Козьмодемьянск	–
Мордовия	Ардатов Зубова Поляна Темников	–
Саха (Якутия)	Алдан Анабар Томпо	Намцы Покровск Хандыга
Северная Осетия – Алания	Алагир Ардон Дигора Чикола (Ираф)	Беслан
Татарстан	Болгар Чистополь	Актаныш
Тыва	Эржей-Сизим	–
Хакасия	–	Абаза Аскиз Таштып
Чувашия	–	Алатырь Цивильск
Края		
Алтайский	Змеиногоorsk Камень-на-Оби Шипуново Чарыш	Колывань Маралиха Поспелиха Рубцовск Солонешное
Камчатский	Эссо	Каменское Тигиль Тиличики
Краснодарский	Анапа – сельская округа Лабинск Тамань Темрюк Усть-Лабинск	Кавказская Ладожская

Красноярский	Енисейск Тура	Байкит Ванавара Верх-Усинское Кислокан Минусинск Стрелка-Чуня Тутончаны Чемдальск Шушенское
Приморский	Большой Камень Кавалерово Ольга Преображение Ханка (Камень-Рыболов) Хасан (Славянка)	Анучино Арсеньев Артём Лазо Партизанск Русский Остров Шкотово Уссурийск
Хабаровский	Бикин	—
Пермский	Оса Очёр Чердынь	Соликамск
Забайкальский	Нерчинск	—
Области		
Архангельская	Варнек (Вайгач) Каргополь Лешуконское Мезень Онега Соловки	Вельск Вожгора Койнас Кулой Кянда Лямцы Пушлахта Тамица
Амурская	—	Ерофей Павлович
Брянская	Злынка Новозыбков Сураж	Клинцы
Владимирская	Гусь-Хрустальный Киржач Суздаль Юрьев-Польский	Уршель
Волгоградская	Урюпинск	—

Продолжение таблицы 1

Вологодская	Белозерск Великий Устюг Кириллов Никольск Тотьма	Вытегра Липин Бор
Воронежская	Новохопёрск	Елань-Колено
Ивановская	Гаврилов Посад Кинешма	Заволжск Лежнёво Плёс Приволжск Пучеж Юрьево
Иркутская	Качуг Нижнеудинск Чуна	Вихоревка Жигалово Мама Тайшет Усть-Орда
Калужская	Козельск Юхнов	Перемышль
Кемеровская	Гурьевск	Мариинск Тайга Таштагол Юрга
Кировская	Зуевка Слободской	Кикнур Котельнич Луза Санчурск Яранск
Костромская	Буй Вознесенье-Вохма Галич Кологрив Макарьев Мантурово Нерехта Нея Солигалич Шарья Чухлома	Боговарово Кадый Парфеньево Пыщуг Судиславль
Ленинградская	Подпорожье	Вознесенье Волхов Лодейное Поле

Продолжение таблицы 1

Московская	Талдом	Дубна Егорьевск Ильинский Погост Можайск Руза Яхрома
Мурманская	Кандалакша Краснощелье Умба	Полярные Зори
Нижегородская	Варнавино Ветлуга Горбатов Семёнов Сокольское	Васильсурск Ворсма Красные Баки Урень
Новгородская	Боровичи Демянск Старая Русса	Валдай
Новосибирская	Искитим Маслянино Сузун	Бердск Болотное Завьялово Крещенское Легостаево Ордынское Убинка Черепаново
Омская	Тара	—
Орловская	Дмитровск	
Псковская	Гдов Себеж	Бежаницы Невель Остров
Рязанская	Касимов	Спасск-Рязанский
Свердловская	Верхотурье Качканар Красноуфимск	—
Смоленская	Велиж Дорогобуж Демидов (Поречье)	Вязьма Рославль
Тверская	Бежецк Вышний Волочёк Зубцов Кашин Кимры Ржев Старица Торопец	Бологое Весьегонск Калязин Нелидово Осташков Селижарово Торжок

Окончание таблицы 1

Томская	–	Мельниково Молчаново Северск
Тульская	–	Белев Суворов Чекалин
Челябинская	–	Верхний Уфалей
Ярославская	Гаврилов-Ям Любим Пошехонье Романов (Тутаев) Ростов Великий Углич	Вятское Переславль-Залесский
Еврейская автономная область	Амурзет Биробиджан Ленинское Облучье	Смидович Теплоозёрск
Ненецкий автономный округ	–	Нарьян-Мар Устье
ИТОГО	142	143

Рис. 1. Распределение по территории России всей совокупности обследованных местных обществ основного (отмечены красными квадратами) и дополнительного (синие круги) списков в соответствии с табл. 1

ГЛАВА 3

ТИПОЛОГИЯ

Наличие объёмного и разнообразного эмпирического материала требует обобщения. Очевидный путь, по которому я двигаюсь вслед за другими (см: [Weber 1904, рус. издание: Вебер, 1990, с. 602–643; Murdock, 1947, рус. издание: Мёрдок, 2003, с. 258–260]) – это типологизация по эмпирически обоснованным критериям. Поскольку критерии могут быть разными, а социальная жизнь многоцветна, я не ограничился одним или двумя обоснованиями для выделения критериев, а предлагаю использовать несколько эмпирически интерпретируемых оснований. Результатом такой комбинации станет выделение типов социальных структур, которые более или менее отражают социальную реальность. Все предлагаемые критерии для типологии являются эмпирически валидными и являются сущностными характеристиками социальной системы как таковой. Они дают три разных типологии, которые используются мною для анализа материала в следующих главах.

Разработанные типологии оказались полезны для систематизации разнообразного эмпирического материала, относящегося как до территориальной структуры, так и до неформальных хозяйственно-экономических практик населения, а также и до структуры соседских, родственных и статусных отношений в разных обществах российской провинции. В то же время я показываю и ограниченность типологического подхода к эмпирическим социологическим данным.

3.1. ОБЪЕКТИВНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Однако в качестве предварительного и важного условия надо иметь в виду, что в России широта и долгота местности, на которой находится местное общество, является одним из важнейших показателей различия по многим социальным и экономическим признакам, и нередко данный географический фактор перекрывает культурные, исторические и этнонациональные различия между сообществами, существенно увеличивая затраты на жизнеобеспечение (см., напр.: [Космачёв, 1979;

ТИПОЛОГИЯ

Паршев, 2001; Трейвиш, 2009, с. 126–145]). Особенно велико значение эколого-географических условий для провинциальных обществ, большинство членов которых имеют автономное жизнеобеспечение. В силу климатических и сезонных особенностей жизнь на Русском Севере или в Сибири требует иных ресурсов и иного их объёма, иного пространства и иной организации поселений, нежели на Северном Кавказе или в Приморье на Дальнем Востоке¹⁶. Точно так же жизнедеятельность домохозяйств в части экономического поведения людей в Сибири имеет важные отличия от таковой в Европейской части России (об этих различиях см., напр.: [Плюснин, 1997а; 1997в]). Поэтому эколого-географический фактор необходимо учитывать не только при описании территориальной структуры сообществ, но и в описании экономических практик населения. Поэтому в качестве как бы «прототипа» я выделяю три группы локальных обществ по признаку географической широты, а также различаю, когда это необходимо, сообщества западные, расположенные в Европейской России, и сообщества восточные, на Урале и в Сибири.

По широтному критерию первую группу («тип») составляют северные и арктические общества, расположенные выше 60 параллели на Русском Севере (от 60 до 72° с.ш.) и, в силу суровости континентального климата, в Сибири выше 56 параллели (от 56 до 73° с.ш.). Они и обозначаются далее мною как «северные общества». В моих материалах таких обществ в основном списке 26, а в дополнительном — 40. Вторую группу («тип») составляют общества, расположенные в средних широтах между 50 и 60° с.ш. (в Сибири между 48 и 56° с.ш.); они обозначаются как «среднеширотные». В моих материалах таких обществ боль-

¹⁶ Обращу, в частности, внимание на то, как прямо это связано с самыми разными ресурсами жизнеобеспечения, а не только с продуктивностью среды и объёмами доступных пищевых ресурсов. Многие поселения в России имеют печное отопление, и домохозяйства нуждаются в заготовке дров и/или угля для отопления домов. На Северном Кавказе минимальный годовой запас дров для хозяйственных нужд среднего дома площадью около 50 м² составляет 1–2 м³; в средней полосе запас должен быть 20–30 м³; на Севере же и в Сибири он составляет уже не менее 40–50 м³ — различия порядковые.

шинство — 99 в основном списке и 88 в дополнительном. Третью группу («южный тип») составляют сообщества, расположенные на юге страны между 43 и 48–50° с.ш. Эти сообщества расположены на юге Европейской России и юге Дальнего Востока, в Приморском крае; они обозначаются как «южные». Таких обществ обследовано 17 из основного списка и 15 из дополнительного (табл. 1).

Большинство из обследованных сообществ (100 и 81) расположены в Европейской России. Только 42 сообщества основного списка и 62 дополнительного расположены на востоке России: на Урале (6 и 2), в Западной и Восточной Сибири (25 и 49) и на Дальнем Востоке (11 и 11). Основные различия между западными и восточными сообществами, так же как и между широтными, имеют место в территориальной структуре и в хозяйственно-экономическом поведении населения (промыслах). Во всех случаях они обусловлены ограничениями сурового континентального климата, требующими существенных дополнительных затрат на жизнеобеспечение и от домохозяйств, и от государства (ср., напр.: [Hill, Gaddy, 2003], о величине доли дополнительных расходов российского бюджета на фактор сибирского климата). Таким образом, в дальнейшем я буду везде, где необходимо, фиксировать различия между обществами не только по указанным трём типам их структуры, но также и обусловленные климатогеографическими факторами, подразделяя их на широтные и долготные группы: северные (арктические), среднеширотные и южные; западные (европейские) и восточные (уральские и сибирские).

3.2. ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Для любой типологии подходящими являются самые разные принципы. Обычно социолог предлагает единственную типологию наблюдаемых им объектов. Однако ничто не мешает использовать несколько разных оснований и создавать сра-

ТИПОЛОГИЯ

зу несколько типологий для совокупности одних и тех же объектов. Особенно когда такие объекты сложны, каковыми являются локальные сообщества. Прежде всего, сообщества разномасштабны — есть состоящие всего из нескольких сотен или даже одной сотни человек, есть состоящие из сотен тысяч человек. При этом сотня человек размещается на территории, площадь которой в 10 и 100 раз превосходит площадь территории сообщества из ста тысяч человек. Но и те и другие одинаково способны контролировать свои территории. При этом характер и сила родственных связей здесь и там могут быть очень похожи. А неформальные экономические практики будут различаться только масштабом и видами промыслов, но не их многообразием. Кроме того, большое количество локальных сообществ никогда не может быть обследовано одинаково подробно в каждом случае. Всегда окажутся лакуны и пробелы в собранных материалах, особенно если количество таких сложных объектов достигает нескольких сотен. Однако отсутствие чётких классификационных границ есть неизбежная беда любых эмпирических типологизаций социологических материалов, которые никогда не могут быть уложены в негибкие и выхолощенные теоретические схемы (ср.: [Кордонский, 2008а, с. 39–40]). При всех известных недостатках типологизаций общая тенденция вполне отчётлива, и различия особенно ярко проявляются в поведении людей, несмотря на то что весьма непросто или невозможно найти показатели, которые бы зафиксировали такие различия. В моём случае я остановился на анализе менее полутора сотен сообществ из всех мной наблюдавшихся. Но и этого количества более чем достаточно, чтобы совершенно потеряться. Поэтому я полагаю, что, используя «множественную» типологизацию, я смогу сделать более глубокие обобщения того множества случаев, что были мной собраны за четверть века.

Первым основанием типологизации я рассматриваю продолжительность существования сообщества: количество лет/веков, в течение которых конкретное сообщество существует непрерывно, когда поколения людей преемственны. Значение фактора непрерывной (неразрывной, не пресекающейся) дли-

тельности общественной жизни для социальной структуры обусловлено следующим соображением. Исходно предполагается (архивные и эмпирические наблюдения в целом это подтверждают), что при прочих равных условиях срок непрерывного существования локального сообщества определяет и стабильность его внутренней структуры. За долгие века структура успевает сложиться и «закозветь». Отсутствие значительных внешних воздействий позволяет сообществу максимально долго сохранять сложившуюся структуру отношений как между отдельными родственными и соседскими группами, так и между неформальными местными институтами, то есть такими институтами, которые складываются в сообществе самопроизвольно и относительно независимо от институтов, внедряемых в его среду извне государством. За основу взята дата возникновения/основания центрального поселения, ныне являющегося административным центром. Соответственно, общества подразделяются на три типа: древние, старые и молодые. Критерием выделения типов выступают характерные (особые) периоды социально-политической истории России, что и позволяет считать временные периоды древними, старыми или современными.

Второй критерий есть степень пространственной изоляции общества в соответствии с транспортной доступностью основных населённых пунктов. Пространственно изолированные сообщества не испытывают таких деформирующих и разрушающих воздействий, какие испытывают сообщества, находящиеся в тесном контакте и в непрерывном взаимодействии со своими соседями. Внешнее социальное давление на сообщество проявляется по многим направлениям: в деформации его территориальной структуры (в предельных случаях в захвате территории соседями и лишении сообщества всех ресурсов, необходимых для жизнедеятельности), в размывании структуры родственных и соседских отношений, в насильственном смещении аттитюдов и системы ценностей его членов (не только биологической, но и политической ассимиляции). Если же, благодаря пространственной изоляции, внешние контакты членов локального сообщества ограничены в той или иной степе-

ТИПОЛОГИЯ

ни, его социальная структура менее подвержена изменениям и имеется вероятность, что структура социальных отношений в изолированном сообществе будет воспроизводиться с минимальными изменениями. В противоположность таким изолированным местным обществам, выделение которых не представляет трудностей в силу наличия объективных критериев изоляции (в частности, географической удалённости, низкой проницаемости пространства и недостаточно развитых транспортных коммуникаций), выделение полярного ему типа обществ основывается на более размытых критериях. Такой полярный тип я назвал «турбулентным обществом», используя термин *turbulent* в его буквальном и исходном значении. Латинское *turba* имеет не только привычное нам значение «смятение, замешательство, суматоха, сутолока, сумятица, беспорядок, шум, ссора и бунт», но одновременно и «толпа, скопище, стая, масса». А *turbula* есть и «небольшая толпа» и «небольшая суматоха». Так что *turbulentus* есть взволнованный, суматошный, беспорядочный и т.п. Это всё общества, по территории которых и через административный центр проходят транспортные магистрали: автомобильные, железнодорожные или (раньше) речные. Здесь существенно миграционное давление. При этом приходится выделять и промежуточный тип, который я назвал «ординарным», поскольку сюда отнесены все недостаточно чётко дифференцируемые по пространственной изоляции сообщества. Транспортные магистрали обходят их стороной, но они и не лишены дорог, связывающих их с соседними сообществами, тем самым они не изолированы. Естественно ожидать, что таковых сообществ большинство. Надо отметить, что степень пространственной изоляции является существенным фактором именно в российских условиях, практически не имея значения в условиях современной Европы. Мне представляется поэтому, что для поддержания устойчивости социальной структуры фактор этот представляется гораздо более важным по сравнению с длительностью существования сообщества.

Третья типология имеет основанием причины возникновения и развития местного общества. Общество возникло и развивалось спонтанно, «естественным» путём, либо созда-

валось *de novo* внешним усилием по экономическим и/или политическим причинам, и его нынешнее существование поддерживается внешними же силами, преимущественно благодаря государственной экономической поддержке. Исторически все локальные сообщества образуются двумя путями и существуют соответственно им. Первый путь есть возникновение и дальнейшее развитие естественным путём, спонтанно. Это известный «эффект основателя», предполагает наличие условий для автономного, изолированного существования хотя бы на первых этапах социальной жизни. Второй путь — это когда сообщество создаётся принудительно, усилиями государства, своего или чужого. Здесь я придерживаюсь взглядов антропологов-теоретиков, разделяющих теорию принудительного развития политий (*Coercive Theories of the State Origins*), прежде всего известной старой теории Роберта Карнейро *Circumscription Theory* [Carneiro, 1970]. Выделенные им три фактора политогенеза и становления обществ современного типа (*environmental circumscription, resource concentration, social circumscription*), по-видимому, действительны и на локальном уровне, и в современных условиях. Соответственно условиям образования и дальнейшего развития я выделяю два типа сообществ: естественного либо принудительного развития. Здесь также кажется необходимым выделять и промежуточный тип, но мне пришлось отказаться от этого по указанным ниже причинам. Очевидно, что сообщества, созданные принудительно, изначально будут иметь не только разнородный состав групп, но и структура их будет задана некими внешними факторами, она будет навязана сообществу. В естественно развивающихся сообществах состав их имеет внутренние источники формирования, а структура складывается в соответствии с природой, *sui generis*. Это, конечно, идеальные, крайние варианты. В реальности большинство локальных обществ проходит этапы как естественного, так и принудительного развития; они нередко перемежаются друг друга. Известно, что очень многие сообщества имели принудительные источники своего появления, однако в дальнейшем, с течением веков, если они не испытывали радикальных потрясений и не исчезали бесследно,

ТИПОЛОГИЯ

они переходили, насколько это возможно в нынешних условиях, к естественному пути развития. Поэтому принудительный характер образования и развития описывает преимущественно недавно возникшие общества, состав и структура которых изменялись и изменяются сейчас на наших глазах — в чередѣ ближайших трёх-шести поколений (ближайшие 200 лет). Поэтому критерий естественности/принудительности формирования сообщества можно рассматривать в качестве критерия второго уровня по отношению к критерию длительности существования сообщества. Однако нельзя сказать, что критерий естественности/принудительности элиминирует критерий длительности существования: это зависит от того, насколько состав и структура принудительно созданного сообщества успевают «успокоиться» после «взбалтывания». Наблюдения историков показывают, что «волнение» может продолжаться долгие десятилетия и даже века. Так что тот и другой критерии могут использоваться взаимно и независимо для типологизации.

В следующих трёх параграфах рассмотрю каждую из указанных выше типологий специально, выделяя типы локальных обществ.

3.3. ТИПОЛОГИЯ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ СООБЩЕСТВ

В качестве простейшего показателя длительности существования сообщества может быть выбрана дата возникновения (или первого упоминания) поселения, которое в наши дни является «уездным городом» — административным центром местного общества, где присутствует государственная и муниципальная власть. Идея такого критерия предложена в своё время К. П. Космачёвым для определения возраста районов староосвоенных и нового освоения [Космачёв, 1979]. Ясно, что обычно местное общество существовало и до времени образования

уездного города, «местечка»¹⁷, ныне ставшего административным центром для сельской округи. Их будущие административные центры, конечно, существовали ранее в составе «куста» поселений из многих деревень и починков. Однако обычно и чаще всего образование религиозного и/или (впоследствии) административного центра консолидирует локальное общество; в результате город или село становится центром притяжения для всей сельской округи. Чаще всего этот же город уже и в более ранние времена являлся административным центром, изменяя только свой «административный вес»: переходил из статуса волостного или церковно-приходского центра в статус уездного центра. Хотя имеют место и обратные случаи утраты более высокого статуса: из 142 локальных сообществ основного списка и 143 дополнительного, указанных в табл. 2, к нашему времени только в двух случаях их центры утратили прежний статус уездного города – Тамань и Горбатов.

Для обобщённого анализа значения фактора длительности существования сообществ я разделил их на три группы: древние, старые и молодые:

- (1) древние сообщества, существующие более 500 лет, в интервале от середины IX века до 1500–1540 года, то есть до периода образования Русского царства (соответственно дате первого летописного упоминания города/местечка); условной же верхней границей я выбрал 1500 год;
- (2) старые сообщества, существующие 160–500 лет, с датой возникновения главного поселения после 1500–1540 и до второй половины XIX века; условной верхней границей я выбрал 1860 год;

¹⁷ Западнорусский термин «местечко» может использоваться в качестве общего наименования, поскольку локальными низовыми административными центрами в России могут быть поселения, которым придан как статус города (ранее уездного города, центра уезда, а в советский период и сейчас это центр района), так и статус села (центр церковного прихода, одновременно центр волости или сельсовета, низшей административно-территориальной единицы), а также промежуточный статус «рабочего посёлка», т.е. посёлка городского типа с наличием хотя бы одного промышленного предприятия (см. специально: [Шишков, 2006, с. 13–20]).

ТИПОЛОГИЯ

(3) молодые, существующие не дольше 160 лет, с датой возникновения главного поселения в интервале с 1860-х по 1960-е года; условной верхней границей я выбрал 1960 год.

Местные сообщества, существующие менее 50 лет, я не рассматриваю, поскольку время их существования настолько мало, что их можно считать пока ещё «искусственными» образованиями — такие сообщества не складывались естественным образом, а образовывались по административному принуждению. К тому же их очень немного, в моих списках таковых нет.

Основанием для деления на три типа локальных сообществ является историческая неравномерность образования городов на Руси/в России. Распределение городов по времени образования (даты основания или первого летописного упоминания) характеризуется наличием сгущений и разрежений: в отдельные исторические периоды основывалось значительно больше городов, чем в другие. На рис. 2, подготовленным мною по источникам Росстата (Федеральная служба государственной статистики)¹⁸, показано распределение дат оснований 111 русских городов (однако не в исторических, а только в современных политических границах России¹⁹).

¹⁸ Численность населения городов России приводятся по: Численность населения городов [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-4.pdf (дата обращения: 28.06.2021). Даты основания городов России приводятся по: Даты основания городов России [Электронный ресурс]. URL: http://www.historbook.ru/daty_gorodov.html (дата обращения: 28.06.2021). Справочно также см.: Список городов России [Электронный ресурс] / Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_городов_России (дата обращения: 28.06.2021).

¹⁹ Согласно подсчётам историка М. Н. Тихомирова, в границах Новгородской и Киевской Руси число упоминаемых летописью городов уже к началу XIII века, до нашествия хана Батыея, равнялось 271. Из этого количества «...240 надёжно отождествлены с конкретными археологическими памятниками» [Куза, 1989, с. 30]. Этот же автор приводит на вкладке карту-схему со списком 262 надёжно локализованных летописных древнерусских городов X–XIII вв., а также список из 1397 археологически обследованных древнерусских укрепленных поселений (городов, острогов, крепостей и т.п. объектов), «...из которых лишь 414 поименованы в письменных источниках» [Куза, 1989, с. 12]. Я не включил также данные по городам Крыма, поскольку эта территория не обследовалась мною ранее специально.

Видно, что имели место несколько периодов массового основания городов и периоды, когда городов образовывалось мало. Прежде всего, в первом случае это середина XII века, время экономического расцвета русских земель. Затем, во втором случае, за почти четыре столетия — времена междоусобицы и монгольского господства — городов на территории Восточной Руси образовывалось очень мало. С середины XVI века и особенно с первой половины XVII века вновь возобновился процесс образования городов. Во второй половине XVIII века произошло создание множества новых уездных городов, сопровождавших известные административно-территориальные реформы того времени. Новый пик образования городов начался в период индустриального развития со второй половины XIX века и продолжался до середины XX века.

В соответствии с такой достаточно отчётливой картиной динамики образования городов на северо-востоке Руси, на Урале и в Сибири я и выделил три типа локальных обществ по их возрасту. Все города Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, выделенные в тип древних, образовались во времена домонгольского политического расцвета и в монгольский период включительно вплоть до периода Русского царства («Царство Русское», с 1547 года). Все существующие в настоящее время древние города современной России создавались как укрепления (город = городище = острог) и с самых ранних времён являлись административными центрами [Куза, 1983]. Большинство из них являются таковыми и сейчас. Условной верхней границей выбран 1500 год, а не 1547 только из соображений удобства. Между тем в этот полувековой период в Русском царстве появилось всего лишь 11 новых городов, а в моей выборке таковых лишь три города (по причинам изменения современных государственных границ).

Второй тип — старые города, они образованы в царский и имперский периоды: начиная со времени окончания политической зависимости Северо-Восточной Руси от Улуса Джучи и экспансии Московского княжества в 1480–1547 годы до времени промышленного кризиса 1860–1880-х годов. Это период абсолютизма, многие вновь образуемые поселения этого времени были либо

ТИПОЛОГИЯ

военными укреплениями (острогами и городами «*засечных черт*»), либо продуктом административно-территориальных и экономических реформ, начиная с Петра I и заканчивая в основном временем правления Екатерины II. На рис. 2 видно, что количество вновь образуемых городов к концу периода, в 1800–1830 гг., относительно невелико, а значительное число новых городов стало образовываться начиная лишь со второй половины XIX века. 1860 год выбран условной верхней границей также из соображений удобства – это начало экономического спада, сопровождавшегося социальными и политическими реформами (прежде всего освобождение крепостных крестьян 1861 года), а заодно и неурядицами (нарастанием революционной активности в городах, в немалой мере вызванной перестройкой общественной жизни в деревне; см., напр.: [Миронов, 1990; 2003, т. 1, с. 423–466; Иванова, Желтова, 2010, с. 549–600]).

Третий выделенный тип – молодые города – образовались в период завершения промышленного кризиса 1860–1880 гг., канун времени начала индустриального развития России, и в период быстрого индустриального развития 1890–1917 гг., продолжавшийся затем и в советские годы. Последний период характеризуется резким, взрывным ростом численности новых городов (многие из которых преобразуются из крупных сёл после создания нового фабрично-заводского производства). Все эти города возрастом моложе 160 лет на сегодняшний день являются непосредственным продуктом индустриального развития. Напротив, в последнюю четверть XX века и особенно за все 30 лет современного постсоветского периода, т.е. за целых полвека, новых городов в России возникло совсем немного²⁰.

Молодые сообщества существуют в течение двух-трёх, максимум шести поколений и здесь преобладает живая общественная память. В древних же сообществах историческая «летопис-

²⁰ В советские годы в Российской Федерации (РСФСР) с 1969 по 1979 год образовано 15 новых городов, а с 1979 по 1989 было создано всего 8 городов, все в центрах промышленного развития на Урале и в Сибири. В постсоветский период за 30 лет создано всего два новых города – Магас и Иннополис, и оба исключительно по политическим причинам.

ная» память приобретает важное значение и нередко может во многом определять течение настоящей жизни людей и их экономические практики, а живая память общества может быть подчинена исторической. Различия между древними, старыми и молодыми сообществами проявляются и в отношении их представителей к своему прошлому, к природной и городской среде обитания, в обострённом или подавленном чувстве традиционализма. Несомненно, это определяет тесноту родственных связей, территориальные отношения и характер использования территории и сказывается также на отношении людей к чужакам, мигрантам и в немалой степени определяет абсорбцию мигрантов сообществом.

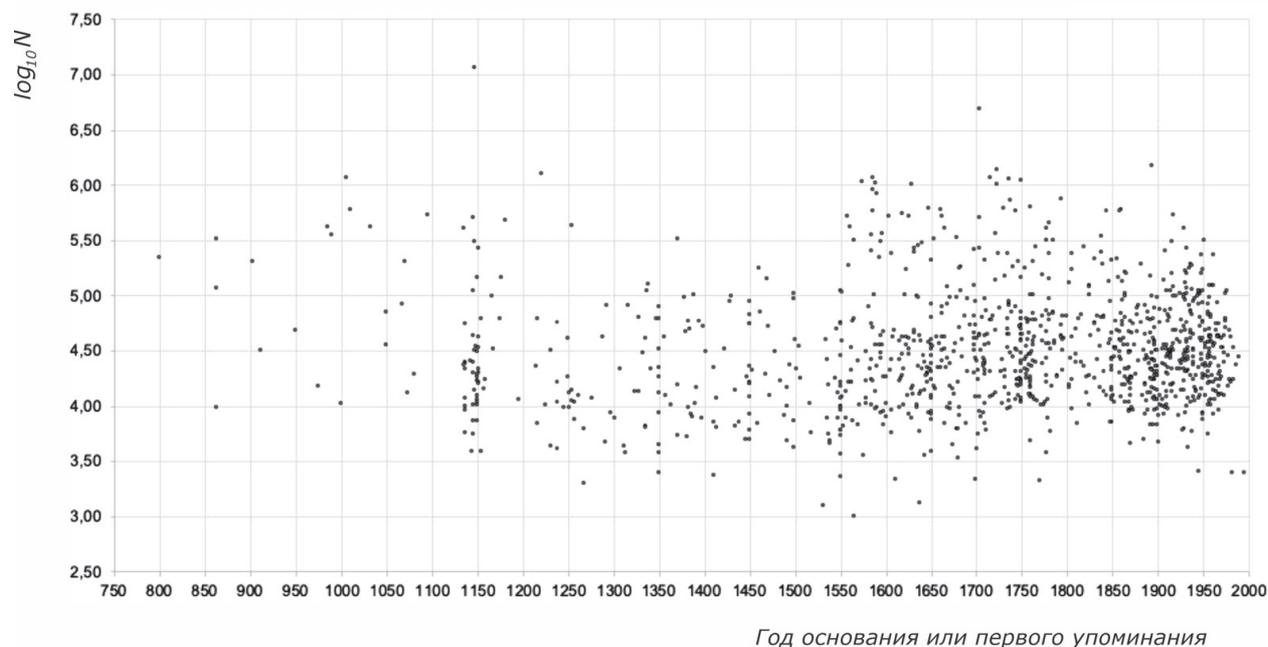

Рис. 2. Распределение 1111 русских городов (только в современных границах Российской Федерации) по дате образования или первого упоминания и по численности населения в настоящее время (ось абсцисс – время; ось ординат – десятичный логарифм численности населения города $\lg_{10}N$ на 2015–2019 гг., по данным Росстата)

Само собой разумеется, что все древние сообщества расположены на европейской территории страны, а чем дальше на восток, тем моложе провинциальные сообщества. На Урале

ТИПОЛОГИЯ

и в Западной Сибири сообщества в основном старинные, существующие с первого столетия присоединения Сибири к Русскому Царству (с середины XVI — первой половины XVII века) и, помимо государственных крепостей-острогов, часто возникавшие как поселения горнозаводских рабочих с их семьями, вывезенных с западных территорий страны для работ на многочисленных заводах и мануфактурах. На Дальнем Востоке Сибири нет ни одного древнего и почти нет старинных сообществ по той известной причине, что здесь заселялась пустая, практически безлюдная территория не только на севере, но и на юге, по Амуру и в Приморье, непосредственно перед и после заключения Пекинского трактата 1860 года (см., напр.: [Кропоткин, 1865]).

В табл. 2 я распределил все обследованные местные общества основного списка на три типа, выделенных по критерию времени возникновения центрального поселения. Нелишним будет заметить к вышеупомянутому, что дата образования или возникновения будущего центрального поселения не является безусловным признаком длительности существования самого местного общества. Развитие может быть прервано однократно или многократно. Например, местные общества Анапа, Темрюк, Тамань, Лабинск в Краснодарском крае на юге Европейской России существовали ещё в древние времена (Тамань есть древнее русское княжество Тмутаракань), однако их нынешнее население сложилось заново только с XVIII–XIX веков. Точно так же на территорию могут вселяться большие группы мигрантов, и они со временем составят существенную часть общества (так произошло, например, в Эссо на Камчатке, в Анабаре в Якутии, в Амурзете, Ленинском и Биробиджане в Еврейской области, в Краснощелье на Мурмане, в Касимове в Рязани, в Кяхте в Бурятии и во многих других случаях). В предельном случае всё прежнее население замещено новой и этнически иной популяцией (это характерно для Северного Кавказа советского периода, где исходно русские казачьи поселения в течение XX века почти полностью сменили поселения здешних народов — это Дигора, Ардон, Чикола в Северной Осетии, Кизилюрт, Гергемиль в Дагестане).

ТАБЛИЦА 2

Типология 142 локальных сообществ по длительности их существования (времени образования или первого упоминания будущего центрального поселения)

Древние, > 500 лет (800–1500), n = 48	Старые, 500–160 лет (1500–1860), n = 59	Молодые, до 160 лет (1860–1960), n = 35
Бежецк	Алагир	Алдан
Белозерск	Анапа – сельская округа	Амурзет
Беломорск	Ардатов	Анабар
Боровичи	Ардон	Бикин
Варнавино	Буй	Биробиджан
Велиж	Верхотурье	Болгар
Великий Устюг	Ветлуга	Большой Камень
Вышний Волочёк	Вознесенье-Вохма	Варнек (Вайгач)
Гаврилов Посад	Гаврилов-Ям	Гусиноозёрск
Галич	Гергебиль	Зуевка
Гдов	Горбатов	Кавалерово
Демянск	Гурьевск	Караидель
Дорогобуж	Гуниб	Качканар
Зубцов	Гусь-Хрустальный	Кизилюрт
Кандалакша	Дигора	Краснощелье
Каргополь	Дмитровск-Орловский	Курмач-Байгол
Касимов	Енисейск	Ленинское
Кашин	Злынка	Мантурово
Кемь	Змеиногорск	Медвежьегорск
Кинешма	Зубова Поляна	Нея
Киржач	Искитим	Облучье
Кириллов	Камень-на-Оби	Преображение
Козельск	Качуг	Сокольское
Макарьев	Кимры	Соловки
Мезень	Козьмодемьянск	Томпо
Нерехта	Кологрив	Тура

Никольск	Красноуфимск	Шарья
Олонец	Кяхта	Шипуново
Онега	Лабинск	Улаган
Пудож	Лешуконское	Усть-Кан
Ржев	Любим	Ханка (Камень-Рыболов)
Ростов Великий	Майма	Хасан (Славянка)
Себеж	Маслянино	Чуна
Солигалич	Нерчинск	Эржей-Сизим
Старая Русса	Нижеудинск	Эссо
Старица	Новозыбков	
Суздаль	Новохопёрск	
Темников	Ольга	
Торопец	Оса	
Тотьма	Очёр	
Тутаев-Романов	Подпорожье	
Углич	Поречье-Демидов	
Удора	Пошехонье	
Умба	Семёнов	
Чердынь	Слободской	
Чухлома	Сузун	
Юрьев-Польский	Сураж	
Юхнов	Сысола (Визига)	
	Талдом	
	Тамань	
	Тара	
	Темрюк	
	Урюпинск	
	Усть-Лабинск	
	Чистополь	
	Чарышское	
	Чикола (Ираф)	
	Чупа	
	Хвалынский	

3.4. ТИПОЛОГИЯ СООБЩЕСТВ ПО ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Второй базовый критерий – физическая изолированность местного общества – мне представляется более важным для конфигурации социальной структуры, нежели критерий длительности существования сообщества. Продолжительное поддержание неизменной внутренней структуры напрямую зависит от внешних социальных воздействий. Они же, в свою очередь, во многом определяются пространственной изоляцией, что важно именно в российских условиях, где более $\frac{2}{5}$ территории труднодоступны, а $\frac{2}{3}$ всей территории не «эффективны для жизни», по климатогеографическим критериям Э. Реклю (Jacques Élisée Reclus [Reclus, 1878, p. 9]). Именно в силу приведенных причин на этих двух третях территории и располагаются сообщества, оказывающиеся часто в пространственной изоляции.

Если сообщество изолировано, то степень влияния со стороны пришлого населения может быть несущественна или вообще отсутствовать. Но она же может принимать катастрофический характер, непрерывно меняя или разрушая едва сложившуюся социальную структуру. Как правило, такая ситуация наблюдается в тех сообществах, которые непрерывно принимают большие группы мигрантов и где значительную долю населения составляют диаспоры мигрантов иной национальности. Так происходило нередко в недавнее и в наше время (в XIX и XX вв.), например, в сообществах Краснощелье на Мурмане (когда на территорию, занимаемую саамскими родами, вселилась большая группа мигрантов народа коми, вынужденных откочёвывать из своих родных мест на реках Печора и Ижма, чтобы предохранить падеж северных оленей), или в Эссо, Быстринский район Камчатки (примерно в те же периоды на территории, заселённые ительменами и камчадалами-русскими, мигрировали сначала ламуты (эвены) с севера, а затем коряки с западного побережья Камчатки). Нередко такими иноэтническими мигрантами является местное сельское население, кото-

рое в советские годы целенаправленно переселялось в города, первоначально устраиваемые как русские казачьи поселения. Так, за два-три века почти на $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{2}$ заменилось местными сельскими мигрантами исходно русское население Ардатова (эрзя) и Зубовой Поляны (мокша) в Мордовии, Кяхты в Бурятии (буряты) и Красноуфимска на Южном Урале в нынешней Свердловской области (татары). Ещё более радикальное замещение одного народа (как правило, русских) другими этносами происходило, например, на Северном Кавказе в 1860–1960-е годы, где переселенческие русские казачьи местные общества, заселившие в середине XIX века предгорные равнины, начали принимать большие группы кавказских горцев, спускавшихся на плодородную равнину из горных ущелий; к настоящему времени они почти полностью заместили первоначальное русское население (см.: [Цуциев, 2004, с. 33–39, 100–104; Безоров, 2013]). В настоящее время многие такие общества стали мононациональными. Например, по нашим наблюдениям, таковы общества Беслана, Ардона, Дигоры и Чиколы-Ирафа в Северной Осетии (осетины-дигорцы), Избербаш, Гуниб и Кизилюрт в Дагестане (дагестанцы-аварцы).

Ещё более катастрофические последствия для локальной социальной структуры мы отмечаем, когда сквозь сообщество протекают значительные людские потоки, а абсорбция мигрантов отсутствует. Такое имеет место в случаях прохождения сквозь территорию локального сообщества важного пути сообщения — автомагистрали или железнодорожной магистрали²¹. (Ранее важнейшую роль играли также водные транспортные пути, но в XX веке, а особенно в последние 30 лет их значение резко уменьшилось и в большинстве случаев свелось на нет.) Локальные сообщества, территории которых попали в зону

²¹ Таковы, например, 119 федеральных автомагистралей (см.: Список федеральных автодорог РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://roads.ru/forum/index.php?showtopic=22464> (дата обращения: 28.06.2021).). Крупных железнодорожных магистралей в России 19, в том числе две наиболее протяжённые: Транссибирская (Транссиб) и БАМ — Байкало-Амурская магистраль (см.: Список железных дорог России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rupoezd.ru/spisok-zheleznых-dorog-rossii/> (дата обращения: 28.06.2021).).

влияния транспортных магистралей, испытывают постоянные значительные нагрузки от проточного миграционного давления: как от ежедневного потока временно прибывающих людей, так и оседающих здесь на непродолжительное время мигрантов, которые никак не стремятся абсорбироваться, стать «своими» или образовать диаспору.

В результате эмпирических наблюдений характера воздействий транспортных магистралей на провинциальные локальные сообщества я сформулировал «проточную» модель. Методологической базой для этой модели выступили концептуальные построения Пауля Коллиера (Paul Collier), изложенные в его недавней книге *Exodus*, где он предложил модель динамики миграции и роли диаспоры мигрантов в ускорении иммиграции [Collier, 2013; Коллиер, 2016, с. 63–72 русского издания]. В рамках такой «проточной» модели я выделяю два типа сообществ: «ламинарные» (изолированные) и «турбулентные» (магистральные). В случае «ламинарного» сообщества его территория расположена вне транспортных магистралей, а нередко и вне любых железных дорог, не только магистральных. Как правило, административный центр такого местного общества связан с другими центрами не более чем одной региональной автомобильной дорогой, а нередко расположен просто на тупиковой автомобильной дороге, которая и заканчивается в административном центре. Чтобы добраться до поселений такого местного общества нужны значительные временные и денежные затраты. Поэтому здесь немного или нет совсем случайных, «проезжих», людей или мигрантов. Структура такого сообщества не меняется продолжительное время, родственные и соседские связи остаются неизменными, неформальные социальные и экономические институты устойчивы. *Время здесь остановилось*, как говорят обитатели. Исследователь имеет возможность «раскапывать» структуру «ламинарного», изолированного от соседей, сообщества слой за слоем, наблюдая их без нарушений, подобно тому, как геолог занимается стратиграфией осадочных слоёв на равнине, миллионы лет не испытывавшей геологических катастроф.

Совсем другая социальная структура у магистрального, «турбулентного» сообщества. Здесь происходят регулярные, за вре-

ТИПОЛОГИЯ

мя жизни всего одного-двух поколений, и внезапные для общества значительные изменения индустриального характера (создание нового крупного завода, предприятия, рудника, шахты), которые также ведут и к развитию транспортной инфраструктуры. То и другое вместе являются причинами появления новых масс людей на локальной территории. Но если однократное появление большой группы новых людей, переселенцев на постоянное здесь жительство, локальное сообщество способно со временем «переработать», «переварить» и включить в свой состав (абсорбировать), то постоянный проток через территорию сообщества множества проезжих людей становится важным фактором структурной нестабильности сообщества, поскольку немалая часть их оседает в качестве временных мигрантов и, даже не пытаясь освоиться на новом месте, вскорости покидает его. Сообщество находится в состоянии постоянного «кипения», непрерывно нарушающего социальный порядок.

Выделив такой признак, как степень изолированности общества, рассматриваемый в качестве фактора стабильности социальной структуры, я получаю возможность дифференцировать сообщества по крайней мере на два полярных типа — «изолированные» и «турбулентные». «Изолированные» общества по определению должны находиться в значительной физической изоляции и испытывать небольшое давление со стороны соседей. Кроме того, они должны испытывать и незначительное «цивилизирующее» воздействие со стороны государства. «Турбулентные» общества характеризуются противоположными признаками. Поскольку такие полярные типы есть идеальные конструкции, а в реальных социальных системах не бывает «чистых форм», то к двум типам всегда необходимо добавить третий, промежуточный тип. Таким образом, я выделяю следующие три типа локальных обществ по основанию степени пространственной изоляции их от соседних обществ:

- 1) «ламинарные», или изолированные сообщества — пространственно изолированные, расположенные вдали от любых магистралей и имеющие нередко только единственную автомобильную дорогу и/или тупиковую, или второстепенную железную дорогу, которые соединяют такое

общество с «внешним миром» больших городов; иногда связь осуществляется только авиасообщением и по «зимникам»²² или случайными okazиями по реке или морю;

2) «турбулентные сообщества, центры которых и значительная часть их территории расположены на федеральной автомагистрали и/или на железнодорожной магистрали, нередко также на крупной судоходной реке, ныне потерявшей значение транспортной магистрали;

3) промежуточное положение между этими типами занимают неизолированные сообщества, связанные с внешним миром второстепенной железной дорогой и развитой сетью автомобильных дорог, из которых обычно только одна является региональной трассой, но не крупной федеральной автомагистралью; такой тип локальных обществ я назвал «обычными», или «ординарными», не найдя сколь-нибудь более яркого термина; к тому же это самый массовый тип местных обществ, они действительно обычные.

Необходимо указать, что деление на три типа по степени пространственной изоляции осуществлено только по формальным основаниям близости или наличия транспортной магистрали. В немалой части местных обществ неизолированного «ординарного» типа железнодорожные магистрали и магистральные автодороги захватывают только часть территории, а многие селения, нередко включая и административный центр, оказываются лежащими в стороне от магистрали.

В целях удобства описания социальной структуры я соединил типологию по длительности существования обществ с типологией по степени пространственной изоляции. Ниже, в табл. 3, представлена матрица распределения 3 x 3 по признакам «изоляция – возраст» всей совокупности моих наблюдений локальных сообществ из основного списка. Всего возможны 9 подтипов, хотя в реальности, в силу вариативности, не все варианты местных обществ могут быть диагностируемы. Из всех 142 обследованных местных обществ основного

²² «Зимник» есть снежная или ледяная дорога, устраиваемая только в зимний период по льду рек и замёрзшим болотам, тундре в арктической зоне и на севере Сибири.

ТИПОЛОГИЯ

списка древние составили числом 48, старые — 59, молодые — 35. По типу пространственной изоляции: «турбулентных» сообществ всего 35, изолированных 41, а промежуточный «ординарный» тип составили 66 обществ. Такое распределение по ячейкам матрицы соответствует принятому мною исходно методологическому принципу описания социальной структуры преимущественно древних и старых изолированных или частично изолированных сообществ, а также молодых изолированных. Таковых всего 97 сообществ. Остальные 45 сообществ являются молодыми неизолрованными либо «турбулентными» сообществами.

Естественно, что реальные различия имеют размытые границы между всеми девятью подтипами сообществ как по степени пространственной изоляции, так и по возрасту их центров. Особенно характерна такая размытость для «ординарного» типа сообществ. Это проявляется и при описании их структурных особенностей, как в части территориальной структуры, так и социально-экономической структуры. Поэтому не все девять выделенных групп локальных сообществ составят содержательную основу для описания характерных особенностей социальной структуры. В центре моего внимания сообщества, наиболее характерные для типов изолированных и «турбулентных». Напротив, «ординарные» сообщества, как тип промежуточный, а потому размытый и не всегда достаточно определённый, рассматриваются только в особых случаях. Кроме того, и глубина (ёмкость) моих полевых наблюдений, несомненно, значительно различается от сообщества к сообществу.

На следующих трёх картах-схемах (рис. 3, 4 и 5) показано размещение по территории России трёх типов сообществ, выделенных по критерию пространственной изоляции. Наименование сообщества дано по имени его центра (города). Иногда сообщество поименовано соответственно историческому названию местности. Географические различия между типами очевидны и ожидаемы, особенно между полярными типами. Изолированные сообщества чаще встречаются на Севере и в Сибири, хотя они есть и вблизи мегаполисов. В Европейской части России изолированные сообщества располагаются на севере

(Русский Север). Обычно это таёжная зона с песчаными почвами, здесь мерзлотные грунты (зона вечной мерзлоты). Такие природно-климатические условия выступали важнейшим фактором, определившим низкую плотность и изолированность многих сообществ. Численность и плотность населения здесь существенно, на порядок, ниже средних для России и региона (области, края, республики), где расположены эти сообщества. Соответственно, и размеры территорий изолированных сообществ велики, особенно на Севере. Здесь территории на порядок больше, чем в средней полосе и на два порядка — чем на юге.

ТАБЛИЦА 3

Распределение локальных сообществ основного списка по девяти типам в зависимости от продолжительности существования (по дате основания главного поселения) и пространственной изоляции (удалённости от главных транспортных магистралей)

Возраст сообщества Тип пространственной изоляции	Древние (800–1500), n = 48	Старые (1500–1860), n = 59	Молодые (1860–1960), n = 35
«Турбулентные», n = 35	Вышний Волочёк Зубцов Кандалакша Кемь Олонец Ростов Великий Ржев Себеж Юхнов	Алагир Анапа – сельская округа Гаврилов-Ям Злынка Зубова Поляна Искитим Майма Нерчинск Нижнеудинск Новозыбков Очёр Семёнов Тамань Темрюк Усть-Лабинск Чуша	Бикин Биробиджан Большой Камень Зуевка Кизилорт Мантурово Медвежьегорск Облучье Шарья Шипуново

«Ординарные», n = 66	Беломорск Белозерск Бежецк Боровичи Великий Устюг Велиж Галич Гаврилов Посад Дорогобуж Кашин Касимов Кинешма Кириллов Киржач Козельск Макарьев Нерехта Никольск Старая Русса Старица Суздаль Торопец Тотьма Тутаев- Романов Углич Юрьев- Польский	Ардатов Ардон Буй Гурьевск Гусь-Хрустальный Демидов (Поречье) Дигора Дмитровск Змеиногорск Енисейск Камень-на-Оби Кимры Козьмодемьянск Красноуфимск Кяхта Лабинск Любим Маслянино Новохопёрск Оса Подпорожье Пошехонье Слободской Сураж Сысола (Визинга) Талдом Урюпинск Хвальнск Чикола-Ираф Чистополь	Алдан Болгар Гусиноозёрск Кавалерово Качканар Нея Усть-Кан Ханка (Камень- Рыболов) Хасан (Славянка) Чуна
Изолирован- ные, n = 41	Варнавино Гдов Демянск Каргополь Мезень Онега Пудож Солигалич Темников Удора Умба Чердынь Чухлома	Верхотурье Ветлуга Вознесенье-Вохма Гергебиль Горбатов Гуниб Качуг Кологрив Лешуконское Ольга Сузун Тара Чарышское	Амурзет Анабар Варнек (Вайгач) Караидель Краснощелье Курмач-Байгол Ленинское Преображение Сокольское Соловки Томпо Тура Улаган Эржей-Сизим Эссо

Рис. 3. Распределение по территории России обследованных автором изолированных локальных сообществ из основного списка

Рис. 4. Распределение по территории России обследованных автором «турбулентных» локальных сообществ из основного списка

Рис. 5. Распределение по территории России обследованных автором «ординарных» локальных сообществ из основного списка

3.5. ТИПОЛОГИЯ ПО ПРИЧИНАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВ

Типологизация осуществлена также по источникам развития местных обществ и складывающихся в процессе такого развития родственных, соседских и статусных отношений. Возможны три варианта. Первый – (1) новообразующееся общество, формирующее свой состав и структуру непосредственно на наших глазах. Противоположным ему типом будет (2) исторически длительно существующее общество, которое в момент его наблюдения представляется развивающимся в силу естественных факторов (насколько это возможно для социальных образований). Наконец, третьим по природе создания и современного развития будут (3) общества, созданные принудительно, путём государственной акции по добровольному или насильственному переселению людей на новую для них территорию и организации поселе-

ния (города) ради экономических или политических целей; затем на территории, окружающей новообразованный город, формируется его сельская округа. Как хорошо известно, принудительный характер социального развития является постоянным и, вероятно, ведущим фактором политогенеза [Carneiro, 1970], действующим прежде всего на локальном уровне.

Совершенно очевидно, что логика такой типологизации состоит в том, чтобы различить и описать общества, созданные принудительно и в последующем развивающиеся по каким-то иным «законам», нежели общества, складывавшиеся и развивающиеся без какого-либо целенаправленного однократного или многократного принудительного воздействия на них, т.е. общества, которые с определённой долей уверенности можно было бы считать «естественно развивающимися».

Поскольку эта типология естественности/принудительности развития общин базируется, как и первые две, на эмпирических наблюдениях (соответственно, имеет эмпирическую интерпретацию), то из трёх указанных возможных типов мы наблюдаем в реальности только два. Первый тип общества не представлен ни одним наблюдением конкретного локального сообщества. Мне кажется, что такое наблюдение, будь оно возможным, носило бы характер весьма длительного включённого наблюдения. Таким образом, мы располагаем материалом о локальных сообществах, развивающихся либо (1) в естественных социально-исторических условиях, без существенного или видимого внешнего понуждения или принуждения, либо (2) в условиях принудительной инициации и продолжающегося же принудительного направления их развития. Я предполагаю, что имеют место различия между такими типами обществ, которые можно выделить помимо различий, обусловленных длительностью развития или изолированностью их существования.

Очевидно, однако, что имеется связь факторов длительности существования и естественности/принудительности формирования и развития сообществ. Большинство сооб-

ТИПОЛОГИЯ

ществ первого типа («естественного развития») в этом отношении относятся к древним и старым. Многие же принудительно сформированные сообщества есть молодые. Однако прямой и значительной корреляции нет. Тем более многие сообщества, которые мы ныне рассматриваем как «естественно сложившиеся», на ранних этапах своего существования формировались вокруг городов-крепостей и острогов, развивались из городских пригородов. Сельская округа таких обществ, особенно на европейском юге России, на Урале и в Сибири складывалась уже во вторую очередь. Лишь большая длительность существования таких обществ способствовала тому, что их развитие в течение веков приобрело характер *как бы естественного*.

Отличие обществ второго типа (принудительного образования и последующего управляемого развития) от первых, «естественных» обществ, заключается прежде всего в том, что центральное поселение будущего общества создавалось на пустом месте, заново, государственным усилием — первоначально как завод или фабрика, промышленный или транспортный узел, как военное поселение, острог, крепость. А вся его будущая сельская округа формировалась вслед за развитием центра, во вторую очередь, нередко выносилась, «разливалась из посада». Если на территории к тому моменту уже существовали аборигенные поселения, они быстро ассимилировались, их население привлекалось или переселялось в город-завод в качестве работников так же, как и завозимое извне население. Так складывались локальные сообщества на Урале в XVII–XVIII вв. вокруг горных заводов [Любомиров, 1937; Кафенгауз, 1949; Преображенский, 1972; Байдавлетова, 2008]. Так же складывались сообщества в Сибири вокруг острогов «засечных черт» [Сибирь, 2007], а особенно в XIX в. при создании горнорудных и железоделательных заводов на Рудном Алтае (нынешние территории Казахстана) и в Забайкалье (нынешние Бурятия, Тува и Забайкальский край). Так же формировалось большинство, если не все, казачьих и крестьянских переселенческих обществ Дальнего Востока в XIX в. [Кабузан, 1976; Мищук, 2013]; так же и в те же годы формировались переселен-

ческие общины Северного Кавказа, например, в Северной Осетии [Безоров, 2013; Архивный фонд Осетии, 2017].

Поэтому, вероятно, наиболее важным отличительным признаком этих двух типов обществ является первичность/вторичность образования основных структурных элементов территории: административного центра и сельской округа. В естественно развивающихся обществах сельская округа первична, а центры обществ формируются во вторую очередь, вырастая из деревень или из возводимых в сельских «кустах» государственной и церковной администрацией погостов и сёл²³. Даже если такие общества создавались первоначально как остроги и их будущая территориальная структура и первоначальный состав населения определялись государственным принуждением, в дальнейшем, в течение длительного времени сельская округа *превозмогала* город («деревня окружает город» – *Мао Цзэдун*) и надолго становилась доминирующей по многим компонентам структуры общества (например, различия между административным центром-селом и поселениями деревенской округа в численности населения, родственно-соседских отношениях, экономическом поведении и территориальной организации; все эти компоненты исторически были более развиты в деревнях).

В принудительно создаваемых сообществах, напротив, города-центры первичны, а сельская округа формируется во вторую очередь. Её формирование идёт тремя путями. В одном случае сельская округа складывается *de novo*, когда засе-

²³ Погост есть первоначально место, обустроенное для периодического или постоянного пребывания представителя государства; обычно он формировался в процессе развития «*полюдья*» в X–XIII вв. [Кобищанов, 1995]. Поскольку на погосте почти всегда выстраивалась церковь, очень скоро он стал и приходским центром в церковной администрации, превратившись в «село». Село есть центр сельского церковного прихода для «*куста*» деревень. Первоначально, вплоть до середины и даже до конца XIX в. в селе имелись только церковь и несколько домов для священника, церковного причта, приюты для сирот, нищих и убогих. В сёлах насчитывалось не более десятка обитателей, тогда как в окрестных деревнях – сотни и даже тысячи жителей. Нередко погосты и сёла объединялись на одной территории.

ТИПОЛОГИЯ

ляется пустая или почти пустая территория, что в российских условиях не было редким явлением. Обычно новое заселение пустой территории осуществляется пришлым населением, *понуδήποτε* переселяемым государством на новые земли. Такова ситуация хорошо известна и продолжалась все последние пять-шесть веков территориальной экспансии Российского государства. Так было на степном юге Европейской России в XV–XVII веках, на Урале и в Сибири в XVI–XVIII веках, на Дальнем Востоке в XVIII–XIX веках, а, например, совсем недавно, в XX веке – в Калининградской и в Мурманской областях.

Во втором случае вторичного формирования сельской округи происходит так, что новые города (остроги, крепости) внедряются на территорию существующих сельских общин аборигенов, обычно малочисленных и слабых, неспособных противостоять волнам новых мигрантов, потому быстро ими ассимилируемых; на окраинах, в менее удобных для проживания местах остаются редкие и малочисленные деревни прежнего аборигенного населения. Нередко переселенцам в этом помогает и государство, настигая сельских мигрантов, строя в новых местах новые города-остроги и проводя политику по удалению аборигенного населения с территории нового развития. Здесь мы знаем достаточно яркие примеры переселения народов Крыма [Кизилов, 2016], Восточного Туркестана [Лурье, 1996] и Северного Кавказа [Цуциев, 2006].

Третий путь формирования сельской округи противоположен второму: здесь, напротив, аборигенное сельское население окраин административного дистрикта начинает вселяться на его территорию, главным образом по причинам безопасности – созданная заново русская крепость призвана защищать окрестное население. Оно начинает подселяться ближе к крепости. Постепенно сельская округа наполняется и переполняется, её население начинает стягиваться в сам центр – город-крепость – и со временем аборигенное этнически нерусское население численно замещает первоначальных насельников. В некотором отношении коренное этническое население, некогда выселенное со своих родовых террито-

рий, возвращается и вселяется обратно на уже административно обустроенную и безопасную территорию. Со временем оно замещает насельников, ранее захвативших их территорию либо предоставивших им безопасность строительством укреплений. Такая ситуация повсеместно характерна для Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и Чечни.

Существуют, однако, хотя редко, и такие вариации, когда новое, этнически иное население, поселяясь при участии государства на уже занятую территорию, вынуждено селиться на неудобницах и в результате этого постепенно вступает в конфликт с местным населением. Последствия конфликта могут быть неблагоприятны как для одной, так и для другой стороны. Поскольку в результате государственного акта такое местное общество составляется принудительно, то всё зависит от позиции государства, какую оно займёт в таком конфликте. Приведу один известный мне пример, полученный на месте. В Ханкайский и Никольско-Уссурийский округа, а также другие округа Приморского края в 1920–1930-е годы осуществлялось переселение северных корейцев на земли казачьих обществ, заселивших эти территории уже за столетия до того, во второй половине XIX века. Очень скоро возникшие межэтнические конфликты, по преимуществу из-за земли, потребовали срочных предупредительных мер со стороны государства, в результате чего вся корейская диаспора Приморья была централизованно переселена в Казахстан²⁴. Несколько сходная ситуация, хотя и не сопоставимая по масштабу, на-

²⁴ Важно обратить внимание на то, что это была не депортация в результате политических репрессий, а переселение, предупреждавшее назревающий конфликт между русскими казаками и крестьянами-переселенцами из западных областей, с одной стороны, и северо-корейскими крестьянами, с другой. Корейскому населению при переселении не только позволялось взять с собой всё движимое имущество, они перевезли даже общественное имущество школ, а на новых местах получили полную компенсацию за оставленные жилища и смогли сразу же купить или построить новое жильё. Поэтому корейские колхозы в Северном Казахстане в первые же годы своего существования стали более богатыми сравнительно с аборигенами.

ТИПОЛОГИЯ

блюдается в арктических сообществах, создававшихся из кочевого населения путём его «укоренения» на земле. Например, так создавались общества Анабара на севере Восточной Сибири и Эссо на Камчатке, где численно преобладающие группы этнических мигрантов вселялись, при участии государства, на территорию коренного населения, что способствовало возникновению и сохранению до наших дней межэтнических конфликтов из-за земли (проблема размежевания и утраты родовых угодий).

В табл. 4 приведён список обществ, дифференцированных на два типа – «естественные» и «принудительные» (см. также рис. 6). В табл. 5 представлена более подробная дифференциация сообществ, разнесённым по типам на основе двух критериев – изоляции и источника развития. Именно эта дифференциация использована мной в дальнейшем для типологии местных обществ.

ТАБЛИЦА 4

Распределение локальных сообществ основного списка по типам естественности/принудительности развития

Естественно-исторически сложившееся, n = 89		Принудительно созданное n = 53	
Анапа	Любим	Алагир	Мантурово
Ардатов	Майма	Алдан	Маслянино
Бежецк	Макарьев	Амурзет	Медвежьегорск
Белозерск	Мезень	Анабар	Нерчинск
Беломорск	Нерехта	Ардон	Нея
Боровичи	Никольск	Бикин	Нижнеудинск
Буй	Новозыбков	Биробиджан	Новохопёрск
Варнавино	Олонец	Болгар	Облучье
Велиж	Онега	Большой Камень	Ольга

Окончание таблицы 4

Великий Устюг	Оса	Варнек (Вайгач)	Очёр
Ветлуга	Пошехонье	Верхотурье	Подпорожье
Вознесенье-Вохма	Пудож	Гуниб	Преображение
Вышний Волочёк	Ржев	Гурьевск	Соловки
Гаврилов Посад	Ростов Великий	Гусиноозёрск	Сузун
Гаврилов-Ям	Себеж	Гусь-Хрустальный	Томпо
Галич	Семёнов	Дигора	Тура
Гдов	Слободской	Змеиногоorsk	Усть-Лабинск
Гергемилъ	Сокольское	Зуевка	
Горбатов	Солигалич	Искитим	Ханка (Камень-Рыболов)
Демидов (Поречье)	Старая Русса	Кавалерово	
Демянск	Старица	Качканар	Хасан (Славянка)
Дмитровск Орловский	Суздаль	Кизилюрт	Чарышское
Дорогобуж	Сураж	Красноуфимск	Чикола (Ираф)
Енисейск	Сысола (Визига)	Курмач-Байгол	Чуна
Злынка	Талдом	Кяхта	Чупа
Зубова Поляна	Тамань	Лабинск	Шарья
Зубцов	Тара	Ленинское	Шипуново
Камень-на-Оби	Темников		Эссо
Кандалакша	Темрюк		
Караидель	Торопец		
Каргополь	Тотьма		
Касимов	Тутаев-Романов		
Качуг	Углич		
Кашин	Удора		
Кемь	Улаган		
Кимры	Умба		
Кинешма	Урюпинск		
Киржач	Усть-Кан		
Кириллов	Хвалынский		
Козельск	Чердынь		
Козьмодемьянск	Чистополь		
Кологрив	Чухлома		
Краснощелье	Эржей-Сизим		
Лешуконское	Юрьев-Польский		
	Юхнов		

ТАБЛИЦА 5

Распределение 142 локальных сообществ основного списка по 6-ти типам в зависимости от характера пространственной изоляции и естественности/принудительности возникновения и развития

Характер развития сообщества Тип пространственной изоляции	Естественно-исторически сложившиеся сообщества, n = 89	Принудительно созданные сообщества, n = 53
Изолированные сообщества, n = 41	Варнавино Ветлуга Вознесенье-Вохма Гдов Гергебиль Горбатов Демянск Караидель Каргополь Качуг Кологрив Краснощелье Лешуконское Мезень Онега Пудож Солигалич Тара Темников Удора Умба Чердынь Чухлома Эржей-Сизим	Амурзет Анабар Варнек (Вайгач) Верхотурье Гуниб Курмач-Байгол Ленинское Ольга Преображение Сокольское Соловки Сузун Томпо Тура Улаган Чарышское Эссо

Продолжение таблицы 5

<p>«Ординарные» сообщества, n = 66</p>	<p>Ардатов Бежецк Белозерск Беломорск Боровичи Буй Велиж Великий Устюг Гаврилов Посад Галич Демидов (Поречье) Дмитровск-Орловский Дорогобуж Енисейск Камень-на-Оби Касимов Кашин Кимры Кинешма Киржач Кириллов Козельск Козьмодемьянск Любим Макарьев Маслянино Нерехта Никольск Оса Пошехонье Слободской Старая Русса Старица Суздаль Сураж Сысола (Визига) Талдом Торопец Тотьма Тутаев-Романов Уglich Урюпинск</p>	<p>Алдан Ардон Болгар Гурьевск Гусиноозёрск Гусь-Хрустальный Дигора Змеиногорск Кавалерово Качканар Красноуфимск Кяхта Лабинск Нея Новохопёрск Подпорожье Ханка (Камень-Рыболов) Хасан (Славянка) Чикола (Ираф) Чуна</p>
---	---	--

<p>«Ординарные» сообщества, n = 66</p>	<p>Усть-Кан Хвалынский Чистополь Юрьев-Польский</p>	
<p>«Турбулентные» сообщества, n = 35</p>	<p>Анапа Вышний Волочёк Гаврилов-Ям Злынка Зубова Поляна Зубцов Кандалакша Кемь Майма Новозыбков Олонец Ржев Ростов Великий Себеж Семёнов Тамань Темрюк Юхнов</p>	<p>Алагир Бикин Биробиджан Большой Камень Зуевка Искитим Кизилюрт Мантурово Медвежьегорск Нерчинск Нижнеудинск Облучье Очёр Усть-Лабинск Чупа Шипуново Шарья</p>

Рис. 6. Распределение по территории России местных обществ, отнесенных к типу «принудительного образования и развития»

3.6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ТИПОЛОГИЙ ПО НЕСКОЛЬКИМ ОСНОВАНИЯМ

Когда типологию социальной структуры осуществляешь не по одному основанию, а по нескольким, возникают новые неожиданные «аналитические феномены», неудобные для объяснения, но и требующие его. На них надо либо «закрывать глаза» (утаивать), либо искать разъяснения и делать предположения, от чего не отказываются ответственные авторы, такие, например, как Джордж Мёрдок [Murdock, 1947; рус. изд.: Мёрдок, 2003, с. 220–338]. В моём случае дефектом «множественной типологизации» является хотя и вполне ожидаемый, но неудобный для анализа факт появления лагун в ячейках типологической таблицы, когда она строится сразу по трём основаниям: возрасту сообщества, пространственной изоляции и естественности/принудительности его возникновения и развития (табл. 6). Из ожидаемых в этом случае 18 типов структур, представленных локальными сообществами, мы обнаруживаем, что пять из них не репрезентируются ни одним обществом из моей основной выборки. Видим, что в когорте древних обществ нет обществ принудительного развития, независимо от их пространственной изолированности. И наоборот, в когорте молодых сообществ, также независимо от изоляции, нет (практически) сообществ естественного развития. Более того, таких данных я не могу получить и из дополнительной выборки — заполнить лагуны в матрице нечем. То есть при наблюдениях в почти трёх сотнях сообществ фиксируется невозможность заполнить матрицу всех возможных типов обществ. Вероятно, это есть закономерность, а не следствие ошибки малой выборки.

Это свидетельствует о том, что сами основания типологий имеют ограниченную объяснительную ценность. Хотя мы можем легко оправдать (и выше я об этом писал), например, пол-

ТИПОЛОГИЯ

ное отсутствие обществ принудительного развития в когорте древних. При этом в отношении не менее половины из них можно утверждать первоначально принудительный характер образования центрального поселения. Но дальнейшее развитие таких обществ шло без значительных длительных инвазий со стороны государства (хотя в ряде случаев и при катастрофических потрясениях, например во время войн). Столь же объяснимо и то, что молодые неизолированные или «турбулентные» сообщества все образованы принудительно. Это есть прямой результат индустриального развития, дополненный национально-государственным строительством советского периода (перевод сельского инонационального населения в города, как и перевод кочевых народов на оседлый образ жизни). Таким образом, мы видим, что при использовании одного или даже двух оснований для типологии все возможные варианты типов социальной структуры оказываются заполненными. Но уже при применении трёх оснований типологическая матрица лишается трети возможных типов. Допустимое количество вариантов составляет лишь $\frac{2}{3}$ от всего ожидаемого количества. Начинают вступать в силу факторы эколого-географические, описывавшиеся в параграфе 3.1. Следовательно, использование комплексной типологии (по трём, а не по одному или двум основаниям) является в лучшем случае спорным подходом, не позволяющим делать уверенные заключения. Хотя возможно и противоположное утверждение, что множественная типологизация позволяет увереннее выделить поле реализуемых значений из поля теоретически возможных значений. Допускаю, что если бы я добавил ещё какой-либо новый критерий типологизации, то в результате получил бы матрицу типов с гораздо большим количеством лакун.

Тем не менее в следующих главах я использую все три типологических основания для обобщённого описания разных аспектов структуры локальных сообществ, прежде всего территориальной и социально-экономической. Как оказалось, такой подход эвристичен, поскольку позволяет редуцировать возможное множество типов (18) к нескольким немногим, в частности, к шести и даже всего лишь к четырем.

ТАБЛИЦА 6

Распределение локальных сообществ основного и дополнительного списков по типам, устанавливаемым по трём основаниям: возрасту сообщества, пространственной изоляции и естественности/принудительности его возникновения и развития (названия местных обществ приведены в табл. 3–5)

Тип пространственной изоляции	Естественность или принудительность развития	Возраст сообщества					
		Древние, n ₁ = 48 n ₂ = 39		Старые, n ₁ = 59 n ₂ = 56		Молодые, n ₁ = 35 n ₂ = 48	
		1*	2**	1	2	1	2
«Турбулентные», n ₁ = 35 n ₂ = 50	Принудительное развитие, n ₁ = 17 n ₂ = 26	0	0	7	6	10	20
	Естественное развитие, n ₁ = 18 n ₂ = 24	9	15	9	9	0	0
«Ординарные», n ₁ = 66 n ₂ = 59	Принудительное развитие, n ₁ = 21 n ₂ = 24	0	0	12	8	9	16
	Естественное развитие, n ₁ = 45 n ₂ = 35	25	16	19	19	1	0
Изолированные, n ₁ = 41 n ₂ = 34	Принудительное развитие, n ₁ = 15 n ₂ = 13	0	0	5	1	10	12
	Естественное развитие, n ₁ = 26 n ₂ = 21	13	8	8	13	5	0

1* — основной список; 2** — дополнительный список; n₁ — количество местных обществ основного списка в данной подгруппе; n₂ — то же из дополнительного списка.

ГЛАВА 4

ТЕРРИТОРИЯ

Территория есть наиболее зримое физическое воплощение социальных отношений, но в то же самое время и наименее возможное для их понимания. Территориальные взаимодействия детерминируют отношения соседства, а последние есть первичное основание материального производства, то есть экономики *вне и до* рынка. При этом универсальность территориального поведения детерминирована и биологически, что вынуждает рассматривать территориальные отношения людей как имеющие внесоциальную подоснову. Поэтому и территориальная структура человеческих обществ почти бессознательно воспринимается нами как инвариант, имеющий слишком глубокие корни, чтобы сделать их доступными социальному анализу. Или является как минимум архаическим социальным институтом. Как таковой, этот институт имеет две составляющие: неизменную, архаическую, внесоциальной природы и вариативную, детерминированную факторами социальной и политической природы. В этой главе я делаю акцент на анализе второй, вариативной части, однако постоянно держу во внимании и инвариантный компонент территориальной структуры. Наличие двух компонентов обуславливает появление множества форм территориальной структуры, выстроенной на основе, состоящей из очень немногих постоянных элементов. Само же множество территориальных форм позволяет осуществлять их типологию. Типология территорий основана на типах местных обществ, выделяемых по трём вышеуказанным критериям. В итоге я рассматриваю шесть вариантов территориальной структуры провинциальных обществ, которые в конечном счёте сводятся к четырём типам территорий, различных по всем базовым характеристикам.

В данном исследовании нас интересует не территория сама по себе, а территориальная структура локального общества, представленная в её многообразии и конкретных формах. Для этого необходимо выделить и описать типы локальных территорий в привязке к конкретным обществам. Без такой типологии, как простейшей формы обобщения эмпирического материала, описание разнообразных territori-

ТЕРРИТОРИЯ

альных форм невозможно. Соответственно, изложение в данной главе требует такой последовательности. Во-первых, зафиксированы принципы пространственной организации, специфичные для российского провинциального местного общества. Во-вторых, описаны характер и механизмы соседства и связности членов локального сообщества, рассматриваемые мною в качестве оснований для типологии локальных территорий. В-третьих, выписана типология локальных территорий, основанная на типологии локальных обществ, рассмотренной в предыдущей главе. Это даёт возможность дифференцировать вариации локальной территориальной структуры в разных регионах России. Она также позволяет, в-четвёртых, выявить и представить, насколько это возможно, «типовую» территорию и селитебную организацию провинциального местного общества.

4.1. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Соседство есть первое и главное социальное отношение, детерминирующее социальную структуру через территориальную структуру. Это есть опосредованная связь локального сообщества с окружающей физической средой; среда в результате преобразования становится ландшафтом (нередко тавтологично называемым «культурным ландшафтом»). Соседство манифестируется через территорию; его особенные формы — через территориальную структуру. Территория есть освоенное и присвоенное пространство. Точнее, территория — это ресурсы, испомещённые в физическом пространстве и распределённые в нём способом, некогда определённым членами местного общества. Основными компонентами локальной территории являются три:

- 1) центр (город, «местечко»);
- 2) его сельская округа, включающая от одного до нескольких сотен поселений;

3) границы территории, физические и символические, однозначно репрезентирующие принадлежность пространства данному сообществу.

Все три компонента взаимодополнительны: не бывает одного без другого и третьего. Если общество развивается естественно, спонтанно, тогда со временем из состава сельской округи формируется центр, выполняющий экономические, социальные и управленческие, в том числе административно-государственные, функции (что соответствует известной теории Р. Карнейро [Carneiro, 1970; см. также Carneiro, 2003, chapters 9 and 10]). Если общество создаётся принудительно, государственным усилием, когда вначале формируется поселение-центр, то со временем из него «выползает» (расползается) его сельская округа. Соответственно, любая поселенческая структура, как «вырожденная», так и «распространённая» (развитая), автоматически создаёт границы: ограничивает физическое пространство сообразно имеющемуся у этого общества потенциалу контроля ресурсов, размещённых в этом пространстве. Собственно говоря, указанные три компонента исключительно и составляют тот базовый каркас, на котором выстраивается территориальная структура во всём множестве вариантов.

При этом отдельные элементы, вырастающие из этого базового каркаса и составляющие территориальную структуру, есть следующие (см. также: [Гольц, 1995; Родоман, 1999; Город и деревня..., 2001; Тархов, 2005; Трейвиш, 2009; Шишков, 2009]):

- 1) собственно пространство как ресурс жизнеобеспечения, точнее, совокупность вмещающих ландшафтов;
- 2) проницаемость пространства как необходимое условие освоения и преобразования его в территорию;
- 3) пути, обеспечивающие проницаемость пространства, т.е. транспортные коммуникации, обеспечивающие доступность ресурсов и их перенос внутри и за пределы территории;
- 4) границы, или барьеры, необходимые для определения условий контроля и использования ресурсов;

ТЕРРИТОРИЯ

- 5) территория сама по себе, как ограниченное и освоенное пространство, её размеры и конфигурация;
- 6) собственно поселения, необходимые для комфортного жизнеобеспечения людей и существования всего сообщества; сюда же включается иерархия поселений – подразделение их на центр и округ;
- 7) селитебная и коммунальная инфраструктура поселений, определяющая комфортность обитания и проживания населения и характеризующая степень обустроенности, обжитости территории;
- 8) хозяйственно-экономическая (производственная) инфраструктура, определяющая характер и специфику экономической деятельности населения, включая их хозяйственные практики, промыслы.

4.2. ПРИНЦИПЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО ОБЩЕСТВА

Пространственная организация российского провинциального местного общества базируется, по моему представлению, на трёх разнородных принципах. Во-первых, это принцип структурной иерархии территории (присущий, впрочем, любым локальным сообществам). Во-вторых, вероятно, специфически российский принцип «волновой» временной организации локального пространства. Наконец, в-третьих, принцип территориального постоянства населения.

Конечно, принцип структурной иерархии территории есть всеобщий принцип организации пространства любого оседлого земледельческого общества. Он есть непосредственное следствие организации территории по принципу «центр – периферия», представленных в таких, например, теориях, как система центральных мест (System der zentralen Orte) В. Кристаллера [Christaller, 1966; 1980] и теория «узловых районов» и «картоидов» Б. Б. Родомана [Родоман, 1999]. Территориальную основу

любого общества, где имеют место хотя бы самые первичные формы политической организации²⁵, всегда и без исключения составляют два взаимозависимых элемента: «местечко» (городок или село) и его сельская округа. «Местечко» является экономическим, хозяйственно-ремесленным, религиозным и административным центром сельской округа. Мы наблюдаем это и в исторической ретроспективе, независимо от того, о каком обществе и на каком этапе социальной эволюции ведём речь (см.: [Куза, 1983; Миронов, 1990; Гольц, 1995; Peregrine, Ember, 2001–2002; Крадин, 2007]).

Если вопрос рассматривать в масштабе провинциального местного общества, то иерархия мест в России имеет два или три уровня. Низовой первый уровень есть поселения — деревни и хутора, составляющие хозяйственную базу территориальной структуры. В рамках теории В. Кристаллера это уровень «культурной поляны», или «дема». Второй уровень — село, которое вкупе с сельской округой и составляет в полной мере популяционно-демографическую и социальную общность; на этом уровне впервые манифестируется и реализуется местное самоуправление, т.е. до- и внегосударственные административные функции. Следовательно, здесь же мы фиксируем наиболее явные признаки социальной самоорганизации, без которой невозможно и самоуправление. Собственно говоря, это и есть уровень общины.

Третий уровень территориальной организации в провинции состоит из нескольких сёл с их сельскими округами, тянущимися к более крупному «уездному» городу. Это уровень в российских реалиях — уровень уезда имперских времён или современного района. На этом уровне совокупность поселений, объединённых местечком и уездным городом, образует

²⁵ Однако, как показывают материалы, собранные Р. Peregrine в *Atlas of Cultural Evolution*, существование города не всегда предполагает автоматически и наличие политической организации [Peregrine, 2003]; аналогичного рода аргументы приводят и Дж. Дженнингс и Т. Эрл [Jennings, Earle, 2016]. Однако имеет место и иная позиция: см. [Carneiro, 1981; 2003]. В то же время такая организация пространства присуща не только земледельческим обществам, но иномадам, по крайней мере на стадии политической организации вожеств и кочевых империй (см.: [Крадин, 2007]).

ТЕРРИТОРИЯ

социально-экономическую общность. Одновременно она приобретает статус низовой административно-политической единицы: здесь уже появляются органы государственной власти (по крайней мере в лице представителей власти). А самоорганизация, реальное местное самоуправление занимает здесь подчинённое положение. Обычно эта общность и именуется «местным обществом».

По моему представлению, характерной российской особенностью является уникальная временная организация локального пространства, когда оно превращается в территорию местного общества. Временная организация влияет и, возможно, определяет и сам характер распределения отдельных поселений по территории сообщества. В частности, такая особенность определяет наличие во многих сообществах значительной доли «выморочных» поселений, а также особую динамичность внутрипоселенческой структуры. Наличие характерной временной организации территории представляется мне специфичным для российского общества, возможно, уникальным явлением, поэтому это требует более подробного изложения. При этом давно известны и широко представлены аргументы в пользу цикличности социальной истории [Sorokin, 1927 (1998); Losch, 1937; Maier, 1964; Goldstein, 1988; Fisher, 1996; Nefedov, 2004]. Но в данном случае я говорю о циклической локальной динамике, то есть только в масштабах местного общества. Эта динамика почти всегда выпадает из поля интересов исследователей.

На протяжении всей нашей истории мы наблюдаем повсеместно своеобразные «волны» прилива и отлива населения в пространстве как в глобальном масштабе, на больших территориях Русской равнины, так и локально. Эта динамика, предполагаю, образована двумя разными по своей природе процессами. Накладываясь друг на друга, эти процессы дают весьма сложный узор, который мы время от времени наблюдаем и описываем, но часто не дешифруем. Сам этот сложный узор тысячелетнего «популяционного мерцания» на громадном пространстве европейской России создаётся следующим образом. Он как бы состоит из двух интерферирующих «слоёв». Первым, фоновым слоем является на протяжении последнего тысячелетия

многократно повторяющийся процесс разбегания населения по пространству страны от центра к периферии, на её окраины. Время от времени такое разбегание то нарастает, то затухает, создавая центробежные волны плотности населения, растянутые во времени на десятилетия и столетия. Хотя такие волны носят длительный и масштабный характер, их влияние прослеживается и на локальном уровне. Вторым, уже более локальным волновым процессом, является столь же регулярно случающиеся приливно-отливные демографические явления. Практически в каждой точке пространства, в пределах территорий нескольких смежных местных обществ, периодически повторяются процессы запустения земли из-за ухода населения, вслед за чем, через два-три поколения, возникают тенденции нового заселения этой территории.

Первый из этих «волновых слоёв» — периодический центробежный демографический процесс разбегания населения, отчётливо наблюдаемый историками уже во времена Русского царства на отдельных временных интервалах, — издавна привлекает их внимание, его замечают как явление, имеющее военно-политические и религиозно-политические причины (см., напр.: [Соловьёв, 1990, кн. V, т. 10, гл. 1, с. 357–440; кн. VII, т. 13, гл. 1, с. 40–48; гл. 2, с. 173–175; Паскаль, 2011, с. 34–49, 51–58; Панарин, 1999; Трейвиш, 2009, с. 112–125]). Предположительно этот периодический центробежный процесс вызван как «родовыми» особенностями Российского государства, именно «ресурсным» его характером [Kordonsky, 2016], так и внешними факторами, прежде всего так называемым «кочевническим тормозом» (nomadic brake, см: [Anderson, 2007, p. 209]), имевшим регулярный и периодический характер в течение всей восточноевропейской и особенно русской истории [Вернадский, 2018 (1966); Крадин, 2007]. Хотя этому последнему фактору придают обычно определяющее значение, надо иметь в виду и длительно действующий фактор двустороннего направления внешней агрессии по отношению к России. Прежде и раньше всего это регулярные набеги кочевников с востока и юго-востока, происходившие с самых тёмных веков вплоть до первой трети XVII века [Вернадский, 2018 (1966); Гумилёв, 2006]. Затем столь же регу-

лярные «немецкие» захватнические попытки с запада и северо-запада, начавшиеся уже с XII века и вплоть до нашего времени (см.: [Lieven, 2003, chapter 6; Teschke, 2003, part III, 5]). Взаимодействие же русского населения с русским государством имеет свои особые последствия. Государство озабочено наличием податного населения и контролем его. Но, в отличие от Европы, и процесс изъятия податей иной, иные же и механизмы контроля населения, поскольку и причины иные. Исходным пунктом такой специфически русской динамики многие считают монгольское завоевание. Монгольская экспансия принесла в Русский мир *Пространство*. Московское княжество наследовало потомкам хана Бату и хана Узбека не только систему государственного управления, судебную, дипломатическую, фискальную, финансовую системы [Вернадский, 2018 (1966); Прохоров, 2002, с. 84–106, 144–160, 218–227; Юрченко, 2012], оно получило от Улуса Джучи и особое наследство: особенное освоение пространства и устройство его как *территории кочевания*. Оно выразилось в новом уже отношении государства к подданным (ср.: [Вернадский, 2018 (1966)], а также [Anderson, 2007, p. 212–214], [Крадин, 2007, с. 95–110]).

Появление новых традиций на фоне сохранившихся, не утраченных народом старых, домонгольских и по большому счёту безусловно демократических традиций, имело одним из результатов бегство населения от государства. Пространства у нас большие и пустые. Но на значительной части Европейской России и в Сибири это не степи, а леса. Здесь кочевая по духу экспансия («носимого-с-собой» пространства, или «право перемещения» в пространстве) требует иных механизмов освоения, нежели у кочевников. Такие механизмы уже имелись в арсенале нашего населения. Редкие *дымь* деревень среди бескрайних лесных просторов. Реки как дороги, уникально многочисленные и изобильные в России сравнительно со всеми другими странами. И так, начиная от Пскова и Новгорода и кончая Тобольском, Томском и Хабаровском, мы видим одну и ту же картину. Народ кустится среди бескрайних лесов, прижимаясь к многочисленным и полноводным рекам. Со временем сюда к недавно осевшему на новые земли населению приходит и государство. И там,

где население уже разместилось, государство строит городища, острожища, храмища, капища, мытищи — всё то, что составляет и образует государственную административно-территориальную структуру. Государство выстраивает административную структуру и налагает на население даннические обязательства, тягло и службу в её самой развитой форме *крепости*. Но население, имея перед глазами такие бескрайние просторы и обладая особым отношением к земле как к всеобщему благу, принадлежащему не людям, но только Богу, вновь и вновь бежит государства. Начав бегство от государства уже с XIII века, все следующие века, вплоть до наших дней, народ наш разбегается от центра на окраины (украины). Начиная с монгольской экспансии (и во времена ига, и во времена Московского княжества и Русского царства) и вплоть до Советского государства, население постоянно бежало²⁶. Разбегание происходило во всех направлениях от центра, географически связанного с Москвой как наследницей Орды. Бежало население в Западную Русь и на Север, затем на юг, на Дон и Днепр, в Запорожье, наконец, на восток, в Сибирь. Массово бежало оно и в Среднюю Азию. И вечно народ искал то Китеж-град, то счастливую страну Беловодье, то благословенную Шамбалу. И этот вечный утёк от государства не закончился и в наши дни²⁷. Государство идёт вслед за населением и снова ставит остроги, *засечные черты* и снова облагает население податями. Как не вспомнить тут известное мнение И. Г. Гердера о различии между немецким и русским народным духом, обусловленным разной освоенностью пространства нарождающимся национальным государством.

В силу этого насилия со стороны государства возникают волны разбегания: центробежное движение населения то усиливает

²⁶ Однако такое широко распространённое мнение оспаривается, по крайней мере для 250-летнего периода существования крепостного права [Миронов, 2003, с. 25].

²⁷ Между прочим, этот же процесс мы наблюдаем с начала 1990-х гг. в движении «анастасийцев», язычников, разного толка нью-эйдж, которые есть по самой своей сути не просто бегство в леса и горы ради «жизни в согласии с Природой», но одновременно и бегство от бдительного «государева ока», контролирующего каждый шаг обывателя мегаполиса.

ется в периоды набегов, смут и революций, то прекращается вовсе в периоды благоденствия и политической тишины. Мы склонны полагать, что такие периоды соответствуют циклам «сдач — раздач» «ресурсного» государства, в соответствии с теорией О. Э. Бессоновой [Бессонова, 2006], основывающейся, в свою очередь, на теории «ресурсного государства» С. Г. Кордонского [Кордонский, 2007; 2010]. Поскольку такие циклы смены экономических механизмов перераспределения ресурсов и производства благ на внеэкономические (политические) механизмы привязаны к социально-политическим пертурбациям, это кажется тем более вероятным²⁸. Хотя о процессах периодического разбегания населения писали или просто упоминали многие историки, но специально этому вопросу, насколько я знаю, посвящает свои исследования Светлана Лурье [Лурье, Казарян, 1994; Лурье, 1996, 1998, 2015]. Между прочим, одним из зримых результатов такого периодического процесса разбегания народа является система концентрических колец из городов, располагающихся вокруг Москвы, почти правильная, деформированная, «смятая» на западе по военно-политическим причинам и на севере и северо-востоке — по причинам уже географическим и эколого-климатическим. Можно насчитать до семи концентрических колец городов (практически развитие формы оборонных заграждений, «засечных черт»), разделённых примерно стокилометровыми расстояниями; особенно яркая и отчётливая картина наблюдается в южном, степном направлении.

И вот на эти центробежные волны разбегания населения по обширному пространству России, вслед за которыми бегут уже «административные волны» создания государственных территорий, воплощённые в острогах-крепостях и городах, накладывается другой по природе, но так или иначе связанный с ним процесс. Это гораздо менее масштабные волны периодического обезлюдения, опустынивания территорий, нередко до-

²⁸ Доминик Ливен, описывая этапы имперской экспансии России на Кавказе и в Туркестане, также указывает, что при внешнем доминировании экономических резонансов, политическая подоплёка — прежде всего борьба с Британской империей — была всё же ведущей [Ливен, 2007, с. 337–347].

вольно больших. Волны второго типа совсем не имеют такого масштаба, как волны первого типа. Они локальны. Повсюду в Европейской России каждая местность имеет одну и ту же общую многовековую особенность: периоды прилива и переполнения населения на локальном пространстве сменяются отливами, периодами опустынивания территории, массового «*вымораживания*» деревень. Такие приливно-отливные волны имеют примерно вековой цикл. Однако они обычно не совпадают с волнами разбегания (если только не вызваны радикальными политическими пертурбациями). Поскольку приливно-отливные волны локальны, они не захватывают все территории страны одновременно, а нередко имеют разнонаправленную динамику. На одной локальной территории может наблюдаться отлив населения, тогда как на соседней в то же самое время — прилив. На каждой локальной территории Европейской России можно насчитать по пять, шесть или более таких циклов.

Приливно-отливные волны — это также уникальная российская особенность. Вероятно, такие приливы и отливы населения происходили и в XIV–XV веках. Процессы эти, конечно, разновременные на разных территориях, но в целом циклы могут прочитываться. Причины их есть как политические (смуты, революции и войны), так и экономические (невозможность для населения самообеспечения на месте, как результат — сезонные миграции, отходничество), а также природные (неурожай и голод, эпидемии) (см., напр.: [Анучин, 1982; Дулов, 1983; Кулишер, 2004; Гольц, 2002; Radkau, 2012; Plusnin et al., 2015]). Конечно, частью они были вызваны и эпидемиями, и неурожаями, и какими-то климатическими изменениями. Если изобилие населения в местности вызывается как популяционно-демографическими и климатическими причинами, а также экономическими и политическими, то периоды опустынивания бывают вызваны почти исключительно политическими и экономическими причинами. Так, население обширных территорий Поморья (район Белого моря на Русском Севере) к первой трети XVII века в результате Смуты и польско-шведской интервенции сократилось на три четверти, «*осталось не более четверти прежнего количества обитаемых дворов и обработанных земель*»

ТЕРРИТОРИЯ

[Паскаль, 2011, р. 54]. Аналогичные примеры найти нелегко, но они есть и повсеместны. Например, по наблюдениям Л. Казаринова, в Чухломском уезде Костромской губернии ко второй половине XIX века (с начала XIX века и к 1874 году) почти не осталось взрослого мужского населения, всё оно отправилось на отхожие промыслы в столицы, так что более трёх четвертей всей пахотной земли уезда заросли лесом и многие деревни обезлюдели [Казаринов, 1926, с. 20]. Но уже к 1926 году, то есть спустя всего два поколения, тот же уезд уже перенаселён, здесь живёт более 54 тысяч жителей, и земли не хватает, чтобы прокормить такое население. Позже, в советские годы, весь Чухломский уезд, несмотря на очень низкое качество земли, был засеян и распахан. Но прошло ещё три поколения, и цикл повторился: после 1990-х годов население стало уходить в города, и сейчас численность местной популяции в тех же территориальных границах составляет менее 10 тысяч человек. При этом вновь до половины всего взрослого мужского населения Чухломы в отходе, они уехали на заработки в столичные города [Plusnin & al., 2015]. Правда, теперь заброшено в районе уже не $\frac{3}{4}$, а «только» $\frac{1}{2}$ всей сельскохозяйственной земли. Вся эта земля заросла тридцатилетним лесом. Однако очевидно, что через самое короткое время эта территория вновь будет наполнена населением, а земля вновь распахана и засеяна. Аналогичные синхронные процессы демографического притока и оттока населения наблюдались и в соседних уездах Костромской губернии: Кологривском, Парфентьевском, Макарьевском [Владимирский, 1927, с. 13 и далее].

Регулярное «вымораживание» территорий требовало от государства соответствующих противоположных действий — заселения важных по разным причинам территорий новым населением, что и осуществлялось регулярно, вплоть до наших дней. В Московской губернии примером могут служить её северо-западные уезды, которые после Смуты в 1630-х годах пришлось заселять финно-угорским (карелы и вепсы) населением с западных окраин страны, причём численность новых обитателей была сравнима с численностью прежних [Кисловский, 2006, с. 122; 205–211]. Такие же переселенческие кампании мы знаем в середине XIX века на Дальнем Востоке и на Кавказе, а в XX веке — во мно-

гих регионах Сибири и на Русском Севере (Мурманская область). Уход населения с локальной территории спустя некоторое время сопровождался его возвращением или заселением новыми жителями по принуждению государства.

Таким образом, на протяжении всей нашей Русской истории мы видим два параллельных социально-демографических процесса: центробежный процесс разбегания населения, время от времени то усиливающийся, то ослабевающий, а на его фоне – волны приливов и отливов населения на локальных территориях. Это интереснейший феномен, который, вероятно, в таком комплексе никто никогда и не исследовал. Я предложил бы для его метафорического описания следующую модель: в неспокойную, взволнованную ветром поверхность большого пруда падает крупный камень и вызывает центробежную волну от точки падения; интерференция разнонаправленных ветровых волн с концентрическими волнами разбегания даст нам своеобразную картину наложения регулярной кольцевой волны на хаос волн, вызванных ветром. Это и будет моделью многовекового пространственного перемещения подданных Русского государства. Длительность каждой волны – один-два века, а таких волн за тысячелетие случилось, надо думать, уже шесть-семь.

Постоянство обитания на одной территории есть третий выделяемый мною принцип. Население российских провинций имеет крайне низкую мобильность в пределах локальных территорий. На первый взгляд, это кажется противоречащим предыдущему принципу. Между тем принципы волновой динамики населения и его территориального постоянства составляют комплементарную пару – дополняют друг друга: приливно-отливное движение населения по территории, его периодическое бегство на окраины страны осуществляются на фоне стабильности и многовекового постоянства жизни какой-то части этого населения на одной и той же локальной территории. По-видимому, и в этом заключается уникальность и своеобразие российского общества, по крайней мере, его провинциальной части. Государственные переписи населения, начиная с первой переписи 1621–1623 гг., так же как и церковные метрические книги с ещё более ранних времён, неизменно фиксируют одни

ТЕРРИТОРИЯ

и те же семьи, роды и кланы в одних и тех же деревнях, аулах, слободах, посадах и местечках. Несмотря на постоянную миграцию населения, основные, наиболее многочисленные роды — или их части — продолжают оставаться на локальной территории в течение многих веков. Документальные данные имеются за пять-шесть веков, и повсеместно они фиксируют постоянство семей и родов на локальных территориях за эти долгие десять-пятнадцать поколений (более подробно об этом см. ниже).

Такое территориальное постоянство населения обеспечивается стабильностью границ, устанавливаемых между локальными сообществами и поддерживаемых ими в неизменности в течение длительного времени, обычно во всё время существования данного локального сообщества.

Таким образом, любое российское провинциальное местное общество в своём историческом развитии характеризуется особенной пространственной динамикой и территориальной структурой. Для пространственной динамики русской популяции характерны вековые циклы локальных приливов-отливов и вековые же циклы глобального центростремительного движения населения. Для территориальной структуры типичны двухуровневая организация (административный центр, «местечко» — сельская округа), вековая стабильность границ и вековое же постоянство населения (семейно-родовая консервативность). Указанные принципы детерминируют универсальные и специфически российские особенности локальной территориальной структуры.

4.3. АТТРИБУТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Совместность обитания людей и необходимость их бытования и хозяйствования (т.е. нужда в повседневном физическом жизнеобеспечении) превращают пространство в территорию. Территория, как освоенное и присвоенное пространство, характеризуется определённым набором признаков, которые и составляют категориальную основу для типологии. Базовый

состав категорий будет являться исходным пунктом для разрабатываемой типологии территориальной структуры. Логика и онтология выделения и описания совокупности категорий, исчерпывающе определяющих концепцию территории как особым образом организованного физического пространства, мне представляются в следующем.

Пространство может стать общественной территорией при двух условиях. Во-первых, если пространство потенциально обладает актуальными ресурсами, т.е. жизненно значимыми для сообщества в конкретный период его существования. Но ресурсы, как актуальные материальные средства жизнеобеспечения, появляются не ранее, чем когда пространство становится территорией, даже чужой территорией, если она представляется таковой членам данного сообщества. Иными словами, превращение физического пространства в территорию и наличие ресурсов есть взаимообусловленный процесс. Во-вторых, территория формируется, если пространство *проницаемо*, т.е. доступно для освоения во всех своих пределах. Обитаемое пространство, таким образом, характеризуется категориями ландшафта («земля» и её «изобилие»), его проницаемости, наличием актуальных ресурсов. В силу условия проницаемости пространства территория сообщества всегда меньше физического пространства, в пределах которого территория устраивается, т.е. в пределах физико-географических границ, где проницаемость пространства резко снижается (см.: [Родоман, 1999, гл. 7, с. 89–94]). А необходимое для жизнедеятельности сообщества увеличение проницаемости пространства требует наличия путей сообщения разного рода, обеспечивающих коммуникацию его членов между собой и соседними сообществами, перемещение ресурсов, произведённой продукции, самих людей, а также информации.

В силу условия наличия или отсутствия жизненно необходимых ресурсов, актуальные ресурсы необходимо контролировать и защищать от внешнего посягательства, будь то соседние сообщества или природные агенты: животные, климатические и сезонные факторы, изменчивость погодных условий и т.п. Поэтому каждая локальная территория имеет такие размеры, которые могут быть подконтрольны членам сообщества либо

ТЕРРИТОРИЯ

в силу физических свойств пространства (доступности и возможности постоянного и регулярного контроля), либо быть настолько большими, насколько это позволяют соседи (что не всегда соответствует размерам необходимого Lebensraum). Вторым, вслед за размерами, безусловно необходимым признаком территории являются её фактические границы, разные по природе – физические или символические – позволяющие сообществу эффективно контролировать ресурсы и предохранять их от уничтожения или разграбления.

Физическое пространство обитания преобразуется в территорию благодаря созданию системы внешних и внутренних границ, разделяющих (и связывающих) низовые структурные единицы – поселения. Совокупность связанных территориальными, историческими, родственными и хозяйственными связями поселений низового уровня (деревень, выселков, хуторов) всегда прилегает к иерархически более крупному поселению – местечку (село, городок, посад, слобода). Эта совокупность поселений, составляющих сельскую округу по отношению к «местечку», издавна имеет даже специальное название – «куст» (между прочим, отсюда происходит и термин «кустарное производство»). Поселения низового уровня имеют разный масштаб и разную численность населения – от одного-двух домохозяйств и одного-десяти человек до десятков и сотен домохозяйств и до нескольких сотен и тысяч человек. Несмотря на разную численность, все эти поселения имеют лишь статус «убежищ» и «селищ» – это территории непосредственного физического и репродуктивного воспроизводства, то есть элементарные хозяйственные единицы. В провинциальной России, в отличие от большинства других стран, имеется немало таких «селищ», существующих в пространственной изоляции: на $\frac{2}{5}$ всей территории страны имеется множество таких изолированных поселений, жители которых значительную часть годового цикла изолированы от территориально ближайших соседей. Нередко «ближайшие соседи» располагаются на расстоянии нескольких десятков и сотен километров. Однако только в исключительных случаях такое изолированное поселение образует изолированное, но полноценное местное общество.

Двухуровневый и трёхуровневый характер селитебной структуры территории локального сообщества предполагает наличие двух и более селищ (населённых пунктов) и их иерархию (соподчинённость) (см.: [Christaller, 1980; Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 167–219; Родоман, 1999, с. 104–107]). Всегда только одно из поселений является «местечком» — административно-территориальным и экономическим центром местного сообщества. Остальные *селища* составляют *сельскую округу* местного общества. Это деревни и хутора, где осуществляется исключительно бытовая и материально-хозяйственная деятельность домохозяйств.

Сельская округа есть один из трёх важнейших компонентов территориальной структуры наравне с центром и границами. Она и определяет фактические (не административные) территориальные границы. Она же взаимно дополнительна центру: без округа центр не возникает и не существует. В предельном случае, в российских реалиях, вся сельская округа может состоять только из нескольких хуторов или нескольких сезонных становищ, или даже из единственного поселения. Такая редуцированная сельская округа встречается только в пространственно изолированных и очень удалённых сообществах. Само единственное поселение становится её «вырожденным центром»²⁹.

Количество населённых пунктов сельской округа обычно коррелируют с плотностью популяции на территории: чем их больше, тем выше плотность, и наоборот. Однако в российских реалиях, когда приходит волна локального оттока населения,

²⁹ Ситуация, когда местное общество представлено единственным поселением, соответствует «вырожденному» типу общества, являющимся исключительным случаем, вынужденным по разного рода причинам. Например, в моих материалах это ненецкое общество Варнек на арктическом острове Вайгач, челканское общество Курмач-Байгол в Горном Алтае, эвенское общество Томпо в восточной Якутии, где всё население сконцентрировано в единственном поселении по административно-политическим и экономическим причинам (ликвидация неперспективных поселений и становищ на кочевьях), или коммуна посёлка Северный на Южном Новоземельском острове, которая создана и функционирует по причинам военным. Обычно же пространственно изолированные общества представлены двумя или тремя поселениями; таковы общества Эссо на Камчатке, Анабар в северо-западной Якутии, Краснощелье на Мурмане и т.п.

ТЕРРИТОРИЯ

часть деревень сельской округи, иногда значительная, *выморачивается*, обезлюдевает, население покидает такие селища. При обратном движении волны — притоке населения — покинутые деревни вновь заселяются и плотность популяции сельской округи значительно возрастает.

Селитебная структура административного центра («местечка») определяется, в отличие от поселений сельской округи, не факторами непосредственного жизнеобеспечения, а экономическими, социальными, политическими и религиозными задачами, которые этот центр призван решать. Эти задачи проявляются в том числе в городской планировочной структуре (см.: [Кудрявцев, 1978]). Административный статус «местечка» отражает его социально-экономическое, культурное и политическое положение (ср.: [Глазычев, 2003, с. 115–122; 261–307]), т.е. этот статус определяет местное, региональное и национальное значение сообщества. А это, как следствие, указывает на объём дополнительно перераспределяемых государством ресурсов на низовой уровень, определяющих благосостояние обитателей. Поэтому пространственная организация административного центра, включая его планировочную структуру и состав учреждений, по моему мнению, имеет определённое диагностическое значение для описания и всей социальной структуры (ср.: [Нефёдова, Трейвиш, 2005]).

Выделенные и описанные выше категории могут рассматриваться в качестве существенных признаков (атрибутов) территориальной структуры. Всего их набирается восемь. Представлю их списком:

- 1) *«земля»* — собственно населённая территория как исключительный ресурс жизнеобеспечения; имеет значение прежде всего качество территории, её ресурсоёмкость («плодородность земли»), иными словами, степень превращения физического пространства в ландшафт;
- 2) *размеры территории* как признак способности местного общества контролировать ресурсы в объёмах, необходимых и достаточных для повседневного жизнеобеспечения;
- 3) *границы* как важнейший механизм контроля ресурсов через контроль территории, как механизм сохранения

ресурсов от внешних посягательств, а также как условие обеспечения безопасности самих обитателей;

4) *проницаемость* пространства как условие контроля и защиты территории, а также как условие возможности/невозможности создания необходимой инфраструктуры территории;

5) *пути* — транспортные коммуникации как механизм дистрибуции ресурсов, обеспечения связности местной популяции и связи её с внешней средой;

6) *селища* — собственно поселения как разнообразные формы обитания, бытования и хозяйствования людей;

7) *инфраструктура* поселений как средство повседневного обеспечения людей необходимым;

8) административный *статус центра*, который, в частности, зафиксирован в его градостроительной (планировочной, планиметрической) структуре.

Отмеченные здесь признаки территориальной структуры позволяют выделить показатели, с помощью которых может быть описана территориальная структура конкретного местного сообщества. Однако нам необходимо всё эмпирическое многообразие отдельных территориальных конфигураций свести к небольшому обозримому числу типов территорий, характерных для российских провинциальных сообществ. Для этого я воспользуюсь предложенными в главе 3 вариантами типологии сообществ, построенные по трём разным основаниям: (1) по времени возникновения и длительности существования, (2) по степени пространственной изоляции и (3) по причинам возникновения и развития локальных сообществ. Для структуры локальной территории наиболее важное значение имеют, вероятно, истоки создания сообщества — естественные или принудительные. Учитывая такой аргумент, как длительность сохранения непрерывной памяти о событиях местной и семейной жизни людей, которая имеет, по разным оценкам, вековую или чуть меньшую длительность, мы должны предполагать, что институты актуальной жизнедеятельности локального общества существуют лишь немного дольше четырёх-шести поколений. Однако притом в отношении стабильности территорий и их

ТЕРРИТОРИЯ

границ я располагаю информацией о временных интервалах длительностью более пятисот лет. Хотя, конечно, сама территориальная структура меняется быстрее.

4.4. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СООБЩЕСТВ С РАЗНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ В ПРОСТРАНСТВЕ

Высокая степень пространственной изоляции или отсутствие изоляции определяют вариацию значений большинства указанных выше признаков территориальной структуры. Дам характеристику каждого из восьми атрибутов для изолированных, «турбулентных» и «ординарных» сообществ. Этот последний тип я описываю совместно с «турбулентным», по уже указанным выше причинам, либо даю существенно более краткое дополнительное описание.

4.4.1. ИЗОЛИРОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА

В наше время в России качество территории как «благоприятной» или «худой земли» прямо связано с изолированностью сообществ. Пространственно изолированные сообщества повсюду обитают в ареалах, предоставляющих очень ограниченные средства для повседневного автономного жизнеобеспечения. Поэтому такие сообщества имеют большие и очень большие размеры территорий и низкую плотность населения. Нередко тот и другой показатели отличаются на один и два порядка (в 10 и 100 раз) в сторону меньшую, чем средняя плотность населения России. Естественно, что такие сообщества практически не имеют соседей в лице других сообществ и нередко не нуждаются в символических маркерах границ, поскольку таковыми являются физические преграды – берега морей, горные хребты, заболоченная тундра и безбрежная тайга. Однако нельзя сказать, что

и проницаемость пространства в местах обитания изолированных сообществ очень низкая. Это в основном верно для современных видов транспортных средств, включая даже авиацию. Для местных обитателей проницаемость пространства может быть даже более высокой, чем в ареалах неизолированных сообществ, поскольку они имеют соответствующие традиционные средства транспорта и не имеют враждебного или слишком плотно населённого окружения, а изоляция обусловлена только большими размерами территорий, малым количеством и низким качеством автомобильных путей сообщения, а не наличием существенных физических препятствий для передвижения. В изолированных сообществах имеется малое количество путей сообщения, соответственно, плотность транспортной инфраструктуры — километров стандартно обустроенных дорог разного вида на единицу площади — весьма низкая (например, общества Эржей-Сизим, Тура, Томпо), а в предельных случаях близка к нулю (Варнек, Краснощелье, Анабар).

Редуцирована поселенческая структура прежде всего в части сельской округи. Нередко значительная часть населения (в крайних случаях даже всё население) сконцентрировано в административном центре, а количество деревень составляет не более нескольких. Иногда число поселений ограничено всего одним, а в случае преобладания кочевых экономик — несколькими стойбищами или сезонными лагерями. Такая редуцированная сельская округа имеет место в $\frac{1}{3}$ всех изолированных сообществ, наблюдавшихся мной.

Коммунальная инфраструктура поселений также редуцирована: почти все её компоненты автономны, включая отопление, водоснабжение, канализацию. То есть каждое домохозяйство имеет непосредственно на усадьбе отдельное отопление (дровяные печи), источники воды (колодцы или родники, ручьи), места утилизации бытовых отходов и продуктов жизнедеятельности людей и скота (выгребные ямы и уборные). Централизованы только электросети и газовые сети (но если они есть, т.к. во многих изолированных сообществах нет централизованных газовых сетей, а некоторые до сих пор обеспечиваются электричеством благодаря автономным дизельным электростанциям).

ТЕРРИТОРИЯ

Административный статус центра соответствует уровню развития коммунальной и транспортной инфраструктуры. Обычно — в $\frac{2}{3}$ случаев, 27 из 41 центра — это не город, а село или посёлок с ограниченным набором административных государственных функций (и соответствующих учреждений), а также с редукцией культурных и религиозных функций.

4.4.2. «ТУРБУЛЕНТНЫЕ» И «ОРДИНАРНЫЕ» СООБЩЕСТВА

«Турбулентные» сообщества (а также и многие сообщества «ординарного» типа) характеризуются иными значениями всех показателей территориальной структуры. Качество «земли» (плодородие почв, бальнеологические свойства местности, её климатический режим и погодные условия, разнообразие и привлекательность ландшафтов) здесь обычно хорошее или высокое. В силу этого размеры территории невелики, её заселённость значительна, состав по категориям земель смещён в сторону преобладания агроландшафтов, селитебных и промышленных зон. Доля других категорий земель на территории снижена, особенно мало лесов. Мало *залежей* и *отчуждённых* земель.

Численность и плотность населения высока, соответственно, удельная нагрузка на территорию значительная или даже превосходит предельные значения (т.е. территория не способна прокормить наличное население в случае автономного жизнеобеспечения). Соответственно, границы локальных территорий чётко определены, отмечены как символическими, так и физическими *терминами*, поскольку требуется постоянный и неусыпный контроль ресурсов и защита их от посягательств соседей. Нередки конфликты на границах с обитателями соседних сообществ. Проницаемость пространства выше, чем на территориях изолированных сообществ. Наличествует множество разнообразных путей сообщения, одна-две и более магистралей, связывающих местное сообщество с самыми дальними

регионами страны. Плотность дорог высокая, способствующая развитию местной экономики, функционированию разнообразных производств.

Поселенческая структура включает многочисленные населённые пункты сельской округи. Но при этом нередко *выморочные* — безлюдные — деревни, доля которых составляет от $\frac{1}{5}$ до $\frac{2}{5}$ всех поселений. Административный центр обычно представлен двумя уровнями: окружным (сельским, волостным) и уездным. В этом случае первый окружной уровень образуют сёла, являющиеся центрами отдельных сельских округов — «кустов», хозяйственно независимых групп деревень, нередко самостоятельных и в социальном отношении (но не в административном и экономическом). Такие центры первого (волостного) уровня имеют минимальный объём административных функций. Особенно характерно это для Русского Севера и восточных областей европейской части страны, где существовала издавна «кустовая» структура — в Карелии (Пудож), Архангельской (Каргополь), Вологодской (Никольск), Костромской (Солигалич, Макарьев, Мантурово), Кировской (Слободской) областях.

Второй поселенческий уровень селитебной иерархии образуют уездные (ныне районные) города, объединяющие местное общество в границах современных муниципальных районов или городских округов (в сообществах «турбулентного» типа границы административные обычно шире и не всегда совпадают с фактически контролируемой территорией сообщества, которая обычно мала). Местные общества с трёхуровневой территориальной селитебной структурой относятся только к «турбулентному» типу (например, Анапа и Темрюк, Биробиджан, Медвежьегорск, Искитим, Новозыбков, Ржев, Семёнов, Усть-Лабинск, Олонец). Здесь нередко наблюдается очень высокая концентрация населения в административном центре (до $\frac{3}{4}$ всего населения).

Развитость инфраструктуры поселений варьирует в очень широких пределах. Административные центры имеют полный комплект коммунальной инфраструктуры. Некоторые поселения сельской округи могут иметь столь же развитую коммунальную инфраструктуру, а другие из них могут ничего не иметь (исключая электросети и местные дороги).

ТЕРРИТОРИЯ

Административно-территориальный статус центра полно-объёмный. Это всегда город, получивший статус уездного центра ещё в имперские времена или даже ранее (всего 5 из 31 центра имеют статус городского посёлка, т.е. как бы «полугорода»). Набор административных государственных функций (и соответствующих учреждений) представлен также полно. Обычно имеет место хорошее развитие местной экономики; социальные, культурные и религиозные функции представлены в центре полностью.

Многочисленные сообщества обычного, «ординарного» типа по территориальным признакам значительно ближе к «турбулентному» типу, чем к типу изолированных сообществ. Таковы здесь общая численность населения и численность населения центра. То же касается площади территории и плотности обитателей; несомненно, что в обществах «турбулентного» типа территории меньше, а плотность выше. Но совершенно одинаковы доли населения, проживающего в центре — более половины всех жителей. Одинакова и доля сельской округи, составляющая лишь менее 40–45 процентов населения. Большое число выморочных деревень есть характерная черта таких местных обществ.

4.4.3. СРАВНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СООБЩЕСТВ РАЗНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ

Представлю в краткой табличной форме (табл. 7) основные различия территориальной структуры трёх типов сообществ, выделенных по критерию изоляции. Замечу, что из четырнадцати отдельных показателей сообщества промежуточного «ординарного» типа близки к «турбулентным» сообществам по семи показателям и только по двум близки к изолированным. А крайние два типа различаются по всем показателям в большей или меньшей степени.

ТАБЛИЦА 7

Особенности территориальной структуры местных обществ, различающихся по пространственной изоляции

Атрибут	Изолированные сообщества	«Ординарные» сообщества	«Турбулентные» сообщества
Ресурсы	Ареалы с ограниченными средствами для автономного жизнеобеспечения	Промежуточное положение	Качество «земли» высокое. Состав категорий земель смещён в сторону преобладания агроландшафтов
Размеры территории	Большие размеры территорий	Промежуточное положение	Размеры территории невелики
	Низкая численность и плотность населения	Промежуточное положение	Численность и плотность населения средняя
	Удельная нагрузка на территорию различна: высокая в селитебных зонах и низкая на остальной территории	Промежуточное положение	Удельная нагрузка на территорию значительная или даже превосходит предельно допустимые значения
Границы	Не имеют соседей в виде других сообществ и не нуждаются в детерминации границ	Ближе к «турбулентным»	Нередки конфликты на границах с обитателями соседних сообществ; необходимость постоянного контроля и защиты
	Границы – преимущественно физические преграды	Ближе к «турбулентным»	Границы территорий чётко определены, отмечены как символическими, так и физическими маркерами
Проницаемость пространства	Умеренная	Ближе к «турбулентным»	Высокая
Транспортная инфраструктура	Малое количество и низкое качество путей сообщения	Ближе к «турбулентным»	Много разнообразных путей сообщения, в т.ч. магистралей
	Плотность дорог очень низкая	Ближе к «турбулентным»	Плотность дорог высокая

Селитебная структура	Редуцирована поселенческая структура, прежде всего сельской округи; количество поселений от 1–2 до десятка	Ближе к «турбулентным»	Поселенческая структура включает многочисленные населённые пункты сельской округи – от нескольких десятков до нескольких сотен
	Выморочных поселений нет	Ближе к «турбулентным»	Выморочные деревни в большом количестве: от 1/5 до 2/5 всех поселений
	Селитебная структура одно-двухуровневая	Ближе к изолированным	Селитебная структура двух-трёхуровневая
Коммунальная инфраструктура	Редуцирована: почти все её компоненты автономны, включая отопление, водоснабжение, канализацию	Ближе к изолированным	Развитость инфраструктуры варьирует в широких пределах. Административные центры имеют полный комплект, поселения сельской округи могут иметь столь же развитую инфраструктуру, а другие поселения ничего не имеют
	Административный статус центра: это не город, а село/посёлок с ограниченным набором административных государственных функций, с неразвитой местной экономикой и слабым рынком труда, с редукцией культурных и религиозных функций	Ближе к «турбулентным»	Административно-территориальный статус центра: всегда город с полным набором административных государственных функций. Местная экономика хорошо развита

4.5. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СООБЩЕСТВ С РАЗНЫМИ УСЛОВИЯМИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Локальные сообщества, сложившиеся вокруг поселений, созданных принудительно ради экономических или политических целей, формируют свою территориальную структуру ина-

че, нежели сообщества, сложившиеся естественным путём и обычно существующие исторически длительное время. По-видимому, важное (хотя и неизвестное) значение имеет для территориальной структуры длительность существования сообщества сама по себе. Мы должны учитывать это постольку, поскольку различия в структуре территорий обществ принудительного и естественного развития велики, и при этом, как показано в главе 3, среди древних обществ не выделено ни одного с принудительным путём развития³⁰. Кроме того, среди древних обществ совсем нет обществ принудительного типа развития. А среди обследованных молодых обществ почти нет обществ с естественным развитием – таковых всего 6 из 35 основного списка, и при этом 5 из них есть изолированные общества. Среди старых сообществ представлены почти равномерно общества естественного/принудительного развития. Эти факты взаимосвязаны, они определяют существенные отличия территориальной структуры обществ того и другого типов развития, и это следует особо учитывать.

4.5.1. СООБЩЕСТВА «ПРИНУДИТЕЛЬНОГО» ТИПА РАЗВИТИЯ

Такие общества характеризуются следующими выразительными особенностями признаков их территориальной структу-

³⁰ Хотя это, конечно, не так, поскольку такие общества создавались и в древности, однако их первоначально принудительный момент развития давно перекрыт пришедшим ему на смену естественным развитием. Однако надо иметь в виду и политические акции советского времени, затронувшие селитебную структуру многих древних и старых обществ: я имею в виду хрущёвскую политику «ликвидации неперспективных деревень» в 1960-е годы. Именно по этой причине так велика доля «вымороженных» поселений в древних и старых обществах в Европейской России. Однако и в Сибири акции по «укрупнению» поселений имели местами катастрофические последствия: так, например, в ближайших окрестностях Новосибирска в радиусе чуть более 100 км в период с 1920-х по 1980-е годы исчезло 88 процентов всех деревень.

ТЕРРИТОРИЯ

ры. Ресурсоёмкость территории («плодородность земли», если речь идёт о природных ресурсах, необходимых сообществу для автономного жизнеобеспечения, для ведения натурального хозяйствования) не имеет существенного значения в момент образования такого общества. Напротив, определяющим является как раз наличие таких природных ресурсов, ради которых и рядом с которыми создаётся базовое поселение, будущий административный центр. Эти ресурсы: уголь, нефть, газ, полиметаллические руды, щебень, гранит, редкоземельные минералы, золото и алмазы, крупные реки с плотинами для гидроэлектростанций, реки и морские побережья с богатыми рыбными запасами, лесные районы для лесозаготовок или для добычи пушнины, наконец, участки с естественными укреплениями, позволяющие возводить неприступные крепости и остроги, пограничные военные поселения. Все такие ресурсы непригодны для жизнеобеспечения. Поэтому создаваемые ради их добычи поселения являются узкоспециализированными, и способность их населения к самообеспечению снижена. Население нуждается в постоянной подпитке внешними ресурсами для повседневного жизнеобеспечения, за что ответственность берёт на себя государство. В случае же возникновения критических ситуаций сообщества «принудительного» типа встают перед угрозой физической гибели³¹. Именно такую ситуацию мы наблюдали и наблюдаем сейчас в целом ряде локальных сообществ на Русском Севере, на Урале и в Сибири, где часть таких сообществ деградировали: здесь значительно снизилась численность населения, разрушены дома и коммунальная инфраструктура, некоторые поселения вовсе оставлены жителями. Например, из моего основного списка это 27 из 53 сообществ «принудительного» типа. Такой ресурсный перекоп в сторону избытка промышленных, энергетических и других ресурсов и существенного недостатка ресурсов для повседневного жизнеобес-

³¹ Именно поэтому в настоящее время подавляющее большинство городов — центров таких принудительно созданных сообществ — получили статус *моногородов*, характеризующихся узкой специализацией местной экономики и вследствие этого имеющих сложную и конфликтную социальную ситуацию.

спечения домохозяйств приводит к вынужденному формированию и широкому распространению у населения специфических экономических практик, по преимуществу неформальных, теневых и криминальных (об этом см. ниже).

Точно так же и размеры территории таких обществ устанавливаются произвольно и не привязываются к наличию и объёмам ресурсов для повседневного жизнеобеспечения. Нередко фактические площади используемой территории (весьма условно контролируемой сообществом) значительно меньше административных границ. Сообществу, где большинство или все его члены являются узкоспециализированными, нет потребности в контроле сколь-нибудь значительной территории. В таких сообществах большинство домохозяйств не имеют усадеб и приусадебных участков, не имеют скота и не ведут никакого подсобного хозяйства, здесь нет участков для охоты, нет значительных по площади частных сельскохозяйственных угодий. Незаселённая территория не контролируется, поскольку очень мало или нет совсем промыслов, осуществляемых на природных ресурсах. Почти все домохозяйства полностью зависят от доходов от заработной платы по результатам найма на промысловые, промышленные, энергетические, транспортные или сельскохозяйственные предприятия. Поскольку для таких обществ территория как хранилище ресурсов прежде не имела жизненного значения, границы территории и до нашего времени контролировались плохо или вовсе не фиксировались жителями.

Такая ситуация с ресурсами, размерами территории и её границами в провинциальных местных обществах «принудительного» типа существовала все последние десятилетия советского времени и первые постсоветские годы. Но она быстро стала меняться с середины 1990-х годов, поскольку люди были вынуждены перейти к экономическим практикам автономного жизнеобеспечения. Теперь во многих из тех почти двух десятков местных обществ моего основного списка, где имел место ресурсный «перекос» в сторону обеспечения за счёт государства, население было вынуждено переходить к контролю и природных ресурсов и границ своих территорий (яркие примеры этого дают общества Кавалерова, Облучья, Очёра, Анабара,

ТЕРРИТОРИЯ

Вайгача, Туры). Хотя удаётся это им не так хорошо, как сообществам «естественного развития», традиционно и издавна контролирующим природные ресурсы на своих территориях. В частности, это вызывает конфликты как между самими жителями, так и между жителями и властью.

Проницаемость пространства на территориях обществ «принудительного» типа развития может быть очень низкой в силу того фактора, что первоначальные поселения создаются рядом с разрабатываемыми природными ресурсами, которые нередко находятся в труднодоступных местах (алмазы Анабара, олово Кавалерово, ванадий Качканара, полевые шпаты Туры, пушнина и лес Енисейска). В то же время во многих других случаях проницаемость пространства может быть достаточно высокой. Соответственно, транспортная инфраструктура характеризуется таким же перекосом: локальная сеть дорог часто не развита, а основными связующими являются одна или две автомобильные дороги регионального или республиканского значения (иногда такими дорогами являются *зимники*, т.е. пути, действующие только в зимний период, например в Анабаре или Краснощелье).

Селитебная структура «принудительного» типа обществ представлена обычно административным центром: поселением при заводе/фабрике и небольшим числом близко расположенных к нему поселений сельской округа. Однако их население занято, как и население центрального поселения, на одном и том же предприятии или его вынесенных подразделениях (филиалах). Поэтому сельская округа представлена не деревнями и хуторами, а рабочими посёлками — население занято не в сельском хозяйстве, а в промышленности. Почти всё население сообщества концентрируется вокруг центрального поселения. Большая же часть территории остаётся незаселённой. В случае оттока населения возникающие «выморочные» поселения — это прежде всего не деревни сельской округа, а центральное поселение. То есть «выморачивание» поселений начинается с «головы», а не с «хвоста», как это бывает в обществах естественного развития. В наше время яркий контраст направленности процесса «выморачивания» — с «го-

ловы» или с «хвоста» — дают сообщества Северного Урала и Дальнего Востока, многие из которых созданы как поселения при рудниках, шахтах. Поскольку «вымораживание» начинается в центральном поселении и ближайших его окрестностях, в непосредственной близости от предприятия (рудника, ГОКа, шахты), то в таких сообществах существенно меньше «вымороженных» деревень, периферийных мелких поселений, и их доля (процент) ниже, нежели в сообществах естественного пути развития.

Обычно все такие поселения исходно имеют хорошую коммунальную инфраструктуру, не только центр, но и сельская округа, представленная небольшим числом рабочих посёлков. Этим признаком сообщества «принудительного» типа развития также отличны от сообществ «естественного развития»: там коммунальная инфраструктура сельской округи не развита, не централизована, автономна. Однако в условиях кризиса, испытываемого ныне многими из поселений «принудительного» типа, инфраструктура претерпела радикальное разрушение, местами фатальное.

4.5.2. СООБЩЕСТВА «ЕСТЕСТВЕННОГО» ТИПА РАЗВИТИЯ

Таких обществ, конечно, гораздо больше, чем обществ «принудительного» типа развития, но в моих материалах таковых обнаруживается всего около $\frac{2}{3}$, 89 позиций в основном списке. Они характеризуются во многих отношениях иными значениями признаков территориальной структуры. На их территории имеются ресурсы, обычно достаточные (хотя и не всегда) для автономного жизнеобеспечения, для ведения натурального хозяйства и осуществления неформальных промысловых экономических практик населения на ресурсах леса, реки, моря. Кроме того, у многих таких обществ имеются и жизненные ресурсы иных видов, чем природные. Это обычно ресурсы двух видов: инфраструктурные (промыслы на пролегающих через

ТЕРРИТОРИЯ

территорию автомагистралей, железнодорожных магистралей, трубопроводах и т.п.) и/или людские ресурсы (дачники, отдыхающие, туристы, трудовые мигранты, жизнедеятельность которых обеспечивается местными жителями, получающими вследствие этого доход с таких промыслов).

Даже если в давние времена локальные общества, относимые к типу «естественного» развития, создавались принудительно исключительно ради целей обороны государства (Буй, Верхотурье, Касимов), добычи ресурсов (Маслянино, Мезень, Оса, Солигалич) или и того и другого (Змеиногорск), то в течение длительного естественно-исторического развития сложилась и их ресурсная база жизнеобеспечения. Размеры территории таких обществ привязываются к наличию и объёмам природных ресурсов и размерам сельскохозяйственных ландшафтов, поскольку сельские округа таких обществ длительное время существуют в условиях самообеспечения. Большинство домохозяйств имеют усадьбы и участки для ведения подсобного хозяйства, в том числе в центральных поселениях. Однако в целом ряде естественно развивающихся сообществ размеры территорий недостаточны для автономного существования в силу быстрого роста численности локальной популяции, это наиболее характерно для юга европейской России. В моём списке такая ситуация сложилась в обществах Анапы, Тамани и Темрюка в Краснодарском крае, Гергебиля в Дагестане, Алагир и Дигора в Северной Осетии, Хвалынска в Саратовской и Урюпинска в Волгоградской областях.

Незаселённая территория вся контролируется местным обществом, поскольку широко распространены промыслы на природных ресурсах. Нередко незаселённой территории совсем мало из-за интенсивно используемых агроландшафтов, предельно высокой доли земель сельскохозяйственного назначения (Урюпинск, Новохопёрск, Дигора, Чикола, Алагир, Лабинск, Усть-Лабинск). Либо это только такая территория, которая совершенно не пригодна для жизни (крутые горные склоны, горная тундра, непроходимые болота, окружающие озёра).

Соответственно, и границы территории контролируются эффективно на всём их протяжении. Причём границы оста-

ются неизменными в течение очень длительного времени, по-видимому, в продолжении всего известного нам времени существования местного общества. Наиболее устойчивы границы изолированных сообществ, причём независимо от «естественности/принудительности» развития. Такую информацию я имею для большинства из почти сорока изолированных сообществ. В молодых сообществах неформальные (т.е. не административные) границы с соседями установились в первые десятилетия их существования. А в древних и старых сообществах неизменность границ поддерживается уже в течение пятисот лет, чему способствовало придание им административного статуса и о чём удостоверяют летописные и архивные материалы. Особенно яркую картину стабильности границ демонстрируют сравнения в парах соседствующих обществ, например, Удоры и Мезени, Каргополя и Пудожа, Кандалакши и Умбы, Старой Руссы и Демянска, Вознесенья-Вохмы и Шарьи, Урюпинска и Новохопёрска и т.п. Везде границы между ними многовековые.

Проницаемость пространства достаточно значительная в силу того, что длительное время формировались и развивались транспортные коммуникации и сложилась довольно плотная сеть местных дорог, в том числе значительное по протяжённости количество незарегистрированных дорог и «официально не существующих» дорог. Практически любой участок даже труднодоступных мест (леса, болота, горы) имеет сеть путей и тропинок. Во многих случаях — конечно, в российских реалиях — территории местных обществ связаны с соседними обществами одной-двумя дорогами или только речным, или лишь авиасообщением, а в ряде случаев лишь *зимниками*, как, например в сообществах Анабара, Качуга, Краснощелья и Удоры.

Селитебная структура обществ «естественного развития» хорошо структурирована. Развита сельская округа с большим (десятки) и даже очень большим (несколько сотен) числом поселений. Однако среди сельских поселений немалую долю составляют «выморочные», и это почти всегда старые небольшие деревни на окраинах территории (а не в центре, как в случае

ТЕРРИТОРИЯ

обществ «принудительного» развития). В древних и старых обществах доля «выморочных» деревень составляет до $\frac{1}{2}$, а в среднем 40 процентов. В молодых обществах доля их, безусловно, меньше, поскольку сельская округа не успела «состариться». В обществах «естественного развития» «выморачивание» поселений начинается с «хвоста», а не с «головы», как в обществах «принудительного» типа. Вокруг же административного центра всегда присутствуют от одной-двух до десятка деревень, вполне благополучных благодаря близости к центральному поселению. С точки зрения однородности распределения поселений по территории в обществах этого типа градиент плотности от центра к окраинам не столь велик, как в обществах «принудительного» типа: в отличие от этих последних, на территории обществ «естественного» типа немало деревень располагаются и на окраинах. Территория относительно равномерно заселена (насколько это возможно в российской провинции).

Центральное поселение почти всегда имеет статус города, в крайнем случае статус «посёлка городского типа» (здесь из 89 административных центров только 10 сёл). Коммунальная инфраструктура с системой теплоснабжения, водопровода и канализации централизованного типа развита обычно только в центральном поселении; значительная часть деревень сельской округи характеризуется автономным обеспечением жилья, тем более что многие из старых деревень пережили уже один-два и несколько периодов «выморачивания».

4.5.3. СРАВНЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СООБЩЕСТВ РАЗНОГО ТИПА РАЗВИТИЯ

Представлю в краткой табличной форме (табл. 8) основные различия территориальной структуры двух типов сообществ, выделяемых по критерию источников возникновения и развития:

ТАБЛИЦА 8

Различия территориальной структуры обществ естественного и принудительного типов развития

Атрибут	Общества «принудительного» типа развития	Общества «естественного» типа развития
Ресурсы	Ресурсоёмкость территории не имеет существенного значения с точки зрения жизнеобеспечения населения	На территории имеются ресурсы, достаточные для автономного жизнеобеспечения
	Основные ресурсы территории: сырьевые, энергетические, промышленные, исходно не предназначены для жизнеобеспечения	Достаточное количество природных ресурсов, но имеются и жизненные ресурсы иных видов: инфраструктурные и людские
	Сообщества нуждаются в подпитке внешними ресурсами для жизнеобеспечения	Сообщества могут существовать автономно
Размеры территории	Размеры территории устанавливаются произвольно и не привязываются к наличию и объёмам ресурсов для жизнеобеспечения	Размеры территории коррелируют с объёмами природных ресурсов и размерами сельскохозяйственных ландшафтов, сельские округа существуют в условиях самообеспечения
	Фактические площади используемой территории меньше административных границ. Большая часть территории не заселена	Площадь используемой территории соответствует или больше административной
	Незаселённая территория не контролируется	Вся незаселённая территория контролируется, поскольку распространены промыслы на природных ресурсах
Границы	Контроль границ недостаточный	Границы территории контролируются эффективно на всём их протяжении
Проницаемость пространства	Проницаемость пространства в среднем низкая, но во многих других случаях может быть высокой	Проницаемость пространства значительная

ТЕРРИТОРИЯ

Транспортная инфраструктура	Характеризуется перекосом: локальная сеть дорог часто не развита, а основными связующими являются одна или две автомобильные дороги регионального или республиканского значения	Хорошо развита (за исключением изолированных обществ), по территории проходит несколько дорог регионального или республиканского значения
-----------------------------	---	---

4.6. ОПИСАНИЕ ТИПОВ НА ПРИМЕРЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Как видим, типологические различия между сообществами, обусловленные степенью изоляции и принудительным или естественным характером развития, создают пёструю картину их территориальной структуры, особенно с учётом большого числа признаков. Однако попробуем построить типологию локальных территорий, основываясь на такой комбинационной логике.

Для создания типологии локальных территорий я использую преимущественно комбинацию двух типологий обществ, описанных выше в главе 3; учёт типологии по длительности существования имеет второстепенное значение для типологии территориальной структуры. Комбинация типов обществ по уровню пространственной изоляции и причинам их возникновения и развития даёт шесть возможных типов территориальной структуры (3 x 2). Это структуры (1) изолированных естественных, (2) изолированных принудительных, (3) «ординарных» естественных, (4) «ординарных» принудительных, (5) «турбулентных» естественных, (6) «турбулентных» принудительных обществ. Совмещение описаний элементов территориальной структуры, приведённых в параграфах 4.4 и 4.5, позволяет дифференцировать каждый из шести типов по полутора десяткам категориальных признаков. Многие из выделенных в параграфе 4.2 восьми категорий сходны или идентичны в отдельных типах, но каждый из шести типов территориальной структуры имеет всё же и выразительные отличия от остальных.

ных. В следующем параграфе описывается территориальная структура каждого из типов, конкретные данные привожу по материалам сообществ основного списка.

При этом ещё раз обращаю внимание на то, что территориальная структура «ординарных» сообществ достаточно близка или местами даже идентична территориальной структуре как обществ изолированного, так и «турбулентного» типов, поскольку во многих случаях удалённость их административных центров от регионального центра или от центров других обществ составляет несколько десятков километров, а не сотни и тысячи километров, как у изолированных обществ, но ряд из них существуют в природных условиях, способствующих изоляции и по климатическим, и по экологическим (агрокультурным), и по инфраструктурным причинам. К тому же по территориям «ординарных» обществ могут проходить региональные и местные автодороги и железные дороги, там нет только автомагистралей и железнодорожных магистралей. Поэтому такие общества, будучи промежуточным типом, имеют размытые границы. Соответственно, территориальная структура немалого числа таких обществ не отличается слишком от структуры обществ «турбулентного» типа, а в целом ряде случаев и от обществ изолированного типа. Содержательно, по совокупности характерных признаков, многие такие общества следовало бы рассматривать как подтипы «турбулентных» обществ естественного развития или, напротив, обществ изолированных, но принудительного типа развития. Однако формально нужно выделить отдельные типы.

4.6.1. ТИП ТЕРРИТОРИИ ИЗОЛИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Во многих отношениях такие сообщества наиболее удобны для анализа, поскольку имеет место определённая их центра и их границ, сравнительная простота и обозримость внутренних связей, очень значительная изолированность от внешнего мира.

ТЕРРИТОРИЯ

Не является исключением и их территориальная структура. Она складывается длительное время под влиянием преимущественно природных факторов и без сколь-нибудь значительных воздействий со стороны соседних сообществ или государства.

Всего сообществ такого типа территориальной структуры описано у меня 26, из которых 13 древних, 8 старых и всего 5 молодых. Все изолированные общества находятся под сильным эколого-климатическим воздействием, поэтому в этом и следующем параграфах я дифференцирую описание территориальной структуры изолированных северных, среднеширотных и южных (по возможности, из-за малочисленности материалов) сообществ в соответствии с параграфом 3.1 главы 3.

«Земля» предоставляет изолированному сообществу ресурсы, достаточные для автономного жизнеобеспечения. Не только сельская округа имеет возможность неопределённо долгое время существовать автономно, но и жители административного центра имеют средства к самообеспечению. Почти все или исключительно все ресурсы – природные. Домохозяйства обеспечивают своё существование преимущественно за счёт промыслов ресурсов леса и тундры, реки и моря. Большинство домохозяйств, в том числе в центральных поселениях, имеют усадьбы (индивидуальный дом с участком) для ведения подсобного хозяйства. Однако обычно усадьба является второстепенным источником жизнеобеспечения по сравнению с промыслами на природных ресурсах.

Территории имеют большие и очень большие размеры. Однако размеры территории привязываются (коррелируют) к наличию и объёмам необходимых природных ресурсов. Поэтому в северных сообществах площадь составляет десятки тысяч квадратных километров (данные по 11 северным сообществам: средняя площадь составила более 23 000 км²). В средней полосе Европейской России, на Урале и юге Сибири территория изолированных сообществ уже на порядок меньше (данные по 12 среднеширотным сообществам: средняя площадь составила около 2 700 км²). На юге европейской части России она меньше на ещё один порядок, чем в средней полосе России: менее 350 км² (имеются данные о территории только по одному изолированному сообществу Гергебиля в Дагестане, однако и все

остальные 16 обследованных здесь южных сообществ имеют такие же очень малые территории). Таким образом, территориальные различия сообществ Крайнего Севера (Арктики) с крайним югом страны стократные.

Плотность населения в этих обществах очень низкая, нередко на порядок меньше, чем средняя плотность населения в России (что составляет около 8,6 чел/км²). При том, что численность сообщества, независимо от широты местности, составляет в среднем 10–20 тысяч человек (таковы $\frac{2}{3}$ всех сообществ этого типа), плотность населения на севере не достигает и 1 человека на км² (0,9 чел/км²), а в центральной части страны она выше на половину порядка (около 5 чел/км²), хотя не добирает и $\frac{1}{2}$ среднероссийской плотности. На юге плотность составляет уже десятки (более 60) человек на квадратный километр. Однако плотность населения только сельской округи, без населения административного центра, в 2–3 раза ниже указанной. В сельской округе на Севере она составляет 0,3 чел/км², в средней части страны – 2,3 чел/км², на юге – 46,2 чел/км². Но в среднем плотность населения сельской округи составляет 0,5 чел/км².

Средняя численность жителей одного населённого пункта сельской округи (без учёта «выморочных» поселений) составляет 122 человека на село. А средняя удельная территория, приходящаяся на одно «живое» (обитаемое, не выморочное) поселение, составляет 225 км². На Севере, однако, жителей в селении (деревне) побольше – 146, а контролируемая удельная площадь вдвое больше – 450 км²; т.е. на одного жителя приходится по 3 км² угодий. В средней полосе численность жителей в одном сельском поселении (деревне) вдвое меньше и составляет в среднем 80 человек³², а удельная площадь, приходящаяся на

³² Меньшая численность жителей в поселениях изолированных сообществ, расположенных в средних широтах, по сравнению с поселениями высоких широт имеет экологические и исторические, а также политические причины: на Севере автономное существование требует коммунальности и постоянной взаимной поддержки домохозяйств, здесь миграция жителей – в большинстве своём родственников – очень мала, при том что пространственная подвижность населения очень велика. В изолированных же среднеширотных сельских поселениях имеет место отток населения все последние полвека (преимущественно

ТЕРРИТОРИЯ

одно сельское поселение, уже на целый порядок меньше — всего 35 км², поэтому на одного жителя приходится только около 0,4 км² угодий. Данные по единственному изолированному южному сообществу показывают сокращение удельной территории до 0,10 км²/чел. Таким образом, каждый житель сельской округи изолированного общества естественного развития имеет в распоряжении для жизнеобеспечения в среднем около 2 км² (от 0,10 до 3 км²). Такие значения средней удельной площади — на Севере большие, в средних широтах на порядок меньшие — предоставляют возможности каждому домохозяйству для полного обеспечения природными ресурсами, поскольку максимально необходимые площади составляют от 1,5 км² на Севере до 1,5 га на юге (см.: [Плюснин, 1997а; 1997в]).

Границы территории контролируются мужским населением сообщества. Но и незаселённая территория также контролируется несмотря на то, что размеры её очень велики. В наши дни, как и в прежние времена, вся территория поделена на участки родовых общин коренных местных жителей (малые народы Севера и коренные русские) или на земли, взятые в аренду кооперативами или отдельными крестьянскими хозяйствами. Институциональную основу территориального контроля составляет широкая сеть охотничьих домиков различного назначения (*зимовье, избушка, заимка*), которые нередко и являются «пограничными постами» [Плюснин, 2006]. В этих обществах границы территории на наиболее важных направлениях остаются неизменными в течение очень длительного времени. По моим наблюдениям [Плюснин, 2006, 2016], некоторые границы поддерживаются символическими средствами на протяжении нескольких веков. Так, по архивным письменным источникам [Писцовая книга..., 1622], нынешние границы между обществами Удоры и Мезени существуют более четырёх веков (что подтверждают и местные жители: «*Ручей у Савиной избы – издревле граница между родомскими и латъюгскими жителями*»). Таковы же вековые границы между родовыми угодьями общин северных

внутрирегиональная миграция). Кроме того, именно здесь в 1960-х годах проводилась политика «ликвидации неперспективных деревень», больно ударившая по всему региону Нечерноземья.

народов Восточной Сибири. Аналогичным образом с незапамятных времён разграничены и охотничьи участки, располагающиеся на границах между сообществами. Например, по моим полевым наблюдениям разных лет, таковы границы между сообществами в Ловозерском районе между жителями Ловозера и Краснощелья (наблюдения 1990 и 2015 гг.), между жителями Намского и Хангаласского улусов в Якутии (наблюдения 2011 г.).

На Севере и особенно в Арктике сообщества практически не имеют непосредственных соседей в виде поселений других сообществ и часто не имели и не имеют враждебного окружения. (На границах родовых угодий случаются раздоры и стычки, но ограничиваются конфликтами отдельных семей и не носят серьёзного характера.) Почти то же самое можно сказать и о большинстве изолированных обществ средней полосы европейской России и Сибири. При этом значительные участки территории не соприкасаются с территориями соседних обществ, отделены от них холодными морями, арктической тундрой, непроходимыми болотами, лесными урочищами, горными хребтами. Из двадцати четырёх сообществ с территориальной структурой данного типа природные барьеры на значительной части границ своих территорий имеют все без исключений сообщества. Однако при этом проницаемость пространства для местных обитателей высока в силу того, что они имеют приспособленные традиционные средства транспорта, используют всю территорию для охоты и добычи других ресурсов, а местные пути (транспортные коммуникации) длительное время формировались и развивались под специальные местные потребности. И хотя плотность транспортной инфраструктуры низкая и поселения связаны с соседними сообществами всего лишь одной-двумя дорогами или *зимниками*, однако здесь имеется немало троп, трактов и незарегистрированных и официально не существующих дорог.

Эти пути способствуют поддержанию весьма тесных родственных и соседских связей между людьми, проживающими в селениях на удалении друг от друга в одну, а то и три тысячи километров, которые не имеют прямых транспортных коммуникаций. Например, по моим наблюдениям 1991 г., в Усть-Цилемском изолированном сообществе в центральном селе-

ТЕРРИТОРИЯ

нии Усть-Цильма на реке Печора (Коми) жители поддерживают тесные связи не только с родственниками и знакомыми в городе Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ в Архангельской области на расстоянии в 300 км), но и с жителями, например, села Ванавара и деревни Чемдальск в Эвенкийском автономном районе Красноярского края, на расстоянии в 3000 километров по прямой. Для сравнения приведу совершенно аналогичные наблюдения, зафиксированные в городе Пустозерске³³ двумя англичанами в 1611–1615 гг., Вильямом Гудроном из Гулля и Вильямом Пурзгловом (Travelers Trading. London, 1625, III and V) и воспроизведённые А. фон Шренком [Schrenck, 1854]. Торговые контакты, дружеские и родственные связи простирались от Пустозерска до Усть-Цильмы (на реке Печоре) и Мангазеи (в устье реки Таз у реки Обь), до Мезени, Холмогор и Колы.

Селитебная структура северных изолированных естественных сообществ отличается от таковых в средних и южных широтах по нескольким показателям. При этом везде сельская округа преобладает над центром по численности жителей. Исторически количество деревень велико и на севере (в среднем 77 на одно общество; разброс от 3 до 244), и в средней полосе (138, разброс от 4 до 328). Но их традиционно мало на юге. И хотя число деревень на севере вдвое меньше, чем в средней полосе, но населённость отдельных поселений сельской округи на севере почти вдвое выше, чем в среднеширотных сообществах (147 и 80 чел. соответственно). Однако и здесь и там высока доля выморочных поселений (32% и 46% соответственно). Большое количество выморочных деревень во всех провинциальных местных обществах, кроме южных, является следствием прежде всего политики «ликвидации неперспективных деревень» 1960-х годов, но, помимо этого, причина состоит также в том, что и в предкризисные 1970–1980-е, и в кризисные 1990–

³³ Исчезнувший к XX веку арктический город, располагавшийся на реке Печоре всего в 40 километрах выше по реке от современного города Нарьян-Мар. В XVII–XVIII вв. имел важное административное и экономическое значение как центр пушного промысла, наравне с Мангазеей, приносил русской казне более $\frac{3}{4}$ доходов [Бродель, 1992, с. 473].

2000-е сельское население неуклонно стягивалось в центр своего общества. Эта тенденция имеет место и сейчас, на севере она проявляется сильнее, поэтому северный административный центр по численности жителей вдвое превышает численность жителей в городах средней полосы (около 8 800 чел. и 4 500 чел. соответственно). Но в этих последних действует ещё и вектор миграции в региональный центр. Количество «живых» деревень на севере составляет в среднем 52 (от 3 до 118), а в средней полосе — 75 поселений (от 4 до 186). В условиях же значительной изоляции на Крайнем Севере и в Арктике количество населённых пунктов ограничивается в среднем всего двумя поселениями (обычно от 1 до 4); таковы все изолированные арктические местные общества.

Коммунальная инфраструктура поселений — не только в деревнях, но и нередко в центре — чаще всего неразвита. Преобладает автономное обеспечение водой, канализацией, отоплением. Сам административный центр чаще всего имеет статус не города, а села или посёлка (50% сёл — 13 из 26; остальные 13 — городки, мало отличимые от рабочих посёлков). Соответственно, повсюду в «местечках» преобладают усадебные формы застройки. Поэтому в таких центрах, особенно имеющих статус села или посёлка, частично редуцированы многие государственные функции (большинство государственных учреждений имеют статус межрайонных: одно государственное учреждение на несколько соседних районов, и потому представлены не в каждом административном центре). Ещё значительнее редуцированы культурные и религиозные функции этих центров.

Территориальная структура трёх из всех 26 местных обществ этого типа — Чердыни, Пудожя и Варнавино — более всего совпадает со средними групповыми значениями по совокупности всех параметров. Поэтому я привожу в качестве образца территориальной структуры изолированного общества естественного развития карту-схему Чердынского общества, поскольку она наиболее близка к «средней картинке», но в то же время это сообщество относится к северным и уральским, занимающим положение между европейскими и сибирскими сообществами (рис. 7).

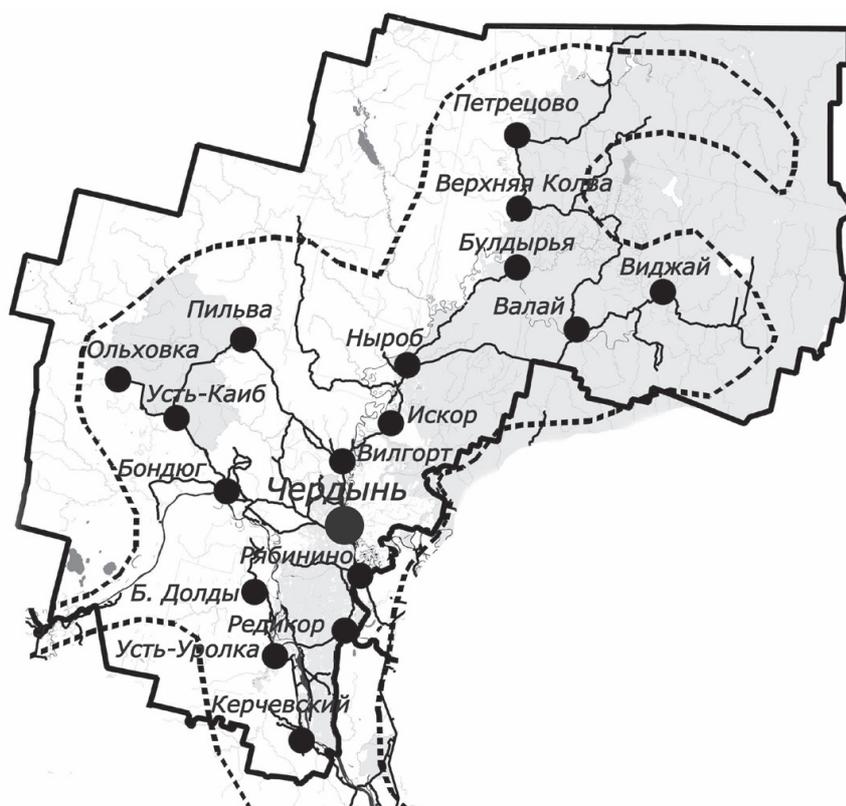

Рис. 7. Территориальная структура Чердынского местного общества. Здесь и далее сплошной линией указаны административные границы района, пунктирной линией отмечены примерные границы контролируемой территории местного общества; они не полностью соответствуют административным границам района. На врезке показано местоположение района в административно-территориальной структуре Пермского края

Как можно видеть, территориальная структура Чердынского местного общества тесно связана и определяется речной сетью. Практически все 99 поселений расположены по берегам четырёх рек – Камы, Вишеры, Колвы и Берёзовой. Именно на этих реках и сконцентрированы основные пищевые ресурсы; они же с незапамятных времён являлись и главными транспортными коммуникациями. Большинство из ныне «выморочных» поселений (таковых 29 посёлков) расположены либо в тайге на малых реках, где недостаточно пищевых ресурсов для всех обитателей, либо такие деревни оказались ас-

симилированы близлежащими более крупными поселениями. Всего лишь 29 поселений имеют численность свыше 100 жителей. Из этого числа 5 поселений имеют численность более 500 жителей, а ещё 6 — более 1 000 жителей. Эти наиболее многочисленные 11 поселений стягивают на себя все остальные более мелкие, но их локальные территории существенно меньше по размеру, чем территории удалённых мелких поселений. Здесь, как и повсюду, действует закономерность «чем крупнее поселение, тем относительно меньше территория», поскольку в крупных поселениях имеются дополнительные ресурсы для жизнеобеспечения. Все автомобильные дороги проложены вдоль крупных рек по речным террасам; связь с соседними обществами (Красновишерск, Соликамск, Березники и Пермь) осуществляется по единственной дороге. (На запад есть ещё один путь, но это редко и мало используемая дорога по реке Каме и зимникам, а на север и восток дорог нет совсем.) На этой автодороге, единственной связи местного общества с «большим миром», и сконцентрированы многие поселения и большинство крупных, а также проживает $\frac{3}{4}$ всего населения — более 16 000 из 20 000 человек.

4.6.2. ТИП ТЕРРИТОРИИ ИЗОЛИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Таких обществ в моей основной выборке насчитывается 15. Среди них совсем нет древних, как в случае изолированных сообществ естественного развития, где таковых большинство. Здесь, напротив, основную часть составляют молодые общества (10 из 15), образованные всего 150 и менее лет назад. Поэтому история их принудительного образования хорошо известна, зафиксирована письменно и кое-где до сих пор сохраняется в памяти самих жителей. В территориальной структуре этих обществ также очень велики широтные различия, они ещё большие, чем в предыдущем случае (посколь-

ТЕРРИТОРИЯ

ку освоение уральских, сибирских и дальневосточных территорий происходило всего 150–450 лет назад). Всего описано шесть северных обществ, в том числе арктических, восемь среднеширотных и лишь одно южное. Долготные же различия отсутствуют, поскольку подавляющее большинство обществ — это уральские и сибирские. Поэтому многие первичные территориальные различия этих обществ с предыдущим типом обусловлены как раз местоположением на западе или востоке страны, в частности: большая площадь территории и малая плотность населения, небольшое количество поселений и незначительная доля «выморочных» среди них, число жителей в одном поселении, удельная площадь территории, приходящейся на одно поселение. Более важные структурные различия, относящиеся до транспортной, коммунальной и селитебной инфраструктуры, не обусловлены региональными факторами.

Средняя площадь территории — наибольшая сравнительно со всеми остальными типами (около 20 тысяч км² — это прямоугольник размером 100 x 200 км), вариативность отдельных территорий очень велика — от 300–500 км² до 100 000 км² (1:300). Численность же локальной популяции наименьшая и, как следствие этого, очень низкая плотность — на 1–2 порядка ниже, чем в других типах сообществ (0,6 чел/км², хотя разброс значений столь же велик — от 0,003 до 44 чел/км²). Большая часть территории остаётся незаселённой. Ресурсоёмкость территории не имела значения в момент образования сообщества, поэтому сообщества располагают очень ограниченными средствами для повседневного автономного жизнеобеспечения и в большинстве случаев зависят от внешнего обеспечения («северный завоз», а в средних широтах — широкое распространение социального обеспечения, практически эквивалентного «завозу»). Во всех случаях первоначальные поселения, которые затем стали административными центрами, создавались поблизости с точками разработки природных ресурсов, нередко находившимися в труднодоступных местах.

Транспортная инфраструктура с перекосом: локальная сеть дорог часто не развита, а основными связующими явля-

ются одна или две автомобильные дороги регионального или республиканского значения. Территория с малым количеством и низким качеством путей сообщения, плотность инфраструктуры низкая. Поэтому проницаемость пространства низкая. Многие сообщества практически не имеют соседей, контроль и охрана границ не налажены. Охотничьи и родовые угодья есть, но, в отличие от сообществ естественного развития, между жителями соседних сообществ регулярно происходят конфликты на границах угодий. Таковы, например, зафиксированные мной конфликты между жителями посёлка Юрюнг-Хая в Анабарском улусе Якутии и жителями Хатангского сельского поселения Таймырского автономного округа в Красноярском крае за родовые угодья первых и угодья на реке Попигай, принадлежащими вторым; или за родовые угодья в Быстринском и Тигильском районах на Камчатке. Да и между жителями одного сообщества весьма нередки непрекращающиеся конфликты за участки.

Границы всех без исключения сообществ, как северных, так и среднеширотных, определены либо природными препятствиями, непригодными для обитания (берег моря, крупная река, обширные пространства тундры, тайги, болот), либо являются государственными границами, границами заповедных или закрытых зон, а в половине всех случаев — тем и другим. Поэтому границы либо физически непроходимы, либо прилегающая к ним территория недоступна для использования. В этом заключается дополнительная причина того, что в значительном числе случаев территория не используется полностью жителями. Но основная причина неиспользования территории всё же заключается в специфическом характере жизнеобеспечения таких обществ — они изначально зависели и до сих пор зависят от государства.

Селитебная структура представлена центром — поселением при заводе/фабрике (нынче само главное предприятие нередко ликвидировано) — и небольшим числом близко расположенных к нему поселений округа. Сельская округа имеет наименьшее, сравнительно с другими типами, количество поселений (в среднем 20) и почти не имеет «выморочных» поселений

ТЕРРИТОРИЯ

(в среднем 2). Это естественно, так как такие общества не затронула ни ликвидация «неперспективных деревень», ни стягивание деревенских жителей в центр: исходно поселения являлись фабрично-заводскими «слободами». Поселения округи концентрируются вокруг центра, являются узкоспециализированными, как и центр. В силу этого способность к самообеспечению населения снижена, почти вся округа, как и центр, нуждается в подпитке внешними ресурсами для жизнеобеспечения. В случае критических ситуаций такие сообщества оказываются перед угрозой физической гибели. В настоящее время часть таких сообществ деградировала — значительно снизилась численность населения, разрушены дома и коммунальная инфраструктура. Важной особенностью большинства обществ принудительного типа является первоначальность образования центрального поселения и вторичность сельской округи, что и обуславливает указанный характер изменений территориальной структуры.

Северные общества (детально обследовано шесть) все очень малочисленны: в среднем менее 1 500 жителей, население центра составляет около одной тысячи человек (от 100 до 2 000 чел.). Почти всё население проживает в одном-двух (не более трёх) населённых пунктах, все они близко расположены; «выморочные» поселения отсутствуют. Да и население концентрируется в административном центре (там проживает более $\frac{3}{4}$ всех жителей). Население во всех случаях зависит от внешнего обеспечения: доля взрослого населения, получающего социальные пособия разного рода, достигает 80–90 процентов. Площадь территории очень велика, составляет в среднем 42 000 км²; плотность не достигает и 0,15 чел./км². Удельная площадь территории, приходящейся на одно обитаемое поселение, составляет более 20 000 км² — необозримая площадь, в полном объёме не контролируемая. Удельная территория в пересчёте на одного человека составляет около 30 км²; однако далеко не вся территория контролируется на регулярной основе, как это происходит в северных изолированных обществах естественного развития. Между тем ресурсное изобилие позволяет этим сообществам вести полностью автономное существование, и часть

жителей в каждом из них — где-то большая, где-то меньшая — реализует стратегию самообеспечения за счёт промыслов на природных ресурсах. Но на их фоне всегда имеется значительно большее количество домохозяйств, целиком зависимых от государственной поддержки; в случае её исчезновения такие домохозяйства обречены.

Среднеширотные сообщества (их восемь) на порядок больше (в среднем около 15 000 жителей), а территория их, сравнительно с северными, невелика — чуть более 5 000 км², соответственно, плотность населения составляет 3,3 чел/км², что в 20 раз превышает этот же показатель в северных обществах. Здесь больше и поселений сельской округи, хотя и несопоставимо мало сравнительно с остальными типами территориальной структуры, и почти нет «выморочных» поселений (причиной чему уже указанный фактор местоположения — все общества находятся на Урале и в Сибири). Подавляющее большинство поселений сконцентрированы вокруг центрального села (в среднем 25 поселений и 3 выморочных, что в 3 и в 20 раз меньше соответствующих значений для аналогичных изолированных естественных среднеширотных сообществ). На территории довольно хорошо развита транспортная сеть, но связь с соседними обществами и региональным центром осуществляется по единственной дороге или только авиасообщением, в редком случае морем. Коммунальная инфраструктура центров не отличаются от северных сообществ.

Из южных изолированных сообществ в выборке имеется единственное (Гуниб в Дагестане, некогда образованное как военное укрепление), но его территориальная структура ничем не отлична от структуры соседнего Гергебильского сообщества, а также от других обществ Северного Кавказа, в Северной Осетии.

Поскольку имеется очень значительное несоответствие между территориальными структурами северных и среднеширотных сообществ, я выбрал в качестве примеров два противоположных образчика: Эссо на Камчатке и соседние общества Амурзет и Ленинское на Среднем Амуре.

ТЕРРИТОРИЯ

Рис. 8. Территориальная структура изолированного принудительного типа северного местного общества Эссо (Быстринский район, Камчатка, на врезке)

Территориальная структура общества Эссо предельно проста (см. рис. 8). Единственная автомобильная дорога соединяет два поселения с соседними районами и региональным центром. Однако имеются тропы и зимники, которыми сообщество связано с восточным побережьем Охотского моря и посёлками Тигиль и Соболево на Охотском побережье. Всё население проживает на берегах реки Быстрой, притока реки Камчатки. Обжитая территория очень невелика, освоенная — гораздо больше и выходит за границы всего Быстринского района. Важнейшие участки территории, если они не являются заповедными землями (на территории района расположен Быстринский природный парк) поделены между семьями и родовыми общинами. На этих участках имеются сезонные лагеря и охотничьи избышки. Вся система жизнеобеспечения территориально привязана к рекам. Пространства гор и тундры используются для кочевания с северными оленями и лошадьми.

Территориальная структура двух соседствующих местных обществ в Ленинском и Советском районах Еврейской автоном-

ной области практически идентична (рис. 9). Они и формировались по одному сценарию и в одинаковых условиях. Они также связаны единственной дорогой с центром, а границами являются болота Среднеамурской низменности, таёжные нагорья Малого Хингана и пограничная с Китаем река Амур. Все немногочисленные поселения имеют разную и недавнюю историю образования, все располагаются на двух кольцевых дорогах, которые связывают большинство поселений; часть из них располагаются в тупиках в таёжной зоне или по Амуру. Значительная часть населения концентрируется в административных центрах (за исключением поселений с воинскими частями), в которых располагаются пограничные переходы в Китай. Обжитое пространство невелико, располагается вдоль дорог, проницаемость пространства тоже малая в силу многочисленных болот, горно-таёжных районов и наличия государственной границы. Река Амур выведена из хозяйственного использования населением. Обеспечение за счёт природных ресурсов имеется только для незначительной части населения, большая часть существует за счёт сельскохозяйственного производства и за счёт государственного обеспечения («бюджетники» и военнослужащие).

Рис. 9. Территориальная структура среднеширотных изолированных местных обществ принудительного типа Амурзет (1) и Ленинское (2) в Еврейской автономной области, Средний Амур. Общества граничат между собой

4.6.3. ТИП ТЕРРИТОРИИ «ТУРБУЛЕНТНЫХ» СООБЩЕСТВ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Территориальная структура обществ «турбулентного» типа по всем основным параметрам сильно (в разы и на порядок) отличается от соответствующей структуры изолированных обществ, вне зависимости от типа их развития – естественного или принудительного. В этом состоит главное типологическое различие локальных обществ, дифференцируемых по степени их пространственной изоляции. Всего «турбулентных» обществ естественного развития описано восемнадцать из основ-

ного списка, из которых только три северных, три южных и двенадцать среднеширотных. Все общества, за единственным исключением, расположены в Европейской части России (см. табл. 4). Этим они отличны и от описанной ранее совокупности изолированных принудительных обществ и от следующего типа «турбулентных» принудительных обществ, где половина располагается на Урале и в Сибири, а вторая половина — в Европейской России.

Состав земель по категориям в этих обществах смещён в сторону преобладания земель сельскохозяйственного назначения (агроландшафтов), селитебных и промышленных зон. Доля других категорий земель небольшая, особенно мало лесов федерального назначения. Мало земель запаса, выведенных из пользования, залежей. Все эти особенности характерны для староосвоенных территорий страны, где и расположены все общества описываемого типа. В то же время у населения широко распространены промыслы на природных ресурсах; правда, ресурсы эти общедоступные — не промысловая охота на зверя и дичь, а рыбалка, сбор дикоросов, трав и проч. Зачастую добыча от таких промыслов предназначена не для собственного потребления, а для продажи. Немало ресурсов иных видов, не только природных. Это обычно инфраструктурные и/или людские ресурсы, которые также используются для получения дополнительного дохода.

Размеры территории невелики, наименьшие среди всех других типов: в среднем около 3 000 км² (100 x 30 км); разброс значений сравнительно невелик, стократный — от 147 км² на юге (Тамань) до 14 410 км² на севере (Кандалакша). Заселённость территории значительна: численность населения составляет в среднем до 45 000 человек, разброс значений десятикратный — от 11,7 тысяч до 116,4 тысяч человек. Плотность населения умеренно высокая: в среднем около 15 чел/км², минимальная на севере — 2,4 чел/км², максимальная на юге — 72,8 чел/км², в средней полосе — 18,5 чел/км². При этом плотность населения сельской округи в 2–3 раза ниже — около 6 чел/км², поскольку более половины населения (56%) проживает в административном центре. Между тем градиент плот-

ТЕРРИТОРИЯ

ности от центра к окраинам не столь велик, как в типологически близких обществах «турбулентного» «принудительного» типа; этот показатель близок к аналогичному в изолированных обществах. На территории немало деревень располагаются и на окраинах. Территория, таким образом, относительно равномерно заселена.

Удельная нагрузка на территорию значительная, на юге даже превосходит предельные значения, необходимые для самообеспечения домохозяйств. В среднем на одно «живое» сельское поселение приходится 27 км² территории, с учётом средней численности (165 человек на поселение) на одного человека в сельской округе приходится чуть более 16 га (на юге существенно меньше — менее 3 га). Это, на первый взгляд, немалая удельная площадь, однако надо иметь в виду, что на юге значительные площади агроландшафтов находятся в собственности крупных холдингов, а в средней полосе Европейской России выведены из сельскохозяйственного оборота и уже три десятилетия не используются. Жители сельской округи длительное время существуют в условиях самообеспечения. Большинство домохозяйств, в том числе в центральных поселениях, имеют усадьбы и участки для ведения подсобного хозяйства.

Границы территории определены, зафиксированы и контролируются. Проницаемость пространства достаточно значительная. Существует множество разнообразных путей сообщения; по территории проходит одна-две и более магистралей. Транспортная инфраструктура развита, имеется плотная сеть местных дорог, в том числе много незарегистрированных и официально не существующих дорог. Транспортные коммуникации длительное время формировались и развивались.

Поселенческая структура развитая, имеются многочисленные населённые пункты сельской округи с большим (десятки) и даже очень большим (несколько сотен) числом поселений. В среднем в местном обществе имеется 154 учтённых сельских поселения. Однако среди сельских поселений немалая доля «выморочных» (в среднем 43 поселения, 28%),

и это почти всегда старые небольшие деревни. Однако вокруг административного центра располагаются от одной до десятка деревень, вполне благополучных благодаря близости к центральному поселению. Доля населения сельской округи невелика — 45 процентов. Коммунальная инфраструктура развита обычно только в центральном поселении. Значительная часть деревень имеет автономное коммунальное обеспечение.

Центральное поселение почти всегда имеет статус города, получивший его ещё в имперские времена или даже ранее. Административный центр обычно представлен двумя уровнями: окружным (волостным) и уездным. Такие сообщества с трёхуровневой территориальной структурой относятся только к «турбулентному» типу. Основные социальные, культурные и религиозные функции представлены в центре в полном объёме. Обычно имеет место хорошее развитие местной экономики, каждый центр обладает несколькими средними и даже крупными предприятиями.

Наиболее характерный пример территориальной структуры этого типа даёт местное общество одного из самых древних городов страны, Ростова Великого (рис. 10). Сквозь всю территорию проходят сразу две крупнейшие магистрали: автомобильная дорога М-8 «Холмогоры» и Транссибирская железнодорожная магистраль. Соответственно, вся территориальная структура определяется этими путями сообщений. Здесь нет крупных рек, речного сообщения никогда не бывало, а озеро Неро ныне утратило всякое значение и является лишь местом рыбалки для местных жителей, хотя в прежние годы имело важное экономическое значение для всего края. Селитебная структура полностью приурочена к магистралям. Значительная доля населения сконцентрирована именно в поселениях, располагающихся в непосредственной близости от магистралей. Имеется очень большое количество деревень (308), где проживают в среднем по 168 жителей. Выморочные поселения, которых много (114) все располагаются на периферии территории. Очень много местных мелких и неучтённых дорог, многие не имеют твёрдого покрытия.

ТЕРРИТОРИЯ

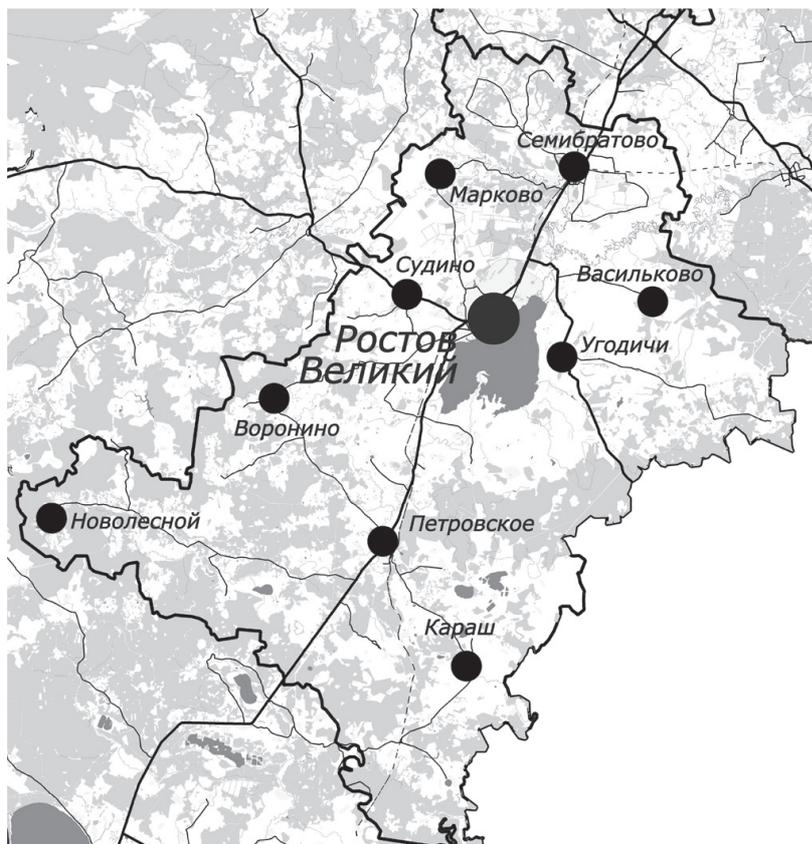

Рис. 10. Территориальная структура «турбулентных» естественного развития среднеширотных местных обществ на примере Ростова Великого

4.6.4. ТИП ТЕРРИТОРИИ «ТУРБУЛЕНТНЫХ» СООБЩЕСТВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Территория таких местных обществ — их всего 17 в основном списке — имеет те же отличия от территорий любых изолированных обществ, что и территории вышеописанных «турбулентных» обществ естественного развития. Почти по всем выделенным признакам структура их иная.

Внутри же этого типа территориальные различия между обществами естественного и принудительного развития состоят в следующем. Площадь территории последних в 2–3 раза больше, а вариативность размеров территорий в 5 раз больше.

При этом и средняя плотность населения выше, но выше и вариативность плотности. Наибольшие различия имеют место в территориальной структуре сельской округи. Доля сельской округи составляет $\frac{1}{3}$, а не $\frac{1}{2}$ всей численности населения. Количество учтённых поселений (деревень) сравнительно невелико — в среднем около 60 (вариация от 3 до 181). Количество выморочных деревень также невелико, как, впрочем, во всех обществах принудительного развития, и составляет в среднем 13 деревень. Однако почти в половине обществ выморочных деревень нет совсем или их не более 1–3. Соответственно, плотность населения сельской округи в два раза ниже, чем в предыдущем случае (менее 3 чел/км²), а удельная площадь, приходящаяся на одно сельское поселение, в пять раз больше (в среднем около 160 км²/поселение). Населённость деревень одинакова (около 160 человек в поселении).

Причины таких различий территориальной структуры в части сельской округи (но не в структуре центральных поселений) представляются очевидными. Половина всех «турбулентных» обществ принудительного развития (8 из 17) расположены в Сибири и на Дальнем Востоке, тогда как в той же части страны находится всего одно (из восемнадцати) такое же общество естественного развития. На сибирских территориях населённость сельской округи всегда была и остаётся меньшей, нежели в Европейской части России, как и плотность населения, но уже в силу значительных пространственных размеров. При этом очевидно, что обществ, которые формировались в результате принудительного воздействия со стороны государства, на востоке страны существенно больше, чем в центре. В этом смысле сравнение двух типов территориальных структур выглядит некорректным, если рассматривать это с точки зрения однородности массива данных. Но рассматривая ситуацию с общероссийских позиций, мы должны признать, что территориальные различия носят типологический характер, независимо от того, какими внешними причинами это вызвано (прежде всего географическими). Это относится не только к обществам «турбулентного» типа, но и к изолированным, а в не меньшей степени и к «ординарным» обществам.

ТЕРРИТОРИЯ

Ресурсов территории, необходимых сообществу для автономного жизнеобеспечения, здесь меньше, чем в таких же, но изолированных обществах. Поскольку основу составляют такие природные ресурсы, ради которых и рядом с которыми создавалось базовое поселение как нынешний центр сообщества, а в отличие от изолированных поселений, здесь имеется развитая транспортная инфраструктура, то большинство домохозяйств не имеют усадеб, не ведут или имеют слабое подсобное хозяйство, проживают в квартирах городского типа и в значительной степени зависят от заработной платы по результатам найма на предприятиях. В условиях кризиса и спада производства многие домохозяйства начинают использовать инфраструктурные ресурсы в качестве неформального основного источника жизнеобеспечения. Именно в таких обществах, преимущественно в их центральных городах, получили развитие постархаические формы экономического поведения – «рассеянные мануфактуры» и «гаражная экономика» (см. ниже). Собственно, эта неформальная экономическая активность населения и является постоянной подпиткой внешними ресурсами для повседневного жизнеобеспечения.

Размеры территории, поскольку они исходно устанавливаются произвольно и не привязываются к наличию и объёмам ресурсов для жизнеобеспечения, оказываются существенно большими, чем у «турбулентных» обществ естественного развития. Хотя если сравнивать с другими обществами принудительного развития, территория «турбулентных» оказывается в 2–3 раза меньшей по площади.

Другой особенностью является то, что сообщества не имеют потребности в контроле территории и её границ. Вызвано это по крайней мере двумя причинами: наличием нескольких видов иных, чем природные, ресурсов, а также тем, что сквозь территорию протекает критически большое количество «чужих», проточных мигрантов. В этом отношении общества данного типа обладают наименьшей среди всех шести типов территориальных структур способностью контроля и охраны границ. Поэтому, в отличие от остальных, границы здесь административные, т.е. чисто формальные.

Проницаемость пространства обычно высокая, но поскольку многие такие общества расположены в Сибири, то значительная часть территории остаётся незаселённой. Неравномерность заселения значительная, что отличает их от «турбулентных» естественного развития обществ. Транспортная, а также селитебная и коммунальная инфраструктура развиты лучше, чем в любых других типах обществ. Это отличие от «турбулентных» естественного развития обществ обусловлено разницей в длительности существования: описываемые общества, как правило, молодые, их инфраструктура формировалась в советские годы. Однако в последние 30 лет произошло тотальное разрушение коммунальной инфраструктуры многих центральных поселений именно в этих обществах, поскольку многие из них — моногорода, здешние градообразующие предприятия пострадали от кризиса в первую очередь и больше всего. А прежде они отвечали за всю коммунальную инфраструктуру. Административный центр несёт все функции центра в полном объёме и концентрирует практически всю местную официальную и общественную активность. Поэтому сельская округа редуцирована, население её стягивается в центр.

В качестве типичного образца территориальной структуры такого типа я выбрал общество Искитима в Сибири, в южном пригороде Новосибирска, с которым он образует одну городскую агломерацию (рис. 11). Поперёк района тянется автомагистраль Р-256 «Чуйский тракт», идущая до Монголии и далее в Китай, а также проходит железнодорожная магистраль в Барнаул и далее, в города постсоветских государств Средней Азии. Таким образом, район Искитим находится на международных трассах, обеспечивающих не только торговые связи, но и значительный поток трансграничных мигрантов (гастарбайтеров) из Средней Азии в Сибирь, весьма интенсивный криминальный трафик наркотиков и оружия, а также контрабандных товаров экзотического и повседневного спроса. В непосредственной близости от магистралей располагаются карьеры и рудники такого важного сырья, как антрацит, золото, мрамор и известняк (последний — для изготовления высококачественного цемента), а рядом с ними — заводы по переработке сырья. В районе имеются нема-

ТЕРРИТОРИЯ

лые запасы деловой древесины, здесь развито сельскохозяйственное производство (работают агрохолдинги по производству зерна, мяса и яиц). Район связан поперечными автодорогами с соседними районами, агрохолдингами и имеет выход к Обскому водохранилищу, берега которого, покрытые сосновыми *ленточными* борами, относятся к рекреационным (туристическим) территориям и являются источником дополнительных ресурсов для местной экономики и населения. Поэтому численность населения велика – 117 тысяч жителей, более половины его проживает в сельской округе. Однако до $\frac{4}{5}$ всего населения сконцентрировано вдоль магистралей и занято в промышленном производстве, на заводах, рудниках, шахтах и карьерах. Территориальное влияние местного общества (в части неформальной экономической активности населения) простирается за пределы административных границ на юго-западе и юге в сторону Камня-Оби и Сузуна (до сосновых лесов и ленточных боров), на восток до автотрассы (Новосибирск – Ленинск-Кузнецкий) и в леса Салаирского края, за границы Кемеровской области.

Рис. 11. Территориальная структура «турбулентных» принудительного развития среднеширотных местных обществ на примере Искитима (Новосибирская область)

4.6.5. ТИП ТЕРРИТОРИИ «ОРДИНАРНЫХ» СООБЩЕСТВ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Общества, отнесённые мной к «ординарному» типу, наиболее многочисленны — их вдвое больше, чем двух полярных типов (всего описано 66 в основном списке). Однако вариативность их территориальной структуры меньше, чем у изолированных и «турбулентных» обществ. Различия между обществами естественного и принудительного развития «ординарного» типа таковы же, что и между обществами изолированными и «турбулентными». Поскольку общества «ординарного» типа занимают промежуточное положение между двумя крайними типами по всем выделенным атрибутам территориальной структуры, я рассмотрю их кратко.

Обществ «ординарного» типа естественного развития описано 45 в основной выборке, при этом в большинстве своём это среднеширотные общества Европейской части России (32). Только четыре общества — уральские и сибирские; семь обществ северных и два южных. По этой причине их территориальная структура довольно однородна, хотя, конечно, имеют место широтные различия. Территория в среднем имеет площадь чуть более 5 600 км² при численности около 34 000 человек и плотности менее 15 чел/км².

В северных обществах территория больше в полтора раза (более 7 500 км²), населения меньше (около 22 000 человек), а плотность существенно ниже (3,1 чел/ км²). На юге, как и везде, территория меньше средней в три раза (около 2 700 км²), совпадает с размерами территории «турбулентных» естественного развития обществ, но населённость невелика (около 44 000 человек), из-за этого плотность соответствует средним значениям (15 чел/км²). Разброс наибольших и наименьших предельных значений незначительный.

Контролируемые границы, в силу того что это древние и старые общества, в целом совпадают с административными границами. Ресурсы территории достаточны для самообеспечения населения, при этом они разнообразны — источником доходов домо-

ТЕРРИТОРИЯ

хозяйств являются не только природные, но и инфраструктурные ресурсы. Население повсеместно имеет развитое личное подсобное хозяйство. Транспортные коммуникации развиты в той мере, каковая составляет обычную норму для России в её европейской части. Территорию района таких обществ обычно пересекают от одной до нескольких региональных дорог и одна местная железная дорога, как правило, только в одном направлении. Несколько внутрирайонных (муниципальных) дорог невысокого качества (с плохим твёрдым покрытием или без такового) связывают с центром и между собой многочисленные поселения сельской округи. В среднем здесь 220 деревень разной населённости, при этом очень велика доля «выморочных» поселений (39%, в среднем почти 90 нежилых деревень в каждом обществе). На территории обществ этого типа располагается наибольшее количество деревень и наибольшее количество «выморочных» поселений среди всех шести территориальных типов. Сельская округа, таким образом, заселена наиболее равномерно, градиент плотности от центра к периферии наименьший, плотность составляет менее 2,5 чел/км², что близко к значениям плотности сельского населения на европейской равнине России. Удельная плотность поселений сельской округи составляет в среднем 50 км² на одно поселение, что при незначительной средней населённости деревень (около 100 человек на 1 деревню) даёт по 0,5 км²/чел. общей территории — значение более чем достаточное для возможностей самообеспечения в условиях средней полосы Европейской России.

Структура сельской округи различна на севере и юге, среднеширотные общества занимают промежуточное положение. На севере деревень вчетверо больше, чем на юге (258 против 66); но при этом количество и «выморочных» деревень больше на порядок (в 16 раз — 82 против 5). Различия объяснимы исторически. На севере большое количество старых деревень составляют «кустовую» структуру (сельские общества, «миры»), которые в советские годы попали под программу «ликвидации неперспективных деревень». На юге сравнительно крупные деревни и станицы на широко распаханых плодородных землях имеют всегда более многочисленное население, сконцентрированное в немногих поселениях.

Административный центр таких обществ — почти во всех случаях город, за одним исключением (село Усть-Кан в Горном Алтае). Все центры — города, все они являлись уездными городами в имперские времена. Но в советские годы города повсеместно получили развитие и как местные промышленные центры.

В качестве характерных примеров территориальной структуры этого типа я представляю среднеширотное местное древнее общество Нерехта и южное старое общество Урюпинск (рис. 12). Нерехтское общество расположено между тремя областными городами — Ярославлем, Костромой и Иваново, соответственно, между автомагистралью М-8 «Холмогоры» и тремя региональными автострадами, которые не проходят непосредственно по территории. Через район проходит одна автодорога, связывающая Нерехту с Костромой и выходящая с другой стороны на М-8. Другая дорога связывает Нерехту с промышленным городом Волгореченском на реке Волге. Все остальные автодороги — местные и большей частью без асфальтового покрытия. Сюга на север район пересекает региональная железная дорога (Москва — Кострома), по которой проходит всего три пассажирских поезда и три электропоезда в сутки. Никаких крупных водных объектов и водных коммуникаций не имеется. Территория — в основном агроландшафт с небольшими заболоченными лесными массивами, оставшимися только потому, что они непригодны для ведения сельского хозяйства. Сельская округа представлена 161 поселением, но из них 59 (более $\frac{1}{3}$) — это «вымороженные» деревни. Имеется всего семь крупных сёл, численность населения в которых составляет более 500 жителей, но из них только два села с численностью жителей более одной тысячи человек. Территория заселена достаточно равномерно, поскольку район расположен посередине между крупными городами. Это типичный сельскохозяйственный район, особенностью которого является сравнительно высокая плотность сельского населения ($10,3$ чел/км²), небольшая территория (1 140 км²) и отсутствие значительных промышленных объектов.

Урюпинское местное общество расположено на юге Европейской России (Волгоградская область) в лесостепной зоне. Почти вся территория — сельскохозяйственные земли, чернозёмы, по-

ТЕРРИТОРИЯ

этому основу местной экономики составляет сельское хозяйство. С севера на юг территорию пересекает река Хопёр, прежде судоходная и имевшая большое значение, ныне же утратившая все функции, кроме рекреационной. Вдоль восточной границы района проходит трасса М6 «Каспий» (Е119). Территорию района пересекает единственная разветвляющаяся в городе автодорога внутрирегионального значения. Все остальные дороги местные, соединяют центры муниципальных сельских поселений. Железная дорога — тупик и давно не используется для пассажирских перевозок. Сельская округа распределена по площади довольно равномерно, средняя плотность 7,7 чел/км². Сравнительно небольшое количество сельских поселений (97) и очень немного «выморочных» (5), но большая часть этих поселений — малонаселённые хутора. Основное население проживает в 20 станицах с численностью свыше 500 жителей, из которых только в восьми станицах число жителей от 1 000 до 3 000 человек. Поскольку до 90 процентов всей территории занимают угодья крупных агропредприятий и агрохолдингов, основу самообеспечения населения составляют не промыслы на природных ресурсах, а доходы от личного подсобного хозяйства и особый вид неформальной экономической активности — «рассеянная мануфактура» по кустарному производству пуховых вязаных изделий из козьего пуха.

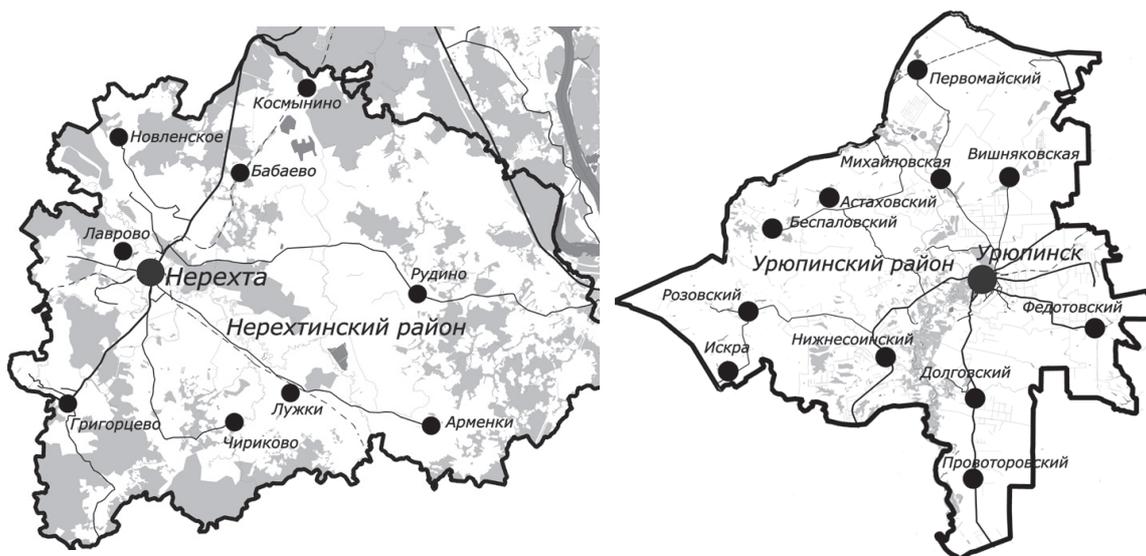

Рис. 12. Территориальная структура «ординарных» естественного развития среднеширотных местных обществ на примере Нерехты (слева) и южных обществ на примере Урюпинска (справа)

4.6.6. ТИП ТЕРРИТОРИИ «ОРДИНАРНЫХ» СООБЩЕСТВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Если территориальная структура «естественных ординарных» обществ близка к структуре «естественных турбулентных» обществ, то структура «ординарных» обществ принудительного развития ближе к территориальной структуре изолированных сообществ принудительного развития. Как и во всех случаях для обществ принудительного типа, количество обследованных на востоке страны превосходит их количество на европейской территории: здесь десять сибирских обществ, два уральских и всего девять европейских. Это определяет уже вышеописанные особенности первичной структуры территории — её размеры, плотность населения, количество поселений и удельные значения площади.

Кроме того, в этой группе немало как северных, так и южных обществ (4 и 8, соответственно), что определило значительную вариативность площади территорий и плотности населения; широтные и долготные различия предопределили разнообразие территориальной структуры обществ этого типа постольку, поскольку они «сборные». Поэтому я привожу несколько схем территориальной структуры на рис. 13.

Рис. 13. Территориальная структура «ординарных» принудительного развития европейских южных местных обществ на примере Дигоры, Северная Осетия (справа сверху), сибирских южных на примере Хасана (снизу, стр. 206),

ТЕРРИТОРИЯ

Приморский край (слева), и среднеширотных сибирских обществ на примере Гурьевска, Кемеровская область (справа)

Населённость составляет в среднем 38 000 человек, на долю среднего административного центра приходится около 21 000 жителей. Между северными, среднеширотными и южными обществами, а также между европейскими,

уральскими и сибирскими обществами нет никаких различий — везде и общая численность населения, и населённость центра одинаковы. Различия имеют место в площади территории, плотности населения, составе и структуре сельской округи. При средней площади 11 600 км² северные общества, а также сибирские и уральские имеют на порядок большую площадь, чем среднеширотные и южные (48 000 км² и 17 000 км² против 2 600 км²). Соответствуют этому и различия в плотности населения: в среднем она составила 3,2 чел/км², но на севере — 0,8, а в Сибири и на Урале — 2,0, тогда как в средних широтах, на юге и в целом в Европейской России плотность населения составляет от 11 до 15 чел/км².

Плотность населения сельской округи (средняя 1,4 чел/км²) различается сильнее, поскольку населённость административных центров везде одинакова. В северных обществах плотность составляет 0,3 чел/км², а в среднеширотных и южных — в 20 раз больше (5,2 и 6,2 чел/км²). Аналогичны различия между уральскими, сибирскими и европейскими обществами (в первых двух — 0,8 чел/км², в европейских — 7,0 чел/км²). При этом структура сельской округи иная. Число сельских населённых пунктов на севере и в средней полосе составляет в среднем 33 и 66 деревень, число «выморочных» поселений — 4 и 14. Населённость деревень на севере составила 444 жителя, в средней полосе — 353 жителя. На юге же количество станиц меньше — 26 (при этом почти нет «выморочных» поселений — 0,9 на об-

щество), а населённость станиц почти вдвое выше — 607 жителей на одно поселение. Аналогичны долготные различия: на европейской территории сельских поселений в среднем 63, «выморочных» — около 13, живых деревень — 50 на каждое общество, а их населённость составляет те же 354 жителя на поселение (что втрое больше, чем в обществах естественного развития на той же европейской территории). Между тем уральские и сибирские общества имеют в среднем по 30 деревень при 1–2 «выморочных» поселениях, то есть в живых деревнях обитает в среднем по 515 жителей.

Таким образом, на северных и сибирских территориях располагаются значительно более редкие поселения, в которых и концентрируется население. Поэтому и удельная площадь, приходящаяся на одно сельское поселение, велика — почти такая же, как в изолированных обществах, и в разы (в 6 раз) превосходит удельную площадь «ординарных» естественных обществ (339 км²/дер. против 50 км²/дер.). Немногочисленные сельские поселения (среди которых большинство — это рабочие посёлки, а не деревни) концентрируются вокруг административного центра. Поэтому территориальная структура таких обществ поляризована — периферия территории не заселена. В этих обществах почти не бывает «кустовой» структуры сельских поселений (как я выше писал, яркие примеры такой структуры дают европейские северные общества). Здесь же поселения сельской округи «стянуты» к центральному городу. Если территория общества рассечена несколькими значительными реками, лесными массивами или через неё проходит значительная транспортная коммуникация, то «стянутые» поселения располагаются лентами вдоль реки и дороги. Такова структура практически всех девяти европейских обществ этого типа.

Транспортная инфраструктура примерно такая же, как в «турбулентных» обществах, но через территорию этих обществ не проходят крупные федеральные автомобильные и железнодорожные магистрали, хотя они и располагаются поблизости от границ обществ. Много местных муниципальных и хозяйственных дорог, а также немало дорог, которые официально не существуют.

ТЕРРИТОРИЯ

Селитебная структура центра похожа на структуру центров «турбулентных» обществ. Более $\frac{2}{3}$ этих центров созданы недавно, в XIX–XX веках, каждый из них был задействован в индустриальном развитии во второй половине прошлого века.

Территориальная структура Дигорского местного общества в Северной Осетии предельно проста (рис. 13.1). Все поселения (всего их шесть вместе с Дигорой) вытянуты в одну линию вдоль реки Урсдон, от незаселённых предгорий Кавказа на юге через «плоскость» равнины к реке Терек. Только селение Дур-Дур располагается на одноимённой реке в стороне от общей линии, с которой соединено тремя тупиковыми местными дорогами. Они упираются во внутрирегиональную трассу, соединяющую Дигору на западе с селом Чикола, далее — с Кабардино-Балкарией, а на востоке — с городом Ардоном, где дорога соединяется с трассой А-164 «Транскавказская магистраль». Давно нет железнодорожного сообщения — полотно разобрано лет 15–20 назад. Все шесть поселений крупные, хуторов или малых деревень нет, в том числе не заселены и предгорья. Население сконцентрировано на равнине («плоскости»), полностью превращенной в агроландшафт. Территория очень невелика (585 км²), плотность населения составляет 31,3 чел/км², что было бы вполне достаточно для самообеспечения домохозяйств, но половина территории малопригодна для земледелия (горы), а другая регулярно используется под кукурузные посевы — доминирующую монокультуру, из которой производят спирт многочисленные местные и соседние грузинские спиртовые заводы. Всё местное общество, таким образом, стянуто в одну линию и проживает на узкой полосе 3 x 30 км, там же располагаются приусадебные участки примерно трёх с половиной тысяч домохозяйств.

Территориальная структура Хасанского общества (центр — посёлок городского типа Славянка) — такого же южного местного общества, но расположенного на противоположном конце страны, в Приморском крае, — носит линейно-протяжённый характер (рис. 13.2). Но ограничения здесь определяются не конкурирующими соседними обществами, как в предыдущем случае, а четырьмя факторами. Первые два имеют естествен-

ную природу: на юго-востоке территория ограничена береговой линией Восточного моря, на севере — хребтом Чёрных гор и Борисовским плато, которые в наше время не обитаемы. Оставшиеся ограничивающие факторы — это государственная граница с Северной Кореей и Китаем и два заповедника: морской «Дальневосточный» и горно-лесной «Кедровая падь». Эти факторы весьма ограничивают возможности местного населения контролировать территорию и использовать её природные ресурсы. Контролируемая территория существенно меньше административной (хотя, конечно, бывают случаи браконьерства на закрытых для посещения и запрещённых территориях). Все 37 поселений располагаются на одной линии вдоль местной железнодорожной линии с ограниченным пассажирским сообщением и вдоль региональной автодороги, проходящей от магистрали А-370 «Уссури» к границе. В двенадцати поселениях численность составляет свыше 500 человек, почти все посёлки располагаются на автотрассе. Исключение составляет Приморский, который хотя административно и принадлежит Хасанскому району, но фактически является пригородом Владивостока, так же как и максимально удалённая Занадворовка. Хасанское общество так же, как и Дигорское, не использует всю территорию для собственных нужд.

Третье местное общество этого территориального типа — Гурьевск, лежащий в предгорьях Салаирского кряжа в Кемеровской области в Западной Сибири — располагается как раз посередине между двумя вышеописанными (рис. 13.3). Городские транспортные коммуникации прилегают к двум магистралям, проходящим (1) с севера на юг и (2) с запада на восток: (1) трассе Кемерово — Новокузнецк и (2) трассе Новосибирск — Ленинск-Кузнецкий. В настоящее время район пересекает региональная автодорога от города Белово до посёлка городского типа Тальменка, где она соединяется с Чуйским трактом. Остальные дороги района тупиковые. Всё население сконцентрировано в предгорных сельскохозяйственных территориях. Горно-таёжные районы практически не заселены. Семь отдельных сельских территорий «кустового» типа объединяют 27 поселений, в каждом одно поселение является центральным («волость»), где

ТЕРРИТОРИЯ

сконцентрировано большинство населения «куста». Значительные территории на западе района используются населением ограниченно и только как источник лесных природных ресурсов. Почти всё население, за исключением малонаселённого Урского сельского муниципалитета на севере района (две тысячи жителей), сконцентрировано на ограниченной территории вокруг Гурьевска на местной автодороге, пересекающей район с юго-востока на северо-запад вдоль Салаирского кряжа.

4.7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СУЩЕСТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ ТИПОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Анализ типов территориальных структур показывает, что имеет место сочетанное воздействие определяющих факторов. Пространственная изоляция имеет значение не только сама по себе, но и в сочетании с действием социально-политического и экономического факторов. Изолированных сообществ немало и в Европейской части России, и на юге, и в центре, но всё же их больше на севере и востоке. Принудительность образования и развития общества значительно сильнее проявляется на востоке и на севере страны. Поэтому факторы, зависящие от государства, можно принять за широтные и долготные, и наоборот. Можно ли учесть их различное значение? Допускаю, но для этого необходимо проанализировать очень большие массивы данных. Современные средства формально это позволяют, но практически это затруднительно, хотя бы потому, что реальные границы местных обществ далеко не совпадают с административными границами, а население динамично. Использовать же статистические подходы при столь значительной вариативности элементов территориальной структуры представляется содержательно бессмысленным. В качестве подтверждающего примера приведу основные дифференцирующие признаки шести описанных типов территориальной структуры (табл. 9).

Таблица нагляднее, чем вышеприведённые подробные описания, демонстрирует существенные различия территориальной структуры. Как я уже писал, наиболее значительные различия в территориальной структуре наблюдаются между двумя полярными типами — изолированными естественными обществами (первый тип) и «турбулентными» принудительными (шестой тип). На первый взгляд представляется, что в первом случае ведущим фактором является физическая изоляция в пространстве при очень незначительном действии фактора принуждающего воздействия государства; изоляция и принудительность дополняется некоторым влиянием фактора длительности существования общества. Во втором же случае кажется, что влияние указанных факторов поменялось на противоположное. Фактор изоляции утратил своё значение, а вместе с ним и фактор продолжительности существования общества. Фактор же регулирующего воздействия государства приобретает максимальное значение. Так или иначе, но здесь имеют место значительные структурные различия, определяющие особенности трёх базовых элементов локальной территории: центра, сельской округи и границ.

В случае первого типа изолированных естественного развития обществ центр вторичен, он формируется из сельской округи, выделяясь первоначально либо в качестве религиозного (погост), либо экономического (торг), либо одновременно того и другого притяжения для нескольких (сельских обществ, «миров») «кустов». Выделение в качестве центра детерминировано наличием древних водных транспортных коммуникаций, реже сухопутных. В дальнейшем такой центр наделяется государственными военно-административными функциями и получает статус города (острога, крепости). Соответственно, сельская округа первична, развивается спонтанно, не ограниченная ужимающим воздействием соседей. Как правило (в Европейской части России), сельская округа формируется в виде «кустов» из нескольких поселений, располагающихся по берегам крупных и средних судоходных рек, и расползается постепенно вглубь, к водоразделам, осваивая лесные или степные пустоши. Поселения (деревни) невелики по числу жителей, но довольно многочисленны

ТЕРРИТОРИЯ

и располагаются по всей территории. Градиент плотности от центра к окраинам обычно небольшой, если только всё население не сконцентрировано в двух-трёх поселениях, что бывает редко. Территория велика, размеры её определяются необходимостью контролировать природные ресурсы для повседневного жизнеобеспечения. Население способно жить автономно за счёт собственных добываемых природных ресурсов. Границы контролируются местными жителями, они стабильны в течение длительного времени, не всегда совпадают с административными границами. Они определяются природными барьерами и традицией: системой издавна сложившихся договорённостей.

В случае полярного ему шестого типа «турбулентных» принудительного развития обществ центр первичен, а сельская округа вторична, она формируется как «выселки» от центра на периферию. В силу этого сельская округа «тянет» (стягивается) к центру, поэтому окраины территории не заселены. Число жителей в поселениях сельской округа достаточно большое, количество самих поселений мало, по статусу это обычно рабочие посёлки, а не деревни. Всё общество сосредоточивается вокруг центра. В известные периоды жизни центр стягивает на себя население сельской округа, и округа начинает заустевать. Напротив, в другие периоды центр заустевает («выморачивается»), и значительная часть населения покидает местное общество (такова ситуация в последние 30 лет). Градиент плотности от центра к периферии значительный. Само центральное поселение создаётся не естественным путём, а вблизи от источника ресурсов, не имеющих непосредственного жизненного значения для общества. Селитебная структура как центрального поселения, так и поселений округа сформированы как бы «одномоментно», не выростали медленно и естественным путём. Освоенная и обитаемая территория почти всегда значительно меньше административных границ, не соответствует площади необходимых для жизни природных ресурсов. Сами ресурсы, как правило, не осваиваются населением. Границы не охраняемы и не поддерживаются; население как будто и не знает границ своей территории, поскольку в жизнеобеспечении зависит от внешних источников, прежде всего от государства.

Четыре других типа территориальных структур являются промежуточными и показывают картину некоторого перекрёстного взаимного подобия. Изолированные принудительные общества (второй тип) сходны с четвёртым типом («ординарные» принудительные), а общества третьего типа («ординарные» естественные) сходны с пятым типом («турбулентные» естественные). Получается, что промежуточный тип обществ, выделенных по критерию пространственной изоляции («ординарные»), дифференцируясь по фактору принудительности/естественности возникновения и развития, разделяется надвое. «Ординарные» общества естественного развития ближе к таковым же «турбулентным», а общества, созданные принудительно, ближе к принудительным же, но изолированным. Промежуточный «ординарный» статус с точки зрения пространственного положения перекрывается фактором принудительности/естественности, который оказывается наиболее значимым для территориальной типологии³⁴. В силу этого обстоятельства указанные четыре промежуточных типа территориальной структуры могут быть сведены к двум типам, основу которых составляют в одном случае изолированные принудительные общества, а во втором случае — «турбулентные» естественные.

Первый из этих «сборных» типов есть общества, развивающиеся естественно, но не являющиеся изолированными, следовательно, имеющие достаточную или хорошо развитую транспортную инфраструктуру. Территория их невелика, численность и плотность населения умеренно высокие. Большое количество поселений-деревень покрывают территорию, численность жителей в них небольшая. Центры обществ естественно сложившиеся, это древние и старые города. Транспортная инфраструктура развитая. Границы территорий контролируются. Примечательно, что по размеру территории, транспортным коммуникациям и по структуре центра эти общества сближаются с шестым типом «турбулентных»

³⁴ Если не предполагать сочетанного действия этого фактора совместно с географическим фактором, т.к. многие общества принудительного типа чаще располагаются на востоке страны.

ТЕРРИТОРИЯ

принудительных, а по структуре сельской округи и контролируемым границам — с первым типом изолированных естественных.

Второй из этих «сборных» типов есть общества, созданные принудительно, но определённо обладающие недостаточной или лишь умеренно развитой транспортной инфраструктурой. У них, как правило, очень значительная по площади, но неконтролируемая территория. Имеется малое число поселений сельской округи, но с большим количеством жителей в них. Поселения концентрируются вокруг центра, градиент плотности от центра к периферии велик, но чаще всего значительная часть локальной популяции сконцентрирована вдоль транспортных магистралей. Здесь сходство с двумя крайними типами территориальной структуры обратное. По размеру территории, транспортным коммуникациям и по структуре центра эти общества сближаются с первым типом изолированных естественных обществ, а по структуре сельской округи и границам — с шестым типом «турбулентных» принудительных.

Для визуализации выявленных типологических различий в структуре территорий провинциальных обществ я привожу схемы на рис. 14. Они обобщают многочисленные схемы на рисунках 7–13. Здесь представлены всего четыре схемы, на которых отражены особенности трёх базовых элементов территории: центра, сельской округи и границ (добавлены также транспортные пути). Показаны схемы территориальной структуры: (1) общества, существующие в изоляции и не затронутые значительными воздействиями со стороны государства (первый тип); (2) общества, созданные принудительно и располагающиеся на транспортных магистралях (шестой тип); (3) общества, развивающиеся естественно, но не являющиеся изолированными («ординарные»), имеющие достаточную или хорошо развитую транспортную инфраструктуру (третий и пятый тип); (4) общества, созданные принудительно, но обладающие недостаточной или умеренно развитой транспортной инфраструктурой (второй и четвёртый тип).

ТАБЛИЦА 9

Демографические, территориальные и селитебные различия между шестью типами территориальной структуры локальных обществ

Показатель (средние значения)	1, n = 26	2, n = 15	3, n = 45	4, n = 21	5, n = 18	6, n = 17
Численность населения, тыс. чел., разброс численности	13,3 0,5: 45,1	10,9 0,3: 32,3	34,1 10,6: 114,1	36,7 12,5: 97,4	44,5 11,0: 116,3	45,8 2,8: 107,2
Численность населения адм. центра, тыс. чел., разброс численности	6,2 0,3: 28,1	4,4 0,1: 15,5	20,7 4,5: 88,1	20,5 6,8: 60,1	25,1 5,3: 59,0	25,8 2,2: 40,2
Площадь территории, км ² , разброс значений	11 850 177: 35 816	19 005 474: 763 197	5 632 960: 106 300	11 059 318: 156 820	3 009 147: 14 410	7 241 120: 50 000
Плотность населения, чел./км ² , разброс значений	1,1 0,20: 62,4	0,6 0,003: 44,1	6,1 0,4: 41,9	3,6 0,3: 127,5	14,8 1,8: 197,8	6,2 0,6: 316,0
Плотность населения сельской округи, чел/ км ²	0,6	0,3	2,4	1,4	6,4	2,7
Доля населения административного центра, %	49	41	61	56	56	56
Доля центров в статусе села, %	35	64	5	18	6	7
Доля сельского населения, %	60	78	39	44	45	37
Количество существующих н.п. Лимиты	105 3: 328	20 1: 67	220 24: 508	46 3: 185	154 2: 427	61 3: 181
Количество «живых» поселений с числом жителей > 4 чел.	62 3: 186	18 1: 67	134 24: 312	38 3: 147	111 2: 194	48 3: 91

ТЕРРИТОРИЯ

Количество «выморочных» н.п.	43 0: 147	2 0: 19	86 0: 285	8 0: 49	43 0: 184	13 0: 90
Доля выморочных поселений, %	41	9	39	17	28	24
Среднее количество жителей в одном «живом» сельском н.п., чел.	122	306	101	406	165	431
Удельная площадь поселения, км ² /1 н.п.	225	1284	50	317	27	159

Примечание: приведены средние значения показателей, под ними указан разброс (вилка) в формате отношения наименьшего значения к наибольшему (лимиты). Поскольку численность групп невелика, а разброс конкретных значений очень велик, не имеет смысла приводить другие статистики.

Обозначения: 1 – изолированные естественного развития; 2 – изолированные принудительного развития; 3 – «ординарные» естественного развития; 4 – «ординарные» принудительного развития; 5 – «турбулентные» естественного развития; 6 – «турбулентные» принудительного развития; н.п. – населённый пункт.

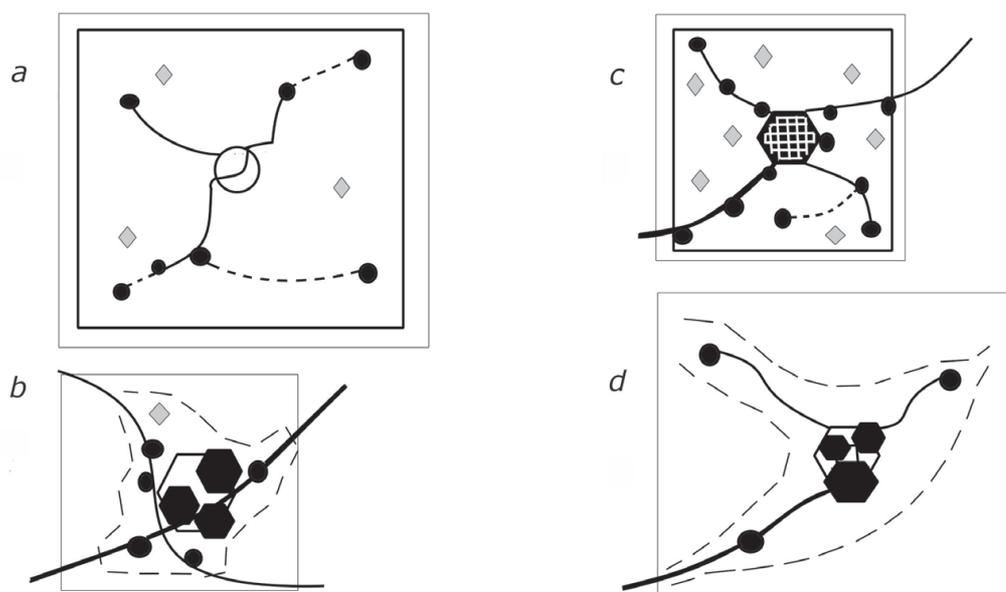

Рис. 14. Схематическое изображение типов территориальной структуры. Пояснения в тексте

На рис. 14 две схемы слева отображают структуру территорий двух полярных типов:

(а) вверху слева — 1-й тип (древние, старые и молодые изолированные общества естественного развития),

(б) внизу слева — 6-й тип (древние, старые и молодые «турбулентные» общества принудительного развития).

Две схемы справа — территориальные структуры двух типов обществ в каждом случае:

(с) вверху — территории древних и старых обществ естественного развития 3-го типа («ординарные» естественного развития) и 5-го типа («турбулентные» естественного развития);

(д) внизу — территории старых и молодых обществ принудительного развития 2-го типа (изолированные принудительные) и 4-го типа («ординарные» принудительные).

Размеры территорий показаны относительной площадью квадратов. Ограничительные тонкие линии квадратов — административные границы; широкие сплошные линии — эффективно контролируемое населением пространство; штриховые линии — слабо контролируемое населением пространство. Размер центра показывает его относительную населённость. Конфигурация центра отражает особенности его планировочной структуры и истории возникновения. Центр в виде круга (а) указывает, что в большинстве случаев это сельские поселения. Штрихованный шестиугольник (с) указывает, что это старинные остроги и регулярные города. Черные шестиугольники внутри не заполненного цветом шестиугольника (b и d) указывают, что центр состоит либо из нескольких ранее существовавших сельских поселений либо является кластером селитебных зон, создававшихся возле промышленных предприятий. Размер, количество и характер распределения овальных чёрных точек и серых ромбов показывает структуру сельской округи (в масштабе 1 точка = 10 селений): овалы отражают количество обитаемых поселений, серые ромбы — «выморочные» поселения. Неравномерность распределения точек на площади отражает градиент плотности населения от центра к окраинам.

ГЛАВА 5

ХОЗЯЙСТВО

Провинциальная экономика представлена двумя формами: отличающимися по природе и источникам, но при этом глубоко взаимопроникающими. В первом случае это формальная экономика, во втором — широкое поле неформальной экономики, которому больше подходит название «хозяйство» (двойственность природы экономической деятельности фиксирует термин «хозяйственно-экономическая активность»). В российской провинции хозяйственная деятельность есть преимущественно деятельность промысловая. Значительную часть последней составляет теневая и криминальная хозяйственная активность. Я рассматриваю соотношение между формальной и неформальной провинциальными экономиками, делая акцент на втором компоненте. Структура именно «хозяйственной», промысловой сферы является предметом данной главы.

5.1. ФОРМАЛЬНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

В нашем провинциальном местном обществе все последние 30 лет имеет место статистический парадокс. В формально регистрируемой экономике занято не более двух третей, а нередко всего около половины трудоспособного населения. Чем заняты от трети до половины остальных трудоспособных обывателей? Государственная статистика не знает этого. Местная власть тоже не знает. Более того, многие из этих отсутствующих в экономике людей большую часть времени отсутствуют и в своём городе. Где они? Ответов на эти вопросы нет, и вот почему: в отличие от советского времени, где каждый работник был однозначно зафиксирован на своём рабочем месте, в годы постсоветского развития наблюдается широкое распространение неформальных экономических практик. Они, конечно, существовали и в советский период, но не имели нынешнего масштаба, обычно тщательно скрывались от «государева ока» либо относились к самообеспечению населения в личном подсобном

хозяйстве (так называемая вездесущая «домашняя экономика» [Радаев и др., 1989, с. 245–261; Барсукова, 2003; Барсукова, 2009, с. 183–204; Кулишер, 2004; Шумахер, 2012; Гимпельсон, Капелюшников, 2014; Воронцов, 2015]), либо носили теневой и криминальный характер (так называемая «вторая экономика»: [Grossman, 1977; 1979; Sampson, 1987; Shokhin, 1987; Rutgeizer, 1992]). В наши дни неформальные практики получили максимальное развитие не в крупных, а в малых городах и в сельской местности [Шанин, 1992; Калугина, Фадеева, 2009; Вторая Россия, 2012]. Причины очевидны: в 1990-е годы рынок труда в провинции обратился в ничто, население утратило официальные источники дохода и было вынуждено самостоятельно искать новые источники жизнеобеспечения.

В силу этого приходится рассматривать не местную экономику вообще, но два типа экономик. Они радикально отличаются друг от друга, но повсеместно пересекаются и глубоко проникают друг в друга, вплоть до полной неузнаваемости (ср.: [Guha-Khasnobis, et al., 2006; Барсукова, 2015])³⁵. С одной стороны, это учитываемая государственными органами статистики местная экономика. С другой стороны, это неформальная экономика, представленная по преимуществу экономическими практиками домохозяйств, промыслами. Первый тип — «видимая» экономика, второй — «невидимая»³⁶. В первом случае имеет место достаточно простая структура, что и зафиксировано в статистических отчётах территориальных органов государственной статистики. Её же фиксирует и муниципальная отчётность, отражая в документах, которые публикуются на официальных сайтах муниципальных администраций. Во втором слу-

³⁵ Я не рассматриваю здесь такие виды неформальной экономики, как реципрокную и криминальную (см.: [Scott, 1976; Alexeev, Gaddy, Leitzel, 1996; Ledeneva, 2018]), предоставляющие слишком мало возможностей для стороннего наблюдения, а делаю акцент на наиболее распространённые и не утаиваемые виды домашней и теневой экономик, которые и составляют основу жизнеобеспечения большинства домохозяйств.

³⁶ Но уже на наших глазах эта «невидимая экономика» превращается в «третью», социальную экономику «пострыночной эры», наступление которой четверть века назад прогнозировал Джереми Рифкин (Jeremy Rifkin) [Rifkin, 1996].

чае структуру провинциальной неформальной экономики необходимо выявлять, расшифровывать, реконструировать. В каждом обществе и в каждом регионе она имеет специфику, видовое разнообразие.

Обычно экономисты выделяют шесть или более видов источников в структуре общественного дохода (см., к примеру: [Standing, 2014, p. 26–30; Тихонова и др., 2018, с. 10–48]). Часть из них относится к формальной, а другие к неформальной экономике: (1) зарплата работника, жалование служащего; (2) государственные пособия разного рода; (3) пособия и льготы частных фирм; (4) доходы от ренты; (5) неформальная взаимная поддержка семей (реципрокный безденежный обмен); (6) самообеспечение (домашняя экономика). Последние два вида обычно относят к неформальной экономике. Но в российских условиях рента чаще является доходом неформальным, нежели официально регистрируемым, пособия/льготы частных фирм далеко не всегда учитываются и нередко разного рода выплаты работникам частные фирмы осуществляют «в конвертах». В этот список необходимо добавить и новый источник доходов, не учтённый в приводимой структуре, — это доходы от промыслов, которые могут быть результатом официально зарегистрированной индивидуальной (семейной) предпринимательской деятельности, но гораздо чаще результатом неформальной активности как теневой, так и криминальной. Таким образом, из семи видов общественного дохода к официальным, облагаемым государственными налогами, относятся только первые три. Учесть соотношение разных видов источников доходов в бюджете домохозяйства есть задача весьма нетривиальная. Но косвенные методы оценки (например, по соотношению доходов и расходов домохозяйств) постоянно подтверждают, что в российской провинции реальные расходы домохозяйств как минимум вдвое превосходят официальные денежные доходы. Неформальная экономика имела существенную долю в расходах домохозяйств и в советские годы (см., напр.: [Grossman, 1979, p. 834–855; Grossman, 1988; Sampson, 1987, p. 122–130; Shokhin, 1987; Rutgeizer, 1992, p. 39–72]). Но в наши дни это происходит в гораздо больших масштабах (см.: [Шабанова, 1992; Alexeev et

al., 1996; Никулин, 1998; Плюснин, 1998; 2000; 2016; Шанин, 1999; Пилиховский, Столбов, 2000; Штейнберг, 2002; Гимпельсон, Капелюшников, 2006, 2014; Барсукова, Радаев, 2012; Plusnin et al., 2015; Селеев, Павлов, 2016; Кордонский, Плюснин, 2018]).

В рамках моего исследования я считаю достаточным выделить в формальной экономике всего три сферы: (1) «бюджетная», (2) материальное производство и услуги, (3) местное малое предпринимательство. Очевидно, что последняя сфера включает в себя и материальное производство, и услуги, поэтому тут нарушен принцип единообразия основания. Однако выделение этих трёх сфер осуществляется по иным причинам: по источникам вознаграждения работников, по характеру прилагаемых ими трудовых усилий и по виду получаемых работниками доходов. Последнее важно. «Бюджетники» являются служащими, получающими фиксированное *жалование* из государственного бюджета. В сфере материального производства и услуг наёмные работники имеют *заработную плату* по результатам трудового усилия и производительности труда. Индивидуальные предприниматели, или хозяева небольших фирм, имеют *доход* и прибыль в результате собственной экономической инициативы, неся все возможные риски. В наши дни деятельность этих последних связывает между собой «первую» и «вторую» экономики провинции много крепче, чем это было в советское время (ср.: [Кузьминов, Радаев, 1987; Sampson, 1987; Grossman, 1988; Rutgeizer, 1992]).

5.2. МЕСТНАЯ ЭКОНОМИКА

В данном параграфе я рассматриваю бегло ту часть местной экономики, которая регистрируется и учитывается органами государственной статистики, где предприятия и фирмы платят налог в местный бюджет, местная власть отчитывается перед вышестоящей государственной властью по результатам деятельности всех организаций, а результаты совокупной экономической деятельности учитываются в соответствующих документах.

5.2.1. «БЮДЖЕТНАЯ» СФЕРА

Наиболее чётко отграничена первая сфера — «бюджетники»: служащие, получающие вознаграждение за труд в форме жалования из государственного или муниципального бюджета. Это работники всех государственных и муниципальных учреждений (образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения, культуры и спорта), включая местную администрацию и многочисленные территориальные органы государственной власти. Они получают фиксированное жалование, его размер невелик, поощрения и вычеты мало зависят от трудового усилия работника. В районах, где я проводил исследования, доля «бюджетников» в составе всего занятого в местной экономике трудоспособного населения составляет от 30 до 60 процентов (как, впрочем, повсеместно в провинции). Такая, на первый взгляд очень высокая, доля служащих обусловлена тем, что в местной экономике официально занято (зарегистрировано) всего от двух третей до половины трудоспособного населения. Следовательно, реальная доля «бюджетников» составляет от одной пятой до одной третьей всего экономически активного населения провинциального местного общества. Но и подобные значения слишком высоки.

В каждом районе имеется большое количество бюджетных организаций региональной государственной или местной муниципальной подчинённости. Обычно их список состоит из 40–80 учреждений. Не на всех территориях имеются учреждения бюджетной сферы. Это обусловлено двумя причинами: исторической и организационной. Во-первых, с раннего советского времени многие районы при их образовании из прежних административно-территориальных единиц — уездов, которые обычно разделялись на две-три административно-территориальные единицы, — создавались либо как промышленные, либо как сельскохозяйственные районы. Соответственно, формировался разный состав государственных бюджетных организаций. Это различие сохраняется по сей день. Во-вторых, с целью оптимизации системы управления бюджетной сферой с начала 2000-х годов были осуществлены ор-

ХОЗЯЙСТВО

ганизационные преобразования, существенно затронувшие именно провинциальные общества. Были, в частности, созданы межрайонные организации: в нескольких соседних районах ликвидировались (упразднялись) учреждения одного вида, и их функции передавались единственному учреждению, располагавшемуся в одном из районов и обслуживавшему сразу несколько (от двух и более) соседних районов. Подобные преобразования коснулись военных комиссариатов, специализированных больниц, служб социального обеспечения, центров занятости населения и др. В дополнение к оптимизации в форме «сокращений» произошли изменения совсем иного рода: в результате процесса «формирования вертикали власти сверху донизу» в районных центрах увеличилось количество низовых территориальных органов региональной государственной власти и значительно выросла численность госслужащих.

Кроме деления по уровням подчинённости (государственная или муниципальная), учреждения бюджетной сферы можно разделить по направлениям деятельности учреждений и предприятий. Основную группу здесь составят организации «социального воспроизводства», где занято наибольшее количество работников. Это учреждения образования: школы и дошкольные учреждения, детские учреждения дополнительного образования (детские школы искусств, музыкальные школы и проч.), учреждения среднего специального образования (колледжи, училища, техникумы), филиалы высших учебных заведений. Статья расходов на образование по всем указанным позициям является основной в бюджете муниципального района, часто и городского округа. На её долю приходится от 40 до 60 процентов всех расходов бюджета и, соответственно, основная часть объёма межбюджетных трансфертов. Муниципальные учреждения культуры являются второй группой по численности персонала в бюджетной сфере. Это дома культуры, библиотеки, музеи, кинотеатры. Несмотря на большие проблемы с содержанием этих учреждений, практически все муниципалитеты продолжают сохранять систему библиотечного обслуживания в сельской местности и сельские дома культуры, поскольку это является одним из важнейших факторов

самоорганизации и самоуправления в поселениях сельской округи. Ещё одна составляющая в группе бюджетников — учреждения физической культуры и спорта (стадионы, футбольные поля, хоккейные площадки, бассейны, тренировочные залы, лыжные базы и проч.), которые содержатся за счёт муниципального бюджета с некоторой государственной финансовой поддержкой. В совокупности работники, занятые в социально-воспроизводственной части бюджетной сферы (образование, культура, спорт), составляют до половины и более всех «бюджетников» в любом местном обществе.

Значительная доля «бюджетников» — это работники, занятые в сфере здравоохранения: в районных больницах и поликлиниках, в сельской округе — в фельдшерско-амбулаторных пунктах. В некоторых обществах (как правило, в промышленных городах) имеются специализированные учреждения здравоохранения, которые предоставляют высокотехнологичную врачебную помощь. В отличие от других упомянутых организаций «социального воспроизводства», имеющих муниципальную принадлежность, здравоохранение примерно десять лет назад было возвращено в систему государственного управления в силу очевидной неспособности муниципалитетов наладить управление этой сферой на своём уровне.

К особой категории «бюджетников» можно отнести муниципальную администрацию. В совокупности это небольшое количество служащих, от двадцати до пятидесяти работников, в среднем тридцать. Муниципальные организации, не входящие в группу учреждений воспитания, образования, культуры, спорта, весьма немногочисленны. Имеется несколько муниципальных унитарных предприятий (МУП), но их сотрудники чаще всего являются наёмными работниками и получают оплату по результатам хозяйственной деятельности, только некоторые из них полноценные «бюджетники».

Из государственных организаций, представленных на территории местных обществ, следует указать различные фонды, финансово-кредитные организации, суды, многочисленные контрольно-надзорные службы, включая прокуратуру, полицию и федеральную службу безопасности, финансово-экономические

ХОЗЯЙСТВО

и службы энергетического контроля, связи и информационного контроля, военные и военизированные организации, а также организации по обеспечению жилищно-коммунального хозяйства. Численность работников, служащих в этих организациях, составляет в совокупности до половины всех «бюджетников». Наибольшая численность в правоохранительных органах: в районных отделах внутренних дел служат от двухсот до трёхсот сотрудников. Поэтому в небольших по численности населения районах эти организации считаются «градообразующими».

Всего, таким образом, в любом небольшом муниципалитете насчитывается не менее 40–50 бюджетных организаций, а в случаях, когда численность населения составляет свыше 50 тысяч человек, их количество достигает 80 организаций. Поэтому бюджетная сфера и составляет столь значительную по численности работников часть местной экономики. Чем меньше численность населения сообщества, тем выше доля «бюджетников».

5.2.2. СФЕРА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И УСЛУГ

Вторая сфера – это все те виды экономической деятельности, осуществляемые организованно в рамках крупных и средних государственных, муниципальных предприятий или частных фирм, которые ведут свою экономическую деятельность на территории района, нанимают работников из числа местных жителей или мигрантов и здесь же платят налоги. Это предприятия, работающие «в белую». Доля государственных предприятий сейчас существенно ниже, чем была даже пятнадцать-двадцать лет назад (исключение составляют моногорода и закрытые административно-территориальные образования, где расположены крупные государственные предприятия). Муниципальных предприятий и учреждений также немного. Основную долю составляют частные фирмы (средний и малый бизнес).

В провинции сферу материального производства формируют преимущественно частные компании и предприятия лёгкой промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта. Крупных предприятий здесь немного, обычно от одного до трёх, но в $\frac{3}{5}$ всех случаев их совсем нет на территории. Количество же средних предприятий прямо зависит от численности населения. Относительное количество крупных и средних предприятий в пересчёте на десять тысяч жителей составляет около полутора десятков. Разброс значений в реальности большой: от нескольких единиц до нескольких сотен предприятий. В промышленных районах основу местной экономики составляют крупные и средние предприятия, создающие до двух третей и более всего объёма произведённой и отгруженной продукции в денежном выражении. Малые и микропредприятия, хотя их существенно больше (в десятки раз), производят существенно меньше продукции. В сельских районах основу экономики составляют агропромышленные комплексы, маслосырорудельные заводы, крестьянские фермерские хозяйства. Отгонное скотоводство имеет место в обществах Крайнего Севера (оленоводство) и на юге Сибири и Европейской части России (животноводство, овцеводство и коневодство). В последние десятилетия частное дворовое животноводство и отгонное скотоводство «давятся» со стороны агропромышленных комплексов, где развивается стойловое животноводство, особенно свиноводство.

Многие местные общества узко специализированы на каких-то отдельных видах производств. В значительной части местных обществ на севере страны и повсеместно в Сибири основу экономики составляет лесная промышленность: порубка деловой древесины и её вывоз, в меньшей степени — её первичная переработка на месте (производство пиломатериалов, доля которых составляет обычно лишь четверть всей срубленной древесины). Широко распространённые в 1990–2000-х годах мелкие предприятия по заготовке и первичной переработке деловой древесины («лесники» и лесопилки — в те годы их количество составляло от 10 до 50 в каждом местном обществе с лесной специализацией) в 2010-х и в начале 2020-х заме-

ХОЗЯЙСТВО

щаются крупными предприятиями. В большинстве своём такие предприятия являются «чужими» не только для местного общества, но и для всего региона. Поскольку они не платят налоги в местный бюджет, в то же время вытесняя местных лесопромышленников, то воспринимаются как *хитники* — грабители и местных ресурсов, и населения.

Сфера услуг представлена преимущественно торговлей. Более $\frac{9}{10}$ всех предприятий частного бизнеса представлены именно торговыми организациями. Существенно меньше — транспортными услугами (такси, грузоперевозки, ремонт и обслуживание автомобилей), ещё меньше — бытовыми услугами (ремонт бытовой техники, хозяйственное строительство и мелкий ремонт помещений, косметические, коммунальные услуги). Сравнительно с советским периодом предприятия по оказанию бытовых услуг серьёзно деградировали. В целом же сфера бытовых услуг в официальном сегменте экономики совершенно не развита. Причина ее упадка заключается в том, что ещё в начале 1990-х эта сфера легко и быстро переместилась в неформальный сектор: многие услуги предоставляются «на дому». Собственно торговля представлена тремя базовыми видами: (1) местными торговыми точками, (2) супермаркетами, (3) еженедельными рынками. В первом случае это частные магазины, располагающиеся в самых разных местах. Это могут быть как жилые помещения, ранее бывшие квартирами, так и подвалы многоэтажных домов или отдельно выстроенные здания — палатки или площади в торговых центрах. До сих пор остаётся немало торговых ларьков — в 1990-е годы наиболее массовый вид торговых точек, и в крупных городах тоже. Важной характеристикой провинциальных торговых точек является некий инвариант соотношения их количества с количеством домохозяйств в каждом конкретном поселении. По моим продолжительным и разнообразным наблюдениям, в провинции торговая точка имеет шанс работать не в убыток и «выживать» только в том случае, если она обслуживает не менее 30 домохозяйств (примерно 100–120 человек). К настоящему времени такое соотношение стабилизировалось в подавляющем большинстве местных центров — все они насыщены торговыми точками.

Однако в последние пять-восемь лет такое положение начинает нарушаться вследствие массового появления в провинции продуктовых торговых сетей (чаще всего это «Магнит», «Пятёрочка», «Дикси», «Перекрёсток», «Мария-Ра» и др.). Они отнимают клиентов у мелких магазинов, поэтому последние вынуждены закрываться. Местные эксперты вполне рационально расценивают эти тенденции как неблагоприятные для местной экономики. Хотя стоимость продукции в супермаркетах ниже, чем в местных магазинах, но качество продукции существенно хуже. Важнее же то, что такой политикой торговые сети разрушают не только местную торговлю, но и местное производство продуктов питания, обычно гораздо более качественных, но и с более высокой себестоимостью. Ритейлеры наносят экономике провинции двойной или даже тройной удар. Они, во-первых, вытесняют местную торговлю, во-вторых, разрушают местный реальный сектор экономики, а в-третьих, сокращают местный рынок труда.

Третьим базовым видом торговли в провинции является рынок. Лишь на первый взгляд настоящий вид кажется малозначимым и малоприметным, но в действительности это очень важный общественный институт. Во всех без исключения районных центрах страны, а также в некоторых крупных сёлах еженедельно открывается рыночная торговля в центре города. Она идёт недолго — с утра до полудня, но является одним из самых значимых общественных институтов, поскольку выполняет сразу несколько важных функций. Помимо собственно торговли (потребности которой, впрочем, вполне могут быть удовлетворены торговыми сетями и точками), рынок выполняет функцию классического *форума*. В определённый день недели люди съезжаются со всего района, чтобы встретиться на рынке со своими родственниками и знакомыми и пообщаться. Женщины показывают наряды. Мужчины договариваются о рыбалке, охоте и посиделках. Это архаический институт, сохранившийся в неизменности в нашей провинции с имперских и более древних времён [Кильбургер, 1820; Schrenck, 1854; Кулишер, 2004 (1924)], каким он был и в Европе с давних времён [Pirenne, 1937, p. 9–10]. Он продолжает выполнять эти функции и в наше

время повсеместно в провинциальных городах. Нет ни одного районного центра в России, где не было бы еженедельного рынка. В такие дни (не всегда выходные, чаще рабочие) бюджетные учреждения пустеют, магазины и поликлиники переполнены, в банках и конторах, выдающих разнообразные справки и разрешения, длинные очереди. Люди приезжают на рынок закупиться продуктами на неделю, заодно выполнить все прочие дела. В эти несколько часов рыночного дня городок преобразуется: все окрестные улицы и всё пространство заполнено людьми и машинами. После полудня центр с базарной площадью пустеют, из города тянется поток автомобилей торговцев, переезжающих в следующий районный центр, туда, где завтра назначен другой рынок. Традиция важная и имеющая значение больше общественное, нежели коммерческое.

Транспортные услуги — этот сегмент появился сравнительно недавно, он развился вслед и вместе с автомобилизацией населения и одновременно с деградацией в провинции общественного транспорта. За тридцать лет провинция, как и крупные города, прошла путь от единичных частных автомобилей до поголовной автомобилизации: почти в каждой семье есть один или два автомобиля. Кроме того, в провинции многие домохозяйства оснащены также тракторами, грузовиками, снегоходами, квадроциклами, мотоциклами. Соответственно, стремительно вырос сегмент обслуживания такой техники, прежде всего автомобилей. По моим грубым оценкам, в административных центрах на каждые 300–500 семей приходится одна автомастерская. Но ещё больше частных незарегистрированных мастерских в гаражах. Кроме того, многие жители продолжают ремонтировать свои автомобили самостоятельно. Значительно вырос частный извоз. В каждом городке появились 3–5 и более фирм такси с 5–10 наёмными водителями-таксистами. Выросли услуги автомобильных грузоперевозок. Между тем значительная часть всех видов транспортных услуг остаётся в теневом сегменте.

Помимо этих трёх видов услуг необходимо отметить ещё два вида, которые тоже сформировались заново только в постсоветские годы и развиваются темпами столь же быстрыми, как и в крупных городах. Это услуги информационные и услуги,

связанные с частным жилищным строительством. Повсеместно в городках и в крупных сёлах имеется интернет и во многих местах заведена скоростная оптоволоконная связь, каждая семья имеет не только телевизор с несколькими десятками и даже сотнями каналов, обеспечиваемых спутниковой связью, но и персональные компьютеры, ноутбуки и смартфоны. Без преувеличения можно сказать, что население провинции информационно обеспечено. Телевидение и телефонная связь уже перекрыты связью с помощью интернета. В информационное поле погружены не только взрослые и подростки, но и малые дети, и самые древние старики. Соответственно, неизмеримо вырос объём услуг, предоставляемых через интернет как внутри местного общества, так и с внешним миром. Многие семьи приобретают самые разные вещи, получая посылки из Китая; эта практика стала повсеместной. Местные услуги тоже представлены в сети: например, через интернет теперь продают продукты питания собственного производства (торты, пирожные, пряники, варенье и проч.), торгуют вином и самогоном, книгами и антиквариатом, осуществляют криминальные сделки (торговля наркотиками). Аналогичным образом получили развитие и строительно-ремонтные услуги. Это обусловлено бумом индивидуального жилищного строительства, которое пришло в провинцию из крупных городов, примерно с 2000-х годов. Тем не менее указанные сегменты сферы услуг, кроме торговли, находятся, так сказать, только одной ногой в поле формальной экономики, большая же часть — это неформальный сектор экономики.

5.2.3. МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Самая сложная и малоизвестная ситуация в местной экономике имеет место именно с малым и микробизнесом. Только меньшая его часть зарегистрирована, большая часть находится в теневом секторе. По грубым оценкам, основанным на косвенных данных, мнениях местных экспертов и непосредственных наблюдениях, соотношение зарегистрированного бизнеса к не-

зарегистрированному составляет от 1: 2 до 1: 5 и более. Соотношение очень изменчиво и зависит от государственной репрессивной политики. Например, акция последних лет по «выведению самозанятых из тени» сократила повсеместно как количество неформальных предпринимателей, так и официально зарегистрированных. В 1990–2000-е годы мало кто из индивидуальных предпринимателей считал необходимым вести бизнес «на свету». Это отразилось, в частности, на подходах исследователей к описанию малого предпринимательства в разные периоды (напр.: [Радаев, 1999; Алимova и др., 2011; Cherpurenko et al., 2017; Cherpurenko, 2019]). В 1990-е в некоторых малых городах соотношение формально зарегистрированных и «теневых» предпринимателей составляло, по моим наблюдениям, один к десяти. Сейчас этого уже нет. Поэтому при вынужденно фрагментарном описании малого бизнеса в формальной экономике я могу опираться только на муниципальные отчётные материалы и статистику территориальных органов регистрации. Но отчётные данные не точны и варьируют от года к году на 20–25 процентов.

Официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей имеется от менее 100 до 5–6 тысяч; в среднем на одно местное общество их приходится 800–900. В пересчёте на каждую тысячу жителей оказывается примерно 26 индивидуальных предпринимателей. Однако, если пересчёт сделать на количество человек трудоспособного населения, то тогда количество индивидуальных предпринимателей составит от 30 до 60 на тысячу жителей. С учётом среднего размера семьи в России (2,7 человек) это составляет как раз каждую 7–10-ю семью. Иначе говоря, в предпринимательской деятельности задействована очень большая доля семей: с учётом двух взрослых трудоспособных членов — каждая седьмая и даже каждая третья семья (от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{3}$ всех семей) так или иначе участвует в этой деятельности. Но надо иметь в виду, что это по преимуществу, до $\frac{3}{4}$, коммерческая деятельность, мелкая торговля. Доля занятых работников на предприятиях малого бизнеса составляет от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ всего трудоспособного населения. Важно заметить, что индивидуальные предприниматели в провинции самым тесным образом смыкаются (нередко и сливаются) с «гаражниками», предста-

вителями исключительно неформальной экономики (они будут описаны ниже). Поэтому две сферы из трёх, относимых к местной формальной экономике, частично принадлежат к неформальной «теневой» экономике. В провинции это не столь тщательно скрывается, как в крупных городах, в силу глубоких родственных и обширных соседских связей, к тому же местная власть не склонна преследовать «неформалов».

5.3. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ (ПРОМЫСЛЫ)

Неформальные хозяйственно-экономические практики домохозяйств, или промыслы — это очень значительная часть местной экономики. По моему определению, промыслы есть самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей. Такое производство находится вне капиталистических форм хозяйствования, слабо ориентировано на использование современных или инновационных технических средств, однако здесь широко представлены кооперация деятельности и артельный способ организации труда (ср.: [Кузьминов, Радаев, 1987; Радаев и др., 1989, с. 110–123]). Промысловая деятельность не предполагает ни предпринимательства, ни бизнеса в их первичном значении [Кордонский 2010, с. 45–58]. Таким образом, промыслы во многих случаях есть архаические экономические институты, лишь внешне прикрытые современными правовыми и организационными формами. Такое определение в основных чертах соответствует определениям и других авторов, акцентирующих внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности, включающей нерыночные обмены [Скотт, 1976; Ильин, 2001a, 2001b; Барсукова, 2003, 2004; Barsukova, Radaev, 2012], а также не на экономической, а прежде всего на хозяйственной деятельности [Водарский, Истомина, 2004; Пав-

лов, Селеев, 2015] и на связи промыслов с сословной структурой российского общества [Кордонский, 2010; Вахитов, 2017]. Я же данным определением солидаризируюсь с феноменологическим определением промыслов, представленным и достаточно подробно рассмотренным в недавней работе наших коллег [Павлов, Селеев, 2015, с. 26]. Конечно, такое определение промыслов уже, чем определения неформальной экономики вообще [Барсукова 2003, с. 15–36]. Оно во многих отношениях синонимично «домашней экономике», но не покрываются ею, а шире. Не всегда промыслы ориентированы только на самообеспечение домохозяйства; нередко их результатом является рыночный продукт. Поэтому «домашние промыслы» есть «домашняя экономика» плюс теневая экономика, то есть то, что 40–50 лет назад называлось *second economy* [Grossman, 1979].

Но важно иметь в виду, что неформальная экономика в провинции, в отличие от крупных городов, развивается преимущественно в целях именно повседневного жизнеобеспечения, но отнюдь не ради производства товарного продукта в чистом виде. И само товарное производство в промыслах населения имеет целью преимущественно самообеспечение. Это именно основа жизнеобеспечения и благополучия семьи, когда формально регистрируемые источники дохода оказываются недостаточными. Конечно, об этом не забывают все отмеченные выше исследователи и специально указывают на такое обстоятельство. По моим оценкам, полученным непосредственно на местах, неформальная экономическая активность составляет до половины всего объёма местной экономики в тех нередких случаях, когда на территории отсутствуют крупные промышленные предприятия или агрохолдинги. Именно поэтому мы и имеем право говорить о неформальной экономике в провинции как о промыслах населения.

Можно выделить несколько базовых сфер, в каждой из которых имеется немало видов. Я выделяю четыре по двум основаниям: место приложения трудового усилия и особенности организации деятельности. Эти виды промыслов есть: (1) «гаражники», (2) «рассеянные мануфактуры», (3) «отходники» и (4) «домашние промыслы».

«Гаражники» есть особая категория самозанятых, выявленная и описанная не столь давно А. Б. Павловым и С. С. Селеевым [Павлов, Селеев, 2015; Селеев, Павлов, 2016]³⁷. К категории «гаражников» ими отнесены те самозанятые индивидуальные предприниматели или их коллективы (артели), которые осуществляют производство или предоставление услуг в индивидуальных гаражах, располагающихся на территориях гаражно-строительных кооперативов, а не на усадьбе собственного дома. Указанные авторы зафиксировали в 21 городе более 110 видов разнообразных промыслов в гаражах [Селеев, Павлов, 2016, с. 36–37].

«Рассеянные мануфактуры» как особый вид неформальной экономической деятельности провинциального населения обнаружен и описан С. Г. Кордонским и мною [Кордонский, Плюснин, 2018]. В отличие от домашних промыслов, распространённых повсеместно, «рассеянные мануфактуры» есть особая форма экономической активности населения. Такая экономика присуща сообществам, территория или характер производства которых удовлетворяет особым условиям. «Рассеянные мануфактуры» есть явление не столь частое, как другие виды неформальных экономик, но в местностях, где они обнаружены, в них задействовано большинство домохозяйств.

Напротив, наиболее широким масштабом отличается феномен возвратной (циклической) трудовой миграции жителей провинции в крупные города и промышленные центры страны. Мы впервые описали их в начале 2010-х годов [Плуснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015].

Домашние промыслы есть виды хозяйственной деятельности домохозяйств на территории местного общества с использованием ресурсов разного рода. Они предполагают добычу и утилизацию ресурсов на месте, на усадьбе домохозяйства. Домашние промыслы по своей видовой принадлежности могут быть отнесены к любому из выделяемых исследователями видам неформальных экономик [Барсукова, 2009, с. 112–123]. Это могут быть собственно домашние экономики — хозяйственная деятельность, осуществляемая в рамках одного домохозяйства, использующего

³⁷ Эти же авторы и предложили термин «гаражная экономика», который очень быстро прижился и сейчас стал общеупотребительным в России.

ХОЗЯЙСТВО

индивидуально-родственные связи для производства натуральной продукции с целью повседневного жизнеобеспечения без выхода на рынок. Подавляющее большинство домохозяйств включены в этот вид неформальной экономики. Во многих наших провинциальных обществах повседневная жизнь людей невозможна без поддержки со стороны соседей и родственников. Необходима кооперация, артельный труд и «помочи». Такую взаимную поддержку домохозяйств мы обнаруживаем в любом местном обществе, где-то в меньшем, а где-то и в полном объёме (впрочем, это характерная черта не только российского провинциального общества, см.: [Ledeneva, 2018, p. 125–212]).

5.3.1. СЕЛИТЕБНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОМЫСЛОВ

Разные виды промыслов осуществляются дома или в отъезде (отходе). Они могут быть дифференцированы по типу населённого пункта, где проживают их участники, а также по кооперации деятельности соседствующих домохозяйств. На рис. 15 приведена схема зависимости выделенных выше видов промыслов от селитебной структуры. Домашние промыслы и отходничество широко распространены в селе и малом городе, в среднем и крупном городе их мало или почти нет. Отходничество — удел населения малых городов и сёл, но в последнее десятилетие этот вид промыслов стал распространяться и в более крупных городах. «Рассеянные мануфактуры» обнаруживаются только в малых городах и в ближайшей к ним сельской округе, они не найдены ни в средних, ни в крупных городах, и я подозреваю, что тут их и быть не может. Напротив, «гаражная экономика» распространена только в крупных и средних городах, она почти отсутствует в малом городе и совсем нет её в селе. Но рассматривая приведённую схему, надо при этом иметь в виду, что объём неформальных экономических практик и многообразие её видов много больше в сельской местности и малом городе, нежели в крупных и средних городах. Поэтому на рисунке

приведены лишь относительные доли для каждого типа поселения. Нельзя, например, сравнивать объём домашних промыслов с «гаражной экономикой» по их площадям, выделенным на рисунке: первая значительно больше второй, точно так же и численность отходников много больше численности «гаражников». Кроме того, на рисунке показано примерное соотношение долей промыслов в разных типах поселений. Условность такого соотношения очевидна из того факта, что одни и те же семьи могут быть заняты во множестве видов домашних промыслов и вместе с тем в других видах, например, одновременно в отходе, в «мануфактурах» и в «гаражах».

О чём может свидетельствовать такое разобложение «сели-тебно-экономических ниш»? Замечу прежде всего, что наибольшее разнообразие видов промысловых практик имеет место только в малых городах. Это видно и на схеме. Все четыре основных вида неформальных экономических практик тут представлены, и даже «гаражная экономика» имеет место. Сельская округа обеспечивает своё существование прежде всего и исключительно за счёт домашних промыслов и отходничества. Участие сельских жителей в «рассеянных мануфактурах» имеет место только в ближних поселениях к городам, где таковые есть. В средних и крупных городах доминирует «гаражная экономика», а домашние промыслы и отход имеют весьма малое значение, это удел скорее населения здешних окраин и пригородов. Наличие в селе больших усадеб предполагает развитое домашнее производство. Низкая плотность населения и изобилие природных ресурсов предполагают высокодоходные природные промыслы. Нехватка «живых денег» и отсутствие источников их поступления на месте вследствие отсутствия рынка труда заставляет сельских жителей заниматься отхожими промыслами. Ситуация в крупных и средних городах противоположная. Тут есть достаточно развитый рынок труда и всегда есть скудные источники денежных доходов, но нет возможности промышлять на природных ресурсах. Здесь домашние промыслы ограничены производством натуральной продукции на небольших садовых участках, которые хотя есть у многих городских семей [Между домом и..., 2016, с. 300–335], но лишь в малой мере могут явить-

ХОЗЯЙСТВО

ся источником дохода. Поэтому все дополнительные доходы получают за счёт «шабашничества» в гаражах, если только человек живёт не за счёт криминальной деятельности и не уезжает на более доходные заработки «на севера».

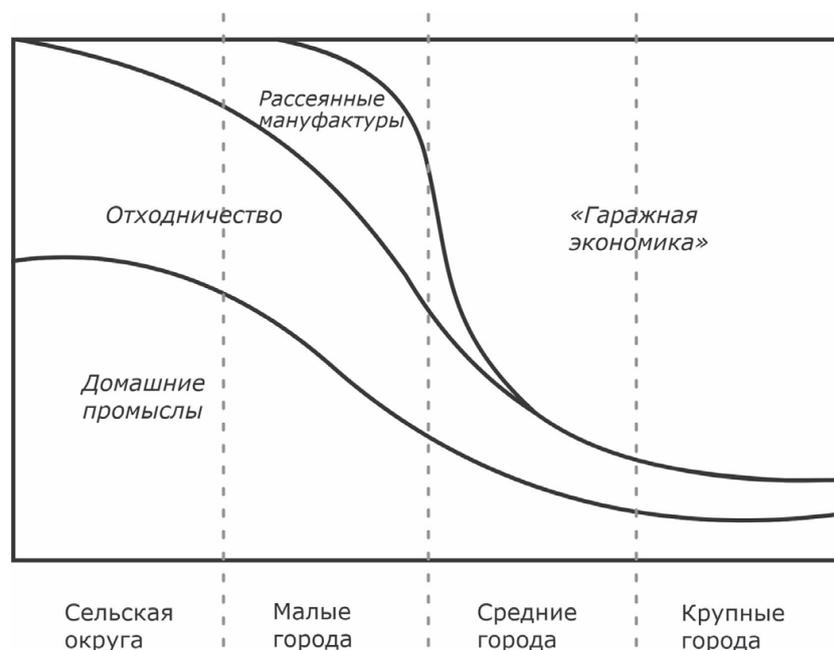

Рис. 15. Структура видов неформальных экономических практик (промыслов) населения в зависимости от типа поселений. Пояснения см. в тексте

Наихудшая же ситуация как с точки зрения возможностей самообеспечения, так и с точки зрения развитости рынков труда имеет место в малых городах. Вследствие этого население малых городов за три десятилетия вынуждено было выработать многообразные механизмы адаптации и фактически к нынешнему времени оно стало «эвритопным», если учитывать способы жизнеобеспечения в нестабильной среде. Поэтому анализ неформальной экономики местного общества демонстрирует существенные различия обеих его составляющих — центра и сельской округи. Промысловые практики сельской округи разнообразны, но однородны. В центре местного общества они и разнообразны, и разнородны. Притом и местная формальная экономика в административном центре представлена в количестве от сорока до восьмидесяти бюджетных учреждений (чего

нет почти совсем в сельской округе), подавляющим большинством производственных предприятий и предприятий сферы услуг; тут же сконцентрирована и наибольшая доля местных предпринимателей. Так что в малом городе оказываются сконцентрированы все виды местной формальной и неформальной экономики. Я рассматриваю это как существенно важное достижение в качестве результата успешной адаптации населения к экономической катастрофе начала 1990-х годов.

5.3.2. «ГАРАЖНИКИ»

Местные эксперты обычно относят их к «теневым» индивидуальным предпринимателям. Но «гаражники» являются наиболее неопределённой группой, смыкающейся с зарегистрированными индивидуальными предпринимателями и в то же время составляющей костяк незарегистрированных самозанятых предпринимателей.

«Гаражная экономика» весьма спорадична в провинциальных обществах и имеет место только в административных центрах местных обществ «турбулентного» типа, поскольку здесь существуют гаражно-строительные кооперативы, на базе которых и осуществляется «гаражная экономика». В большинстве провинциальных сообществ такая деятельность не концентрируется в гаражах и не специализируется, а размывается и оказывается неотличимой от теневого индивидуального предпринимательства в сфере производства и услуг. Кроме того, «гаражная экономика» в провинции практически неотличима от многих других видов промыслов, осуществляемых «на дому». Следует также обратить внимание на тот факт, что значительная часть «гаражников» оказываются по факту — но не по форме — предпринимателями. Каждый из них промышляет. При этом часто они организованы в артели (бригады). Однако надо иметь в виду, что артельная организация трудовой деятельности радикально отлична по характеру участия в ней работников-артельщиков от обычных производственных бри-

гад или коллективов служащих. В артели почти каждый участник есть предприниматель, даже если он подчинён воле старшего. С учётом этих соображений, реальной предпринимательской деятельностью занимается существенно большее количество людей, чем зафиксированы в государственных реестрах в качестве малых (и индивидуальных) предпринимателей. По инсайдерским оценкам, полученным только в малых городах, но не в сельской округе, соотношение зарегистрированных и незарегистрированных предпринимателей составляет от 1: 3 до 1: 5. По моим оценкам, полученным с самых разных территорий страны, объём «теневого» предпринимательства в период с 2000 по 2020 год составлял до $\frac{4}{5}$ всего малого предпринимательства в каждом муниципальном районе как по численности занятых в этом людей, так и по объёмам произведённой продукции. Чем меньше район, тем выше доля незарегистрированных предпринимателей — «гаражников». Но сложность получения подобных оценок состоит в том, что большинство даже официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей значительную часть своей продукции/услуг не «показывают» в финансовой отчётности, и бывает неясно, ведёт ли некий предприниматель свою деятельность открыто (с государственной отчётностью), или она почти вся в «тени». В то же время в провинции гораздо легче, чем в крупных городах, осуществлять предпринимательство полностью в «тени», вообще не регистрируя свою деятельность, поскольку есть опора на реципрокные родственные и соседские связи.

Особенности провинциальной «гаражной экономики» можно сравнить с аналогичными промыслами, зафиксированными моими коллегами в крупных городах [Селеев, Павлов, 2016, с. 36–37]. Я использовал их таблицу, где перечислены выявленные виды гаражных промыслов. Масштабы «гаражной экономики» в малых городах несопоставимо малы по сравнению с крупными городами. Хотя не менее чем половина видов промыслов, выявленных С. Селеевым и А. Павловым в крупных городах, имеет место и в малых городах. Отсутствие тех или других промыслов почти всегда обусловлено отсутствием в провинции заводских специализированных или высокотехноло-

гичных производств, следовательно, здесь отсутствуют и специалисты, которые могут осуществлять аналогичные работы в собственных гаражах. С другой стороны, есть виды производств, которые невозможно осуществлять в крупных городах. Это прежде всего касается добычи и переработки специфических природных ресурсов, недоступных в крупном городе. Все выявленные виды «гаражных» промыслов есть в значительной степени неформальная теневая или криминальная экономическая активность населения. Непрофильное использование гаражей не по их основному назначению (т.е. для хранения автомобиля) преимущественно связано с ремонтом транспорта, механизмов и инструментов, с обработкой природных или технических продуктов, которые невозможно или опасно осуществлять в домашних условиях. Гаражи в провинции используются либо только по назначению, либо как сараи, кладовые или «рабочие дома», в качестве производственных цехов используются редко. В целом «гаражная экономика» в провинции не диверсифицирована и не вышла за пределы решения транспортных и ремонтных задач. В гаражах хранят технику, производят её ремонт и преимущественно осуществляют ту деятельность, которая непосредственно связана с транспортом, перевозками и оказанием транспортных услуг.

5.3.3. «РАССЕЯННЫЕ МАНУФАКТУРЫ»

В 2014 году мы выявили новый феномен хозяйственно-экономического поведения населения в малых городах провинциальной России — «рассеянные, или распределённые мануфактуры», который после нескольких лет изучения мы описали в недавних статьях [Кордонский, Плюснин, 2018; Plusnin, Kordonsky, 2020]³⁸. Наименование такого промысла термином

³⁸ Текст этого параграфа основывается преимущественно на тексте данной статьи: Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. Архаические экономические институты: распределённые мануфактуры в малых городах России // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 6–30.

ХОЗЯЙСТВО

«*рассеянная мануфактура*» обусловлено тем, что вся производственная цепочка по добыче или производству и переработке ресурса и по изготовлению и продаже изделий осуществляется в пределах местного общества, включая жителей города и сёл, при этом она рассеяна по множеству домохозяйств, а сами домохозяйства специализируются на отдельных компонентах технологического процесса, являясь разными звеньями единой производственной цепочки. Наши дальнейшие наблюдения в указанных городах и их сельских округах подтвердили, что описанный феномен действительно соответствует всем без исключения признакам классической рассеянной мануфактуры.

Как хорошо известно из экономической истории [Mokyr, 1976; Mathias, Postan, 1978; Kahan, Hellie, 1985; Ogilvie, 1993], рассеянные мануфактуры, первоначально возникшие в городах Италии в XIV в. и позже в Нидерландах и других государствах Европы, а также в России, явились раннекапиталистическим ответом на цеховую организацию ремесленной деятельности. Они были свободны от цеховых профессиональных ограничений того времени и позволяли обеспечить массовое производство товаров народного потребления, что способствовало последующему успеху такой формы организации производства. Они создавались, как правило, в таких видах производства, которые имели трудоемкие производственные цепочки, нуждающиеся в большом количестве работников, но не требующие высокой квалификации. Поэтому наиболее распространены они были в текстильном деле (ткацком, суконном, а также меховом и пуховом), в лесозаготовках и лесопереработке, в специализированном строительстве (судостроении и домостроении), в горнодобывающей промышленности (на чугуновых, медных, серебряных рудниках и рудоплавильных и металлургических заводах).

Мануфактуры в России хорошо известны начиная с XVII в. [Blum, 1961 (1992, p. 293); Kahan, Hellie, 1985, p. 121–136], следовательно, зачатки мануфактурного производства могли существовать уже к концу или даже к середине XVI в. [Кулишер, 1924 (2004, с. 353–378, 399–412, 569–570)], а с первой четверти

XVIII в. в России начался стремительный рост мануфактурного производства. Развитие мануфактур в России всемерно поощрялось государством (в том числе в форме откупов). По мнению Дж. Блума, русское прединдустриальное промышленное развитие XVIII в. было равным развитию остальной Европы, а порой и превосходило его [Blum, 1961 (1992, p. 294)], об этом же свидетельствуют и сравнительные данные, например, по Германии того же периода [Mathias, Postan, 1978, p. 498–511]. Рассеянные мануфактуры характеризовали лишь начальный период капиталистического развития как в Европе, так и в России (см. [Mendels, 1972; Rudolph, 1980; Houston, Snell, 1984; Ogilvie, 1993]) и относительно быстро сходили на нет в результате двух взаимосвязанных процессов: ввиду развития монополистического и финансового капитализма, требующего соответствующего рассеивания товарных цепочек для исключения прозрачности капиталов [Валлерстайн 2003, с. 81], а также вследствие диверсификации производства, условием которой, между прочим, выступала производственная специализация, родственная мануфактуре. Этот процесс непременно сопровождал государственный протекционизм на фоне растущей суверенизации [Тешке, 2011, с. 285–308]. Однако на экономической периферии такие, теперь уже ставшие архаическими, институты продолжали сохраняться еще длительное время, по-видимому, в сильно редуцированном виде, свидетельством чему может быть мощное развитие кустарных промыслов и кустарного производства в России вплоть до 1930-х гг. [Владимирский, 1927; Минц, 1929; Водарский, Истомина, 2004; Павлов, Селеев, 2015], что также всегда составляло условие и предпосылку рассеянного мануфактурного производства. Необходимо, однако, отметить, что я не нашёл никаких прямых указаний на сохранение мануфактурного производства в таких архаических формах ни в конце XIX в., ни тем более в течение всего XX в. Поэтому мне представляется вероятным, что этот феномен есть «новообразование» рубежа XX–XXI вв., вынужденный возврат российского провинциального общества к экономической архаике в условиях системного экономического кризиса 1990-х гг., а также неразвитости и развала местных рынков труда, широкого распространения в Рос-

сии неформальной и теневой экономики [Буев, 2010; Алимова, Ченина, Чепуренко, 2011; Гимпельсон, Капелюшников, 2014].

Все выявленные и описанные нами современные «рассеянные мануфактуры» оказались типологически подобными. Все они сконцентрированы (и это важно) в малых городах и в ближайших к ним сельских округах. Основные признаки этих экономических институтов и истоки их появления в конкретной местности в тех или иных формах везде одинаковы и типичны как для классической рассеянной мануфактуры раннего Нового времени, так и для современной российской распределенной мануфактуры. Я выделил таковых признаков восемь.

1. Мануфактурное производство предполагает наличие значительного числа отдельных, сравнительно независимых элементов производственного процесса, не всегда требующих их объединения в одном помещении. Это и является «пусковым механизмом» для создания «рассеянной мануфактуры».

2. Сочетание трудоемкости и простоты большинства производственных операций со сложными операциями. Это второе необходимое условие организации «рассеянной мануфактуры». Специфика мануфактурного производства заключается в сочетании простых и сложных компонентов в конечном продукте, что требует разнообразной квалификации работников.

3. Третье обязательное условие – это специализация работников на определенных видах или группах производственных операций. Поскольку рассеянное производство нередко основано на использовании уникального или труднодоступного местного сырья, специализация зависит и от внешних ограничений: отдельные виды операций зависят от наличия или отсутствия у участников доступа к ресурсам или отдельным компонентам производства.

4. «Рассеянная мануфактура» требует концентрации всего производственного процесса на единой контролируемой территории одного или нескольких соседских местных сообществ на фоне распределенного характера производства отдельных его составляющих. В рамках производственного процесса предполагается непосредственное физическое взаимодействие работников, занятых в отдельных звеньях производства.

5. Совершенно необходима кооперация производственной деятельности и всех элементов распределенного производственного процесса, что предполагает самоорганизацию участников в форме специализированных артелей и групп артелей. Артельная кооперация есть один из важнейших признаков архаических экономических институтов. Она подразумевает преимущественно соседские, но не родственные отношения, коммунальную, но не персональную ответственность и распределительный принцип вознаграждения за труд.

6. Как следствие, на основе артельной самоорганизации спонтанно появляется институт самоуправления в простейших (архаических) формах «сходки», «разборки», «терки», «авторитетного решателя» (см. недавнее исследование промыслов [Селеев, Павлов, 2016]). В результате формируется, как правило, единый местный источник контроля над всеми составляющими производства и продажи готовых изделий.

7. Уникальность сырья. Существенный, но не всегда присутствующий признак – наличие уникального местного природного сырья или возможность массового производства населением такого сырья для изготовления конечного продукта, который в то же время является массово востребованным товаром. Предположительно, что возобновление ряда «рассеянных мануфактур» в 1990-е гг. было обусловлено прежде наличием такого сырья в местном обществе и невостребованностью его местной экономикой, что обеспечивало естественные конкурентные преимущества членам местного общества.

8. Уникальность технологии. Другой важный, но не всегда присутствующий признак – наличие у местного общества производственного ресурса в виде уникальной технологии, используемой для производства специфического изделия. Местное общество сохранило традиции уникального промысла, некогда обеспечивавшего благосостояние большинства домохозяйств. Наличие уникального промысла обуславливает устойчивость и «консервацию» основанной на этих практиках «рассеянной мануфактуры» вследствие отсутствия или слабой конкурентной среды.

Наблюдения функционирования «рассеянных мануфактур» в нескольких малых городах (пуховая в Новохоперске и Урюпин-

ске, меховая в Лабинске, сапожная в Кимрах и ростовская финифть в Ростове Великом) показали значительное сходство по организации производственного процесса, характеру занятости населения, особенностям логистики и сбыта готовой продукции. Но важно отметить следующее: выделенные особенности появившихся всего три десятилетия назад коммунальных экономических практик, подобных классическим рассеянным мануфактурам, фиксируют значение территории и вида промыслов для развития определенных сходных экономических институтов. Имеет значение характеристика территории и промысла по их уникальности. Под «уникальностью» локальной территории и промысла я понимаю редкость, единичность или особые редкие качества какого-либо вида местных ресурсов, используемых в качестве сырья для производства; самый промысел может быть уникален в силу давних исторических традиций (никто и нигде или редко где это делает) в производстве тех местных изделий, которые и создают конкурентное преимущество членам сообщества перед соседями. Типичность местной территории, как и типичность практик (неразличимость со многими другими территориями и неотличимость от аналогичных промыслов) определяют условия для массового (индустриального или конвейерного) производства. Уникальность территории по ресурсам (сырью), по развитым на территории практикам и глубине локальной исторической традиции, как и уникальность самих хозяйственно-экономических практик определяют условия и возможность развития современной «рассеянной мануфактуры». При этом допускаю, что, скорее всего, это следует называть не развитием *de novo*, а процессом восстановления населением некогда оставленного и позабытого способа организации местных промыслов.

Как следствие, можно предложить феноменологическую концепцию развития хозяйственно-экономических практик населения, отталкиваясь от ресурсных и исторических особенностей территории и распространенности вида промысла. Уникальность как территории, так и промыслов определяет путь развития коммунальных практик к специфическому виду «рассеянной мануфактуры» или, что вероятнее, к длительному со-

хранению архаических экономических институтов в некоторых местностях (что также является консервацией архаических практик во времени и пространстве). Противоположная тенденция — движение к одинаковости территорий по природно-климатическим условиям и ресурсам, к ординарности, неспецифичности истории ее хозяйственного развития и, соответственно, к однородности видов промыслов — определяет путь движения к массовому производству, индустрии, конвейеру.

Замечу, что в этом же пространстве координат «территория — промыслы» могут быть выделены и другие виды хозяйственно-экономических практик. Распространенные (неуникальные) практики, реализуемые на территории с уникальными характеристиками по ресурсам (сырью), создают путь развития института многообразных кустарных промыслов. Это позволяет объяснить, почему при столь мощном развитии кустарных промыслов в имперской России и в ранние советские годы отдельные губернии и соседние уезды (районы) столь сильно различались по видам развитых там кустарных промыслов: в одном уезде изготавливали только горшки и другую глиняную посуду, в другом — только осиновые ложки, в третьем — рубили строевой лес и сплавливали его по рекам, а в четвертом (при тех же условиях) занимались лишь отхожим промыслом и т.п. [Езерский, 1894; Кустарная промышленность России, 1913; Владимирский, 1927]. Повсеместно локальные ресурсные и природно-климатические особенности территории создавали какое-то минимальное конкурентное преимущество местным обществам сравнительно с их ближайшими соседями.

В противоположность этому уникальность промыслов населения на территории, которая сама по себе не обладает никакими исключительными характеристиками (например, не имеет особо важных или уникальных ресурсов, не обладает бальнеологическими преимуществами перед соседними территориями и т.п.), определяет путь развития так называемых «народных художественных промыслов». Таковы все современные, ассоциируемые с «промыслами», народные ремесла художественной направленности [Павлов, Селеев, 2015, с. 30–31]. Это, например, лаковые миниатюры Федоскино, росписи Палеха,

Хохломы, Мезени и Лешуконья, каргопольская и петровская, дымковская и гуслицкая глиняная игрушка, керамика Гжели. Такова и ростовская финифть, но в данном случае, в отличие от той же Гжели или Федоскино, её фабричное производство претерпело катастрофическое перерождение в спонтанную «рассеянную мануфактуру».

Таким образом, есть основания полагать, что феномен современной «рассеянной мануфактуры» определяется уникальностью локальной территории и/или уникальностью хозяйственно-экономических практик промыслов. Предполагаю, что существующие ныне архаические «рассеянные мануфактуры» не могут непосредственно переходить в индустриальное конвейерное производство. Мне представляется, что причины и условия развития этих типов институтов разные. Однако есть основания ожидать, что типичная «рассеянная мануфактура», спонтанно возобновившаяся и существующая последние 30 лет, на наших глазах проходит эволюцию к классической мануфактуре, где уникальное изделие становится конвейерным производением. Явные признаки этого мы наблюдаем в Ростове Великом, а далеко зашедший процесс — в Кимрах и Угличе.

5.3.4. «ОТХОДНИЧЕСТВО»

Наши инициативные исследования 2009–2015 гг. позволили описать отходничество в качестве особой хозяйственно-экономической практики населения и вида трудовой миграции [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015]³⁹. Российские отходники представляют собой специфическую группу трудовых мигрантов — внутренних временных (возвратных) самодельных или наёмных работников. Эти трудовые мигранты отличны как от трансграничных возвратных (циркуляторных), так и от

³⁹ Текст данного параграфа воспроизводится с изменениями и сокращениями по статье: *Плюснин Ю. М.* Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. 2019. № 10. С. 94–115.

сезонных сельских мигрантов, хорошо знакомых во многих государствах мира. Безусловно, отличны они и от гастарбайтеров. В России давно, три-четыре века назад, возникло самоназвание таких «блуждающих» работников — «отходники», именно этот термин они сами используют до сих пор. Основные признаки современного отходничества, которое по сути является особым видом самостоятельной промысловой активности населения, отличающие его от других видов трудовой миграции, аналогичны характеристикам несельскохозяйственного промышленного отходничества второй половины XIX — первой трети XX в.:

1) провинция — источник отхода: направление его в основном из сельских районов и малых городов в столичные города и промышленные центры, на Север и в Сибирь;

2) отходники и их семьи не намерены менять место постоянного жительства, поэтому фактор нежелания (и много реже — невозможности) покинуть родину ради работы является важнейшим условием перехода человека в статус отходника;

3) мотив трудовой миграции на стадии развитого отходничества чаще всего вызван не нуждой, а целью повышения благосостояния семьи;

4) важнейшим фактором в поиске работы является самостоятельность, самостоятельность: инициатива исходит от самого работника; он либо предлагает на рынке продукты своего труда (аналогично прежним кустарным промыслам, выступая в роли самозанятого работника-предпринимателя), либо нанимается на самые разные виды работ, большинство из которых не требуют квалификации.

Отходничество было явлением, широко распространённым в крестьянской среде имперской России. Но возродился отход как самостоятельная экономическая практика в первые же постсоветские годы, продемонстрировав в течение четверти века быстрый рост. Между тем корни отходничества уходят в глубь веков. Предположительно, наиболее ощутимый, сильный толчок к развитию отхожих промыслов, определённо существовавших ещё и в XVI–XVII вв. [Кулишер, 2004, с. 353–381, 415–424], дало населению само государство в начале XVIII в. массовым принудительным перемещением крестьян на петровские «ве-

ликие стройки» (Санкт-Петербург и многие другие новые города, особенно приграничные) и великие же войны (начало рекрутского набора). Мнение о том, что толчок именно массовому отходничеству в России был дан реформами Петра Великого, «сдвинувшими» население страны в новую столицу и на рубежи государства, было общепринятым среди исследователей в XIX и в начале XX вв. Население, пожизненно прикрепленное к земле государством, общиной или помещиком, не может без веской причины покинуть место своего проживания. Отходничество как модель экономического поведения может сложиться лишь при наличии двух обязательных условий: в качестве предпосылки выступает относительное или полное закрепление человека и его семьи на земле, а в качестве движущей силы отходничества выступает невозможность прокорма семьи на месте, заставляющая искать сторонние источники средств к существованию. Невозможно прокормиться было на плотно заселённых уже к XVIII в., но при этом бедных нечернозёмных территориях в центральной России или на слабо освоенных и ещё более бедных лесных территориях северной России.

К началу XVIII в. численность отходников оценивалась примерно в 1 млн человек [Карышев, 1896]. По моим расчётам, это составляло более половины всех взрослых крестьян-мужчин от 20 до 59 лет, проживающих в сельской местности Европейской России в начале XVIII века. В таких подсчётах я исходил из довольно грубого предположения о неизменности половозрастного состава крестьянского населения (49% мужчин в популяции, из них 44% в возрасте 20–59 лет) и доли крестьян (примерно 84–87%) в составе всего населения Европейской России: здесь проживало 73 процента от всего населения империи, общая численность которого составляла около 14 млн чел. или менее к 1720-м годам. Итого расчётная общая численность крестьян-мужчин в возрасте 20–59 лет составляла около 1,87–1,90 млн чел.

С начала XVIII в. и вплоть до середины XIX в. начинается скрытое развитие отходничества, предполагающее его последующий бурный рост. Рост этот сначала был стимулирован льготой помещикам собирать подушную подать с крепостных крестьян (1731). Соответственно, они очень скоро осознали выго-

ду практики отпуска своих крепостных крестьян в отход. Спустя 30 лет нарастание темпов отхода было подкреплено манифестом об «освобождении» помещиков от несения государственной и военной службы («Манифест дарования вольности и свободы российскому дворянству», 1762 г.), затем дополнительным подтверждением «свобод» («Жалованная грамота», 1785 г.), наконец, разрешением помещикам закладывать имения вместе с крестьянами (см: [Jones, 1973]). Только через 99 лет процесс завершился «освободительными реформами» – Манифестом об освобождении крестьян 1861 года, хотя в крестьянской среде с самого начала «дворянских вольностей» существовало понимание значения этого акта и полная уверенность, что дарование свобод дворянам требует автоматического освобождения и крестьян от крепостной зависимости (см.: [Герцен, 1859; Миронов, 2003, с. 377–387]). Поэтому подготовленное за столетие до того изменение статуса помещиков и последовавшее освобождение крестьян вызвало быстрый переход значительной их части к занятиям отхожими промыслами.

Первоначально такая деятельность, вызванная исключительно острой нуждой, уже через три-четыре десятилетия, к 1890-м годам, становится важнейшим фактором крестьянского благополучия. В немалой степени стимулированы были такие изменения и бурным промышленным ростом в России, начавшимся после длительного экономического кризиса 1860–1880-х годов [Суханов, 1913; Ленин, 1971; Фёдоров, 2010]. Имел значение также фактор перенаселённости сельской местности в Европейской России, обусловленной не ёмкостью угодий, а причинами агрокультурной неразвитости, вызванной сопротивлением новшествам со стороны крестьянской общины и незаинтересованностью самого крестьянина в повышении плодородия земли в условиях непрерывных земельных переделов [Миронов, 2003, с. 401–412; Давыдов, 2018, с. 33–44]. К первому десятилетию XX в. отходничество достигло пика своего развития, в немалой степени стимулированное как столыпинскими реформами [Данилов, 1974], так и кооперативным движением в провинции, по принципу положительной обратной связи. Кооперация – во многом именно вследствие развития отходни-

чества и стимулированного им развитием кустарной промышленности — имела гигантские темпы и приняла в России 1920-х годов столь выдающиеся масштабы, что они значительно превосходят аналогичные процессы в Европе. Основываясь на достаточно точной статистике выдачи паспортов и билетов крестьянам в эти годы, можно оценить численность отходников примерно в 10–12 млн человек [Владимирский, 1927; Минц, 1926]. Используя вышеуказанный метод расчётов, но основываясь на более точных данных Всероссийской переписи 1897 года и дополнительных данных по структуре населения за 1910 год, я оцениваю долю отходников в размере той же самой половины всех крестьян-мужчин Европейской России (47–56% от 21 млн 542 тыс. мужчин в возрасте 20–59 лет, т.е. 10–12 млн чел.).

Уже к концу XIX века (а в XX веке особенно) отходничество стало рассматриваться как явление, одновременно представляющее собой следствие аграрного перенаселения (т.е. несоответствия между количеством рабочих рук в крестьянском хозяйстве и реальной возможностью их производительного использования) и способ его преодоления [Минц, 1929; Суворов, 1968; Рындзюнский, 1978; Шанин, 2002]. С одной стороны, отходничество воспринималось как явление прогрессивное, поскольку *«по своему социально-профессиональному облику крестьяне-отходники являлись прямым и непосредственным резервом рабочего класса страны»* [Андрюшин, 2012, с. 232]. С другой стороны, отходничество вызывало беспокойство Наркомата труда, специальной задачей которого была борьба с безработицей в городах, а одной из причин ее возникновения выступило как раз массовое отходничество [Данилов, 1974]. Массовый приток сельского населения в города был столь интенсивный, что менее чем за полтора десятка лет, уже к 1930 г., численность горожан в стране увеличилась более чем вдвое. Этот *«наплыв был настолько мощным, что одной из официальных целей введённой в 1932 г. паспортной системы была “разгрузка городов”»* [Андрюшин, 2012, с. 205]. Поэтому паспорта вводились временно и первоначально только в четырёх столичных городах (Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве), поскольку именно эти города и испытывали наибольшие трудности в связи с двух-трёхкрат-

ным ростом численности жителей. При этом хорошо известно, что именно Москва и Петроград незадолго до этого являлись основными акцепторами отходников из деревень. Поэтому рост численности населения столичных городов в 1920-х годах был обусловлен исключительно за счёт отходников.

Попытки советского государства регулировать отходничество, во многом рассматривая его в русле развития кооперативного движения, вступили в противоречие с задачами индустриализации страны, и к началу 1930-х гг. возникло беспокойство, вызванное недостаточностью масштабов отходничества для реализации промышленного развития страны. Поэтому впоследствии явление это инвентаризовали и институционализировали, изменив тем самым его суть (в том числе поменяв название «отходник» на «сезонника») и превратив спонтанный отход в организованный государственный набор рабочей силы из деревень. Вследствие этого отходничество очень скоро из явления актуального превратилось в явление историческое. Этому способствовали и события скоро наступившего военного времени.

В более поздние советские годы, в период с 1946 по 1991 годы, отходничество существовало как глубоко маргинальное явление и в изрядно извращённых формах. Единственной формой, получившей некоторое одобрение власти, оказалась сезонная «вербовка» работников из трудоизбыточных районов в южных и западных советских республиках (Молдавия, Украина, Армения, Узбекистан, Киргизия) на лесоразработки в лесопункты в северные лесные области (Архангельскую, Карелию, Коми, Вологодскую, Костромскую, Пермскую) и в Сибирь, где постоянно не хватало рабочих рук. «Вербовка» в лесопункты началась с конца 1940-х годов и особенно интенсивной была в 1950-е годы. В 1980-е годы эта практика распространилась уже довольно широко и захватила не только северные европейские регионы, но и почти всю Сибирь [Шабанова, 1986]. По сути, эти сезонные лесозаготовители зимой («вербованные») и строители летом («шабашники») являлись не вполне настоящими отходниками, поскольку не располагали всеми признаками именно этого вида трудовой миграции, потому в общественном сознании оба феномена и не фиксировались как отходничество.

Повторно, как новое массовое явление российской социально-экономической жизни, отходничество возродилось в последнем десятилетии прошлого века [Шабанова, 1992]. После шока начала 1990-х годов в качестве ответа на экономический беспорядок в стране начали быстро «становиться уклады» — обновляться давно забытые модели жизнеобеспечения населения, принуждённого к самостоятельному поиску средств выживания. «Вспоминались» и реанимировались давно забытые архаические народные промыслы, и первыми среди них был возврат к натуральному хозяйству и возрождение отхожих промыслов. Причём началось новое отходничество не из своего исторического центра, из нечернозёмных областей, а с окраин, из бывших союзных республик в центр — ведь именно здесь и проживали советские «вербованные» и «шабашники», раньше других освоившие этот способ жизнеобеспечения. Лишь спустя какое-то время это центростремительное движение захватило и области центральной России, когда-то бывшие главными местами отхода.

Быстрые изменения, происходящие на наших глазах в этом виде промысловой практики населения, свидетельствуют о структурных сдвигах адаптивного характера. Развитие отходничества, как мне кажется, за 30 лет прошло два этапа. Первый, «этап роста», характеризовал собственно возникновение (точнее, возрождение) и нарастание массового отхода в малых городах европейской части страны. Второй, «этап экспансии», заключается в смещении источников отхода «вглубь» и «вширь».

Важнейшей особенностью первого этапа было быстрое обновление отходничества в малых городах, преимущественно в тех же областях, что и в имперские времена. Это процесс в середине 1990-х годов был инициирован действием двух факторов. Первый — это отсутствие рынка труда именно в малых городах вследствие «схлопывания» всякого производства в них, остановка и банкротство в начале 1990-х крупных и малых государственных предприятий, бывших в каждом малом городе и районе и исполнявших функции градообразующих предприятий. В советские годы это сильно снижало мобильность рабочей силы. Внезапное отсутствие работы и, соответственно, средств к жизни сразу у многих семей в малых городах и рабочих посёлках

усугублялось неразвитостью или даже полным отсутствием придомового подсобного хозяйства. Именно это безысходное положение городских семей, оставшихся без работы и не имеющих хозяйства, заставило людей спешно искать новые источники жизнеобеспечения, среди которых отхожий промысел с каждым годом — по мере развития рынка труда в областных и столичных городах — становился всё более массовым источником доходов.

Но если этот первый фактор явился движущей силой отхода, то второй — невозможность переселиться семье ближе к месту работы в силу общеизвестных особенностей нашей жилищной системы, именно привязка семей работников к государственным квартирам, которые нельзя было продать, а «разменять» на квартиру в другом регионе можно было только с большими трудностями, — явился как раз фактором, определившим специфику трудовой миграции в форме отходничества. Условием массового возрождения отходничества выступила нынче иная, чем прежде, форма «закрепощения» населения — «квартирная крепость», отсутствие массового арендного жилья и доступной ипотеки, ставшее препятствием для лёгкой и быстрой смены места жительства. Эта форма «крепости» и сейчас немало влияет на характер современного отходничества. Без «прикрепленности» к квартире современное отходничество не приобрело бы нынешних масштабов. Для большинства семей издержки переезда на новое постоянное место жительства оказались много выше издержек, связанных с хоть и длительной, но временной отлучкой члена семьи.

Так формировался первый этап развития современного отходничества: он был спонтанен, вызван нуждой, захватил преимущественно население малых городов, оказавшихся в «тисках» между крупным городом, где всегда имелись возможности заработка, и деревней, где всегда имелись источники самообеспечения продуктами питания. Ни того, ни другого у малого города не было в 1990-х годах. Надо отметить, что на этом первом этапе базу отходников составляли профессионалы: строители, плотники, столяры, водители, механики, инженеры — все те, кто, выходя на рынок самостоятельно, предлагал свои умения и продукты своего труда. К концу первого этапа

ХОЗЯЙСТВО

численность отходников всего за десятилетие возросла до 7–10 млн чел., что составило от 18 до 26 процентов всех мужчин трудоспособного возраста.

Второй этап – распространение отходничества «вглубь», из малого города в его сельскую округу, и «вширь» – распространение на восток страны, за Урал, в Сибирь. Кроме того, отход перестаёт быть исключительно мужским делом: в течение последнего десятилетия быстро возрастает доля женщин-отходниц. Новое направление развития отходничества складывается с начала 2010-х годов, протекает на наших глазах и характеризовался прежде всего быстрым смещением источника отхода из районного центра в сельскую округу. Вызвано это, по-видимому, экономической стабилизацией середины 2000-х годов, которая привела к тому, что во многих малых городах были восстановлены прежние предприятия и возникли новые. Помимо новых рабочих мест, вернувших часть отходников домой, в структуре занятости населения произошли и другие интересные изменения, в частности, связанные с «достраиванием вертикали власти до уездного уровня», начиная с марта 2004 г. В результате в районных центрах значительно увеличилось число «бюджетников», в том числе служащих регионального и федерального уровней государственной власти. Эти две причины – рост местного производства и развитие бюджетной сферы – худо-бедно, но стали способствовать снижению масштабов отходничества в малых городах, центрах местных обществ. Часть отходников, жителей районных центров, просто перешли в местную экономику. Но тропа уже была проторена, а рабочие места, оставленные в столицах отходниками из городов, заняли их подельники из деревень. Если раньше безработные мужчины из деревни искали заработка в своём районном центре, то теперь всё большее их число путями, указанными им их коллегами из райцентров, уезжают в большой город, в Москву и Подмоскovie, и там добывают средства для жизни. Мода на отходничество проникает всё глубже на периферию.

Несколько особняком стоит процесс сдвига отходничества на восток страны, который по времени шёл вслед за сдвигом отхода в сельскую местность на западе России, но не обусловлен

действием одних и тех же факторов. В имперские времена отходничество (за исключением гужевого извоза на дальние расстояния) было совершенно чуждо богатым и обеспеченным ресурсами сёлам и городам Сибири. (Хотя имеет место и иная точка зрения: напр.: [Ремнев, Суворова, 2010], но всё же основную численность отходников в Сибири составляли китайцы (см.: [Дятлов, Григоричев, 2013, с. 28–31, 168–192, 526–555].) Население Сибири, вплоть до 1930-х гг., не нуждалось в поиске дополнительных заработков, будучи немногочисленным, питаясь от плодородных земель и имея достаточные денежные средства от охоты, рыболовства, скотоводства, лесозаготовок, добычи драгоценных металлов и многих иных промыслов. После 1930-х годов про отходничество в Сибири никто и не знал, хотя именно сюда направлялись многие отряды лесозаготовителей-«вербованных» и строителей-«шабашников» из южных и западных республик страны. Нынче же факты явного отходничества открываются в Сибири повсеместно. Но структурно, насколько я могу судить, опираясь на мои наблюдения, отходничество в Сибири отличается от европейского следующими существенными деталями. Во-первых, не замечено сколь-нибудь массово население городов; в основном в отход идут жители рабочих посёлков и деревень. Правда, в последние годы в отхожие промыслы стали массово уходить жители монопрофильных поселений. Во-вторых, отходничество здесь как бы «смыкается» с вахтовой формой трудовой миграции. Люди нанимаются на стройки и предприятия, прииски и рудники, на рыболовецкие суда, откликаясь на официальные объявления. В отличие от вахтовых наборов, делают они это самостоятельно, и бригады комплектуют также своими силами, нередко вступая во взаимодействие с работодателем на уровне артели, а не отдельного работника.

Третьей важной особенностью второго этапа развития отходничества является возрастание доли женщин. Если в 1990-е годы женщины практически не шли в отход, то к середине 2010-х их численность стала резко расти. Отходницы – в основном женщины старших возрастов (40–50 лет и старше), вырастившие детей и имеющие возможность оставить семью на две недели, месяц или даже год, уезжают в столичные города. Зна-

ХОЗЯЙСТВО

чительная часть женщин заняты в сфере услуг (продавцы, торговки, уборщицы, домашняя прислуга, консьержки) или социального воспроизводства (медсёстры, няни, учителя). Однако всё больше они нанимаются и на фабрики, и заводы; возрастает поток женщин и на северные вахты.

Естественно, что современные отходники далеко не всегда сами предлагают продукты своего труда на рынке, как это было раньше, когда значительная часть отходников являлись кустарями, выходящими на рынок со своими изделиями. Содержание деятельности отходника изменилось по сравнению с имперскими временами: отходник стал больше наёмным работником, чем индивидуальным предпринимателем (кустарём). Основные виды занятий современных отходников весьма немногочисленны; опрос более полутора тысяч человек позволил нам зафиксировать не более полутора десятков видов деятельности [Плюснин и др., 2013], тогда как столетие назад в каждом крупном селе можно было насчитать до полусотни самых разных видов отхожих профессий [Владимирский, 1927]. Сейчас же это преимущественно строительство, транспорт, дальний извоз, бытовые услуги (различные виды коммунальных услуг, сопряжённые со строительством, уборка придомовых территорий), торговля (как лоточная на городских рынках, так и в супермаркетах). Популярен у отходников охранный «бизнес»: многочисленная армия охранников в офисах и на предприятиях крупных городов состоит почти исключительно из отходников. Найм на крупные предприятия для производства самых разных видов работ осуществляется организованными группами, бригадами, составленными из знакомых и родственников (артельный принцип). Как правило, такие бригады выполняют вспомогательные, чёрные виды работ. В большинстве своём трудоустройство неофициальное.

Характерной чертой второго этапа развития отходничества является его диверсификация по видам занятости. Среди отходников мы видим не только плотников-строителей или других квалифицированных работников, но и множество людей низкой квалификации или работающих на рабочих местах, не требующих квалификации. Значительно возросшая в крупных

городах потребность в рабочих руках в сфере услуг и социального воспроизводства привела сюда жителей провинции в качестве уборщиков и нянь, гувернанток и продавщиц, даже медицинских работников и учителей. В сфере услуг меньше отходников, занятых квалифицированным трудом. В разнообразных сегментах сферы услуг занято, возможно, более 5 млн человек. Реально же учесть численность этой разношёрстной когорты пока совершенно невозможно. По нашим весьма грубым оценкам, источниками которых являются данные о численности трудоспособного мужского населения российской провинции (около 20–23 млн человек) и выборочные данные о доле населения, не занятого в местной экономике (от 15 до 47 и более процентов), отходниками в России на 2015 год являлось около 10–15 млн чел. [Plusnin et al., 2015, p. 85–98]; сейчас, скорее всего, их больше (ведь Сибирь пошла в отход). Из примерно 44 миллионов мужчин трудоспособного возраста доля отходников составляет до трети от этого числа и более, т.е. и в наши дни, как и два-три века назад, отхожие промыслы – наиболее массовая форма занятости населения.

Значительная часть отходников не регистрирует свою деятельность, оказывает услуги, минуя государство. Плоды их труда государство не вкушает. Их перемещения по городам и регионам не могут быть прослежены. Они неконтролируемы, не «прописаны». Если же исходить из нашего предположения, что едва ли не $\frac{2}{5}$ всех российских семей участвуют в отхожих промыслах [Plusnin et al., 2015, p. 92–94], то объём «невидимой» для государства (и потому «теневой») производящей деятельности такой массы людей представляется огромным, и это фиксируется многими социологическими и экономическими исследованиями [Радаев, 1999; Барсукова, 2003а, 2004, 2015; Barsukova, Radaev, 2012; Гимпельзон, Капелюшников, 2006; 2014]. Но едва ли нужен государству этот «огромный невидимка». Он, почти исключённый из социальных государственных программ, находящийся вне государственного контроля экономики, исключён и из политической деятельности. Хотя отходники и участвуют в «электоральном процессе», они по большому счёту не интересны власти федеральной, как не важные по-

литические субъекты. Отходник слишком в стороне и от местной власти. Однако преимущественно наёмный и неформальный характер отходнических промыслов и отсутствие государственных социальных гарантий для подавляющего большинства отходников переводят их в статус «прекариата». Этому «новому классу» снова есть за что бороться. Поэтому не следует недооценивать значение отходников в размывании солидарной целостности многих местных обществ. Отходники в каком-то смысле поневоле становятся дезинтеграторами процессов естественной самоорганизации общества. Своим образом жизни, деятельностью, протекающей вне местного общества, вследствие начавшегося процесса постепенного вытеснения их на обочину местной жизни, отходники и их семьи всё в большей степени становятся обитателями крупного города, а не своего городка и села. В результате нынешнее провинциальное местное общество уже не то, что было даже в поздние советские годы: внедрившиеся массовые новые группы «не-своих» и группы «своих», ныне оттесняемых на край местной жизни, начинают со всё большей настойчивостью диктовать местному обществу иные представления о «правильном» и «должном».

Отходники, таким образом, становятся новым фактором общественной жизни, действующим повсеместно, но локально. Но существование отходничества как факта социальной жизни страны заставляет обсуждать не только экономические, но социальные и политические последствия, могущие или уже проистекающие из него. Одно из важнейших следствий развития экономической активности в форме необычной до совсем недавнего времени, тем не менее традиционной является формирование новой социально-профессиональной группы, которую, вслед за некоторыми социологами и экономистами, можно диагностировать в качестве нового класса – прекариата (см.: [Стэндинг, 2014; Tikhonova, 2019; Manning et al., 2019; Тихонова, 2019; Тощенко, 2019]), о чём и я специально писал ранее [Плюснин, 2016]. Но важной российской особенностью является то, что экономическая предприимчивость прекариата-отходников стеснена и государственной, и местной властью, а общественно-политическая инициатива полностью подавлена самим образом их жизни.

Между тем отходники обладают достаточно высоким потенциалом политической активности, особенно самостоятельные предприниматели. Но препятствием реализации высокого потенциала выступает низкий общественно-политический статус этих людей. А высокий потенциал всегда требует разрядки. И своеобразной «разрядки» нужно будет ожидать от таких людей. В каких сферах и как могут проявить себя эти люди? Не станут ли нынешние отходники вновь главным деструктивным фактором общественной жизни в случае необходимости её изменений, как это уже произошло всего столетие назад [Shanin, 1972; 1986]?

5.3.5. ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Неформальная экономическая активность людей, объединяемая термином «домашние промыслы», очень многообразна прежде всего из-за множества используемых и привлекаемых ресурсов, а также из-за разнообразия видов производимых продуктов. Она, как известно, существует повсеместно, местами едва заметная, местами же всеподавляющая [Schneider, 2005; 2012; Williams 2009; Ledeneva, 2018]. Промыслы ведутся на базе отдельных домохозяйств и на исторически закреплённой и контролируемой территории местного общества — это и является причиной объединения столь многих видов хозяйственной активности людей в одну группу. Абсолютное большинство домашних промыслов неформальны и реализуются домохозяйством в целом, что в значительной степени снимает вопрос структуры социальной группы, вовлечённой в такую деятельность. Важными общими особенностями домашних промыслов являются развитая родственная и соседская кооперация, продолжительность и массовость занятий населения такими практиками. Большинство таких промыслов крайне редко легализуются [Cherupenko, 2018]. Но важно, что они всегда локально легитимны — население не осуждает криминальные промысловые практики, напротив, массово поддерживает их [Schneider, 2005; Радаев, 2013; Гимпельсон, Капелюшников, 2014]. Промыслы

ХОЗЯЙСТВО

приносят значительные доходы, нередко многократно превышающие официальные [Ledeneva, 2018]. Но часто доходы имеют неденежные формы [Scott, 1999; Барсукова, 2004; Barsukova, Radaev, 2012]. Промыслы разнообразны и многообразны: отдельные соседние поселения в одном местном обществе могут очень сильно различаться по характеру промысловых практик в зависимости от ближайших доступных ресурсов. Напротив, местные общества из разных, нередко очень удалённых друг от друга регионов могут иметь значительное сходство по составу промыслов. Имеют место, таким образом, вполне типичные «гомологические ряды».

Распространённость неформальных экономических практик значительна — в каждом поселении можно выявить от двух до трёх-четырёх десятков разных видов промыслов. При этом в каждом местном обществе фиксировалось не менее 20 и не более 80 отдельных видов промысловых практик (в сумме для нескольких или для всех поселений). Хотя повсеместно наблюдается значительная вариация распространённости и неформальности. Часть промыслов регистрируется официально, особенно промыслов, связанных с гостиничным бизнесом, услугами для отдыхающих и туристов, т.е. использующих человеческие ресурсы. Но одновременно те же виды промыслов широко представлены и неформально. Есть отдельные виды промыслов, даже использующие природные ресурсы, которые существуют только в формальном поле. Это такие, которые никак не спрячешь от фискальных органов, поскольку они на виду: например, фермы марикультур, рыборазводные хозяйства, лесопилки. Однако даже и в этом случае формальное поле представлено лишь частично. В статистической отчётности предпринимателей «показывается» от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ и не более добываемой продукции или предоставленных услуг, остальная же часть, бо́льшая, уходит на местный, региональный и даже на международный рынок нелегально.

Промыслы имеют преимущественно или исключительно неформальный характер (таковы 96 из 135 выявленных, т.е. до $\frac{3}{4}$). Таковы преимущественно промыслы на основе природных и хозяйственных ресурсов. Наоборот, «промыслы на государ-

стве» по определению все находятся в формальном поле, хотя и являются незаконными (подробнее о таких промыслах см. на стр. NN). Редкие промыслы (например, незаконная добыча золота, плантации женьшеня, торговля самодельным бензином, аферы с банковскими кредитами) или промыслы, описанные для единичных домохозяйств (например, предоставление эзотерических услуг, религиозные практики на дому, нищенство), зафиксированы в чуть более $\frac{1}{4}$ обществ (28%). До половины из всех выявленных видов промыслов (42%) являются специфическими, но достаточно распространёнными — представлены хотя бы в $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{2}$ обществ. В общей же сумме редкие и специфические виды промыслов, которые имеют место либо на юге, либо только на севере, либо в Сибири или только на западе страны, составляют в сумме почти $\frac{3}{4}$ (70%) в промысловом пуле населения. В центральной России таких практик немного, преобладают наиболее распространённые практики. Это есть свидетельство как разнообразия экономических практик, так и значительных эколого-географических и климатических различий нашей территории. В то же время до четверти всех видов промыслов (24%) являются широко распространёнными и представлены в большинстве обществ. Они повсеместны. Больше всего таких промыслов основываются на инфраструктурных ресурсах, меньше всего — на человеческих. Их нет совсем среди «промыслов на государстве» — всё же незаконная и криминальная активность хотя и повсеместна, но не распространена. Наконец, массовые промыслы, имеющиеся практически во всех обществах и в большинстве домохозяйств, представлены менее всего — меньше 6 процентов видов. Мы зафиксировали всего 7 видов промыслов, которые имеют место почти во всех провинциальных обществах, почти во всех поселениях, а в них — в подавляющем большинстве домохозяйств. Из промыслов на природных ресурсах это есть единственно сбор ягод в лесу и на лугах. Из промыслов на основе хозяйственных ресурсов это есть три вида: выращивание овощей и картофеля, а также консервация продукции своего огорода и сада. Из промыслов на основе инфраструктурных ресурсов это есть извоз (такси) и торговля в магазинах. Промышление на человеческих ресурсах есть только отходниче-

ХОЗЯЙСТВО

ство, действительно массовый и повсеместный вид экономической практики. Обобщая полученную таким образом картину массовых видов промыслов, можно было бы сказать, что всё население провинциальной России поголовно зимой ездит в отход в поисках источников дохода вне дома, а возвращаясь к лету домой, выращивает картофель и овощи, собирает ягоды по лесам и лугам и консервирует всё это на следующий год. Самодостаточность, основанная на самодеятельности.

Выявленное разнообразие промыслов населения следует рассматривать, во-первых, как результат изобилия ресурсов разной природы на большинстве территорий – одновременно и природных, и традиционных сельскохозяйственных, и новых, вызванных туристическим, инфраструктурным и промышленным развитием. Во-вторых, такое разнообразие есть признак устойчивости местного общества: чем разнообразнее промысловая активность населения, основывающаяся на ресурсах разной природы, тем вероятнее лёгкость перехода домохозяйств от одного основного вида промыслов к другому без смены источника ресурсов. Например, если ведущими видами промыслов в местном сообществе являются рыболовство, виноградарство, мясо-молочное производство и предоставление гостиничных услуг отдыхающим, то утрата этого последнего ресурса в результате исчезновения потока туристов не заставит домохозяйства прибегнуть к такому «спасительному» промыслу, как отходничество, но если «в загашнике» местного общества не имелось ничего другого, кроме гостиничного промысла, то, вероятнее всего, при угрозе его утраты люди вынуждены будут уйти в отход скорее, нежели начать разводить скот или отправиться на рыбалку для жизнеобеспечения семьи.

Описание всего многообразия промысловых практик осуществляется мною на двух основаниях: (1) ресурсы, используемые для получения дохода от промысла и (2) традиционность конкретной экономической деятельности, позволяющая дифференцировать промыслы на архаические и современные.

В характеристику ресурса входит наименование вида ресурса (сырья для обеспечения деятельности), его доступность для населения, трудоёмкость и сезонность его добычи, а также спо-

соб добычи. В результате возможно комплексное описание ресурсов как источников промыслов. Исходя только из требований очевидности и удобства (т.е. критериев вообще внешних для классификации) можно предложить такое подразделение ресурсов: (1) природные, изымаемые из естественной среды, (2) хозяйственные, производимые на подворье (в домохозяйстве), (3) инфраструктурные (транспортная, селитебная и коммунальная структура как ресурс), (4) человеческие (люди как ресурс), (5) социальные (государство как ресурс). Однако для конкретной промысловой практики нельзя выделить только один источник ресурса в чистом виде. Почти каждая практика требует не одного вида ресурса, а нескольких. Тем не менее имеет смысл дифференцировать промыслы именно по основному используемому виду ресурса; остальные виды ресурсов следует рассматривать как вспомогательные, хотя и необходимые.

Прежде всего с очевидностью выделяются ресурсы «естественные», традиционно используемые людьми – природные и хозяйственные. Первые добываются непосредственно «из природы», вторые являются производными от переработки природных ресурсов в домохозяйстве, «на подворье». Часть хозяйственных ресурсов производится на огороде и на скотном дворе, поэтому в некотором смысле трудно различить природные и хозяйственные ресурсы. В силу этого при выборе ресурса в качестве основного для конкретного промысла акцент делается на доступности, трудоёмкости, характере переработки сырья и особенностях его переработки. В случае природных ресурсов они могут использоваться непосредственно, без переработки или с минимальной переработкой. В случае же хозяйственных ресурсов выращивание и переработка на подворье являются основным и наиболее трудоёмким компонентом. Мне представляется важным обратить внимание на существенный момент, относящийся до природных ресурсов: в России они есть в основном ресурсы «леса-тайги» и «морья-реки». Эти ресурсы очень широко используются населением. Государство не может контролировать достаточно или не контролирует совсем утилизацию этих ресурсов населением (см: [Plusnin et al. 2015, p. 112–115]). В этом – в возможности насе-

ления использовать для собственного жизнеобеспечения природные ресурсы бесконтрольно со стороны государства — состоит одна из многих важных и уникальных особенностей России, отличающая её от всех стран Европы и от подавляющего большинства других.

Ресурсы инфраструктурные «возникают» тогда, когда промыслы используют транспортную, коммунальную, селитебную и производственную инфраструктуру территории в качестве базисного ресурса. Они также тесно пересекаются с природными ресурсами, которыми, в случае наличия инфраструктуры, например, становятся нейтральные до того момента свойства ландшафта. Используя инфраструктуру территории как ресурс для промысловой деятельности, местное население может изымать финансовые средства и из потока туристов, и из просто проезжающих людей. Поэтому инфраструктурные ресурсы актуализируют и хозяйственные ресурсы: люди начинают производить сельской продукции больше, чем необходимо для собственных потребностей, и выносят её на продажу. Но именно в этом случае одновременно появляется и новый вид ресурса — людской. Большая масса туристов, отдыхающих или проезжих людей становятся источником для разнообразных услуг. Сами такие услуги возможны только в случае, если есть инфраструктура. Не люди как таковые являются ресурсом, а значительный людской поток, протекающий сквозь территорию и местами замедляющий своё движение на ней. Этот поток и представляет собой ресурс для промысловой активности населения.

Государство как ресурс приобретает значение тогда, когда люди используют его социальную политику в качестве источника неформального, обычно криминального, дохода. Так, получение незаконных пособий или льгот, таких как пенсия по фиктивной инвалидности или на давно умершего родственника, получение материнского капитала на нерождённых детей — подобные практики я называю «промыслами на государстве», которое в данном случае выступает источником дохода. Сами такие промыслы провоцируются социальной политикой государства, предлагающей те или иные пособия и льготы определённым

ным категориям населения⁴⁰. Собственно криминальный промысел возникает тогда, когда эти льготы и пособия начинают получать люди, не относящиеся к указанным категориям, но фиктивно записавшиеся в них. Массовость «промыслов на государстве» делает их существенным подспорьем для некоторых местных обществ. В отношении сочетания разных видов ресурсов, как источника конкретной промысловой практики, государство как ресурс в некотором отношении стоит особняком — для его использования нередко не нужны никакие другие виды ресурсов. Поэтому использование людьми этого вида ресурсов в своих экономических практиках превращает их в узкоспециализированных «промышляющих», что чревато негативными последствиями для домохозяйства.

Сезонность привлечения ресурсов имеет важное значение в отношении первых трёх видов: природных, хозяйственных и людских ресурсов, и не имеет значения для инфраструктурных и социальных. Но если сезонность природных и хозяйственных ресурсов перекрывается в течение годового цикла (летом и зимой население использует разные и природные, и хозяйственные ресурсы, но без потерь переходя от одного к другому), то сезонность использования человеческого ресурса почти всегда крайне неравномерна и в российских условиях становится невозможной зимой при явном избытке летом, что создаёт перекосы в равномерности поступления доходов от промыслов. Трудоёмкость добычи имеет градиент от наиболее трудоёмких природных и хозяйственных к наименее трудоёмким остальным трём видам. Поэтому при любой появляющейся возможности промыслы переориентируются на менее трудоёмкие. Это приводит к специфическим последствиям для местного общества.

⁴⁰ Почти все зафиксированные мной так называемые «промыслы на государстве» формально законны. Например, самый последний по времени (июнь 2021 года) сюжет, безусловно провоцирующий такой промысел — это появление нового вида государственных услуг: назначение выплат при поствакцинальных осложнениях, инициированных задачами массовой вакцинации от коронавируса, но могущие быть распространёнными на любые виды вакцинаций. Скоро мы обнаружим огромное количество людей с такими осложнениями, подобно несуразному количеству инвалидов в нашей стране.

ХОЗЯЙСТВО

Местные общества существенно различаются по количеству видов промысловых практик и по соотношению количества архаических (традиционных) и современных практик. Промыслы, которыми занимается население в течение нескольких и многих поколений, могут считаться традиционными, а промыслы, появившиеся уже на памяти ныне живущих людей, могут считаться новыми для конкретного местного общества. Таковыми, однако, могут стать и древние экономические практики, недавно перенесённые на местную почву в качестве промыслов, новых для населения. Более того, общество может сохранять рудименты или активно развивать и наиболее древние, архаические промыслы, которые воспроизводят архаические формы не только по виду экономической активности, но и по применяемым технологиям и техникам. Поэтому их в полной мере можно назвать «архаическими». Такие отработанные веками виды промыслов следует рассматривать как в высокой степени адаптивные и эффективные экономические практики, безусловно, независимые от переменчивых социально-экономических и политических условий.

Архаические промыслы являются древнейшими, возникли они с незапамятных времён. Здесь преимущественно используются общедоступные, но сезонные и трудоёмкие природные и хозяйственные ресурсы. В существенно меньшей степени используются людские ресурсы. Обычно не используются инфраструктурные и социальные ресурсы. Такие виды промыслов присущи всем без исключения обществам, но их представленность (развитость и массовость промысловых практик) очень сильно варьирует от общества к обществу. Как правило, архаические промыслы доминируют в изолированных обществах, но их мало или нет совсем в «турбулентных».

Продолжительность существования архаических промыслов составляет, вероятно, основную причину того, что в сознании населения они воспринимаются в качестве естественных условий жизни, образуют сферу нерелефлексированных представлений. Эти практики поддержания базовых составляющих жизнеобеспечения (спасение от голода и холода) исчисляются тысячелетиями, население всегда и до сих пор вынуждено исполь-

зовать их и потому рассматривает таковые промыслы не как промыслы, а как незаменимые и неизменные, «от века и навсегда» существующие практики бытования. Их ничем не заменить. Очень близки к архаическим промыслам такие виды, которые можно назвать традиционными в том смысле, что они существуют более века и на памяти ныне живущих людей имеют место «ещё с дедовских времён». Поскольку повседневная общественная память далее, чем на один век, не простирается, то и традиционные промыслы воспринимаются людьми аналогично архаическим, даже если они и используются в конкретном обществе не дольше одного-двух веков.

Иная ситуация с выделением современных промысловых практик. Как правило, исследователю хорошо известно, является ли тот или иной промысел современным, по двум причинам. Во-первых, про это знают сами жители, поскольку новая практика появилась на памяти всего одного-двух, максимум трёх поколений. Во-вторых, в современных промыслах редко или никогда не используются природные ресурсы и довольно редко — хозяйственные ресурсы, а используются преимущественно остальные три вида ресурсов, в отношении которых хорошо известна история их возникновения на конкретной территории. Современные виды промыслов гораздо менее трудоёмки по сравнению с архаическими, поэтому при развитой транспортной, селитебной и коммунальной инфраструктуре и при наличии благоприятных ландшафтных особенностей территории население массово перестраивается на них, забрасывая более трудозатратные архаические виды промыслов. Одновременно с тем новые виды промыслов могут являться неустановившимися, не вполне сформировавшимися. Они могут быть эффективны на коротком временном интервале и зависеть от внешних (особенно внеэкономических) обстоятельств. Изменение этих обстоятельств и условий развития промыслов вынуждают население отказываться от такого нового вида деятельности с большей лёгкостью, т.к. инновационный для общества вид промысла ещё не опробован в достаточной степени, не получил распространения, не показал своей эффективности в глазах местного общества. Поэтому число новых видов промыслов не может

быть велико, они единичны и скоротечны. Далеко не всегда они могут быть и зафиксированы, поскольку в памяти населения если и остаются, то лишь как неудачные опыты.

Иными словами, промысел определяется мною как новый, если он имеет новый рынок, приобрёл совершенно иное, чем раньше, содержание (новый рынок и новый вид услуги) или фактически не существовал в прежние годы. Напротив, к традиционным и архаическим видам промыслов отнесены такие, которые ни по форме, ни по существу не менялись на протяжении очень длительного времени и всегда составляли более или менее важную часть системы жизнеобеспечения значительного числа домохозяйств в местных обществах. Однако следует признать, что несмотря на формальную обоснованность таких разграничений, субъективный компонент всё же остаётся весьма значительным. К категории архаических и традиционных промыслов я отнёс 84 вида выявленных экономических практик (62%), а к категории современных — почти вдвое меньше, всего 51 вид (38%). Основные причины таких количественных различий я вижу в том, что домашние промыслы акцентированы на домохозяйства, а их экономические практики являются по преимуществу неформальными. Мы не фиксировали множество видов экономической активности, представленной исключительно или преимущественно экономическими субъектами. Среди них немало инновационных для территории экономических практик.

5.4. МЕСТНАЯ ЭКОНОМИКА И ПРОМЫСЛЫ В СООБЩЕСТВАХ РАЗНОГО ТИПА

В рамках исследования социально-экономической структуры местных обществ мне представляется необходимым обобщённо описать особенности местной экономики и неформальных хозяйственных практик в разрезе типологических различий. В качестве иллюстрации я привожу один-два примера организации хозяйственной жизни в конкретных сообществах.

5.4.1. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТНОЙ ЭКОНОМИКИ В РАЗНЫХ ТИПАХ СООБЩЕСТВ

Если сопоставлять формальную местную экономику с многообразием промысловых практик домохозяйств в одном и том же сообществе, то она обладает малым количеством выразительных структурных особенностей. Тем не менее они имеют место и могут быть объяснены. Как и следует ожидать, наибольшие различия между полярными типами обществ – изолированными естественного развития, с одной стороны, и «турбулентными» принудительного развития, с другой. Четыре других типа, объединённых попарно по характеру развития, естественного либо принудительного, по всем показателям занимают промежуточное положение.

В изолированных сообществах естественного развития значительная, наибольшая из всех типов сообществ, доля трудоспособного населения находится вне местной экономики. Она достигает 40–50 процентов. Эти люди либо заняты исключительно домашними промыслами на своей территории, либо находятся вне территории своего проживания, в отхожих промыслах (на вахтах). Из занятых в местной экономике 50–60 процентов трудоспособных наибольшую долю составляют «бюджетники» (в среднем 45%, разброс от 40 до 60%). В материальном производстве – ещё около 40 процентов, а в сфере услуг – менее 20 процентов. Такое соотношение работников по сферам занятости в сообществах этого типа объясняется их изоляцией, отсутствием рынка труда и очень большим значением природных ресурсов и личного подсобного хозяйства в жизнеобеспечении семей. Соответствует такому положению и организационная структура местной экономики. Здесь нет крупных предприятий вообще; мало средних (около пяти на 10 000 жителей, в малонаселённых сообществах – не более одного-двух, в средних по численности – от пяти до десяти). Но и предприятий малого бизнеса очень немного, в среднем не более 25 на 10 000 жителей. Поскольку многие такие сообщества имеют численность населения ниже указанных десяти

ХОЗЯЙСТВО

тысяч, а некоторые состоят всего лишь из одной-двух общин, то количество предприятий исчисляются единицами. Наименьшее количество здесь и зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, не более 350 на 10 000 жителей, или примерно один предприниматель на каждые десять домохозяйств. Есть сообщества, где количество зарегистрированных предпринимателей не достигает и десятка человек. Объяснение простое: значительное количество людей не регистрируют свой бизнес, работают «в тени», это и является основной причиной низких показателей организованной предпринимательской деятельности.

Более всего отличаются от сообществ этого типа по всем показателям «турбулентные» местные общества принудительного развития. В таких сообществах велика доля трудоспособного населения, занятого в местной экономике: $\frac{3}{4}$ и более, что почти соответствует современному уровню занятости населения в средних и крупных городах. Примерно в таком же соотношении находятся и доли работников, занятых в разных сферах экономики: «бюджетников» не более 20 процентов, около 40 процентов в сфере материального производства, не менее 30 процентов в сфере слуг. Количество предприятий крупного и среднего бизнеса, зарегистрированных на территории муниципального района или округа, при средней численности населения в 30 000 человек составляет в среднем 120 предприятий на 10 000 жителей. Обычно на территории сообщества располагаются одно-два очень крупных (градообразующих) предприятий и до 50 крупных. Средний и малый бизнес представлены 300–400 предприятиями. Большинство населения заняты именно на этих предприятиях. В то же время велика доля и зарегистрированных индивидуальных предпринимателей: 500–600 на каждые 10 000 жителей, что в полтора-два раза выше, чем в изолированных обществах. Здесь предпринимательство в гораздо большей степени находится «на свету».

Промежуточные типы обществ занимают по всем показателям промежуточное же положение между указанными полярными типами. Здесь основные различия обусловлены, с одной стороны, фактором изоляции, но с другой — зависимостью от

внешних экономических воздействий. По занятости в местной экономике и доле работников в разных сферах изолированные и «ординарные» сообщества принудительного развития схожи с «турбулентными» принудительными сообществами, но по структуре и количеству предприятий с разной численностью работников — с изолированными естественными сообществами. По-видимому, это связано с тем, что именно эти сообщества принудительного развития сильнее всего пострадали от развала экономики в 1990-х годах. «Ординарные» и «турбулентные» сообщества естественного развития по долям занятых в местной экономике и по количеству и составу предприятий ближе к типу «турбулентных» принудительных сообществ, а по составу работников в разных сферах экономики отличаются от всех остальных типов сообществ наиболее высокой долей занятых в материальном производстве (50–60%) и очень низкой долей в сфере услуг (в среднем 15%); доля «бюджетников» составляет здесь около 35 процентов. Сообщества этих промежуточных типов более всего сохранили структуру занятости советского времени.

5.4.2. ПРОМЫСЛОВЫЕ ПРАКТИКИ

ДОМОХОЗЯЙСТВ В РАЗНЫХ ТИПАХ СООБЩЕСТВ

Типологические различия между обществами в сфере неформальной экономики велики. Но необходимо уточнить, что в каждом из шести установленных типов местных обществ представлены почти все виды экономической активности. Однако в одних обществах они манифестируются, в других депрессивны или рудиментарны, в третьих же такие промыслы отсутствуют. Именно такую диспропорцию видов экономической активности и необходимо обсудить в контексте типологии локальных обществ. В табл. 10 я привожу мои оценки выраженности (представленности) каждого из видов экономической активности, описываемых в предыдущих параграфах, в каждом из шести типов локальных сообществ.

ТАБЛИЦА 10

Представленность отдельных видов неформальной экономики в разных типах обществ (выраженность в долях единицы, от 0 до 1; пояснения в тексте ниже)

Тип местного общества, количество наблюдений	Доля населения вне местной экономики, %	Гаражи	«Рассеянные мануфактуры»	Отходы	Домашние промыслы
Изолированное естественного развития, n = 26	44	0,2	0	0,9	1,0
Изолированное принудительного развития, n = 15	38	0,4	0	0,6	0,8
«Ординарное» естественного развития, n = 45	34	0,3	0,1	0,5	0,5
«Ординарное» принудительного развития, n = 21	42	0,6	0,1	0,5	0,6
«Турбулентное» естественного развития, n = 18	33	0,8	0,1	0,3	1,0
«Турбулентное» принудительного развития, n = 17	24	0,7	0	0,2	0,4

Как получены эти оценки? Я проанализировал все 142 местных общества основного списка и дал оценку степени выраженности неформальных экономических практик относительно некоего субъективного среднего уровня, какой я имею

в моём представлении, основанном, конечно, на эмпирических данных. Особенности развития официальной местной экономики можно получить, кроме непосредственного наблюдения, на базе анализа данных муниципальной отчётности, которая представлена на официальных сайтах администраций районов и городских округов⁴¹. Экспертные оценки сделаны для каждого сегмента экономики в каждом обществе и усреднены по типам обществ. Они представлены в виде долей от единицы. Средние значения соответствуют 0,5–0,6. Значению 1,0 соответствует массовость конкретного вида экономических практик во всех без исключения местных обществах одного типа. Значение 0 означает отсутствие этого вида практики во всех обследованных обществах конкретного типа, но такое зафиксировано только для «рассеянных мануфактур». В таблице указана также доля в процентах трудоспособного населения, не занятого в местной экономике, по данным муниципальной отчётности. Это либо различные категории неработающего населения (например, женщины-домохозяйки или социально незащищённые «деклассированные»), либо (в большинстве своём) незарегистрированные самозанятые в разного рода домашних промыслах или отходники, уехавшие на работы в другие регионы страны. Кроме того, в качестве иллюстраций типологических особенностей местной экономики я выбрал по несколько локальных сообществ в каждом из шести типов.

Беглый взгляд на таблицу показывает, что имеют место существенные различия между всеми типами обществ, кроме «ординарных» естественного и принудительного развития — структура их экономик практически одинакова по всем выделенным показателям: как по данным муниципальной официальной отчётности, так и по экспертным оценкам, полученным по результатам непосредственных наблюдений. Это, впрочем, объяснимо, поскольку и основания для дифферен-

⁴¹ К большому сожалению, эту информацию приходится разыскивать и «вычерпывать» со значительными затратами времени, поскольку она «упрятана» в поток ненужной «отчётной цифири», а многие необходимые показатели просто отсутствуют.

циации «ординарных» обществ на естественно или принудительно развивающиеся не столь чёткие, как в случае изолированных и «турбулентных» обществ.

Различия между обществами по видам ресурсов или по архаичности/современности промыслов во многом обусловлены типом местного общества, прежде всего степенью его пространственной изоляции. Изолированные и «ординарные» общества отличны от «турбулентных» по всем признакам, характеризующим ресурсы, за исключением сезонности привлечения и использования того или иного вида ресурса. Доступность природных, хозяйственных и социальных (государственных) ресурсов для населения изолированных и «ординарных» обществ обычно выше, чем для населения «турбулентных» обществ. Но для населения «турбулентных» обществ гораздо выше доступность инфраструктурных ресурсов, что очевидно. В этом отношении местные общества, относимые мною к разным типам по характеру развития и изолированности, используют разные виды ресурсов для жизнеобеспечения и занимают как бы разные и несмежные «экономические ниши», аналогично нишам экологическим. Ниже, в табл. 11, представлены оценки доступности ресурсов разного вида для населения разных типов местных обществ, полученные на основе непосредственных наблюдений. Природные ресурсы максимально доступны только всем изолированным обществам. Остальным типам обществ они доступны в средней или малой мере. То же относится к хозяйственным ресурсам, но при этом они более доступны обществам естественного развития по сравнению с обществами принудительного развития. Доступность же инфраструктурных ресурсов отрицательно коррелирует с пространственной изоляцией. Человеческие ресурсы вообще довольно редки, они появляются только в курортных районах на юге страны и в туристически привлекательных и доступных для массового посещения местностях — тех и других в России немного. Наименьшая доступность к людским ресурсам поэтому у населения «ординарных» и изолированных обществ. Именно население изолированных обществ ис-

пользует государство как компенсацию в качестве ресурса в наибольшей мере, в остальных типах обществ это обычная, но не широко распространённая практика.

ТАБЛИЦА 11

Доступность ресурсов, используемых в промыслах населения разных типов обществ

Вид ресурсов Тип общества	Природные	Хозяйственные	Инфраструктурные	Человеческие	Социальные
Изолированное естественное, n = 26	24 0,9	25 1,0	0 0,0	5 0,2	24 0,9
Изолированное принудительное, n = 15	14 0,9	8 0,6	2 0,1	6 0,4	13 0,9
«Ординарное» естественное, n = 45	21 0,5	34 0,8	19 0,4	9 0,2	25 0,6
«Ординарное» принудительное, n = 21	12 0,6	11 0,5	16 0,8	3 0,1	11 0,5
«Турбулентное» естественное, n = 18	5 0,3	12 0,7	17 1,0	6 0,4	8 0,4
«Турбулентное» принудительное, n = 17	8 0,5	10 0,6	14 0,8	5 0,3	9 0,5

Примечание: верхнее число есть абсолютное количество обществ каждого типа, население которых имеет массовую доступность к конкретному виду ресурса; нижнее — доля обществ от общего количества в каждом типе обществ.

5.4.3. ПРИМЕРЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРОМЫСЛОВЫХ ПРАКТИК В СООБЩЕСТВАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

5.4.3.1. ПРОСТРАНСТВЕННО ИЗОЛИРОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В качестве характерного примера структуры экономики в этом типе обществ я выбрал изолированные естественного развития местные общества севера и юга Европейской России (Кологрив в Костроме и Гергебиль в Дагестане) и в Сибири (Качуг в Иркутске). Все они имеют небольшую численность населения, обычную для этого типа изолированных сообществ – от 6 тысяч в Кологриве до 17 тысяч в Качуге и до 20 тысяч в Гергебиле. Доля трудоспособного населения есть везде менее половины (43–47%), что обусловлено вышеуказанными причинами. В местной экономике занято лишь от половины (в Качуге) до двух третей (в Кологриве и Гергебиле) всего трудоспособного населения (если же считать относительно всего экономически активного населения, численность которого больше численности трудоспособного, то доля занятых в местной экономике снизится во всех обществах до $\frac{1}{2}$). Соответственно, в изолированных обществах от трети до половины всех трудоспособных, в основном мужчин, находится либо в отхожих промыслах в крупных городах и промышленных центрах, либо на промыслах природных ресурсов в окрестной тайге, горах.

Население, официально занятое в местной экономике, очень неравномерно распределено по отдельным сферам. Основу занятости составляет бюджетная сфера (образование, здравоохранение, культура, спорт, государственное и муниципальное управление, безопасность) – это половина всех занятых (52–54%). Сильно варьирует от общества к обществу заня-

тость в материальном производстве и сфере услуг (это характерно не только для трёх описываемых обществ). Сфера материального производства (сельское и лесное хозяйство, промышленность, строительство, генерация энергии, транспорт и связь) составляет в одном случае $\frac{2}{3}$ занятых (Гергебиль, за счёт развитого сельского хозяйства), во втором — $\frac{2}{5}$ (Кологрив, лесное хозяйство) и в третьем случае — всего $\frac{1}{6}$ (Качуг, вследствие значительного количества исправительных колоний на территории района). Повсеместно слабо развита сфера услуг и составляет от $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{10}$ (в Гергебиле) всех занятых. Причина в том, что большая часть услуг — это прежде всего торговля и предоставление бытовых услуг, которые во многих случаях осуществляются на дому. Очень мало или нет услуг питания, гостиничных, многих бытовых. Совсем мало информационных и финансовых услуг. Обычно нет крупных предприятий или оно в единственном экземпляре. В каждом районе действуют не более десятка предприятий среднего бизнеса (в Гергебиле и Качуге только по три таких). Количество официально зарегистрированных предприятий малого бизнеса столь же мало. А количество микропредприятий и индивидуальных предпринимателей сильно различается по причинам разного характера основной экономической деятельности населения. В Гергебиле много предпринимателей заняты в сельском хозяйстве, в Кологриве — в лесном хозяйстве. В том и другом случаях их доля в пересчёте на 1 000 трудоспособного населения составляет более 40. Наоборот, в Качуге численность зарегистрированных индивидуальных предпринимателей непропорционально мала (всего 9,3 на 1 000 трудоспособных), что почти всегда свидетельствует о том, что большинство таких предпринимателей действуют «в тени».

Распределение экономически активного населения по видам неформальной экономики в обществах этого типа специфично и близко к тому, что наблюдается в сельской местности. Все без исключения домохозяйства ведут промысел либо на природных ресурсах (в случае Кологрива и Качуга — тайги и реки), либо большинство домохозяйств имеют личное подсобное хозяйство, достаточное для автономного жизнеобеспе-

чения (что особенно характерно для южных обществ, в частности Гергебиля). Третий источник дохода во всех обществах — отходничество, массовая трудовая возвратная миграция либо в ближайшие крупные города региона, либо дальше — на «севера», в промышленные центры Крайнего Севера и Сибири. «Гаражной экономики» и «рассеянных мануфактур» в таких обществах нет. В целом значительная доля доходов домохозяйств есть неформальные домашние, теневые и криминальные промыслы. По моим оценкам, неформальные доходы в два-три раза превосходят официальные; отдельные домохозяйства в таких обществах имеют соотношение официальных и неформальных доходов от 1: 10 до 1: 100 и более⁴².

5.4.3.2. ПРОСТРАНСТВЕННО ИЗОЛИРОВАННЫЕ СООБЩЕСТВА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В качестве примера рассмотрю особенности экономики в нескольких обществах Крайнего Севера и юга Сибири, где такие общества обычны. Выразительное своеобразие показывает арктическое общество Анабар (Якутия, крайний север Восточной Сибири), где небольшое по численности население (около 3 400 человек), представленное в основном народами Крайнего Севера, долганами и эвенками, сконцентрировано всего в двух поселениях. Основу местной экономики составляет оленеводство и морское рыболовство, где заняты, однако, менее 5 процентов трудоспособного населения. Вся же остальная сфера материального производства — это ещё 10 процентов — государственные предприятия по обеспечению населения электричеством, газом (тепло), водой, связью и транспортом (ави-

⁴² Например, промыслы на лесных ресурсах в Кологриве и Качуге (древесина, дрова, дикоросы) или на сельскохозяйственных культурах в Гергебиле (фруктовые сады, овцеводство) могут приносить в год до \$40 000 и свыше \$100 000 (от 2,5 до 6 млн руб. и более), тогда как официальный денежный доход семьи с двумя работающими членами составляет в год всего \$4 000–\$6 000 (250–500 тысяч руб.).

ационное сообщение). Если принять во внимание, что в бюджетной сфере задействован ещё 71 процент занятого в экономике населения, то оказывается, что малое предпринимательство охватывает лишь 14 процентов, почти все 77 индивидуальных предпринимателей предоставляют населению торговые услуги, а наёмных работников здесь крошечные 3 процента. Действительно, Анабарское местное общество в значительной своей части является нахлебником государства, всё производство и значительная часть повседневного жизнеобеспечения зависят от «летнего завоза» продуктов с материка. Важную часть составляют и «промыслы на государстве», прежде всего связанные с безработицей, промыслах на детях и пособиях и льготах малочисленных народов. Конечно, при всём том население полностью обеспечивает себя продукцией охотничьего промысла (здесь более 1 000 охотников — по человеку в каждом домохозяйстве!), половина населения самообеспечивается рыбой и продукцией оленеводства. Но весь остальной провиант доставляется извне, за две-четыре тысячи километров по зимнику. Здесь имеется также редкий полукриминальный промысел: добыча мамонтовой кости — бивней мамонтов, которых, по старинным и по современным оценкам, ежегодно добывается в арктической зоне Восточной Сибири по 10–20 и более тонн [см.: Зензинов, 1914, с. 64–65; Киприянов, 2018, с. 1–8]. Этот экзотический товар контрабандой переправляется на Большую землю.

Иная структура экономики на другом конце страны, на юге Приморья, в обществе Ольга. Формальная местная экономика представлена значительной долей занятого населения — 80 процентов от всего трудоспособного (5 000 человек) — и более половины из них заняты в материальном производстве. Причина в том, что здесь имеется достаточно крупный морской порт: многие работники нанимаются в команды рыбаков на траловом рыболовном флоте на длительные вахты, поэтому и количество самодельных отходников здесь невелико. Кроме того, в Ольгинском районе ведутся значительные лесоразработки с отправкой леса-кругляка и пиломатериалов в Китай. Также есть некоторое количество военных моряков и пограничников. Бюджет-

ХОЗЯЙСТВО

ная сфера составляет до трети занятого населения, а вот сфера услуг неразвита, как и в большинстве изолированных обществ. Зарегистрированная предпринимательская активность высока: каждые 6 человек из 100 трудоспособных являются официальными предпринимателями (каждая девятая семья — это предприниматели). Между тем гораздо выше активность населения в сфере неформальной экономики. Все домохозяйства заняты промыслами на ресурсах леса (охота, сбор дикоросов, заготовка леса и дров) и моря (рыба, крабы, моллюски, водоросли). При этом развиты как промыслы для прокорма (охота и рыбалка, сбор ягод и грибов для себя), так и профессиональные промыслы тех же ресурсов, особенно шишкование (заготовка кедровых орехов) и промысел женьшеня, заготовка лекарственных растений (лимонник), трав (черемша, папоротник), лекарственных грибов (рейши, мацутакэ), идущих на экспорт в Китай и Японию. Весьма распространены и криминальные промыслы на тех же природных ресурсах: выращивание на лесных участках конопли и женьшеня, браконьерство морепродуктов и охота на морских животных (морские котики), охота на заповедных территориях, контрабанда круглой древесины и пиломатериалов. При изобилии сразу двух источников природных ресурсов, тайги и моря, местное население прилагает мало усилий для производства продукции на придомовых участках.

Третий пример представляет местное общество Чарышское в Алтайском крае. Оно расположено в предгорном районе Алтая, значительную территорию занимают леса на невысоких горах, но основное богатство — это сельскохозяйственные земли, горные чернозёмы. Поэтому главные виды деятельности — это растениеводство, пчеловодство и овощеводство, охота, мараловодство и мясо-молочное животноводство. Всё то, что производится в местной экономике, производят и сами жители на своих подворьях или добывают в тайге. Поэтому в местной экономике занято чуть более половины всего трудоспособного населения, а оставшаяся половина экономически активного населения (включая часть пенсионеров) есть самозанятые в личном подсобном хозяйстве и в лесных промыслах. То и другое очень широко распространено: практиче-

ски всё население имеет подсобное хозяйство и промышленяет в горной тайге охотой, сбором дикоросов, лекарственных трав, сбором кедрового ореха, добычей пантов марала и других лекарственных животных продуктов (струя кабарги, желчь и жир медведя и проч.). Распространён и криминальный промысел. Помимо развитой сферы материального производства имеет развитие и сфера услуг, связанная с обслуживанием многочисленных туристов, идущих в горную тайгу или сплавающих по горным рекам. В связи с возрастающим значением промысла на людях (туристах), получила зачаточное развитие и «гаражная экономика». Поскольку местное общество непосредственно граничит с новообразованным государством Казахстан, но фактически границы нет, то неплохо развит контрабандный промысел. Однако более конкретной информации об этом виде промысла у меня нет.

Таким образом, видим, что некоторая часть изолированных принудительного типа обществ имеет экономику, целиком зависимую от государства (Анабар, а также Тура, Эссо), другие имеют неформальные доходы от богатых природных ресурсов и одновременно развитое материальное производство (Ольга, а также Преображение, Сузун), третьи, расположенные в природных зонах, благоприятных для ведения сельского хозяйства, основывают экономику на личных подсобных хозяйствах и использованию ресурсов тайги (Чарышское, Амурзет, Ленинское, Курмач-Байгол). Все общества изолированного принудительного типа имеют общим интенсивное использование богатых природных ресурсов, которыми имеют возможность пользоваться как по естественному праву, так и нелегально. Вторым общим компонентом местной экономики этих обществ является очень значительная государственная поддержка или развитое материальное производство на основе природных же ресурсов (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, животноводство). В первом случае их экономика идентична изолированным обществам естественного развития, во втором — совсем нет. Важно отметить большое разнообразие экономических практик и выраженную специализацию изолированных сообществ, что определяется факторами эколого-географическими.

5.4.3.3. «ОРДИНАРНЫЕ» СООБЩЕСТВА

ЕСТЕСТВЕННОГО И ПРИНУДИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Рассматривая местную экономику сообществ, которые я отнёс к промежуточному типу по характеру положения в пространстве, я не обнаружил каких-либо выразительных отличий, а также отличий, связанных с источником развития обществ, естественным или принудительным. Поэтому нет резона рассматривать два этих типа по отдельности. В качестве примеров рассмотрю особенности экономики в нескольких обществах этих двух типов. Два первых сообщества естественного развития – Тотма на Русском Севере и Урюпинск на юге Русской равнины. Два других сообщества принудительного развития – Ардон на Северном Кавказе и Алдан в Восточной Сибири.

В северных лесах Европейской России расположено общество Тотма (Вологда). Большая часть поселений стянута к крупной реке Сухоне, две трети всех жителей проживают в 200 небольших деревнях и лесных посёлках (лесопункты), в каждой численность не дотягивает и до 100 человек. Подавляющее большинство жителей включены в неформальные экономические практики, преимущественно основывающиеся на ресурсах леса и реки. Домашнее хозяйство развито меньше, хотя и обеспечивает население, а промыслы на дорогах (через район проходит единственная региональная автодорога) практически отсутствуют. Значительная часть трудоспособных мужчин находятся на северных вахтах или в отхожих промыслах в крупных городах. Указанные виды неформальных практик есть основа занятости и самозанятости половины населения. В местной экономике – всего 49 процентов трудоспособных, а «бюджетники» составляют 40 процентов от их числа. При этом основой местной экономики является лесное хозяйство и обработка древесины. Велика численность как индивидуальных предпринимателей (лес и торговля), так и предприятий малого и среднего бизнеса. Такая высокая предпринимательская активность населения весьма характерна для северных

традиционных поморских обществ. Люди активны как в формальном, так и в неформальном сегментах экономики.

На юге России в Волгоградской области, в лесостепной зоне на реке Хопёр, располагается общество Урюпинск, почти две трети населения которого сконцентрировано в городе, а сельская округа представлена двумя десятками крупных станиц, в каждой проживают от 500 до 1 000 жителей, и ещё семью десятков хуторов с совсем немногочисленным населением. Ландшафт и особенности географии свидетельствуют о развитом сельском хозяйстве: здесь все домохозяйства, не только хуторские и станичные, но и городские, имеют значительные усадьбы. Кроме того, повсеместны стада овец, их выращивают даже в городе. Они являются источником дохода для большинства домохозяйств: в Урюпинске имеется «рассеянная мануфактура» по производству изделий из козьего пуха, в которую включено большинство домохозяйств, поэтому другие виды неформальных экономик здесь не получили развития: мало отходников, мало зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, немного предприятий среднего и малого бизнеса. Вся неформальная экономическая активность населения сконцентрирована, помимо пуховой «рассеянной мануфактуры», на домашних промыслах в личном подсобном хозяйстве — в растениеводстве и животноводстве. Совсем мало природных ресурсов, добыча которых может быть источником жизнеобеспечения. В этом обществе лишь до половины населения заняты в местной экономике, где основа — бюджетная сфера (более 40% занятых) и сельское хозяйство, растениеводство. В материальном производстве основу составляют предприятия по переработке сельхозпродукции.

Ещё далее к югу, в предгорьях Северного Кавказа на Осетинской наклонной равнине, вдоль реки Терек располагается общество Ардон (Северная Осетия), отнесённое мною к «ординарному» принудительного развития типу. Оно образовано в 1824 году как военное укрепление для охраны дороги, идущей по левому берегу Терека и соединяющейся с Военно-Грузинской дорогой. Исходно это русское казачье поселение, но сюда же переселялись осетины с гор из Алагирского ущелья. В настоя-

ХОЗЯЙСТВО

щее время они являются преобладающим населением, а доля русских составляет всего 17 процентов; 32 тысячи населения занимают очень небольшую, по российским меркам, территорию, две трети жителей сконцентрированы в городе, оставшаяся треть проживает всего в 11 станицах. Почти вся территория занята сельскохозяйственными землями, на которых выращивается единственная культура – кукуруза, используемая для производства спирта. Лишь малая часть населения (менее трети) занята в местной экономике, производственную основу которой составляет промышленное растениеводство. Из этого небольшого количества занятых почти половину (47%) составляют бюджетники. Развитая сфера услуг – многочисленные торговые точки, транспортные перевозки и такси (извоз). Однако значительная доля населения имеет источником жизнеобеспечения только собственное подсобное хозяйство, животноводство и овощеводство. Этого не всегда достаточно, потому весьма развиты «теневые» и криминальные промыслы, например, контрабанда виноматериалов, производство и продажа самогона, чачи (виноградный самогон), араки и спирта (из кукурузы), браконьерство, незаконное предоставление услуг, особенно в сфере автоперевозок, туризма, общественного питания и гостиничного бизнеса для туристов.

На востоке страны, на юге Восточной Сибири, на реке Алдан расположено совсем другое местное общество, хотя и этого же типа. Это общество, созданное в климатически крайне неблагоприятном районе в первой трети XX века рядом с приисками по добыче золота и слюды и для работы на открытых здесь же предприятиях. Поэтому его нынешнее сорокатысячное население – это городские жители (94%), половина из них (около 16 тысяч) – это работники золотодобывающих предприятий, а также транспортного обеспечения в четырёх небольших городах и их спутниках. Более трёх четвертей всего трудоспособного населения заняты в местной экономике, основа которой – материальное производство (золотодобыча и переработка, лесные разработки и деревообработка). Немало предприятий среднего и малого бизнеса (около 500, т.е. одно предприятие на каждые 40 работников). Но при этом более 31 про-

цента населения работают в бюджетных учреждениях (в здешних городах половина всех семей имеют хотя бы одного взрослого члена-бюджетника). Район крайне неблагоприятен для ведения сельского хозяйства, только около 5% коренного населения (эвенки) занимаются оленеводством. Хотя многие горожане всё же имеют небольшие участки для выращивания овощей и картофеля. Но неформальная экономика развита совершенно недостаточно для самообеспечения: только незначительная часть сельских жителей в четырёх сёлах обеспечивают себя за счёт этого. Главным подспорьем домашних промыслов на основе природных ресурсов являются охота и рыбалка — но всего только подспорьем. Население, помимо занятости в местной экономике, живёт также за счёт собственной предпринимательской активности, предпринимательством занято каждое десятое домохозяйство. Вахтовый труд (отходничество) не развито. Наоборот, сюда, в Алдан, Томмот и Нижний Куранах, едут отходники. Зато развита «гаражная экономика», поскольку большинство населения проживает в многоквартирных домах, поэтому гаражи сконцентрированы в гаражно-строительных кооперативах, имеются условия для организации здесь разнообразного производства, индивидуального или кооперативного. По сути, только этот вид неформальных промыслов является наиболее массовым и прибыльным. В основе же жизнеобеспечения общества — формальная местная экономика.

Как видно из четырёх этих описаний, в «ординарных» сообществах естественного и принудительного развития экономическую основу жизни составляют на равных формальная местная экономика и экономика неформальная. В каких-то обществах неформальная экономика превосходит формальную, если не получила вторую жизнь местная промышленность. Везде велика доля бюджетников, что при значительной численности старшего нетрудоспособного населения (от 30 до 40 процентов всего населения) создаёт повышенную нагрузку на производственный сектор. Бюджеты почти всех этих местных обществ (кроме Алдана) дотационные, в значительной степени они социально ориентированы: от 40 до 60 процентов составляют расходы на социальную сферу. Материальное производ-

ХОЗЯЙСТВО

ство основано либо на природных ресурсах (деловая древесина, охота, морская рыбалка, добыча строительных материалов, металлов и энергетических ресурсов), либо на сельскохозяйственном производстве. Экономическая специализация таких обществ весьма характерна. Например, туризм и отдыхающие — это специализация обществ Белозерска, Великого Устюга, Кириллова, Суздаля, Углича. Специализация в агропромышленном производстве — Сураж, Урюпинск, Хвалынский, Ардон, Болгар, Дигора, Лабинск, Маслянино, Новохопёрск, Ханка, Чикол-Ираф. Преимущественно горнозаводская и энергетическая промышленность — это Алдан, Гурьевск, Гусиноозёрск, Кавалерово, Качканар. Везде имеется значительная доля самозанятого населения. Как правило, промыслы разнообразны, но привязаны к основной специализации своего района и основным ресурсам (лес, река, море, агроландшафт, транспортная инфраструктура, туризм, бальнеологические ресурсы).

5.4.3.4. «ТУРБУЛЕНТНЫЕ» ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВА

В качестве ярких примеров экономик сообществ этого типа приведу материалы по Ростову Великому (Ярославль) и Темрюку (Краснодар). В Ростове, городе и районе, имеется весьма развитое промышленное производство. Но в местной экономике занято только 46 процентов трудоспособного населения. Поэтому доля занятых в промышленности хотя и составляет более $\frac{4}{5}$, но это чуть более трети всего трудоспособного населения района — однако и это очень много по нынешним меркам. Есть три причины низкой занятости в местной экономике: близость большого города Ярославля (час езды) обуславливает значительные масштабы маятниковой миграции, а близость Москвы (три-четыре часа езды) обеспечивает краткосрочный отход (т.е. недельную или двухнедельную трудовую миграцию). Малая доля занятых в местной экономике дополняется занятостью множества людей в «рассеянной мануфактуре» по производству фи-

нифти, на базе которой строится здесь почти вся неформальная экономика. Кроме того, население сельской округи живёт промыслами на магистрали М-8, где предлагает проезжающим продукты собственного производства на подворьях, а также копчёную, солёную, вяленую и живую рыбу из озера Неро и дары окрестных лесов. Ростов – важный туристический город с очень большим потоком туристов. Таким образом, большая часть населения живёт промыслами на инфраструктуре и людях.

Южное общество Темрюк расположено вдоль магистрали, связывающей Ростов-на-Дону и Краснодар с Крымом. Сейчас это основная федеральная трасса, по которой перемещается практически весь грузопоток и значительная часть людского потока на полуостров и обратно. Более 70 процентов трудоспособного населения занято в местной экономике, поскольку здесь имеется не только промышленное производство, но также большой морской порт и транспортный железнодорожный и автомобильный узел, рыболовецкие и рыбоперерабатывающие предприятия, масштабное производство виноматериалов и несколько крупных предприятий по производству вин. Развита сфера услуг, а доля бюджетников составляет менее четверти от занятых в местной экономике. В силу развитости как материального производства, так и сферы услуг, вне экономики находятся менее 30 процентов трудоспособного населения. Большинство из них на личном подворье занимаются производством вина и самогона (коньячных спиртов), торговлей ими наряду с торговлей фруктами, овощами и консервированными продуктами, а также широким предоставлением услуг отдыхающим (гостевые дома, кафе, такси, морские развлечения и проч.). Всё это осуществляется без регистрации, «в тени», или находится в сфере криминального бизнеса (браконьерство осетровых, «чёрная археология» и проч.). Неформальная экономика развита на хозяйственных и инфраструктурных ресурсах.

Оба приведённые в качестве примеров общества характеризуются как развитой местной экономикой (высокотехнологичное промышленное производство, рыбное и сельское хозяйство, морской, железнодорожный и автомобильный транспорт), так и развитой неформальной экономикой, базирующей-

ХОЗЯЙСТВО

ся сразу на трёх типах ресурсов: люди (туристы и отдыхающие), транспортная инфраструктура (железнодорожная и автомагистраль), уникальное местное производство (финифть) или услуги по предоставлению бальнеологических благ (море, целебные грязи). Такая ситуация вполне характерна по крайней мере для двенадцати из восемнадцати обществ этого типа.

5.4.3.5. «ТУРБУЛЕНТНЫЕ» ПРИНУДИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СООБЩЕСТВА

В качестве примера рассмотрю два общества, схожих по положению относительно своих региональных центров, по транспортной инфраструктуре и по численности населения, но территориально весьма удалённых — Искитим в Новосибирской области и Усть-Лабинск в Краснодарском крае. Административные центры обоих обществ расположены всего в одном часе езды от областного центра, оба общества имеют значительную сельскую округу с развитым сельским хозяйством и, хотя доля городского населения составляет всего от 40 до 50 процентов, здесь развиты промышленность и услуги.

В Искитиме имеется высокая занятость в местной экономике (85%), большинство же тех, кто находится вне её, являются маятниковыми мигрантами в ближайшие города Бердск и Новосибирск, а также на окрестные крупные промышленные предприятия. Очень велика доля населения, занятого в сфере услуг — более половины, что связано с обслуживанием ближайшего областного города и трассы. Потому велика и доля занятых в среднем и малом бизнесе, как и количество таких предприятий, а также индивидуальных предпринимателей. Много крупных и средних предприятий, в том числе производящих уникальную продукцию. Структура занятости в неформальной экономике сильно отличается от вышеописанных для других типов обществ. «Гаражная экономика» присутствует, но умеренно. Нет отходников. Нет, конечно, «мануфактур». Домашние промыслы развиты, но больше для собственного потребления, хотя жите-

ли сельской округи торгуют на трассе, а также обеспечивают население пригородов и города мясом, молоком, овощами, картофелем по индивидуальным заказам. Развиты теневые и криминальные промыслы (в частности, торговля наркотиками — «перевалка» из регионов Средней Азии).

Пригородное положение Усть-Лабинска делает его похожим на общество Искитима, но имеется специфика, обусловленная более развитым агропромышленным производством, где заняты многие жители, а также незначительным развитием сферы услуг в формальном секторе экономики. Зато другие услуги очень развиты как неформальные промыслы — это извоз, грузоперевозки, торговля. Весьма развито личное подсобное хозяйство, как везде на юге, и все связанные с ним промыслы: торговля собственной продукцией, предоставление услуг проезжающим и отдыхающим. Предположительно в меньшей степени, чем в Искитиме, развиты криминальные промыслы, но надёжных данных я не имею. В остальных же сегментах неформальной экономики (отход, «гаражники», «мануфактуры») общество Усть-Лабинска далеко не достигло степени развития, характерной для изолированных и «ординарных» обществ.

5.5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ТИПИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПРОМЫСЛОВЫХ ПРАКТИК

Обобщённый взгляд на особенности местной экономики и хозяйственных практик населения в типах обществ, различающихся по положению в пространстве относительно соседей и по степени зависимости своего существования от внешних факторов, заключается в следующем. Сообщества изолированные и естественного развития имеют более развитую экономику неформальную, тогда как провинциальные общества «турбулентные», особенно принудительного развития, имеют развитую формальную местную экономику, но сравнительно менее развитую экономику неформальную. Между всеми типами сообществ принудительного развития имеется меньше различий в структу-

ре формальной местной экономики, чем между такими же типами обществ естественного развития. Возможно, это обусловлено существенно большим участием государства в местной экономике вследствие сырьевой её ориентации и развитости материального производства; здесь же имеет значение и значительный вес бюджетной сферы. Напротив, в структуре неформальной экономики большие различия наблюдаются между изолированными и «турбулентными» сообществами, нежели между сообществами естественного и принудительного развития.

Общества изолированные имеют богатые природные ресурсы и существенно более развитую неформальную экономику в отличие от обществ «турбулентных». Население в наибольшей степени предоставлено здесь само себе. Значительная часть трудоспособного населения находится вне местной экономики. В основе неформальной экономики обществ как естественного, так и принудительного типов развития — промыслы на природных ресурсах и личное подсобное хозяйство, в меньшей степени отходничество. Наряду с тем имеет место значительная государственная поддержка, вследствие которой много людей работают в бюджетной сфере, много семей имеют различные пособия. Важной особенностью является большое разнообразие промысловых практик, преобладание архаических промыслов над современными.

«Ординарные» сообщества имеют экономику, частью выстроенную на природных ресурсах, частью же на промышленности и сельском хозяйстве. То и другое на равных составляет экономическую основу жизни их населения. Здесь велика и доля незанятого населения. Гипертрофирована бюджетная сфера и слабо развита сфера услуг. Основу неформальной экономики составляют в первую очередь личные подсобные хозяйства и во вторую — природные ресурсы. Важной особенностью является специализация многих обществ на отдельных видах промыслов, что делает их зависимыми от изменчивой конъюнктуры. Хорошо развиты два вида архаических промыслов: отходничество и «рассеянные мануфактуры». Можно предполагать, что именно «ординарным» обществам, особенно естественного типа развития, свойственна тяга к специализации и архаизации промысловых практик домохозяйств.

В «турбулентных» сообществах местная экономика, особенно в части материального производства и услуг, существенно более развита по сравнению с другими типами. Бюджетная сфера относительно невелика, занятость населения наибольшая, прежде всего в материальном производстве. Здесь менее, чем в других типах сообществ, распространена неформальная экономика. Домохозяйства больше ориентированы на новые виды промыслов и на человеческие и инфраструктурные ресурсы, нежели на природные ресурсы и архаические виды промыслов. Мало или нет отходников. Население далеко не всегда имеет возможности самообеспечения.

Таким образом, хозяйственно-экономическая структура провинциальных сообществ в значительной степени детерминирована двумя факторами: положением в пространстве, определяющим транспортную доступность, и внешним влиянием со стороны государства, связанным с историей недавнего социально-экономического развития на локальном уровне. Если предположить реальность такой простой двухфакторной модели (она при этом не предполагает бифуркационного развития), она позволяет с большой долей уверенности делать прогноз состояния местной экономики любого нашего сообщества, а возможно, и оценивать перспективы местного экономического развития.

ГЛАВА 6

СОСЕДСТВО

Всем хорошо известна тесная взаимосвязь и взаимообусловленность родства и соседства. Родство предполагает соседство. Соседство предполагает родство. Живущие вместе часто родственники. Родственники часто живут по соседству. Именно это является основой оппозиции «свой — чужой». Поэтому концепт «свой — чужой» лежит в основе локальной социально-групповой идентичности. В данной главе рассмотрены атрибуты каждого члена оппозиционной пары, с тем чтобы осуществить аналитические оценки родственных и соседских связей в местном обществе: какова есть степень родства между членами одного общества по социологическим оценкам, но не по генетическим маркерам, каковы есть специфические различия между провинциальными резидентами и мигрантами⁴³. Как основной результат я описываю структурные различия «своих» и «чужих» в сообществах, относимых к разным типам.

6.1. «СВОИ»

Противопоставление «свой — чужой» есть базовый стратифицирующий признак, универсальный для любого общества (по крайней мере, общества индоевропейского по происхождению, что убедительно показано Эмилем Бенвенистом (Emil Benveniste) [Бенвенист, 1974, с. 354–364; Бенвенист, 1995, с. 212–217, 233–237]. Можно обратить внимание и на тесную терминологическую связь этих понятий, например, в русском языке: «родственник» и «близкий» синонимичны (существует также понятие «близкий родственник»). Луиджи Лука Кавалли-Сфорца и Вальтер Бодмер (Luigi Luca Cavalli-Sforza and Walter Bodmer) [Cavalli-Sforza, Bodmer, 1999, p. 181–189] предоставили впоследствии важные эмпирические доказательства этого взаимоотношения на примере репродуктивного поведения и демографической структуры локальных популяций в Южной

⁴³ Материалы, представленные в главе, частично опубликованы мною в статье: *Плюснин Ю. М. Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. Том XXII. № 3. С. 60–93.*

Европе. Аналогичная картина тесной связи родственных и соседских отношений имеет место как в России, так и повсеместно в мире. Поэтому для целей этого исследования меня более интересует конкретный вопрос: кто свои и кто чужие в российском обществе, взятом в его локальности, то есть для *самых* членов местного общества. Как реализуются отношения родства и соседства в социологическом контексте в русском провинциальном обществе? Для содержательного рассмотрения вопроса необходимо определить понятия «свой» и «чужой». Кто же «свои» в местном обществе и по каким признакам их отделить от «чужих»?

Дихотомия «свой – чужой» – одно из важнейших понятий для исследователей культуры, но важно оно и в антропологии, этнологии, социологии, социальной психологии, хотя исследователи культуры определяют его одним образом, а популяционные биологи или физические антропологи – иначе. Социологи определяют «своего» и «свойство́» преимущественно через *усвоенные* ментальные конструкторы, психологи – через *социализационные механизмы*, этнологи – через *принадлежность* к общине, роду, т.е. через *кровное* и *социальное родство*, а антропологи и популяционные генетики – через коэффициент родства, *генетическую близость*. В повседневной жизни все понимают, как узнать своего, но, не будучи исследователями, не различают явным образом критерии принадлежности к «своим». Чтобы лучше дифференцировать «своих» через призму нескольких критериев отличия от «чужих», желательно занять особую аналитическую позицию. Такая позиция нуждается в опоре и со стороны антропологии, и со стороны психологии, но не ограничивается «объективным» антропологическим признаком «своего» как *«родственник и член общины»* в противопоставлении *«чужестранцу»* или психологически субъективным *«приятием»* и продолжительностью самого процесса *«приятия»*. Впрочем, позиция эта уже была задана Фердинандом Тённисом ещё в конце XIX века. Выделив знакомые всем атрибуты полярных типов общественной жизни – «общины» и «общества», он тем самым задал основные критерии отнесения любого индивида к «своим» или к «чужим» [Tönnies, 1959, S. 181]. Это опреде-

лённые типы отношений. Но помимо них имеются и иные критерии, которые могут быть определены как «объективные», поскольку являются физическими признаками.

Самым первым, простейшим и на внешний взгляд очевидным признаком «своего» является продолжительность проживания человека в местном обществе. Чем дольше человек живёт в общине, тем вероятнее, что он здесь «свой». Это, безусловно, достаточный критерий для людей, родившихся в конкретной общине. Поэтому именно факт рождения на территории используется в качестве единственного критерия признания за «своего» обычно в обществах молодых, *становящихся*. Институт государства в таких молодых обществах непосредственно заимствует этот критерий и для определения принадлежности к нации (гражданство по факту рождения). Продолжительность проживания на локальной территории является объективным признаком, который не зависит от мнений и attitudes людей. Именно благодаря этому создаётся видимость его важного значения.

Однако в действительности это совершенно недостаточный критерий. В качестве критерия длительности проживания этот признак начинает утрачивать определённую, однозначность и чёткость границ уже даже для людей, родившихся в конкретном обществе, но рано его покинувших, и совсем перестаёт быть однозначно определённым для иммигрантов. Сколько лет должен прожить иммигрант в принявшем его местном обществе, чтобы жители признали его своим? Достаточно ли для этого десяти, тридцати или пятидесяти лет? Признают ли местные жители «своими» детей иммигрантов, хотя те уже всю жизнь живут в этом обществе? Вопрос этот актуален на всех уровнях — и на локальном, и на национальном, и он не имеет ни определённого, ни однозначного ответа (см., напр.: [Коллиер, 2016]). Таким образом, «свойство» как признак «быть своим» по сроку жизни человека в его родном или новом для него обществе, будучи хотя и объективным признаком, не является ни единственным, ни достаточным, если рассматривать его с позиций всех участников. Этот критерий уместен (применим) лишь как грубое сито при самом поверхностном и удалённом взгляде на местное

общество как на нечто органическое. Вероятно, потому именно, а не только в силу своих «объективных свойств» этот критерий является определяющим в государственно-бюрократической системе молодых обществ.

Но если время жизни в общине не является критерием «свойства́» («родства», в том числе и «социального родства», «близости» или «соседства»), то какие критерии существенны? Полагаю, что главное здесь — признание человека своим самими членами общины⁴⁴ (или, наоборот, признание чужаком или изгоем). Но «признание — непризнание» — практически неоперационализируемый и неинтерпретируемый критерий. То есть он является неизмеримым показателем — субъективным как для внешнего наблюдателя, так и для любого члена общины. Это проявляется в том, что каждый член общины уже только потому, что он есть её член, не сможет толком объяснить различия, даже чувствуя или зная, кто здесь свой и кто чужой, и будет лишь предлагать список случайных прилагательных. К этому добавляется и деструктивное действие фактора иммиграции: современные даже провинциальные общества характеризуются существенно большим притоком мигрантов в свою среду, нежели это было век или даже полвека назад [Collier, 2013, p. 41–78; Goldin et al., 2011; Hatton, Williamson, 2008].

Поэтому, чтобы «объективировать» набор нечётких признаков, надо принять в качестве ещё одного показателя «свойства́» не простую продолжительность проживания, но *время проживания* человека в общине. Бесчисленное множество этнологических работ отмечают это как фактор, определяющий прямой путь перехода от «чужака» к «своему». Однако здесь мы

⁴⁴ В прежние, стародавние, времена было много легче провести такое различие: достаточно было: а) быть рождённым «законно», чтобы быть «приятным» в своём обществе, находясь в системе установленных родственных отношений, включая и отношения социального родства (см., напр.: [Readings in Kinship and Social Structure, 1971; Дзибель, 2001; Dziel, 2007; Белков, 2013, с. 9–26]; б) знания, кто перед тобой — раб, т.е. несвободный, или чужестранец. Все же остальные были свои — «приятные» (приятели) и свободные люди (имеющие, по Гомеру, «свободный день»), члены общины и родственники (см.: [Бенвенист, 1995, с. 215–217; Лотман, Успенский, 1982]).

не имеем никакого объективного «критического значения» — минимального отрезка времени, являющегося пороговым для сообщества, после которого любой мигрант считается здесь прижившимся и своим. Такое значение может быть установлено только формально. Как правило, формально назначаемые сроки исчисляются десятилетиями. Правда, необходимо различать национальный и локальный уровни формального определения срока перехода в «свои». В первом случае в конечном счёте всё определяет государственная миграционная политика, зависящая больше от политической конъюнктуры, чем от логики общественной жизни [Hatton, Williamson, 2008]. На локальном же уровне срок «вживаемости» чужака в новое для него сообщество обусловлен местными нормами и традицией, но во многом зависит и от поведения чужака. Обычной нормой «срока вживания» считается в провинциальном обществе время, необходимое для принятия локальных правил и предписаний и усвоения локальных особенностей повседневного поведения и коммуникации. Поэтому всё зависит от того, насколько быстро освоит мигрант локальные ментальные и поведенческие стереотипы. Важной вехой перехода в лагерь «своих» является рождение детей, наличие которых значительно ускоряет признание мигранта «своим». Однако имеет место и существенно более быстрый механизм внедрения в состав местного сообщества — это социальное родство. Породниться с местными — значит автоматически получить «права гражданства» и важные местные привилегии: *«...а как я могу получить здесь у вас охотничий участок? — Да никак... Ну если только женишься на нашей девке, тогда участок её отца и будет твоим тоже»* (из интервью с женщиной примерно 40 лет, жителем села Вожгоры на реке Мезени, Архангельская область, июль 2006 года). В данном случае основу жизнеобеспечения локального сообщества составляют охота и рыбалка, поэтому закрепление родового охотничьего участка за новым членом общины автоматически является признаком признания его своим. Важно, что в этом случае критерий срока вживания теряет своё значение. Установление социального родства, как и наличие кровного родства, остаётся безусловным признаком своего.

Срок *прия́тия* нового члена («срок внедрения», что есть то же самое), вместе с продолжительностью совместного проживания, сопровождаемой совместным жизнеобеспечением домохозяйства на общей территории, определяют отношения родства, соседства и взаимности (альтруистического поведения). Приятие, наконец, связано с усвоением «локального менталитета» — системы локальных общественных представлений и аттитюдов. Напротив, анонимный статус индивида в «большом обществе», где развиты гражданские институты, а родственные, соседские и дружеские отношения уходят на периферию обыденной жизни, превращает его ни в своего, ни в чужого — но в «своего-чужого». Сама актуальность дихотомии «свой — чужой», предельно важная для общинной жизни (*in Gemeinschaft*), утрачивается в жизни социальной (*in Gesellschaft*), как в совсем недавние времена была утрачена актуальность противопоставления «свободного человека» «несвободному», который есть раб, принуждённый к работе. Однако поскольку мы имеем дело всё же с ситуацией промежуточной — даже в провинциальных городах не найдёшь теперь уже сугубо общинных отношений, но здесь нет или очень мало и анонимности (аномичности) жителей крупных городов — мы должны признать, что «общинные» отношения сохраняют здесь своё во многом первоначальное значение как признаки «свойства́» (потому и выговаривают такой термин — «провинциальное общество», интуитивно чувствуя отличность его от обществ больших и средних городов). И в провинции распространены обменные отношения, но при этом они не носят обезличенного характера и базируются на предпочтениях, допускающих привилегированность, т.е. они окрашены партикуляризмом и патернализмом настолько, что перестают уже быть действительно анонимными.

Иными словами, признаками «своего» в местном обществе выступают, с одной стороны, продолжительность пребывания, разветвлённые родственные отношения и пространственная близость или соседство. Это признаки антропологически важные, к тому же калькулируемые. С другой стороны — признаки взаимности (понимаемой как альтруизм) и привилегированного обмена, базирующегося не на индивидуальных, а на клано-

вых и социально-родственных интересах (кумовство и корпоративность). В результате я могу предложить считать «своим» такого члена местного провинциального сообщества, который соответствует одновременно следующим шести критериям.

«Укоренённость» (критерий 1). Человек родился или живёт продолжительный период времени в местном обществе и считает его либо родным (отсюда понятие ая родина»), либо своим. Неизвестно, действительно ли для «внедрения и укоренения» нужны полвека или достаточно одного-двух десятилетий, но ясно, что нигде срок не ограничивается несколькими годами. Когда новый член принят — *прият*, т.е. он стал и является *приятелем*, если не родственником для остальных членов сообщества.

Продолжительность со-обитания (критерий 2). Этот же человек является соседом для большинства остальных членов сообщества: он постоянно живёт среди них (территория его домохозяйства имеет общие границы с другими домохозяйствами), знаком со многими (или даже со всеми) членами сообщества, регулярно вступает с ними в персональные взаимодействия и в результате этого устанавливает приватные отношения.

Два указанных критерия, приятие индивида в качестве члена сообщества и совместность проживания (пространственная близость), кажутся взаимозависимыми и заменяемыми, но мне представляется, что необходимо их различать. Первый критерий необходим и достаточен, но ограниченно применим, поскольку его трудно объективировать. Второй критерий, соседство необходим, объективен, но недостаточен. Любой мигрант может быть соседом, но не принят в качестве «своего». Напротив, «свой» по рождению может не проживать в местном обществе и по этому признаку актуально (т.е. в конкретный момент времени наблюдения) не является членом общества, хотя все оставшиеся его таковым как раз признают.

Родство (критерий 3), в том числе социальное родство, является древнейшим критерием «свойства». Человек должен быть родственником и свояком хотя бы для некоторых из соседей. Поскольку многие из провинциальных горожан и сельских жителей есть потомки одного предка или породнились через браки. В то же время индивид должен находиться и в социаль-

ном родстве с определённой — значительной — частью членов местного общества. Нельзя забывать и всё ещё важный в провинции институт кумовства, символического родства, устанавливаемого между взрослыми людьми (обязательно не родственниками) через новорождённых потомков.

Взаимность (критерий 4). Индивид постоянно взаимодействует с другими членами местного общества на принципах взаимопомощи и жертвенности, демонстрирует реципрокный альтруизм: готов прийти на выручку к соседу, занять в долг или отдать безвозвратно своё имущество, деньги, время и силы, уверенный, в свою очередь, что так же поступит и его сосед. На низовом уровне, в сфере жизнеобеспечения семьи, эти реципрокные обмены составляют основу всей местной экономической жизни [Scott, 1976; Скотт, 1999; Барсукова, 2003а; 2003б; 2013].

Привилегированный статус (критерий 5). В силу наличия альтруистических отношений «свой» член общества обладает некоторым локальным набором привилегий, невозможных для любых случайных обитателей данной территории, всех тех, кто являются «чужими». А в силу наличия системы привилегий он взаимодействует с этими чужими как *представитель* местного сообщества, представитель корпорации, рода, клана; тем самым и в обменных отношениях он участвует не сам по себе, а представляя и отстаивая интересы своей группы как части или всего местного сообщества как обладатель и охранитель локальных привилегий.

Ментальность (критерий 6). Локальная система представлений об окружающем мире, то, что может быть названо «мировосприятием» как осознание своей принадлежности к сообществу и репрезентация этой принадлежности, выраженная в установках, ценностях и ментальных конструкциях, специфичная в большей или меньшей степени для локального сообщества и групп близких сообществ.

Я специально не обсуждаю лингвистические, культурные и социально-исторические различия, поскольку в нашем случае дифференциация «своих» и «чужих» проходит не между народами, а всего лишь внутри общества, отделяя одних людей от

других, одно локальное сообщество от другого. Но и этот список атрибутов «свойства́» представляется достаточным. Он состоит из разных по своей природе признаков: популяционно-генетических (соседство и родство), социобиологических (соседство и взаимность), психолого-антропологических (срок проживания, взаимность и клановость), социологических (привилегированность, клановость и общинная ментальность). Это, впрочем, не означает, что разные по природе признаки не могут быть аддитивны как критерии для различения своих и чужих.

6.2. «ЧУЖИЕ»

Поскольку категория «свой — чужой» является бинарной оппозицией, необходимо определить хотя бы в общем виде и вторую часть, «чужих». Впрочем, обычной практикой является формулировка определителей для альтернативного понятия симметрично по принципу отрицания характеристик, полученных для первого члена пары. Также я предполагаю, что и для социологической характеристики «чуждости» мы должны пользоваться теми же понятиями, что приняли в качестве признаков «свойства́». Рассмотрим, являются ли определители «чуждости» негативными по отношению к определителям «свойства́». Являются ли все определители «свойства́» также негативными определителями «чуждости»?

Чужие — это те группы людей, присутствующие в местном обществе (нередко вынужденно), разные по происхождению и наименованиям, которых *сами члены сообщества* прежде всего *не определяют* как «своих». Чужой (чужестранец) — это одновременно враг и гость (ср., напр., старинную русскую поговорку: «*В поле враг, в доме гость*»). Уже из реконструкции лингвистических данных и исторических документов видно, что «чужой» это не всегда индивид, лишь противопоставленный «своим». В любом обществе «свой» может стать «чужим» — и хорошо известно, каким образом: именно выведенный общиной из своего состава, поставленный вне закона, т.е. лишённый преиму-

ществ и защиты⁴⁵. Для такого статуса имеется специальный термин, теперь не употребляемый по прямому назначению — «изгой» (см. об этом, напр.: [Лотман, Успенский, 1982]). Аналогично и «чужой» может стать «своим». Универсальным для всех народов и культур ритуалом перехода «чужого» как гостя в «своего» — обряд гостеприимства и «совместная трапеза как его средоточие и сердцевины, <...> как средство приобщить пришельца к дому, сделать его “своим”» [Байбурин, Топорков, 1990, с. 121]. В любом традиционном обществе это переход из статуса чужого, врага, в статус гостя, т.е. защищённого законами гостеприимства или превращённого в почти полноправного «свободного человека», хотя и не обладающего «свободным днём» как важнейшей привилегией⁴⁶.

Рассмотрим выделенные атрибуты «свойства» по отдельности, прилагая их к оппозиционному понятию «чуждости». Первый есть признак длительности проживания в местном обществе. Показатель этот объективен и симметричен относительно определения «своего»: безусловно, что чужим будет всякий, кто живёт недолго на территории сообщества. Однако, как и со сроком пребывания для «своих», не имеющем верхней границы, срок проживания для «чужого» не имеет нижней границы. Нет объективных временных критериев изменения статуса «чу-

⁴⁵ По-моему, наиболее яркое раннее историко-социологическое исследование процесса превращения «своего» в «чужого», изгоя, осуществлено в знаменитой «Сага о Греттире» (*Grettis saga Ásmundarsonar*); см.: Сага о Греттире / пер. с древнеисланд. О.А. Смирницкой. Новосибирск: Наука, 1976.

⁴⁶ Положение гостя требует от человека придерживаться распорядка дня, целиком и полностью определённого хозяином, гостеприимцем. Между прочим, процесс ранней социализации есть, по сути, перевод «чужого» в «свои» путём усвоения ребёнком — ещё не принадлежащего ни к «своим», ни даже к людям — правильного поведения и социальных норм, в результате ребёнок получает привилегии взрослого полноправного члена общины. А вследствие проживания в общине в течение какого-то определённого времени, необходимого для освоения и усвоения социальных норм, ребёнок становится и «своим» (напротив, если он умер в младенчестве или уехал в раннем детстве — уже не свой). До определённого предела для признания «своим» имеют значение и родственные связи: ведь и статус «бастарда», несмотря на наличие у человека всех прочих атрибутов «своего», фиксировал ограничение его в правах и привилегиях.

жого» на статус «своего». (Хотя бывали и бывают юридически установленные сроки перехода в статус «своих», обычно для перевода иммигрантов в статус граждан, а не просто любого человека — но это удел государства, а не общины.) Согласно эмпирическим основаниям, чтобы стать «своим», нужно как минимум несколько лет, а сколько — известно будет по поговорке «когда пуд соли съест».

Время приживания (критерий 1). Длительность проживания не является независимым критерием, он как показатель определяется продолжительным процессом *приятия* чужого и развития отношений *взаимности* между бывшим «чужим» и его новыми соседями, а может быть, в будущем и сородичами. Указать, что процесс *приятия* имеет определённую длительность — значит ввести в заблуждение. В обществах с «большим объёмом» традиционного поведения, где этикетные формы занимают до $\frac{3}{4}$ всего времени общения людей, процесс «*приятия в свои*» может оказаться очень длительным и будет предполагать выполнение множества условий, где одно из важнейших — усвоение в совершенстве этикета (см.: [Байбурин, Топорков, 1990, с. 65–93]). В иных обстоятельствах, особенно в обществах, образованных многими случайными людьми, т.е. мигрантами разного происхождения (например, как это было в ранней исландской или ранней североамериканской истории или при новом освоении территорий на нашем Крайнем Севере и Дальнем Востоке), сам процесс «делания своим» становится кратковременным, поскольку всё общество «составляется» заново, в нём нет ещё ни блюстителя норм и морали, ни своего «законоговорителя». В частности, по этим же причинам мы видим, что в локальных сообществах, испытывающих значительную миграционную нагрузку, как и в современных крупных городах, бывает почти невозможным деление на «своих» и «чужих»⁴⁷.

⁴⁷ В этом смысле обострённое ныне стремление «коренных москвичей», почти все из которых, как хорошо известно, «укоренились» в Москве лишь после 1931 года [Андрюшин, 2012, с. 230], отделиться от «чужих»-«понаехавших» во всяком случае обречено на полную неудачу (см. по этому поводу любопытный текст Р. Вахитова [Вахитов, 2012]).

Признак соседства (критерий 2). «Чужой» может приобрести статус соседа, лишь заняв определённую — хотя бы и символическую, в несколько квадратных метров — территорию в пространстве местного общества, закрепив за собой эту территорию, *присвоив* её. Местное общество должно позволить ему получить территорию. Наличие территории переводит до того момента безусловно чужого (командировочного, туриста, гостя, сезонного работника, эвакуированного, ссыльного, даже человека, принудительно отправленного на длительное, но временное поселение) в переходный статус «как бы своего»⁴⁸. Территория обеспечивает наличие домохозяйства. Это уже признак укоренённости, хотя и недостаточный. В качестве примера такой недостаточности укажу следующее: в России в последние двадцать лет мы наблюдаем особый процесс «укоренения» горожан в деревне. Появились дачники нового вида, купившие усадьбы в деревнях и дома в малых городах и ставшие формально их жителями, но не по-настоящему, а «как бы». Этот вопрос превращения горожан в хозяев домов и деревенских усадеб и появления в результате новой категории дачников детально исследован Т. Г. Нефёдовой и А. И. Трейвишем с коллегами, см.: [Нефёдова, Трейвиш, 1999; 2010; Нефёдова, 2012; Между домом и..., 2016]. Но дачники, купив полноценные дома, обретя территорию, нередко в виде большой усадьбы, не становятся своими, поскольку на усадьбе надо вести хозяйство, а в доме жить постоянно. К сожалению, в сёлах и малых городах теперь очень много дачников из крупных городов, владеющих домами и усадьбами, но почти не живущих в них⁴⁹. Этот новый социаль-

⁴⁸ Распространение в современных городах жилья квартирного типа, не обеспеченного к тому же территорией, приводит, по моему мнению, к элиминированию признака соседства в качестве критерия отнесения человека к «своим». Люди, будучи соседями по лестничной площадке, могут быть не знакомы между собой, поэтому и остаются чужими друг для друга. Существенно иная ситуация с соседством уже в таунхаусах, не говоря об усадебных домах — там есть персональная контролируемая территория.

⁴⁹ Как показывают исследования упомянутых авторов, в России насчитывается более 60 миллионов «дач», официально же зарегистрировано 72 миллиона, что больше, чем во всём мире [Русская дача, 2015; Между домом и..., 2016, с. 318–330].

ный факт ведёт к дизрупции: не только в крупном городе, но уже и в провинциальном обществе признак *соседства* перестаёт выступать критерием «свойства́». Люди в таких городках и сёлах перестают чувствовать и воспринимать соседей-горожан «своими», членами местного сообщества.

Таким образом, «чужой» по признаку соседства — человек, не имеющий присвоенной им территории, он не имеет также и выстроенного на территории дома как постоянного обиталища. К тому же он не ведёт хозяйства ни в доме, ни на усадьбе, а это в свою очередь является признаком непостоянства, также обязательного компонента (не)соседства. Переходный статус от «чужого» к «своему» возникает, когда присвоенный (купленный) «чужаком» участок территории местного общества признан этим местным обществом как территория этого «чужака». Как видим, если в местном сообществе имеется значительная доля временных обитателей (горожан-дачников сезонного проживания) или велико сальдо миграции, «соседство» в качестве критерия «чужого» не применимо.

Признак родства (критерий 3). Для «своего» обязательно быть родственником, или *свояком*, замкнутым на «свою» социальную группу. По крайней мере «свой» должен иметь в местном сообществе «своих» в качестве символических родственников. Чужой тоже может быть родственником (в современных отношениях родства, когда родичи не всегда связаны соседством), но простого генетического родства недостаточно для укоренения в местном сообществе, в отличие от современного большого общества, где именно генетическое родство с некоторых пор является первичным критерием «своих»⁵⁰. Безусловно, человеку, имеющему родственные связи в местном обществе, легче здесь стать своим, процедура *присятия* для него многократно облегчена. Она даже закреплена в обычном праве

⁵⁰ Ср. обоснования, представленные в 21 статье сборника, изданного в 1998 под редакцией И. Эйбл-Эйбесфельдта и Ф. Салтера (Irenäus Eibl-Eibesfeldt and Frank Kemp Salter) [Ethnic Conflict and Indoctrination, 1998], а также приводимые Фрэнком Салтером в его работах, посвящённых давно обсуждаемой им проблеме «генетического этнического интереса» в терминах социобиологии человека [Салтер, 2003].

признанием за родственником-чужаком определённых локальных привилегий и в писаном праве, в частности в праве наследования. Между тем критерий этот для «чужого» не симметричен «своему» и, что важно, не является сегрегирующим признаком. Можно обладать или не обладать общими генами с другими членами сообщества, но оставаться чужаком. Правда, коэффициент родства, как показывают наблюдения и расчёты, имеет прямое отношение к установлению социальной близости между людьми [Harpending, 1974; Salter, 2003; Cochran, Harpending, 2006]: чем ниже его значения, тем меньше шансов для «чужого» стать со временем «своим». Однако если в архаических и традиционных обществах генетическое родство было безусловным критерием и «свойства», и «чуждости», то в современных обществах такая однозначность во многом утрачена. При этом значение символического «родства душ», т.н. «социального родства» — по профессии и роду занятий, по увлечениям, вере, культурным и конфессиональным предпочтениям — сохраняется и в современных обществах.

Признак взаимности, реципрокного альтруизма (критерий 4), подобно родству, не определяет однозначно статус «чужого». Всякий чужак может получить помощь и поддержку от местного общества, так же и общество может ожидать от чужого альтруистического поведения. Более того, скорее общество и будет от него ожидать такого поведения, само не предоставляя симметричного ответа. Всякий чужой зависим от местного общества и вынужден демонстрировать альтруизма больше, чем ожидает получить в ответ. Так что в отношении чужих мы имеем не ситуацию реципрокного альтруизма, а односторонней жертвенности: «чужой», если он имеет намерение стать «своим», должен прилагать усилия, демонстрируя дружелюбие, и жертвовать часть личных ресурсов в пользу будущих «своих». «Чужой» даже может проявлять более альтруистическое поведение, чем «свои», совсем не надеясь на ответную реакцию. Вмещающее же его общество ожидает определённо дружественного и альтруистического поведения от «чужого» и жёстче контролирует, чем у своих членов, любые проявления поведения, выходящего за рамки принятой нормы, поскольку «чужой» со-

храняет атавистические признаки врага и гостя, статусы которых всегда и везде регламентированы до тонкостей. «Чужой» вынужден быть очень чутким к мельчайшим элементам этикетного поведения, ведь общество следит за ним много зорче, чем за своими членами. Поэтому, вероятно, столь вызывающе и бесцеремонно, по мнению провинциальных местных жителей, поведение туристов, в большинстве своём обитателей крупных городов, потерявших способность чувствовать границы норм традиционного поведения. И поэтому же столь неприметны и не вызывают открытой враждебности рабочие мигранты из среднеазиатских республик в наших городах, воспитанные в традиционной культурной среде.

Локальные привилегии (критерий 5). «Чужой» не обладает привилегиями, предоставляемыми местным обществом его членам. Бывает и в наши дни (а в прежние времена это было нормой), когда «чужой» не обладает и никакими правами «своего». Однако бесправный статус «чужого» в нашем местном обществе есть скорее редкость, например, нелегального мигранта, беженца, вообще человека «в бегах». В наши дни мы встречаемся с этим только в ситуациях, оформленных в системе государственной регистрации. Но правила предоставления привилегий всё ещё сохраняются как архаические нормы. «Чужой» может появиться в местном обществе с уже полученными привилегиями или уже иметь законодательно определённые льготы и рассчитывать на них. Но он не сможет приобрести местные привилегии даже по блату. Это будет возможно, если через какое-то время он станет «своим». Между тем, не превратившись «своим», но будучи «гостем», «чужой» имеет возможность «прикоснуться к привилегиям»: его поведут на охоту или рыбалку, по грибы и в баню, допустят к общению с особыми людьми, покажут нечто местночтимое и потаённое. Следовательно, «чужой» как «гость» имеет больше прав и привилегий, чем «чужой», находящийся в процессе превращения в «своего».

Быть представителем своего общества (критерий 6). Конечно, любой чужой выступает представителем какого-то общества, но редко в актуальном статусе. Референтная группа чужого не может быть им продемонстрирована, но только на-

звана (указана), иначе такой чужой квалифицируется как враг (ср. древнюю формулу: «*Гость пришёл навестить тебя*», обозначающую смертельную опасность, вызванную приближением вражеского войска). Уже одним этим чужой лишён защиты и не находит её в местном обществе. Оно может предоставить ему защиту, но это — на усмотрение; на такую защиту безусловно рассчитывает лишь чужой, получивший статус «гостя». По этому признаку статус «своих» определён, статус «чужих» — размыт. В отличие от ситуаций со «своим», в ситуации с «чужим» мы не можем сказать, получит или нет человек с таким статусом поддержку и защиту в данном обществе, станет ли он «гостем». И точно так же не определено, как чужой взаимодействует с членами местного общества — как *представитель* своего сообщества или подстраиваясь под новое для себя сообщество, действуя по поговорке «*с волками жить — по-волчьи выть*».

Таким образом, границы между «своими» и «чужими» преодолимы, а критерии «чуждости» хотя и могут быть теми же, но не так определённы, как для «своих». Существует градация форм от собственно «своих» — родичей и свояков — через соседей и сограждан к гостю, чужестранцу, врагу как всё более удаляющимся ипостасям «чужого». Особняком стоят два симметричных понятия, описывающие переходные формы между «своими» и «чужими», теперь уже почти забытые: изгой и раб. Оба статуса получаемы принудительно. Изгой изгнан, выведен из сообщества «своих», лишён привилегий и защиты общества. Раб же насильственно введён в сообщество (исторически первично только как военнопленный, чужак, лишь много позднее в рабство стали продавать и своих, в том числе предварительно превращая в изгоев), но со временем он может стать своим, приобрести статус «вольноотпущенника», бывшего «чужого», формально наделённого всеми правами «своего». Очевидно, что описанные формы мы теперь в чистом виде нигде не встретим. Но по отдельным ключевым признакам в реальности соответствия находятся для каждой формы. Особенно явственно сохраняются они в провинции, где родственные и соседские связи крепки, а подвижность населения (миграционная активность) очень невелика.

6.3. ЛОКАЛЬНЫЕ РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Я рассмотрю эмпирически проблему «свои — чужие» в двух ракурсах: аналитическом и феноменологическом. Социологическими методами непросто изучать родство в локальных популяциях: либо это должно быть очень скрупулёзное и длительное исследование степени родственных отношений (с вычислением коэффициентов родства), возможное к проведению в очень ограниченном по численности сообществе (общине), учитывая временные затраты на исследование и вероятную величину случайной ошибки, либо можно использовать косвенные методы оценки. Метод фамильного анализа, или изонимный метод, хорошо известен как надёжный [Crow, Mange, 1982; Ельчинова и др., 1991; Сорокина, Чурносков, 2008]. Несмотря на признаваемые методические погрешности (анализ основывается преимущественно на мужском поле, довольно велика ошибка, вызванная высокой долей внебрачных детей, следовательно, генетически не родственных отцу) он широко применяется. На локальном уровне провинциальных популяций фамильный анализ всегда показывает преобладание частот немногих местных фамилий и стабильность во времени, одни и те же фамилии сохраняются в общине веками; см., например, материалы по сельскому населению областей центральной России [Сорокина и др., 2011], финно-угорскому народу Поволжья, черемисам — луговым мари [Ельчинова и др., 1996], малым народам юга Западной Сибири [Кучер и др., 2002]. Кроме того, в сельской местности при низком уровне миграции очень мал уровень элиминации фамилий, как и появление новых в конкретном сообществе. Всё это свидетельствует о сохранении в длительной перспективе тесных родственных связей между семьями одного местного общества.

Я имею мало собственных примеров применения метода фамильного анализа при изучении конкретных сообществ. Однако имеющиеся разрозненные данные из разных территорий демонстрируют одинаковую картину. Выписки из похозяйственных книг, которые я делал все годы полевых исследований в Сибири в северных и центральных областях Европейской части

России⁵¹, позволяют выявить три существенных для обсуждаемой темы факта. Прежде всего похозяйственные книги фиксируют очень высокую стабильность семей (домохозяйств) на территории: одни и те же семьи регистрируются на протяжении всего времени ведения учёта (обычно более полувека). При этом сопоставление с данными церковных метрических книг показывает вековую стабильность многих семей.

По словам большинства респондентов, они и их соседи проживают совместно на протяжении нескольких и даже многих поколений. Мне известны случаи в локальных обществах на Русском Севере, когда члены одного рода проживают в одном и том же поселении на протяжении семи-тринадцати поколений. Их предок основал деревню (починок) в самом начале XVI или XVII века⁵², а они продолжают жить в этой же деревне, где почти все жители носят одну фамилию. Так во многих старых поселениях, которые я изучал: в деревнях на Терском берегу Белого моря (Умба) и на других беломорских берегах — в деревнях Пушлахта, Лямца, Кянда, Гридино, в местных обществах северных областей — Вознесения-Вохмы, Никольска, Лешуконского (Усть-Вашка), Мезени, Удоры. Тесное родство и длительное соседство многих семей в изолированных обществах позволяют утверждать, что состав «своих» здесь генетически очень однороден. Если и имели место вселения инонациональных групп (родов, семей), то это происходило очень давно и оставило память не в сознании ныне живущих людей, а лишь в коллекциях местных историко-краеведческих музеев.

Вторым важным фактом является крайне низкий уровень миграционной подвижности населения: повсеместно доля вновь зарегистрированных в коммуне семей или их членов, как и доля выбывших, оказывается менее $\frac{1}{10}$ на временном интервале в 5, 10 и более лет. Даже в поселениях, которые целена-

⁵¹ Такие выписки имеются у меня для отдельных сельских обществ в Карелии и Якутии, в Мурманской, Архангельской, Вологодской, Костромской, Нижегородской, Новосибирской областях, в Алтайском, Красноярском краях.

⁵² Нижняя временная граница определяется наиболее ранними сохранившимися всеобщими переписями крестьянского населения в России.

правленно создавались государством исключительно из мигрантов и рассчитывались на сроки всего от четверти века до полувека (как, например, *лесопункты*, активно создававшиеся в лесной зоне России в 1930–1950-е годы, или не менее многочисленные посёлки при рудниках, шахтах и разрезах на Урале и в Сибири, а также закрытые изолированные воинские посёлки в приграничных регионах), стабильность существования домохозяйств составляла 20 и более лет. Большинство же семей продолжают и поныне, спустя 60 и более лет, проживать в этих уже многие годы заброшенных лесопунктах и посёлках и в воинских поселениях. Такие факты я наблюдаю в лесопунктах Мурманской, Вологодской, Костромской, Кировской, Нижегородской и Архангельской областей, в Карелии и Коми. То же самое в рудничных посёлках и бывших военных поселениях в Приморском, Хабаровском, Камчатском и Пермском краях. Семьи в российской провинции не склонны мигрировать, даже если условия становятся непригодными для комфортного проживания, а то и физически пессимальными.

Третий выявленный факт выглядит противоречащим утверждению о стабильности родственных связей, но только на поверхностный взгляд. Я обнаруживал повсеместно в записях похозяйственных книг в составе домохозяйств детей, обычно старших, записанных под другими, чем у отца, реже матери, фамилиями. Это дети, рождённые до брака или вне брака и затем усыновлённые/удочерённые (в ряде случаев, но не всегда). Таких детей в разных поселениях насчитывалось до трети в семьях, особенно в послевоенный десяти-пятнадцатилетний период (1945–1960). Наличие в семьях высокой доли внебрачных и добрачных детей на первый взгляд свидетельствует о значительном «разбавлении» родственных связей. Однако оказывается, что во многих случаях эти дети происходят от отцов из того же или ближайших сообществ и общин. После распада прежних, новые семьи создаются в той же самой социальной среде.

Другим источником данных о родственных связях являются архивные материалы. Это данные церковных метрических книг и государственных переписей, которые велись в России

издавна⁵³. Наиболее полные данные есть по населению отдельных сельских коммун указанных выше европейских регионов с писцовой книги 1623 года, с десяти ревизий 1719–1869 годов, с Всероссийских переписей 1897 года и далее. Выборочный анализ движения населения «ядра» России (северных и центральных губерний, где численность крепостных крестьян была невелика или они отсутствовали вовсе) также показывает высокую стабильность семей и родов. Например, по материалам скрупулёзных и полных выписок из архивов, осуществлённых краеведом С. С. Герасимовым для нескольких волостей и уездов на стыке Вологодской, Вятской и Костромской губерний, где также и я проводил мои исследования, можно видеть, насколько территориально стабильны родственные группы⁵⁴. Используя данные государственных переписей и церковных метрических записей со второй половины XVII века, приведённые в опубликованных материалах краеведа С. С. Герасимова (см.: [Герасимов, 2015; О Вохомских землях..., 2015]), и сопоставляя их с материалами вятского краеведа В. А. Старостина, представленными на сайте «Родная Вятка»⁵⁵ и в «Книге вятских родов»⁵⁶ этого же автора, а также с собственными на-

⁵³ Об истории переписей населения России с древнейших времен см., напр.: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/0ddf82804f5a9868b734f7e1000af5d8/история+переписей.htm.

⁵⁴ [Герасимов, 2006; 2015]. Составитель и публикатор этих материалов ставил перед собой совсем другие задачи, поэтому данные, собранные в указанных книгах, могут быть сопоставлены только самостоятельно читателем. Я сделал такое выборочное сопоставление всего для нескольких родов за период с 1623 года по настоящее время, добавив источники фондов Российского архива древних актов для тех же территорий (РГАДА, фонд 350 опись 2; Великоустюжский центральный государственный архив, фонд 594 опись 1; Вологодский областной государственный архив, фонд 34 опись 13), см. также: Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост.: М. В. Бабич, Ю. М. Эскин, Л. А. Тимошина. М.: АЦ, 1991 (Т. 1), 1992 (Т. 2), 1997 (Т. 3), 1999 (Т. 4).

⁵⁵ См. здесь: Родная Вятка [Электронный ресурс]. URL: <https://rodnaaya-vyatka.ru/> (дата обращения: 28.06.2021).

⁵⁶ См. здесь: Книга вятских родов [Электронный ресурс]. URL: <http://herzenlib.ru/kniga/> (дата обращения: 28.06.2021).

блюдениями в этих сообществах, я получил результаты о степени сохранности фамилий первопоселенцев. Почти все фамилии, перечисленные в самых ранних записях, относящихся ко времени заселения этого края в начале XVII в. поморами с Двины⁵⁷, сохранились и к концу XIX века и в начале XXI века. Повсеместно родственные группы сохраняются в одних и тех же селениях, размножаясь и подразделяясь на всё большее количество отдельных домохозяйств-семей. По крайней мере с середины XVII века и до наших дней одни и те же роды населяют разные селения в местном обществе, часто сохраняя верность и изначальному поселению, заложенному их праотцом. Причём в старых селениях, появившихся на территории примерно в 1620-х годах, уровень миграции крайне мал: за три-четыре столетия в селениях, исходно состоящих из членов одной фамилии, следовательно, всех близких родственников, появилось всего менее дюжины новых фамилий и, соответственно, новых семей мигрантов. При этом появившаяся фамилия почти всегда сохраняется и в последующем. Показательна и ярко выраженная неравномерность распространённости фамилий по селениям, сама по себе свидетельствующая о столь же выраженной территориальной стабильности родов и родственных групп⁵⁸. Аналогичную картину фиксируют и другие исследователи в традиционных русских регионах, напр.: [Сорокина и др., 2011; Никонов, 2017]).

Распространённость фамилий по территориям всегда свидетельствует о стабильности населения, о многовековой привязанности отдельных родов к тем территориям, на которых

⁵⁷ Заселение этих земель было вынужденным, поморы массово бежали в конце Смутного времени (около 1618–1622 гг.) от разбоя польских отрядов Лисовского и Сапеги, а также казаков, в результате действий которых Русский Север (Поморье) обезлюдел на $\frac{3}{4}$ [Паскаль, 2011, с. 52].

⁵⁸ Например, выразительный пример устойчивости фамилий северо-восточной России см.: Словарь фамилий [Электронный ресурс] / Родня Вятка. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/kvr/families/map> (дата обращения: 28.06.2021). В отношении многих указанных здесь современных вятских и вологодских фамилий на Волжско-Двинском водоразделе известно, что они появились около 1620–1640 годов, при этом подавляющее большинство из них сохранились здесь же до нашего времени.

впервые и была зафиксирована их фамилия. Более того, фамильный анализ позволяет зафиксировать и стабильность населения на уровне патологии, например, по вероятности случайного инбридинга, обусловленного высокой концентрацией родственников в локальной популяции (см., напр.: [Гинтер и др., 1994; Кучер и др., 2002]). К сожалению, на фоне широких популяционных исследований немного исследований «точечных», относящихся к описанию конкретного местного общества. Нередко они публикуются только в местной, областной печати и потому малодоступны. Но если такой анализ проводится, он всякий раз даёт однозначный результат: распределение фамилий свидетельствует о высоких значениях концентрации людей, находящихся в тех или иных родственных отношениях между собой. При этом всегда много показательнее результаты в случае специального изучения фамилий на ограниченном материале, в одном городе, одном уезде или районе. Например, сравнительно недавняя монография А. М. Каменского по истории провинциального города Бежецка в XVIII веке, где автор хотя и не изучает специально вопрос о фамилиях бежечан, но, упоминая специально или мимоходом несколько известных городских фамилий, демонстрирует весьма значительную сохранность и до наших дней старинных бежецких фамилий [Каменский, 2007]. Замечу, что в моё посещение этого города в ноябре 2011 года я успел выяснить, что многие известные бежецкие фамилии XVIII века и в наши дни имеют немало своих представителей; эти фамилии известны горожанам, их носители продолжают оставаться местными жителями.

В совсем недавней статье коллектива из десяти авторов [Балановская и др., 2011], опубликованной в номере «Вестника Московского университета», посвящённом 300-летию М. В. Ломоносова, приведены материалы по распространённости 40 фамилий родственников Ломоносова в пяти районах Архангельской области, включая Холмогорский, в котором носители этих 40 фамилий проживали 300 лет назад. Оказалось, что за эти столетия с первоначальной территории исчезли только 3 фамилии (вероятность утраты составила всего

1 фамилию за столетие, около 0,7% за одно поколение). Все остальные фамилии сохранились, причём максимальная доля их носителей по-прежнему проживает в Холмогорском районе (69%). Остальные носители зафиксированы в четырёх других районах Архангельской области. Эти результаты с большей детализацией подтверждают хорошо известный факт вековой стабильности провинциальных фамилий. Такую же картину при низкой миграции и с высоким уровнем инбридинга показывают и материалы упомянутых исследований групп учёных под руководством Г. И. Ельчаниновой в Татарстане [Ельчанинова и др., 1991; Ельчанинова и др., 1996], М. Б. Лавряшиной с соавторами в республике Марий Эл [Лавряшина, 2009], В. В. Николаева и А. Н. Кучера с соавторами в Южной Сибири и на Алтае [Кучер и др., 2002].

В моих социологических исследованиях локальных обществ я не занимался специально изучением распространённости фамилий, но некоторые эпизодические наблюдения позволяют мне утверждать, что в каждом провинциальном городе, население которого не было подвергнуто в своё время «миграционному сдвигу», сохраняется свой «список фамилий», веками неизменный. Таковы Мезень и Кологрив, Никольск и Чердынь, Солигалич и Чухлома, Бежецк и Кашин, даже достаточно большие по численности общества Торопца с Вышним Волочком и Кинешмы с Белозерском. Как показывают специальные исследования, центральные и северо-восточные регионы Европейской России характеризуются, сравнительно с южными и западными территориями, очень малой подвижностью провинциального населения, следствием чего является высокий уровень случайного инбридинга, который и фиксируется на основе косвенного «фамильного» показателя [Гинтер и др., 1994, с. 109–110; Лавряшина и др., 2009; Балановская и др., 2005, с. 9].

Для нас важен именно тот факт, что значительная доля членов местного общества в течение долгого времени — десяти и более поколений (до тринадцати-пятнадцати поколений) — остаётся на одной территории, вступает повторно в брачные связи, в результате чего доля родственников среди них оказывается весьма значительной. Многие участники местного общества мо-

гут не подозревать, что они приходится родственниками друг другу, концентрация общих генов приводит не только к сходству облика и выразительных черт поведения⁵⁹, но имеет более серьёзные последствия для всей системы отношений, выстраиваемой в конкретном местном обществе, о чём, между прочим, пишет Франк Салтер, утверждая, что наличие общих по происхождению генов (от одного общего родственника) заставляет человека интуитивно и без раздумий обеспечивать безусловную и рациональными мотивами не подкреплённую поддержку носителя таких генов [Салтер, 2003, с. 91–108, 115–117].

6.4. СОСЕДСКИЕ СВЯЗИ: РЕЗИДЕНТЫ И МИГРАНТЫ

Другим достаточно надёжным косвенным методом оценки родственных отношений в локальном сообществе является метод оценки соседских связей. Для этого обращаюсь к материалам двух моих социологических исследований 1999 и 2009 годов. Тогда были проведены большие и репрезентативные полевые исследования провинциального населения, в том числе их резидентного статуса (см.: [Плюснин, 2000, с. 9–20; Плюснин и др., 2009, с. 9–24]).

Для того чтобы оценить показатели *срока* проживания на одной территории и *соседства* как признаки «свойства» в современном провинциальном обществе, я использовал две переменные: указанные респондентом его (1) возраст и (2) продолжительность постоянного проживания на момент опроса («резидентность»). На основе этих показателей была построена новая переменная как разность значений возраста и «резидент-

⁵⁹ Например, выборочное исследование нескольких фамилий в селениях нынешнего Вохомского района на востоке Костромской области (бывшая Вознесенская волость Никольского уезда Вологодской губернии, а ещё ранее – Архангелогородской) показало, что почти все ныне живущие носители какой-либо одной старинной фамилии имеют общего предка в седьмом-тринадцатом поколении.

ности». Вычтя второе значение из первого, получим возраст, с которого респондент постоянно проживает в своём городе, селе. Оба показателя характеризуют резидентность; первый — простую продолжительность постоянного пребывания на одном месте, второй — возраст, в котором человек стал резидентом. Анализ полученных распределений осуществлён в моей статье [Плюснин, 2013]; здесь я отмечу наиболее важные с точки зрения отношений моменты соседства, имеющие место в провинциальных местных обществах.

Что любопытного в картине распределения долей населения как по сроку проживания, так и по возрасту прибытия в конкретную местность? Имеет место выразительный провал частот на интервалах «6–9 лет» и повышение на интервале «9–14 лет». Это может свидетельствовать о «сроке приживаемости» нового человека в сообществе и, соответственно, о постепенном характере вхождения его в сообщество. Надо полагать, чужак, мигрант, появившийся в новом для себя сообществе, тратит 5–7 лет на то, чтобы осмотреться и прижиться. Часть уезжает (около половины), остальные приживаются и постепенно — «оттянув срок» в 10–15 лет — уже более не проявляют страсти «к перемене мест». Они угнездились, они стали «своими». После пикового интервала «10–15 лет» частоты распределения плавно снижаются (они просто отражают влияние процесса естественного движения населения на возрастную структуру и ничего более). Рассматривая гистограммы распределений производного показателя, «периода осёдлости», обнаруживаем дополнительную информацию. Во-первых, очень большая доля респондентов, которые являются исключительно коренными жителями. С момента рождения и всю свою жизнь они прожили не только в родном им сообществе, но только в одном-единственном населённом пункте. Во-вторых, к этой категории полностью имобильных насельником тесно примыкает группа респондентов, привезённых в детском возрасте в конкретный населённый пункт и с тех пор безвыездно живущих здесь. Они приехали вместе с родителями в раннем или уже в школьном возрасте. Следовательно, сами они место для жизни не выбирали и остались здесь

жить навсегда. Эта категория респондентов легко отсекается на интервале 16–18 лет, времени окончания школы (хотя здесь же находятся и те, кто уходил в самостоятельную жизнь, поступая в начальные и средние специальные учебные заведения). Таких респондентов, ставшими резидентами в детстве, оказалось по $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{5}$. Почти все они – жители окрестных поселений, переселившихся, как правило, в свой административный центр. Следовательно, всех их необходимо также причислить к коренным жителям. Несмотря на перевоз их родителями, сами они не были подвержены миграционным настроениям и никуда с тех пор не уехали. Таким образом, доля исключительно коренных жителей, в отношении которых определённо известно, что они никогда не покидали своё сообщество, составляет от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всех жителей одного поселения. Оставшиеся $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ демонстрируют две «траектории оседания» в поселении. Во-первых, в связи с получением профессионального образования и последующего распределения после окончания вуза⁶⁰ в конкретную местность (обычно город), приехавший молодой специалист остаётся здесь на всю жизнь. Большинство людей из этой категории прожили в своём поселении уже более 20–25 лет, следовательно, давно и прочно укоренились. Третья категория переехавших – это люди, которые вполне самостоятельно во взрослом возрасте и по самым разным причинам поселились сравнительно недавно в городке или селе около 10–15 лет назад до времени опроса. Эти респонденты приехали по причинам скорее семейным, чем профессиональным. Значительная часть из них – люди, переехавшие в административный центр района из сельской округи. Наконец, имеется очень небольшая группа людей, ме-

⁶⁰ По советскому закону о профессиональном образовании, все выпускники средних и высших профессиональных учебных заведений (техникумов, училищ, сейчас – колледжей, институтов и университетов) по их окончании должны были отработать в течение трёх лет в организациях, куда были распределены руководством вуза. Такая практика представляется рациональной, поскольку профессиональное образование в СССР было полностью бесплатным и последующая трудовая деятельность по распределению являлась компенсацией государственных затрат на обучение.

нее одного процента, прибывших в населённый пункт в возрасте старше 50 лет. Это, как правило, родители, переехавшие сами или перевезённые жить к взрослым детям, а также дачники из крупных городов, поселившиеся в «глухой» провинции после выхода на пенсию (среди последних, впрочем, многие имеют здесь родовые корни). Вот этих-то сравнительно недавно приехавших людей, численность которых от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ в разных поселениях, и можно посчитать за тех, кто уже не «чужой», но ещё и не «свой».

Итак, по сугубо статистическим расчётам, «коренных своих» в провинциальном городе, центре местного общества, по меньшей мере 8–9 человек из 10. Ясно, что не все такие люди будут полноправными «своими», т.е. признаны местным обществом за таковых. Но по критериям признака «соседства» они все соседи именно в том смысле, что подавляющее большинство лично знакомы друг с другом, причём это знакомство является тесным. Мне остаётся лишь сделать вполне банальное заключение: в провинциальном обществе почти все жители — резиденты и соседи. Резиденты потому, что не имеют страсти к перемещениям и предпочитают родиться, вырасти и умереть в своём родном городе. Соседи потому, что все давно знакомы друг с другом, хотя бы и «через одного».

Ещё с большей определённостью это можно утверждать для сельской округи. Средняя российская деревня имеет небольшую численность жителей, 280 человек в среднем сельском поселении; при этом в 62 процентах деревень проживают всего от 1 до 100 человек⁶¹. Поэтому здесь резидентами и соседями оказываются все без исключения. Аналитическая оценка доли «укоренённых» в городах, центрах местных обществ, составляет более 90%, что определённо свидетельствует о *косной* структуре отношений «свои — чужие». «Чужих» очень мало, а значительную часть их составляют горожане, поселившиеся

⁶¹ По данным Федеральной службы государственной статистики, см.: Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 28.06.2021).

в городках и деревнях в течение последних 10–30 лет и фактически уже находящиеся на пути превращения в «своих», если только они не пребывают в статусе дачников.

6.5. ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ СТРУКТУРЫ «СВОИ – ЧУЖИЕ»

Необходимо перейти к вопросу о том, какие категории населения конкретно являются «своими» и «чужими» в провинциальном сообществе. Я намерен привести несколько типичных образцов социальной структуры, дифференцируемой по основанию «свои – чужие». Отдельные описания привязаны к сложности состава «своих». При этом сложность состава «чужих» не бралась мною в расчёт, поскольку она мало изменяется, и во многом состав «чужих» зависит от пространственных (изоляция), исторических (время жизни сообщества) или экономических (преимущественно особенности ресурсного обеспечения) факторов. Как видно, во всех трёх случаях это типические различия.

В силу необходимости обобщения множества эмпирических данных я предлагаю простейшую формализацию – представлю двухкомпонентную модель структуры «свои – чужие», основанную на изложенной выше концепции «ламинарных/турбулентных» сообществ. Первый компонент модели есть продолжительность существования местного сообщества (Т), второй компонент есть степень пространственной изоляции (I). Эти два показателя соотношены с зависимыми от них показателями темпа миграции в сообщество и численности «чужих»⁶². В данном случае я основываюсь на модели абсорбции мигрантов, разработанной Паулем Коллиером (Paul Collier) [Коллиер, 2016, с. 63–72, 122–152], иллюстрируемой графиком на стр. 65 его книги (рис. 16).

⁶² Или – что то же самое – когда «чужие» являются представителями одного этноса/народа, отличного от населения вмещающего сообщества, тем миграции зависят от размера локальной диаспоры; обычно в нашем провинциальном обществе диаспоры образуют представители народов бывших советских республик Кавказа и Средней Азии.

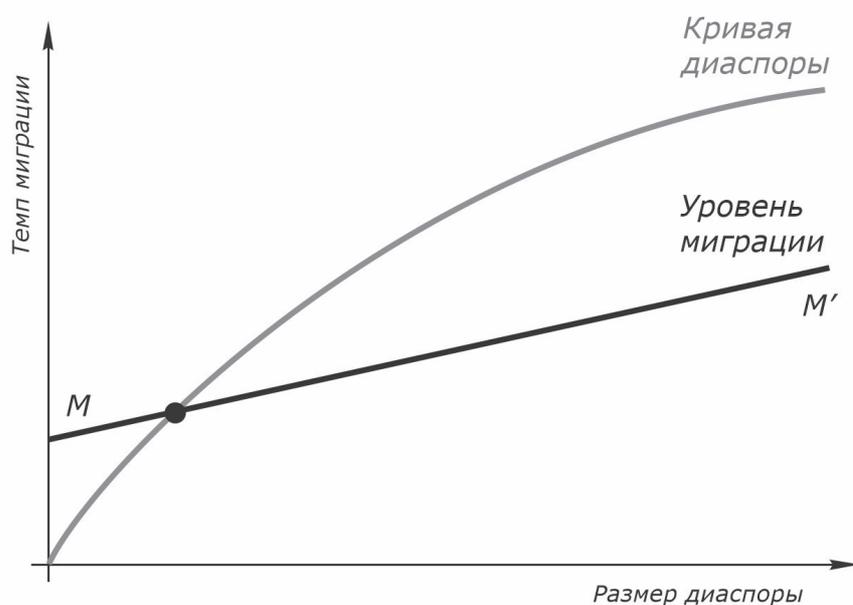

Рис. 16. Рабочая модель динамики диаспоры мигрантов во вмещающем обществе в зависимости от размера диаспоры, темпа и уровня миграции, интенсивности абсорбции. Источник: [Коллиер, 2016, с. 65; пояснения в тексте, с. 63–72]

Основываясь на представленном здесь соотношении размера диаспоры и темпа миграции, я могу предложить модель влияния численности мигрантов и скорости миграции на социальную структуру локального общества. Предполагаю, что оба параметра — (1) численность мигрантов (или размер диаспоры в случае миграции представителей одного народа) и (2) скорость миграции — сами являются зависимыми переменными от продолжительности существования (T) и изолированности (I) местного общества. В обоих случаях зависимость обратно пропорциональна. Уровень миграции будет экспоненциально нарастать (убывать) в зависимости от размера диаспоры, который также будет зависеть, во-первых, от степени пространственной изоляции, во-вторых — от времени (продолжительности) существования сообщества. Трёхмерная модель представлена на рис. 17. Численность мигрантов экспоненциально снижается по обеим координатам, быстрее по I и существенно медленнее по T . Обращу внимание, что третий важный пара-

метр (влияние внешних факторов на формирование и развитие сообщества), определяющий естественный/принудительный тип развития сообщества, имеет место, но его значение, вероятно, лишь количественное: в сообществах естественного развития уровень миграции и размер диаспоры мигрантов («чужих») будут исходно меньше и быстрее сойдут на нет, нежели в сообществах принудительного развития.

Преобразуя модель на рис 17. в табличную форму (см. табл. 12, на основе табл. 3), можно определить, какие виды различий следует выявлять и описывать, чтобы рассмотреть все варианты структурных компонент на оси «свои – чужие». Видно, что необходимо проанализировать по меньшей мере 4 из 9 возможных типов отношений «своих – чужих»: от наибольшей доли мигрантов в молодых «турбулентных» сообществах (отмечена в таблице символами +++) до наименьшей доли в изолированных древних и старых сообществах (отмечена в таблице символом + или пропуском, что означает полное отсутствие «чужих»).

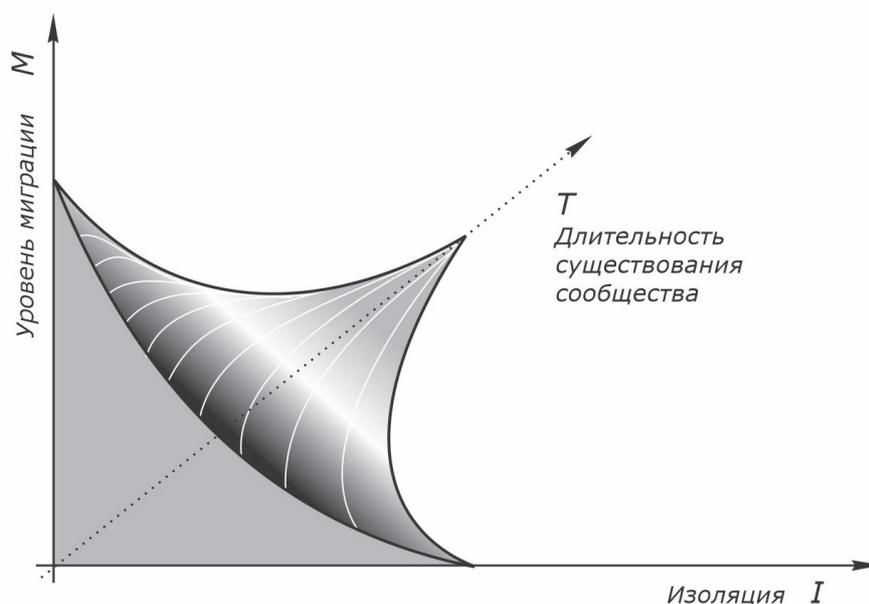

Рис. 17. Зависимость уровня миграции (М) от пространственной изоляции (I) и длительности существования (Т) местного общества. Миграция в сообщество снижается скорее в случае возрастания степени пространственной изоляции, чем в случае увеличения продолжительности существования локального сообщества

ТАБЛИЦА 12

Изменение доли «чужих» в сообществе в зависимости от длительности существования и пространственной изоляции

Пространственная изоляция	Возраст сообществ	Молодые (до 150 лет)	Старые (150–500 лет)	Древние (старше 500 лет)
Изолированные сообщества		++	–	–
«Ординарные» сообщества		++	+	+
«Турбулентные» сообщества		+++	++	++

Примечание: условными символами обозначено умеренное (+), большое (++) и очень большое (+++) количество мигрантов.

Таким образом, из девяти возможных вариантов описания структуры по основанию «свои – чужие», в зависимости от интенсивности миграции и доли «чужих» в сообществе, акцент надо сделать всего на четыре типа. Наименьшую долю «чужих» имеют древние и старые изолированные сообщества. Такие изолированные общества с трудом принимают мигрантов в силу сложившихся и укоренившихся механизмов самоизоляции, при этом их способность к абсорбции крайне мала, и мигранты практически не имеют шансов прижиться в этих обществах. Особенно это характерно для изолированных обществ с этнически нерусским населением, где доля представителей одного народа составляет подавляющую величину (более половины и до 100 процентов численности).

Малую долю «чужих» имеют молодые изолированные сообщества: здесь возможна и продолжается миграция и идёт активно абсорбция мигрантов, но сама миграция объективно сильно затруднена в силу пространственной изоляции. Старые и древние неизоллированные сообщества («ординарные»)

также имеют небольшую долю чужих, но по иным причинам: даже если миграция достаточно значительна, в этих обществах выработаны мощные социальные защитные самоизолирующие механизмы, препятствующие абсорбции. Является ли структура «чужих» в первом и втором случаях одинаковой или разной? Поверхностный анализ не выявляет различий. Но более детальный взгляд позволяет заметить, что лёгкость абсорбции мигрантов в молодых изолированных обществах позволяет укорениться в них самым разным профессиональным, социальным, этническим и конфессиональным группам «чужих». Отсутствие пространственной изоляции в старых обществах «турбулентного» и «ординарного» типов (а особенно в таких обществах принудительного развития) обуславливает большой приток мигрантов, но механизмы самоизоляции оказываются селективным фактором, фильтрующим «чужих» по всем указанным признакам, особенно по конфессиональным и этническим.

Высокую долю мигрантов имеют древние и старые общества, называемые мною «турбулентными» — сквозь которые проходят транспортные магистрали, а также молодые «ординарные» принудительного развития общества. Здесь наличие транспортных магистралей и связанной с ними промышленной инфраструктуры способствует значительному притоку чужих, которому не могут противостоять даже мощные самоизолирующие механизмы. Имеет место постоянное «размывание» социальной структуры за счёт значительной турбуляции.

Наибольшая же доля «чужих» самого разнородного состава ожидается в молодых принудительного развития «турбулентных» сообществах, хотя бы потому, что все члены этих сообществ есть мигранты или потомки мигрантов всего лишь в первом-третьем поколениях, и процесс наполнения их новыми членами, может быть, не закончился, а абсорбция мигрантов максимально облегчена в силу слабо развитых механизмов самоизоляции. При этом такие общества расположены на транспортных магистралях, миграционный поток сквозь них очень велик, что и создаёт турбулентность, постоянно размывающую и разрушающую социальную структуру.

Ясно, что это только модельная аппроксимация и соотношение с реальностью может местами сильно отличаться. Тем не менее я веду описание структурных различий, исходя именно из данной модели.

Переходя на язык старых социологических формализаций, можно сказать, что среди провинциалов очень много «стайеров» и очень мало «муверов» (в соответствии с моделью I. Blumen, M. Kogan, Ph. J. McCarthy [Blumen et al., 1955]; см. также: [White, 1970]). В предложенной ими модели, прилагаемой к европейским обществам, выделены два типа индивидов по характеру мобильности: «стайеры» и «муверы». Дифференциация популяции на «стайеров» (иммобильных или тех, кто не меняет своей позиции в социальной структуре, в том числе не имеет страсти к перемене мест и всю жизнь предпочитает прожить в родной деревне, городке) и «муверов» (повышающих или понижающих позицию в социальной структуре, в том числе прирождённых мигрантов, дети которых тоже склонны к переездам) позволила аппроксимировать модель к реальности в соотношении 60: 40 первых ко вторым. Однако в провинциальном русском обществе это соотношение вырастает до 90: 10 и даже больше. Здесь почти нет «муверов», здесь все — «стайеры». Эти люди — соседи, потому что они не только образуют коренное население города и сельской округи, они ещё и все знакомы между собой, сеть стабильных социальных связей практически замкнутая, с максимальной интеграцией и минимальной централизацией, составляет почти «полный интегрированный граф» (см.: [Høivick, Gleditsch, 1975, p. 217–223]). Аналитическая оценка доли «укоренённых» (больше 90%) свидетельствует о *косной* структуре по признаку «свои — чужие».

Надо также иметь в виду, что структура провинциального общества по основанию «свои — чужие» анализируется мною не на всём пространстве локального сообщества, а преимущественно в его главной и ключевой точке — городе (местечке), как центре всей общественной жизни. Сельская округа «тянется» к городу, но повсеместно остаётся «социально чистой» — здесь совсем нет «чужих». Сельская округа и не допускает к себе «чужих». Все пришлые элементы концентрируются в центре

местного общества. На периферии же общества, помимо фактора «социальной ксенофобии», присущего любой провинции, имеет значение и специфический российский климатический фактор. В наших природных условиях, в бореальных и арктических широтах, сколь-нибудь длительное изолированное проживание отдельного человека или семьи невозможно или крайне затруднено. «Чужой» в сельской округе нуждается в постоянной поддержке и помощи со стороны своих новых соседей, даже если он располагает значительными финансовыми ресурсами, позволяющими ему покупать услуги других для удовлетворения его повседневных нужд. Самостоятельно он или его семья не могут обеспечить себя ни топливом (дровами), ни запасами питания. В любом случае чужому в деревне необходима помощь соседей, если только он не обитает здесь в летний период, а остаётся и на зиму. Максимальный срок, который может прожить такой «чужой» в деревне без поддержки соседей, местных жителей, составляет не более 2–3 лет, обычно же хватает одной зимы. Но в городском центре, сколь бы ни был он мал, существует необходимая инфраструктура и развита система государственной поддержки, которые позволяют «чужому» поселиться, внедриться и проживать достаточно длительное время, не имея необходимости становиться «своим». Однако тут надо указать на особый случай типа молодых «турбулентных» принудительного развития местных сообществ. Здесь сельская округа деградировала и бывает столь редуцированной, что стягивается (ужимается) до предместий центрального городка. Поскольку миграционный напор в таких обществах велик, то и сельская округа испытывает на себе всю силу этого давления, и здесь появляются специфические категории «чужих», и в значительном количестве.

Итак, ниже я рассмотрю, опираясь на предложенную модель и табл. 12, провинциальную структуру сообществ по оси «свои – чужие» при нескольких градиентах миграционного давления: от максимально однородных изолированных древних сообществ до молодых «турбулентных» принудительного развития сообществ, испытывающих постоянные интенсивные внешние воздействия.

6.6. «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ИЗОЛИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВАХ

Я уделяю сравнительно много внимания изолированным сообществам по той простой причине, что здесь структура «своих — чужих» представлена как бы в наиболее чистом виде, без искажений, вызванных непрерывно идущей миграцией. В отличие от «своих», структура (но не состав) которых повсеместно во всех типах обществ достаточно однородна, для «чужих» картина довольно сильно меняется в зависимости от двух вышеуказанных факторов — изолированности и древности/молодости сообщества. В контексте структурных различий по признаку «свои — чужие» имеет нередко определяющее значение этнический состав населения и конфессиональные особенности. По этим признакам изолированные сообщества оказались существенно отличными от неизолированных («ординарных») и «турбулентных» типов. Здесь довольно высока как доля этнически нерусского населения в составе общины, так и количество местных сообществ с преимущественно нерусским населением. Хотя национальный состав не являлся для меня критерием при отборе локальных сообществ, в конечном счёте всё же оказалось, что изолированные сообщества существенно более разнородны этнически, чем «турбулентные» и «ординарные» сообщества.

В моих материалах имеются данные по 41 изолированному местному обществу в основном списке (см. табл. 2 и карту на рис. 3). Из них 12 сообществ имеют значительный инонациональный состав, что почти в 2 раза больше, чем в случае 101 общества двух других типов, где было описано 18 обществ с населением смешанного этнического состава. В $\frac{2}{3}$ изолированных локальных обществ этнический состав населения — исключительно русские. В оставшейся трети обществ велика доля иных народов. В четырёх сообществах наряду с русскими живёт значительная доля представителей других народов, составляя от 20 до 40 процентов всего населения, но во всех случаях они образуют единое местное общество. Это народы Поволжья: башкиры, татары, марийцы, мокша, коми, и народы Крайнего Севера Сибири: эвенки, якуты, долганы, эвены, ительмены, коряки.

В $\frac{1}{5}$ других изолированных сообществ (в восьми) нерусское население составляет долю от 80 до 100 процентов, т.е. эти общества этнически гомогенны. Это два северокавказских общества — Гуниб и Гергебиль, здесь проживают аварцы и даргинцы, представителей других народов почти нет. Третье местное общество расположено в Поволжье на реке Белой (Караидель), где проживает смешанное башкирское и татарское население с небольшой долей русских и марийцев. Пять других обществ очень малочисленны и крайне пространственно изолированы, они находятся в европейской Арктике и на севере Сибири, в Якутии. Это две общины в арктической зоне Европейской России — Краснощелье на Кольском полуострове (Мурман), образованное коми-жемцами на саамском этническом субстрате, и ненецкая община Варнек на острове Вайгач. Это также община низовьев реки Анабар, где население представлено эвенками (тунгусами), долганями, эвенками и якутами, и община реки Томпо, где население представлено эвенками (ламутами), эвенками (тунгусами) и якутами. В лесах Горного Алтая располагаются село Курмач-Байгол (одна община) и сообщество Улаган, состоящие почти исключительно из алтайцев-челканцев и телесов (теленгитов).

Мне известно, что по крайней мере ещё в пяти изолированных местных обществах в составе русского населения значительную, но при этом неизвестно какую, долю составляет местный этнический субстрат: коми в Мезени, Лешуконском и Чердыни [Смирнов, 1891 (2011)], чулымские татары в Таре [Тарская мозаика, 1994; К 400-летию г. Тары, 1994), мари в Ветлуге [Оглоблин, 2010]. Однако преобладающее большинство представителей этих этносов с давних пор называют себя русскими. Этническая самоидентификация превозмогла этногенетические признаки.

Сохранение этнического разнообразия прямо зависит от доли сельского населения: чем больше доля жителей сельской округи в сообществе, тем медленнее шла русификация, особенно в советский период [Плюснин, 2008]. Изолированные сообщества сохраняют не только большую долю сельского населения, но и их центры — это чаще всего сёла. Таковы 29 центров в 41 изолированном обществе, что существенно выше доли

центров-сёл в других типах сообществ. Доля сельской округи — всей совокупности мелких поселений, деревень, хуторов, аулов, посёлков — относительно велика и составляет более $\frac{1}{2}$ общей численности местного общества. Именно поэтому состав населения большинства изолированных сообществ не моноэтничен, здесь совместно проживают обычно два, иногда три народа. Как правило, в городке (местечке) значительна доля русского населения, а в сельской округе проживает больше этнически иного населения. Этой этнотерриториальной особенностью такие сообщества существенно отличны от неизолированных («ординарных») обществ, где почти повсеместно преобладает русское население, а сама сельская округа в значительной мере деградировала и с популяционной, и с территориально-селитебной точки зрения.

Каков состав и происхождение «своих/чужих» в изолированных обществах? Уже из того, что во многих из них присутствует разное по этническому составу население, следует, что такие сообщества формировались из пришлого русского населения, смешавшегося с местным более ранним этническим субстратом. Они давно образовали единое целое. Обычно сроки «сплавления» в единое целое исчисляются полутысячелетними значениями. В целом же просматриваются три варианта формирования структуры «своих» в изолированных сообществах: (1) из разного этноконфессионального субстрата, (2) из однородного иноэтнического субстрата, (3) из однородного русского субстрата.

6.6.1. РАЗНЫЙ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СУБСТРАТ

В первом варианте, который наиболее явственно представлен в молодых изолированных сообществах, этническое смешение ещё не завершено, процесс до сих пор является болезненным, составляя едва ли не центральную тему повседневных обсуждений среди жителей. В основе этих обсуждений лежит, как всегда, борьба за природные ресурсы, которые представители

одного этноса считают принадлежащими себе издревле, а недавние вселенцы (всего лишь 100–150 лет назад!) претендуют и на свою долю. Такова ситуация в половине из дюжины молодых изолированных сообществ. Здесь всё ещё идёт образование «общественного монолита» из этнически разнородных частей. Приведу примеры обществ Эссо на Камчатке и Анабара в Якутии.

Местное общество Эссо (Быстринский район, Камчатка) представлено менее чем 3 000 человек, все население проживает в двух сёлах (Эссо и Анавгай). Складывалось это общество из четырёх источников, практически «на наших глазах», то есть они зафиксированы в письменной истории. Автохтонное камчатское население, издревле здесь проживающее – ительмены. После прихода русских казаков в XVII веке они стали активно смешиваться (причина обычна: нехватка женщин у русских) и скоро образовали субэтнос камчадалов. Эти две давно смешанные группы составляют нынешнее коренное население Эссо. Однако в XIX веке на территорию вселились эвены (ламуты) с севера и заняли часть исконных земель ительменов и камчадалов. Процесс межэтнического смешения до сих пор не закончился, как и территориальные споры между ними за природные ресурсы. Наконец, уже в XX веке, в советские времена, появились новые вселенцы – коряки с западного побережья Камчатки. Одновременно, в течение всего столетия, шёл процесс вселения русских из дальних земель – с территорий Европейской России. Только к 1980 годам процессы этнических смешений здесь закончились, и последние полвека идёт «плавка» столь разнородного материала. Конечно, все жители давно уже стали своими друг другу и даже родственниками, но споры о «первородстве», инспирированные конкуренцией за охотничьи участки, рыбные тони и «родовые территории», не утихают.

Анабарское местное общество (официальное наименование – Анабарский национальный долгано-эвенкийский улус, Якутия) представлено также всего 3 500 жителями в двух поселениях – село Саскылах и посёлок Юрюнг-Хая. Общество составлено из трёх основных этнических элементов. Основную численность (до ½ населения) составляют долганы, народ, сложившийся в XIX–XX вв. смешением местных и пришлых эвен-

ков (тунгусов), русских крестьян и якутов. Вторую по численности группу, около 900 человек, составляют эвенки, с которыми (как и с русскими) долганы находятся в дружеских и родственных отношениях. К эвенкам же примыкает небольшая по численности (100 человек) группа эвенов (ламутов). Представители этих трёх этнических групп автохтонны, хотя являются сравнительно недавними поселенцами на территории. Они вместе с долганами противостоят четвёртой группе – якутам (около 700 человек), которые вместе с русскими (250 человек) являются недавними вселенцами на территорию. Но если отношения долган, эвенков и эвенов с русскими носят нейтральный и дружеский характер (во многом в силу не только родственных связей, но и весьма различных профессиональных и ресурсно-экологических ниш), то с якутами – выражено агрессивный. Отношения не могут устояться уже долгие годы, причина состоит в захвате якутами всех наиболее «кормных» и прибыльных мест в экономике и в вытеснении ими автохтонов с территорией охоты и оленьих пастбищ. Значительная пространственная изоляция не может скомпенсировать действие слабых механизмов социальной консолидации.

В обоих сибирских местных обществах «чужие» составляют очень незначительные группы людей, которые при этом появляются здесь на короткий срок и нередко не по собственной воле. В последнем случае это военнослужащие воинских частей (которые, в частности, во многом повлияли на этнический состав местного населения, оставив немало потомков русской крови) или группы профессионалов: авиаторы, энергетики, горные инженеры и др. Присутствуют, кроме того, достаточно изолированные группы «чужих» – это вахтовые рабочие на предприятиях по добыче природных ресурсов. Например, горно-обогатительный комбинат по добыче алмазов в посёлке Эбелях, рабочие, охранники и специалисты которого жили в полной изоляции от Анабарского местного общества. Схожая ситуация с «чужими» в селе Эссо, где сотрудники Быстринского национального парка нередко становятся эпизодическими обитателями. Все эти группы «чужих» живут относительно изолированно от остального общества.

По собственной воле появляются в таких местных обществах лишь две-три своеобразные категории «чужих» (впрочем, они повсеместны) — это редкие и малочисленные бригады сезонных вахтовиков-строителей (обычно 1–2 бригады до 20–30 человек и не каждое лето), а также горожане-пенсионеры, приобретающие усадьбы или квартиры и поселяющиеся сезонно на лето. Есть ещё очень малочисленная категория «чужих» — представители религиозных сект (например, «Свидетели Иеговы»), миссионеры (протестанты-евангелисты), а также разного рода «экологисты» (так называемые «славяне-язычники» и «анастасийцы»). Эти люди всегда «на особицу», демонстрируют отчётливое поведение чужаков и не пытаются стать «своими». В случае нередкого неуспеха своего предприятия в местной среде безвозвратно исчезают, оставив после себя только след в виде купленного и разрушающегося дома.

6.6.2. ОДНОРОДНЫЙ ИНОЭТНИЧЕСКИЙ СУБСТРАТ

Второй вариант формирования структуры «своих» в изолированных сообществах создается в условиях, когда местное общество образовано из этнически однородного населения, не смешавшегося с пришлым русским населением. Смешения не произошло по разным причинам, но главная из них — значительная пространственная изоляция в силу труднодоступности местности: вселению русского населения не способствуют либо горы Северного Кавказа (Гуниб и Гергебиль), либо арктическая тундра побережья Ледовитого океана (Вайгач и Краснощелье), либо холодные горно-таёжные пустыни хребта Сунтар-Хаята (Томпо), либо глухая черновая тайга Кузнецкого Алатау (Курмач-Байгол и Улаган).

Значительная изоляция наряду с мощными самоизолирующими механизмами, основанными на родственных отношениях, приводят к тому, что население таких сообществ достаточно однородно, буквально это одна община, которую составляет

иногда всего один или несколько родов (кланов). Появление новых насельников обусловлено лишь политическими и административными причинами. Одна из важнейших причин заключается в следующем: начиная с 1960-х годов, в районные центры свозилось (насильственно переселялось) население не только окрестных деревень, но и деревень, удалённых на сотни вёрст. Новые вынужденные насельники образовали незначительные иноэтнические пласты в местной социальной структуре.

Ярким примером здесь является немногочисленное (менее тысячи человек) общество Томпо (посёлок Тополиный, Томпонский наслег, Якутия). Посёлок был образован в 1970-е годы из свезённых с разных территорий Томпонского района эвенских (ламутских) родов, которые составили основную долю всего местного общества, крайне изолированного (расстояние до ближайшего села, районного центра Хандыга — около 300 километров). Помимо преобладающего эвенского населения в посёлке проживают немногочисленные эвенки (тунгусы), якуты и русские. Многие давно породнились, но имеют место и брачные этнические предпочтения. Противостояние эвенов и эвенков с якутами выражается в отказе от образования смешанных брачных пар с якутами, хотя между ламутами, тунгусами и русскими брачные предпочтения очевидны.

Создание изолированного сообщества Краснощелье (Мурман) имеет схожие черты с вышеописанным случаем. Исконно по этой территории кочевали оленеводы — саамы (лопари), и на всём пространстве Кольского полуострова существовало множество мелких саамских погостов и сийдов (постоянных стойбищ), состоящих из одной или нескольких семей; по-видимому, на востоке Мурмана это были полукочевые поселения. Во время Второй мировой войны и в течение первых двадцати лет после неё все мелкие поселения саамов были уничтожены или ликвидированы (свезены в «центральную усадьбу»). Первые крупные поселения появились здесь в начале XX века, их образовали коми-ижемцы, также оленеводы, переселившиеся из Карелии, куда они перекочевали в середине XIX века за более чем тысячу вёрст из района рек Ижмы и Печоры (в современной Республике Коми), спасая своих оленей от падежа. В Краснощелье они составили

единое сообщество с лопарями (саамами), чему способствовал тот факт, что те и другие имели сходные модели жизнеобеспечения (см.: Лукьянченко, 1993). Позднее, уже в XX в. сообщество включило в свой состав незначительное количество русских поморов, а также разнородное русскоязычное население, приезжих специалистов. Теперь Краснощелье и ещё два удалённых селения составляют небольшое, но автономное и самодостаточное сообщество (см.: [Козлов и др., 2008; Позаненко, 2017, 2018])⁶³. В таких сообществах почти нет чужих людей, за исключением представителей особых профессий (например, метеорологи).

6.6.3. ОДНОРОДНЫЙ РУССКИЙ СУБСТРАТ

Третий вариант структуры «своих» образуют изолированные сообщества с исконно русским населением. Такие сообщества, как правило, существуют с древних времён, сохранились в исходном составе до наших дней (за некоторыми исключениями полного выселения или вымирания прежних насельников местности и заселения её другим населением, перемещённым издалека). В целом ряде таких сообществ важнейшим фактором социальной однородности выступала не физическая изоляция (она была вторична), а самоизоляция по причинам, обусловленным катастрофами общественной жизни.

В одних случаях действовали политические причины, например Смута (конец XVI – начало XVII века), заставившая целые сельские миры из таких регионов, как Поморье (Русский Север), покидать родные места и бежать на Волгу, на Урал и в Сибирь, основывать там малочисленные однородные сельские общины и смешиваться с местным этническим субстратом.

⁶³ См. также: Записки из жизни современного оленеводческого села [Электронный ресурс]. URL: https://goarctic.ru/live/zapiski-iz-zhizni-sovremennogo-olenevodcheskogo-sela/?sphrase_id=1667 (дата обращения: 28.06.2021); Из жизни современного оленеводческого села [Электронный ресурс]. URL: <https://goarctic.ru/live/iz-zhizni-sovremennogo-olenevodcheskogo-sela-chast-ii/> (дата обращения: 28.06.2021).

Подобных примеров очень много: поморы и черемисы на водоразделе Северной Двины и Волги, ангарцы-чалдоны и тунгусы на Ангаре, семейские (старообрядцы), буряты и керимы в Забайкалье. В других случаях причинами явились природные факторы, вызывавшие эпидемии, эпизоотии, неурожаи и голод, заставлявшие людей спасать собственную жизнь или жизнь скота и уходить в поисках новых мест для существования, благо таких в России всегда было много⁶⁴. В третьем случае причиной стали, конечно же, конфессиональные расхождения, первый в этом ряду – раскол XVII века: многие из изолированных обществ сохраняли приверженность старой вере (старообрядчеству), вследствие чего развивали мощные охранительные механизмы самоизоляции, позволявшие поддерживать особость своего общества не только в инонациональной среде, но и в среде новообрядческой, хотя бы и однородной этнически [Паскаль, 2011]. В моей выборке таковы древние общества Варнавино (Нижний Новгород), Мезень (Архангельск), Пудож (Карелия), Солигалич (Кострома), Удора (Коми), Умба (Мурман), Чердынь (Пермь), а также старые общества Ветлуга (Нижний Новгород), Качуг (Иркутск), Лешуконское (Усть-Вашка, Архангельск), возможно Тара (Омск). А из молодых обществ это современные староверческие сёла Эржей-Сизим в Туве, составляющие одну общину русских старообрядцев среди сплошного тувинского населения.

В качестве примеров укажу на два древних изолированных местных общества с «чисто русским» населением – Солигалич и Чердынь. Располагаясь в схожих экологических и климатических условиях на севере Европейской России и на Урале, они существенно различаются по составу и процессу формирования «своих» и «чужих».

Древний город Чердынь на севере Пермского края – классический медвежий угол, хотя история его богата даже столич-

⁶⁴ Например, известно, что псковские и новгородские земли в XV веке были заселены москвитами, а московские в XVII веке – карелами, вепсами, поморы с Русского Севера отправились колонизовать Сибирь, а в обратном направлении в XIX веке из Предуралья двинулись коми – примеров не счесть.

ными «штучками» (см. [Чердынь и Урал, 1999]). По составу населения типичный русский город: более 95% жителей считают себя русскими, за сто лет после первой переписи этнический состав населения Чердыни нисколько не изменился; см.: [Памятная книжка..., с. 64–67; Чагин, 2004, с. 39–41]. Город невелик с точки зрения численности: два столетия назад, в 1814 г., в нём проживали 2 793 обывателя, спустя столетие, в 1920 г. — 4 578 граждан [Чагин, 2004, с. 91–92], а теперь здесь нет, вероятно, и пяти тысяч жителей. В пересчёте на домохозяйства в городе и ближних окрестностях проживают всего около 1 800–2 000 семей, большинство из них живут в собственных домах-усадебках. Но чердынское местное общество, конечно, шире границ города. Оно включает ещё несколько ближних и дальних населённых пунктов. Здесь расположены дачи чердынцев, сюда или отсюда люди ездят на работу. Здесь же указаны основные связи чердынского общества с внешним миром: на севере удалённое на 40 километров село Ныроб с почти двумя тысячами жителей, которое тесно связано с Чердынью и экономически, и исторически, и потому входит в круг «дальних своих». Это единственный удалённый из значительных по численности посёлков, жителей которого чердынцы причисляют к «своим» (конечно, все «свои» — жители мелких поселений чердынской сельской округи). Столь же удалённый Красновишерск — это уже определённо «чужие». Как «чужие» воспринимаются и общества Соликамска с Березниками — Чердынь связывает с ними единственная дорога на юг.

Все здесь знают друг друга, все здесь свои, вместе прожили жизнь. Последние двадцать лет в Чердыни, как и везде, отрицательный естественный прирост усугубляется отрицательным сальдо миграции, но она невелика. Уезжают немногие, в среднем в год по 20–25 человек, что, по грубой оценке, составляет не более 1 процента от общей численности домохозяйств. Уменьшение численности населения района происходит в том числе из-за происходящего в последние годы расформирования многочисленных колоний. Тут надо иметь в виду, что в городе и окрестных сёлах оседает на неопределённое время некоторая часть освободившихся заключённых. До недавнего времени их

в ныробских зонах содержалось около 4000 человек. Некоторая часть из освободившихся (ежегодно около 20–30 человек) недолго, на 1–3 года, задерживалась перед тем, как отправиться на «большую землю». «Приживаемость» в городе бывших зэков невелика. Трудности с устройством на работу, необходимость ведения хозяйства, без которого здесь не прокормишься. Купить дом невозможно, обычно надо «поджениться», а это в дальнейшем вызывает новые проблемы. Потому бывшие зэки, сделавшие неудачную попытку закрепиться в чердынском обществе, составляют существенную, но неизвестную долю уезжающих. Они определённо чужие, но их статус в местном обществе особен тем, что бывшие зэки проводят в ныробской колонии не один год, следовательно, устанавливают постоянные отношения со многими чердынскими жителями, работавшими в охране колоний. Конечно, чердынцы считают их чужими, такими эти люди являются объективно.

Кроме бывших зэков местное чердынское общество выделяет ещё четыре немногочисленные группы «чужих». Сравнительно новая группа чужаков — монахи, насельники возобновлённого Иоанно-Богословского мужского монастыря. Монастырь знаменит тем, что это первая христианская церковь и первое же каменное здание на Урале, служба в котором ведётся непрерывно с середины XV века. Но монастырь пользуется весьма малым вниманием чердынцев. Примечательно, что местные чуждаются монахов, но и монахи не жалуют местных и активно взаимодействуют именно с бывшими заключёнными, проживающими в городе. Две группы «чужих» нашли друг друга во враждебной им однородной и солидарной среде чердынцев. Ещё одна группа новых «чужих» — это 2–3 бригады вездесущих строителей, узбеков или таджиков, числом до 20–30 человек. Их распознают как «чужих», но физически этих людей горожане встречают крайне редко, больше знают об их существовании. Наряду со строителями имеется и другая «проточная» группа «чужих», но, в отличие от первых, эти «чужие» заметны и всегда на глазах у жителей — туристы. Их еженедельная численность составляет 100–150 человек. Для местных эти «чужаки» все на одно лицо, появляются в городе на 2–3 дня, но «динамическая плот-

ность» туристов на улицах города составляет около 25 человек в летний день. Они безобидны, даже полезны, вносят разнообразие в досуг чердынцев и не позволяют им забыть, что в городе обитают «чужие».

Среди этих определённо «чужих» групп населения, только прикасающихся или всего лишь слабо проникающих на периферию местного общества, выделяется одна особая группа «чужих» — это жители посёлка Рябинино. Значительную часть его населения составили переселённые сюда во время войны поволжские немцы, к настоящему моменту многие из них уехали в Германию, но кто-то остался. Эти «чужие» — почти «свои». Здесь мы встречаемся с типичным случаем постепенного (за 40–60 лет) вrastания «чужих» в тело местного общества. Чердынское общество в достаточной мере изолировано, и уже одно это делает его солидарным и противостоящим проникновению чужеродных элементов. Но часть таких «чужих», хотя и далёких по этнической принадлежности, образу жизни и менталитету, в результате длительного совместного проживания постепенно вращается всё глубже. Рябининские немцы стали почти «своими», но уехали.

Итого, мы находим, что в составе местного населения Чердыни «чужих» не набирается, может быть, и 150–200 человек, что составляет не более 2–3 процентов с учётом численности прилегающих посёлков. Для сплочённого общества это совсем небольшие цифры, тем более мы видим, каковы все эти «чужие»: пять выделенных групп иные и по образу жизни, и по месту в социальной структуре, а многие — и по этнической принадлежности. Других «чужих» в Чердыни нет, а тех, кто есть, ни с кем не спутаешь. Член местного общества ни на миг не затрудняется в определении степени «свойства» любого встреченного им на пути человека. Более того, «свои» — это все прирождённые чердынцы, потомки нескольких поколений горожан. Если и переходят в состав «своих» какие-то «чужие», то почти все они — из окрестных территорий. В этом состоит большое преимущество пространственно удалённых (изолированных) местных обществ. Это же выступает чисто внешним условием солидарности местного общества.

Второе общество, Соль Галицкая, поселение при варницах Воскресенского монастыря, основанного в 1334 году, имеет хорошо известную писаную историю не только как одного из самых крупных солеваренных промыслов средневековой Руси, но и как одного из самых старых курортов с железисто-солевыми минеральными водами. Здесь же в 1973–1975 гг. открылся крупнейший в Европе известковый комбинат, работающий и сейчас. Три указанных обстоятельства истории Солигалича – варницы, курорт и комбинат – выступили факторами, определившими историческую специфику структуры местного общества на оси «свой – чужие». Солеварение и большое количество богатых варниц постоянно привлекали сюда новых людей из многих окрестностей, не только из Галича, но и Москвы и Великого Новгорода. Вплоть до середины XVIII столетия, когда начался упадок солеварения, население Солигалича постоянно разбавлялось мигрантами, которые прибывали сюда этнически и территориально однородными группами, поскольку заселение новыми людьми, будущими работниками при варницах, осуществлялось в плановом порядке: они завозились по государевым указам или переводом монастырских крестьян. В давние годы местное общество Соли Галичской складывалось путём «оргнабора» и поселения людей в «спальных районах» вокруг варниц, располагавшихся весьма компактно на берегу реки Костромы, возле стен монастыря. Каждое новое вселение осуществлялось после появления рабочих мест на новых варницах, потому, надо полагать, между старыми и новыми обывателями Солигалича не было острой конкуренции, и новые насельники в скором времени становились своими.

Однако социальная структура не стабилизировалась вследствие того, что в 1835 г., спустя непродолжительное время после почти полного прекращения солеварения, в городе были пробурены скважины, давшие целебные минеральные воды, которые сразу же и стали использоваться с лечебными целями [Фигуровский, 2010, с. 162–163]. Открытие водолечебницы, которая до сих пор с успехом работает, привлекло в город много новых людей, в том числе специалистов-врачей, а также вызвало постоянный «проток» чужих – курортников, численность

которых составляет от нескольких сотен до тысяч человек в год. Водолечебница заняла достаточно обширную огороженную территорию прямо в центре города на месте бывших варниц. Дома для проживания специалистов выстраивались здесь же; инженеры и врачи не отнимали рабочие места у местных, поэтому, вероятнее всего, они безболезненно влились в местное общество. Их вклад в качественный состав солигаличан был весьма позитивным: они принесли с собой образованность и интеллигентность. Впрочем, и до того Солигалич отличался высококлассными инженерными кадрами, выращенными на солеваренных промыслах.

В середине XX столетия в ближайших окрестностях Солигалича были открыты самые крупные в центральной России месторождения известняка, что повлекло строительство всего в десятке километров на север от города известкового комбината, для работы на котором были привлечены многочисленные специалисты-инженеры, для их проживания был выстроен отдельный жилой район. Создание известкового комбината и переезд для работы на нём одной-двух сотен специалистов-инженеров также не привело к нарастанию напряжения в местном обществе. Инженерно-технические работники не конкурировали с местными ни за жильё, ни за рабочие места. Несмотря на первоначальную изоляцию приезжих — им выделили для проживания две улицы на окраине города — за прошедшие полвека все уже стали своими, тем более что за это время на комбинате сложились рабочие династии, многие приезжие породнились с местными.

Таким образом, Солигалич, в отличие от Чердыни, все семь веков своего существования являлся и является местным обществом, которое испытывает регулярные, раз в два-три поколения (по сути, каждые 50–70 лет), пополнения своего состава новыми людьми в виде компактных профессиональных групп. Прямо в центре города обитает значительная группа курортников, около 1 500 человек в год, следовательно, единовременно в городе пребывает «чужих»-курортников от 100 до 150 человек; еженедельная нагрузка на местное общество почти такая же, как и со стороны туристов в Чердыни.

В силу отмеченных причин «свои» в местном обществе — не компактная и изолированная от других группа, как в Чердыни, а в некотором роде «слоёная» структура. Каждая очередная группа «чужих», поселявшаяся в городе как новые постоянные жители, начинала постепенно вращаться в тело общества и за 30–40 лет становилась «своей». Можно предполагать, что этот процесс с регулярностью происходил в древние времена, когда с каждым новым крупным хозяином варниц (а основными здесь были княжеские и монастырские варницы) в Соль Галицкую прибывали на жительство новые группы работников. Так было и с персоналом специалистов водолечебницы (пусть поначалу и незначительным) в XIX столетии, так случилось около 50 лет назад с группой специалистов известкового комбината. Так происходит и последние 5–10 лет, когда в городе стали массово селиться жители деревень Солигаличского района. Массовое вселение их в город имело две волны. Первая прошла в начале 1960-х годов, когда колхозникам стали выдавать паспорта. Наиболее деятельные из них быстро переселились в город и скоро многие уехали по «вербовке» в крупные города — Ленинград и Мурманск (именно эти люди, выйдя на пенсию, впоследствии стали возвращаться в Солигалич и поселяться в нём как пенсионеры-«москвичи»). Вторая волна вселения деревенских началась в 2000-е годы и активно идёт сейчас. Но эти «деревенские» воспринимаются в местном городском сообществе уже как чужие, и чужие агрессивные, селящиеся в центре города в домах «коренных» солигаличан и претендующие на столь ценимые всеми «блатные» бюджетные места. В силу более развитых у деревенских родственников связей и кумовства они помогают друг другу в получении «блатных» мест. Во всех отношениях — и экономических, и социальных — деревенские, как новые «чужие», составляют конкуренцию «коренным» горожанам и этим существенно отличаются от прежде «вросших» в тело местного общества «чужих» — специалистов водолечебницы и комбината. Потому отношение к «деревенским» как к «чужим» более острое, чем к иным немногочисленным «чужим». Несмотря на восприятие деревенских как «чужих» в городе, местное солигаличское общество не ограничивается лишь его территорией. Оно включает в себя многие

окрестные деревни и сёла по всем четырём направлениям дорог района, но не доходит и до половины дороги на Чухлому. Как и в Чердыни, эта дорога — единственная связь с внешним миром. Чтобы «выйти» в этот мир, солигаличанин должен перебраться сначала в Чухлому, затем в Галич, после в Кострому и только потом обосноваться в Москве. Переход деревенских в состав горожан — это первый этап центростремительного миграционного движения сквозь четыре города-фильтра.

Среди «сугубо чужих», помимо пациентов санатория и курортников, выделяются две небольшие группы, уже ставшие привычными за 20 лет своего наличия. Это группа в 60–70 человек сезонных рабочих-узбеков. Узбеки приезжают на вахту и трудятся на лесоперерабатывающих предприятиях. Некоторые за несколько лет успели обжиться и завести здесь семьи. В городе они не видны, хотя создали свою футбольную команду и принимают участие в городских спортивных соревнованиях. У местных они не вызывают ни участия, ни раздражения, они незаметны. Кроме узбеков есть ещё постоянно живущие в городе приезжие с Кавказа, из Вологодской и Ивановской областей, почти все они заняты в торговле.

Несколько иное отношение к другой группе «чужих», ставшей обычной лишь с начала 1990-х годов: дачников, купивших дома в городе. До недавнего времени в Солигаличе их присутствие не ощущалось, поскольку покупали дома и селились в них почти исключительно пенсионеры, бывшие солигаличане, но в последние десять лет произошёл наплыв более молодых и впервые поселившихся здесь людей, и местное общество наличие новых чужих сразу отметило. «Москвичей» считают богатыми, бесцеремонными и тёртыми, живущими не на зарплату, а на капитал и ренту, потому относятся к ним с предубеждением и отторжением. Впрочем, так везде.

Таким образом, структура общества Солигалича отличается следующими особенностями. «Коренные» солигаличане расселены в городе и всё более вытесняются напористыми деревенскими, которые тоже «свои», но в силу острой борьбы за ресурсы между двумя группами нарастает конкуренция. Новая группа «своих» — это «комбинатовские», *«...которые всё ещё живут при*

социализме». К этим трём слоям в разных степенях «свойства́» примыкают три группы «чужих»: курортники, узбеки и дачники. Примечательно, что группы «чужих» менее заметны и не вызывают со стороны местного городского общества такого отторжения, как «свои» деревенские. Но дачники воспринимаются с настороженностью и агрессией, поскольку прорастают «метастазами» в теле местного общества: они имеют значительные ресурсы, иную психологию и иные установки, но пользы от них обществу нет никакой.

Как видим, если по составу и характеру «чужих» солигалическое общество уподобляется чердынскому, то по составу «своих» оно имеет иную и более сложную структуру. Обусловлена эта «слоистая» структура периодическими внедрениями в местное общество разных новых групп чужих, постепенно врастающих и становящихся своими. Причины внедрения были экономическими, но при этом подкреплёнными политическими основаниями, или сугубо политическими. Во всех случаях каждый новый слой «своих» образовывался путём насильственного внедрения («сажания») в местное общество инородной и профессионально компактной группы. Ненапряжённое включение их в состав «своих» обеспечивалось разделением «экологических ниш»: чужие не конкурировали с местными за ресурсы. Только в последнем по времени случае возникла конкурентная ситуация при распределении «бюджетного ресурса», что поставило «своих» деревенских в позицию «почти чужих», хотя это не мешает им успешно вращаться в местное общество. Здесь родство, соседство и долгая общая история пересиливают экономические мотивы.

6.6.4. ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ «СВОИ – ЧУЖИЕ» В ИЗОЛИРОВАННЫХ СООБЩЕСТВАХ

Обращу внимание, что три варианта формирования структуры «своих» в изолированных сообществах обуславливаются продолжительностью их существования. Разнородный состав регистрируется только в молодых обществах — здесь структура «сво-

их» находится в процессе становления. Однородный этноконфессиональный состав «своих» (как русский, так и инонациональный) наблюдается в старых и древних обществах — здесь структура сложилась давно, и она была либо исходно однородной, либо предшествующий этнический субстрат давно переработан и ассимилирован, к настоящему времени совершенно забыт.

В составе «своих» в изолированных сообществах определяющее значение имеют родственные связи. В древних и старых изолированных обществах велика доля однофамильцев, здесь доминируют (наиболее частотны) определённые фамилии. Это указывает на высокие значения коэффициента родства (r) между членами сообщества.

Важнейшей особенностью структуры «своих» в молодых изолированных сообществах является её агломерированный характер: отдельные разнородные по происхождению компоненты состава местного общества соединяются одновременно. Поскольку все наблюдавшиеся мной молодые общества возникли недавно, хорошо известна история их образования. Такие общества составлены из агломератов трёх видов: (1) либо из разных этнических групп, до того пространственно удалённых друг от друга (Анабар, Краснощелье, Эссо); (2) либо (в случае этнически однородного состава) из родов, прежде проживавших на разных территориях и собравшихся уже на новой территории (Вайгач, Томпо, Тура, Курмач-Байгол); (3) либо это сообщества из типа обществ принудительного развития, составленные из самых разных людей (далеко не всегда в составе родственных групп), внешней волей поселённые на территории по причинам экономического или социально-политического характера (Амурзет, Ленинское, Ольга, Преображение, Эржей-Сизим). Во всех трёх случаях имеет место генетически разнородная структура населения: на уровне отдельных людей, на уровне родственных групп и на уровне разных народов. Структура определяется мной как агломерированная, поскольку практически одномоментно складывающаяся.

Но рассматривая древние и старые изолированные сообщества, мы обнаруживаем вдобавок к характерной и для них, но произошедшей в давние времена агломерации, столь яркой и зри-

мой в молодых изолированных обществах, ещё и наличие «слоистости». В чём это заключается? В разные периоды жизни местного общества, с интервалом в три-пять поколений или реже, на территорию вселяются новые компактные группы насельников. Они отличны чаще всего по социально-профессиональным признакам (характеру основной экономической деятельности мигрантов) или являются этнически чуждым компонентом. И в первом, и во втором случае новые насельники генетически далеки от местного субстрата, на который они вселяются. Такой процесс мы видим, конечно, и в молодых изолированных сообществах. Однако в древних и старых сообществах последовательные населения (вселения) новых насельников произошли давно и современное население обычно уже не помнит своего происхождения, в отличие от населения молодых изолированных сообществ, где ещё не утихли конфликты между разными по происхождению группами. Эти конфликты актуальны и в вышеописанных обществах Эссо и Анабар, Краснощелье и Томпо, и в столь же молодых обществах Амурзет и Ленинское (Биробиджан). В древних и старых сообществах исходы разных временных слоёв можно обнаружить и зафиксировать только в архивных, краеведческих и музейных материалах. Помимо описанных Чердыни и Солигалича упомяну аналогичный слоистый состав «своих» в таких сообществах, как Ветлуга (Нижний Новгород), Чухлома и Вознесенье-Вохма (Кострома), Мезень (Архангельск), Умба (Мурман), Темников (Мордовия).

Например, ветлужское старое сообщество образовано четырьмя основными слоями «своих», каждый из которых иноэтничен. Автохтонное черемисское население, луговые мари, ассимилировано массовыми волнами славянской и мерянской миграции с запада, из Суздаля, Костромы и Галича в XV–XVII вв. Затем, уже в конце XIX в. возникла волна вынужденной крестьянской миграции с востока, с Вятки. Вятские крестьяне поселились изолированно на юго-западе Ветлужского края. Наконец, в советские времена в XX в. происходил приток специалистов и рабочих из разных областей Европейской России. Они поселились также относительно изолированно в лесопунктах северо-запада района. Сложилась слоистая структура населе-

ния, разделённая, однако, территориально: три основные группы пришлого населения до сих пор занимают отдельные территории. Однако эти истоки давно стёрты в памяти сообщества (хотя при этом в обществе всё ещё отчётлива память о том, что 70 лет назад ветлужское общество принадлежало к Костромской, а не к Нижегородской губернии, как сейчас).

Совершенно аналогичен по происхождению состав «своих» в расположенном на водоразделе Волги и Северной Двины старом обществе Вознесенье-Вохма, регион Вологды, а ныне Костромы [Скворцов, 1848]. Здесь также автохтонным субстратом являлись луговые мари (черемисы), но перекрывающим его мигрирующим населением стали поморы с притоков Северной Двины во времена Смуты и последующего раскола (начиная примерно с 1620 года, хотя первые монастырские поселенцы появились в XV веке, примерно в 1430-е годы). И это старое местное общество, подобно Ветлуге и многим другим вологодским и костромским обществам, испытало в конце XIX в. крестьянский миграционный прилив уже с востока, из Вятки. Но на этом закончились новые вселения, и нынешнее общество Вознесенье-Вохма уже почти полтора столетия имеет установившуюся и неизменную структуру «своих». В советские годы приток внешних мигрантов был незначительным и пришёлся только на лесопункты, удалённые территории.

Конечно, не во всяком древнем и старом сообществе может быть зафиксирована, даже с использованием архивных материалов, «агломерированная» или «слоистая» структура «своих». По-видимому, в целом ряде случаев она складывалась на единственном этническом или родственном субстрате; отдельные члены общества генетически были близки между собой. Я предполагаю такое для почти моноэтнических обществ Гергебиля и Гуниба (Дагестан), Дигоры и Чиколы-Ирафа (Северная Осетия), а также для Удоры (Коми) [Плюснин, 2006]. В других случаях автохтонный субстрат в настоящее время полностью перекрыт давними вселенцами на территорию, а «слоистая» структура «своих» вовсе не явственна и, безусловно, не зафиксирована в исторической памяти самих людей. Таковы, вероятно, общества Варнавино (Нижний Новгород), Гдов (Псков),

Демянск (Великий Новгород), Каргополь и Онега (Архангельск), Пудож (Карелия), Качуг (Иркутск), Кологрив (Кострома), Сузун (Новосибирск), Тара (Омск), Чарышское (Алтай).

Необходимо ещё раз упомянуть, что в типе изолированных обществ очень мало или почти нет «чужих», даже если эти общества молодые. Состав и структура «чужих» в изолированных сообществах может быть описана как состоящая из четырёх категорий.

Во-первых, это сезонные насельники, появляющиеся здесь по экономическим или рекреационным причинам. Нередко такие группы «чужих» единственные в изолированном сообществе. Они разные по происхождению. По экономическим причинам здесь появляются уже упоминаемые мною бригады сезонных вахтовых работников, или артели отходников-строителей, или гастарбайтеров из постсоветских государств, приезжающих регулярно, из года в год, но на один-два летних месяца. Они вездесущи, но немногочисленны. На некоторых территориях постоянство их пребывания приводит к тому, что они заводят новые семьи, устраиваются на жительство и постепенно вырастают в местное общество. Наиболее радикальные формы этот процесс приобрёл в Еврейской автономной области, где за последние четверть века доля иноэтничного населения из постсоветских государств Средней Азии быстро нарастает [Плюснин, 2018a]. По рекреационным причинам «чужими» являются туристы, также приезжающие в основном летом, на два-три дня, но постоянно сменяющие друг друга и потому как бы присутствующие всё время, поскольку все они для местных жителей «на одно лицо».

Вторую категорию «чужих» составляют горожане-дачники, жители крупных и средних городов, приобретающие дома и квартиры в центральном поселении и живущие либо постоянно, либо наезжающие короткими летними периодами. Хотя в изолированных обществах горожан-дачников очень немного, но в России они вездесущи и появляются даже в самых отдалённых местах. Эта категория также разнородна по своей природе. Есть горожане-дачники, имеющие в местном обществе корни во втором-третьем поколении и потому чувствующие себя здесь

как бы своими. Они смыкаются с теми дачниками, которые вернулись на родину, как только вышли на пенсию. Есть горожане-дачники, которые поселились случайно; нередко они издали — их основное жильё расположено на удалении 1 000–5 000 и даже 10 000 километров. Есть горожане-дачники, для которых главным мотивом выбора изолированного поселения явились экологические и/или религиозные причины. Таковы группы «анастасийцев», «славян-язычников», «рериховцев» (последователей учения Николая Рериха), самые разнообразные течения нью-эйдж. В иноэтнических изолированных сообществах «чужими» часто являются русские, украинцы, белорусы и все прочие русскоязычные представители, поскольку по большей части они пришлые, а обычно — недавние насельники. В смешанных сообществах такого деления по этническому признаку нет, поскольку и русские, и другие пришлые, и местные коренные живут совместно уже, как правило, долгие века, а поселились на территории нередко одновременно. В сообществах с преобладанием русского или исключительно с русским населением «чужими» являются представители этнически и/или конфессионально далёких народов, обычно и территориально удалённых, но недавно иммигрировавших.

Третью категорию составляют специфические группы «чужих», появляющиеся в сообществе по иным, нежели экономические, причинам. Почти повсеместно это православные монахи, миссионеры других конфессий, а также бывшие заключённые.

В-четвёртых, наконец, это случайные люди, однако которые в изолированных обществах крайне немногочисленны. Эти последние «чужие» — есть «проточные люди», текущие сквозь городок, центр местного общества, в своём непрерывном движении по стране.

Обычно «чужие» двух последних категорий живут в местном обществе всего один-два года, никогда не дольше пяти-семи лет. Затем, не прижившись, уезжают. «Чужие» второй категории, горожане-дачники, в отличие от этих двух и от первой категории — постоянных, но сезонных насельников — наиболее долгоживущая группа в обществах изолированного типа. Необходимо повторить, что в изолированных обществах все четыре

категории «чужих» очень немногочисленны, нередко некоторых категорий нет совсем, например, дачников или «проточных людей». Наиболее яркими примерами почти полного отсутствия чужих, причем вне какой-либо связи с естественным или принудительным характером развития, демонстрируют, конечно, немногочисленные и наиболее удалённые в пространстве сообщества, такие как Удора (Коми), Вознесенье-Вохма (Кострома), Гуниб (Дагестан), Анабар и Томпо (Якутия), Варнек (о. Вайгач, Ненецкий округ), Краснощелье (Мурман), Эржей-Сизим (Тува), Курмач-Байгол и Улаган (Горный Алтай).

Я посвятил значительное внимание описанию структуры «своих» и «чужих» в изолированных сообществах, потому что здесь структура представлена как бы в максимально очищенном виде, не искажённая сильным миграционным давлением, которое имеет место в противоположном этому типе — в типе «турбулентных» сообществ, где такая структура находится в состоянии «турбулентного» перемешивания в силу значительного миграционного потока. Впрочем, обратимся к структуре сообществ, отнесённых к этому типу. Одновременно я объединил это описание с промежуточным типом «ординарных» сообществ, которые почти неотличимы от сообществ «турбулентного» типа — только степенью разбавленности «своих» «чужими». Но надо отметить, что все сообщества принудительного типа развития отличаются от сообществ естественного развития только большей долей «чужих».

6.7. «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В «ТУРБУЛЕНТНЫХ» И «ОРДИНАРНЫХ» СООБЩЕСТВАХ

Наблюдавшиеся мной 101 местное общество основного списка, отнесённое к «турбулентным» и «ординарным» типам по степени их пространственной изоляции, имеют отличия от изолированных обществ и в этническом составе населения, и в селитебной структуре (см. главу 4). Центры этих обществ — по большей части города, давно ставшие административными

центрами для менее населённой сельской округи; в имперские времена это были уездные города. Таковы 30 из 35 «турбулентных» и 59 из 66 «ординарных» сообществ основного списка. В этом заключён статистический контраст относительно вышеописанного типа, где общество в административном центре и в его сельской округе практически однородно. Таковы же и этнические различия. В «турбулентных» обществах, а также в обществах «ординарного» типа абсолютно преобладает русское население. Иноэтническое население сконцентрировано в сельской округе. В моих материалах всего в 11 таких местных обществах преобладает нерусское население (его доля выше 50 процентов), составляя таким образом лишь $\frac{1}{10}$ часть, что также статистически существенно ниже доли иноэтнического населения в изолированных обществах (которых здесь $\frac{1}{3}$). Ещё в 7 обществах доля нерусского населения составляет от $\frac{1}{10}$ до $\frac{2}{5}$, почти все в сельской округе.

6.7.1. СОСТАВ И СТРУКТУРА «СВОИХ»

Важнейшей особенностью в структуре «своих» в древних и старых обществах «турбулентного» типа является то, что население на протяжении веков неоднократно замещалось депортированными популяциями из других территорий, т.е. эти общества нередко создавались государственным принуждением⁶⁵,

⁶⁵ Например, для Москвы один из ранних подобных случаев — это взаимное замещение новгородцев на московских людей, инициированное Иваном III в 1478 году после взятия Великого Новгорода и его разграбления, а спустя одно поколение — замещение уже псковичей (жителей Пскова) на москвичей, произведённое его сыном Василием III в 1510 году. Одним из последних массовых вселений в Москву стало заселение её крестьянами-отходниками (сезонниками) из деревень ближайших губерний после 1931 года, когда многие коренные москвичи были выселены из города. Затем, в 1960–1980 гг., в столице появились лимитчики, значительно увеличившие население города. Таким образом, на протяжении 500 лет Москва не менее дюжины раз обновляла своё население, это происходило практически через каждые два-три поколения.

или на территорию вселялись новые большие группы мигрантов⁶⁶. Поскольку этот процесс был неоднократным, масштабным и частым, люди не помнят историю даже ближних исходов ни своих соседей, ни своих родов. На большом историческом интервале это создаёт «слоистую» структуру сообщества. Это приводит, с одной стороны, к гомогенизации состава «своих», а с другой стороны, к атомизации отношений свойства. Здесь почти нет отчётливо выделяемых агрегатов (ясно различимых компонентов) в составе населения, как это почти всегда наблюдается в изолированных обществах. На первый взгляд состав кажется однородным, но внутри общества нет тесных родственных и даже соседских связей, как, например, в изолированных.

Существенно реже выделяются и родственные группы (кланы), поскольку очень велика доля жителей, приехавших из самых удалённых мест в разное время и поселившихся здесь. В этом отношении «турбулентные» сообщества близки обществам крупных городов. Это не общины (*Gessellschaft*), но общества (*Gemeinschaft*). Атомизированные отношения и деградация связей между «своими» характерны для большинства сообществ «турбулентного» типа. Из этих сообществ проще указать на такие, где структура «своих» несколько приближается к типу изолированных. Укажем на такие: Себеж (Псков), Олонец (Карелия), Гаврилов-Ям (Ярославль), Злынка (Брянск), Нерчинск (Забайкальский край), Семёнов (Нижний Новгород), Алагир (Северная Осетия) — итого 7 из 25 древних и старых «турбулентных» сообществ.

Однако для «ординарных» сообществ атомизация отношений и деградация связей уже менее характерны. Они занимают отчётливо промежуточную позицию между «турбулентными» и изолированными сообществами. Большая часть из них близко примыкает к типу изолированных сообществ. Из древних таковы Белозерск и Кириллов, Никольск и Тотьма (Вологда), Дорогобуж (Смоленск), Кашин и Старица (Тверь), Макарьев и Нерехта (Кострома), Юрьев-Польский (Владимир). Из старых сообществ примыкают по структуре к изолированным со-

⁶⁶ Как, например, после Смуты, в 1630-е годы в Кашинский уезд были переселены несколько тысяч крестьян-карел из областей, перешедших по Столбовскому трактату к Швеции [Кисловский, 1926 (2006)].

обществам Ардатов (Мордовия), Ардон и Дигора и Чикола (Северная Осетия), Велиж и Демидов-Поречье (Смоленск), Гурьевск (Кузбасс), Дмитровск-Орловский (Орёл), Енисейск (Красноярск), Змеиногорск и Камень-на-Оби (Алтай), Любим и Пошехонье (Ярославль), Новохопёрск (Воронеж), Оса (Пермь), Урюпинск (Волгоград), Слободской (Киров), Сураж (Брянск), Сысола (Коми). Из молодых сообществ примыкают по структуре к изолированным сообществам Болгар (Татарстан), Кавалерово (Приморье), Маслянино (Новосибирск), Нея (Кострома), Усть-Кан (Горный Алтай).

Напротив, меньшая часть «ординарных» сообществ смыкаются в структуре «своих» с «турбулентными» сообществами: это древние Великий Устюг (Вологда), Галич (Кострома), Касимов (Рязань), Кинешма (Иваново), Козельск (Калуга), Суздаль (Владимир), Тутаев-Романов и Углич (Ярославль). Таковы и старые сообщества – Буй (Кострома), Майма (Алтай), Гусь-Хрустальный (Владимир), Красноуфимск (Екатеринбург), Лабинск (Ставрополь), Подпорожье (Прионежье). Таковы и молодые сообщества – Алдан (Якутия), Гусиноозёрск (Бурятия), Качканар (Екатеринбург). Таким образом, $\frac{3}{4}$ «ординарных» (38 сообществ) ближе к изолированным, а оставшаяся четверть (18 сообществ) – к «турбулентным».

Примечательно здесь и то, что в силу значительной деградации сельской округи и гипертрофированной населённости административного центра во многих «турбулентных» принудительного развития сообществах наблюдается и редукция отношений свойства в деревнях. В отличие от деревень изолированных обществ, в деревнях «турбулентных» и части «ординарных» сообществ много «чужих», местами они даже преобладают. Родственные и соседские связи во многих деревнях разорваны. Здесь значительное количество деревень выморочны (обезлюдели), а население их стянулось в районный центр, ближе к магистралям. По этой причине доля населения в административном центре достигает местами 70–80 и более процентов. Естественно также, что эти два типа обществ имеют и более значительную общую численность населения по сравнению с изолированными сообществами (в администра-

тивных центрах проживает в среднем в 5 раз больше людей, чем в таковых в изолированных сообществах).

Имеют место в этих двух типах различия между древними и старыми сообществами, с одной стороны, и молодыми, с другой. В молодых сообществах лучше помнят истоки отдельных родственных и профессиональных групп, из которых сообщество это сравнительно недавно, а подчас и на памяти живущих людей, сложилось. Обращу внимание, что почти все наблюдавшиеся мной такие молодые сообщества (их 10 среди «турбулентных») составлены из двух категорий насельников: (1) приехавшие из очень удалённых регионов и (2) съехавшиеся из окрестных деревень. Нередко первые обычно составлены из разных профессиональных и этнических групп, а вторые прежде сами образовывались группами дальних мигрантов, которые через одно-три поколения переселились в административный центр⁶⁷.

Первый из указанных способ образования состава «своих — чужих» ярко демонстрируют молодые магистральные местные общества, например, Биробиджана с окрестностями (Биробиджан, Ленинское, Амурзет, Облучье — Еврейская автономная область). Этнические и социально-профессиональные группы, совместно живущие здесь сейчас, имеют очень разное происхождение. Это, прежде всего, потомки старообрядцев, выходцев с Урала, Заволжья и Поморья, с XVII века самовольно поселявшихся разрозненными общинами по горно-таёжным долинам. Вторыми здесь появились потомки казаков, поселённых по государственному указу в 1850-х годах по левому берегу Амура. Спустя три-четыре поколения к ним добавилось еврейское население, прибывшее двумя порциями в 1920–1930-х и после 1947 года с западных территорий РСФСР, Белоруссии, Украины, Польши. Эти этнонациональные и конфессионально раз-

⁶⁷ Это одна из главных причин наличия значительного числа выморочных (и даже обезлюдевших) деревень в ближайших окрестностях районного центра. Дальнейшим следствием этого оказывается заселение таких деревень горожанами-дачниками из областных центров и столиц, т.е. увеличение доли «чужих», прежде всего в сельской округе «турбулентных» сообществ, чего почти не наблюдается в изолированных сообществах.

ные группы были в 1970–1990-х дополнены многочисленными переселенцами из средней полосы России, Урала и Сибири, среди которых преобладают русские, но немало украинцев, белорусов, удмуртов, марийцев, мордвы, татар, бурят. Пятую группу составляют многочисленные военные, оставшиеся после демобилизации, особенно после 1990-х. Шестую составляют значительные диаспоры таджиков, азербайджанцев, армян, чеченцев, появившиеся в постсоветские годы. Среди них много мусульман. Весь этот разнородный во многих отношениях конгломерат составляет молодое «турбулентное» сообщество принудительного типа развития, в котором практически невозможно различить «своих» и «чужих», поскольку все помнят свои корни, и в то же время они образуют сообщество, все чувствуют себя здесь «своими» (см.: [Плюснин, 2018б]).

Иной пример показывают, например, молодые местные общества Мантурово и Шарья (Кострома) или Зуевка (Киров). Административные центры этих сообществ формировались как железнодорожные станции на строящейся Транссибирской магистрали на рубеже XIX–XX вв. Почти всё нынешнее население центров этих районов образовано жителями окрестных деревень. В этом отношении оно однородно, поскольку в имперские и более ранние времена крестьянское население этих территорий было очень малоподвижно. В советский период происходил интенсивный центростремительный приток жителей этих районов в свои административные центры. Однако состав населения был дополнен очень разнородными новыми группами благодаря интенсивной миграции по экономическим причинам — в результате создания здесь предприятий оборонного назначения, а также по административно-политическим причинам — вследствие образования исправительно-трудовых колоний (ИТК). Бывшие работники предприятий и заключённые остались здесь же на постоянное жительство, и их многочисленные потомки составляют немалую часть «своих» в местных обществах. Таким образом, эти три местных общества имеют в составе «своих» два основных компонента: (1) местный крестьянский и (2) пришлый, составленный из «вербованных» рабочих и специалистов и потомков бывших зэков.

Несмотря на трудности взаимной притирки, все они осознают себя «своими», но в то же время процесс инкорпорации и адаптации «чужих» в таких обществах существенно облегчён.

Древние и старые сообщества «турбулентного» и «ординарного» типов, в отличие от таких же молодых сообществ, сформировали более сложную структуру «своих». Помимо тех же двух категорий насельников, из которых формируется в настоящее время состав «своих» во всех трёх возрастных типах обществ — из потомков мигрантов из дальних территорий и из жителей своей сельской округи, тут имеет место преимущественно «слоистая» структура, складывавшаяся в течение многих поколений (подобно описанной для солигаличского общества). Последовательно появлявшиеся в составе населения новые большие социально-профессиональные и этнические или конфессиональные группы с течением времени «врастают» в тело общества, укореняются. Более ранние, соответственно, более древние, слои растворяются совершенно, а память о них исчезает. В значительной части таких сообществ первоначальный этнический субстрат либо совсем неизвестен, либо о нём можно узнать только из материалов историко-краеведческого музея. В памяти же ныне живущих людей сохраняются знания о социальных событиях не более чем вековой давности. Во многих «турбулентных» сообществах она ещё более поверхностная: люди нередко ничего не знают о местных событиях, произошедших за 10–30 лет до их рождения.

Типичными и довольно яркими примерами сообществ «турбулентного» типа могут явиться Кандалакша (Мурманск) из древних и Тамань (Краснодар) из старых. Во всех почти случаях в таких сообществах численно преобладает население, являющееся потомками мигрантов в первых поколениях, а миграционное давление имеет чрезвычайный характер, составляя в год в сумме до 10 процентов и более иммиграций и эмиграций.

Кандалакша всегда была «проходным двором» на Колу и Мурман в силу своего расположения: город стоит на едва ли не единственной водно-сухопутной дороге, замыкаемой с востока берегом Белого моря, а с запада — непроезжими болотами.

Город известен с XII века, хотя летописные сведения о нем появляются только с середины XV века. К XVI веку Кандалакша уже приобрела значение как важный населенный пункт. Исходно это были территории кочеваний лопарей (саамов), побережье моря заселяли новгородцы. Постепенно в Беломорье сложился субэтнос поморов смешением лопарского, карело-финского и славянского компонентов. Помимо коренных лопарей (саамов), все основные насельники этих мест всегда были пришлыми людьми. Поморы жили в тесной связи с лопарями, но без серьезных конфликтов, так как их хозяйственные уклады значительно различались: лопари — оленеводы и охотники, поморы — рыбаки, в меньшей степени земледельцы. Совместное обитание представителей двух народов позволило создать содружественное и бесконфликтное местное общество. Сообщество имело (и имеет до сих пор) очень небольшую сельскую округу, доминирующий центр — сама Кандалакша. Основная жизнь общества была сконцентрирована в городе и трёх-четырёх поморских сёлах по обоим берегам Кандалакшской губы (залива) на расстоянии до 30 километров к югу и востоку (эта территория имеет особое название — Кандалакшский берег). Сохранялись и становища кочевников-лопарей в притундровой зоне на удалении от моря. За всё время своего существования местное общество испытало три-четыре больших потрясения: времена опричнины и шведской агрессии в конце XVI в., Смуты в начале следующего XVII века, английскую интервенцию в 1855 г. и прифронтовое положение во время Гражданской войны в 1918–1920 гг. и Второй мировой войны в 1939–1944 гг. В конце XIX века происходило вынужденное вселение крестьян народа коми из восточных районов и карел из южных районов Архангельской губернии, часть которых скоро ассимилировалась и вошла в состав местного общества. Наибольшие изменения произошли в XX веке, в связи со строительством Мурманской железной дороги и города Мурманска. За советские годы, с 1920-х до 1970–1980-х, численность населения значительно увеличилась — с 5 тысяч до почти 60 тысяч человек. Преобладающее новое население — мигранты из центральных областей Европейской России, преимущественно из

Нечерноземья (Тверская, Костромская, Вологодская области). Нынешнее население — потомки в третьем-четвёртом поколениях этих мигрантов. Коренные жители — собственно поморы и лопари (саамы) составляют сейчас крайне незначительную долю населения и в основном проживают в сельской округе Кандалакши. Новых мигрантов сейчас практически нет — напротив, с середины 1990-х идёт активный отток населения, за 20 лет оно сократилось вдвое. В этом смысле древняя Кандалакша населена почти исключительно потомками недавних мигрантов и фактически представляет собой молодое общество с точки зрения норм общежития, родственных и соседских связей между людьми. Миграционное давление велико: в течение последних 20–25 лет численность населения сокращается на 2–3 процента в год, а количество прибывших и выбывших составляет более чем по 1 500 человек в год, т.е. отток населения составляет 6 процентов в год на фоне 4–5 процентов ежегодно прибывающих мигрантов (см.: Мурманская область в цифрах, 2019, с. 28–30).

Старая Тамань — это античная Гермонасса и древнерусская Тмутаракань, половецкая Матарха и генуэзская Матрега, наконец, турецкая Таман. Но история местного общества Тамани начинается лишь в самом конце XVIII века, когда станицу, по сути, заново основали черноморские казаки. Этнический полифонизм, характерный для полуострова на протяжении двух тысячелетий, постепенно сошёл на нет. Сейчас в Тамани и двух ближних посёлках Волна и Таманский проживают всего чуть более 12 тысяч жителей, среди которых 77 процентов русских и 15 процентов татар, в том числе крымских. Большинство жителей — потомки казаков. До середины 2000-х годов миграционное давление на местное общество было невелико. Однако с 2009 года на юге Таманского полуострова строится крупный международный морской порт «Тамань» по перевалке зерна, угля, природного газа, нефти и нефтепродуктов, железной руды и стали, минеральных удобрений, леса. Кроме того, с 2016 по 2019 год возводился Крымский мост, совместивший в себе автомагистраль и железную дорогу. Всё это привело к быстрому развитию транспортной инфраструктуры и появлению в Та-

мани большого количества вахтовых рабочих. Их численность в конце 2010-х годов составила почти 20 тысяч человек — вдвое больше численности местных жителей. Кроме того, в десятки раз вырос поток туристов, проезжающих через Тамань в Крым: ежедневно их количество составляет до 10 тысяч человек, т.е. число, равное населению Тамани. Туристы, безусловно, делают остановку в Тамани и вносят свой немалый вклад в состав и динамику местного общества. По сути, суммарное количество ежедневно «протекающих» сквозь местное общество людей (вахтовых рабочих и туристов) составляет 2–3 человека на одного местного жителя. Это привело к гигантским потрясениям в местном обществе, которое в течение всего лишь нескольких лет вынуждено было адаптироваться к столь массовому миграционному давлению. Сообщество претерпело существенные структурные трансформации, которые, я ожидаю, в ближайшие годы его разрушат [Плюснин, 2018a].

Примерами «ординарных» сообществ являются древний Никольск в Вологодской области и старое общество Дигора в Северной Осетии. Оба они располагаются на больших дорогах, но вне железнодорожной магистрали, хотя в прежние времена Никольский район пересекала узкоколейная железная дорога, остатки которой сохранились, а через Дигорский район проходила дорога местного значения, ныне разобранная жителями на металлолом. Через Дигору проходит дорога местного значения, близко примыкающая к трассе А-164 «Транскавказская автомагистраль» и трассе «Кавказ» (Военно-Грузинская дорога), связывающими Осетию с Закавказскими республиками. Никольск располагается на перепутье трёх дорог: на запад в Вологду, на север в Великий Устюг, на юг в центральные районы страны — в Нижний Новгород, Кострому и Москву.

Древний Никольск — старинное селение и погост, выросшее некогда на водоразделе важного торгового пути с Волги, Ветлуги и Вохмы на реки Юг и Северную Двину. По происхождению жителей это исключительно русский город и русская же сельская округа. Местное общество имеет новгородские и поморские корни — предки нынешних жителей пришли с Сухоны и Северной Двины, издревле, ещё в XIV–XV веках, выросли

они в коми-черемисскую почву, теперь давно забытую (см.: [Никольский край, 2011]). Во время Екатерининской губернской реформы Никольск получил статус уездного города и осуществлял управление значительной территорией, части которой ныне принадлежат Вологодской и Костромской областям. Отсутствие магистральных дорог и крупных предприятий способствовало длительной общественной стабильности при минимальной миграционной динамике. Население пополнялось преимущественно за счёт внутреннего роста численности. Учитывая, что в сёлах района всегда проживало большинство населения (сейчас около 16 тысяч человек), а общая численность составляет 25 тысяч человек, можно считать, что с учётом удалённых населённых пунктов местное никольское общество состоит примерно из 6–8 тысяч семей. Сельская округа тесно связана с городом. При этом не выделяются ближние и удалённые сёла. Многие горожане имеют не только многочисленных родственников в сёлах, но и сами теперь выселяются туда, строя новые дома для своих семей уже подальше от центра города; хорошие дороги и плотность кустового освоения территории, характерная для Русского Севера, позволяют людям не ограничивать себя в пространстве и жить вольготно. Далёко не везде в провинциальных городах возможен такой образ жизни, но важным его фактором выступает как раз цельность и солидарность местного общества на широком пространстве всего района. Сельские жители так же легко поселяются в городе, как городские в селе. Пространственная сегрегация в этом обществе отсутствует, а солидарность его велика: *«...туристов нет, мигрантов нет, мы тут своим мирком живём»*. Действительно, здесь почти не бывает туристов; если кто и проезжает мимо, то либо в Тотьму, либо в Великий Устюг. Уровень миграции в районе крайне низок (по расчётам, не составляет и 0,1 процента в год). Даже «чужие» здесь — по большей части как бы свои. Это дачники из Мурманска (*«все свои, возвращаются к корням»*), поселяющиеся на пенсии преимущественно в селе, а не в городе. Помимо этих «почти своих» дачников в Никольске я смог разыскать лишь две крайне немногочисленные группы собственно «чужих»: это небольшая группа приезжих, состоящая из де-

сятка представителей секты «Свидетели Иеговы» и столь же малочисленная группа из примерно двух десятков сезонных мигрантов-гастарбайтеров — таджиков или узбеков. Те и другие появились сравнительно недавно, они малозаметны, но к обеим группам у населения сформировалось крайне настороженное отношение. Доля «чужих» в никольском обществе, даже с учётом случайных приезжих, не составляет и половины процента. Таким образом, никольское местное общество демонстрирует случай однородной и практически недифференцированной структуры: здесь совсем нет чужих, здесь только свои, потомки новгородцев и поморов с полутысячелетней историей. Причём «свои» не соединялись, не складывались из разнородных частей, они выростали как одно целое на пространстве, долгие века не затронутыми никакими политическими пертурбациями и экономическими новациями.

Весьма похожа на никольское общество структура «своих» в обществе Дигоры (Северная Осетия). История Дигорского местного общества хорошо известна, поскольку образовано оно в 1852 году [Кучиев, 1992]. Население составлено из двух разнородных частей: русских и осетин. В предгорной долине Терека пустовавшие земли кабардинцев были выкуплены российскими властями, на них поселили украинских казаков из Полтавской и Киевской губерний после подавления польского восстания в 1832–1834 годах. Они основали и ныне существующие станицы Николаевскую, Архонскую и Змейскую. В 1852 году была основана станица Вольно-Христиановская для осетин-дигорцев, которые были переселены из ущелий на плодородные земли. Первоначальное население в 1 300 человек в результате благоприятных условий жизни быстро увеличилось за полвека в четыре раза и к 1900 году уже составило 5 757 человек. За последующие 120 лет популяция осетин возросла ещё в 3 раза, тогда как численность русских росла незначительно. В настоящее время осетины составляют уже 88 процентов из 18 тысяч жителей, русские казаки — только 8 процентов (около 1 500 человек). Между тем отношения представителей двух народов всегда были дружеские и родственные («...наши отношения кунацкие»). Многие семьи за два века породнились, пере-

женились. Детей взаимно отдавали в семьи для обучения русскому языку и осетинским традициям. И сейчас осетины и казаки продолжают создавать семьи. Причина столь быстрого и бесконфликтного образования единого общества из разнородных частей видится в том, что всё кавказское окружение русских и осетин — мусульмане, общества, во многом враждебные осетинам — кабардинцы и ингуши, что способствовало их изолированности. Поэтому состав «своих» в Дигорском местном обществе (впрочем, как и в соседних Ирафском (Чикола), Ардонском и Алагирском, где всюду живут осетины-дигорцы) установился очень быстро и представлен двумя народами: русскими и осетинами, многие представители которых имеют смешанные семьи. Родственно-соседские связи распространены и крепки, на них выстроена вся система частных отношений и местных статусов. Иных «своих» здесь нет, кроме потомков казаков и осетин. Эти последние сохранили свои родовые поместья в аулах горных ущелий северных хребтов Кавказа, куда они постепенно переселяются уже в наши дни, поскольку новые условия жизни это позволяют. Представители всех других этносов — определённо «чужие», особенно ингуши, чеченцы, кабардинцы (при этом вероисповедание не имеет большого значения, поскольку часть осетин-дигорцев — мусульмане). Есть и дальние «чужие» — это также представители разных народов: корейцы, вьетнамцы, турки-месхетинцы, армяне, азербайджанцы, грузины, проживающие здесь как сезонные работники.

6.7.2. СОСТАВ И СТРУКТУРА «ЧУЖИХ»

«Чужие» в сообществах «турбулентного» и «ординарного» типов есть те же самые категории, что и в обществах изолированного типа. Но здесь их доля в составе населения существенно выше не только в городах, но и в сельской округе. В деревнях количество постоянно проживающих «чужих» может даже превосходить количество местных «своих», особенно если это горожане-дачники. При этом относительно велика доля «про-

точных» людей — мигрантов, лишь на самый короткий срок останавливающихся здесь (в изолированных сообществах их очень мало или нет совсем). Здесь довольно редко местные «свои» относят людей в категорию «чужих» по признаку этнического несходства, даже конфессиональные различия не всегда являются признаком сегрегации. Поскольку родственные связи достаточно слабы, то более важное значение приобретают профессиональные отношения, на которых во многом и строится система взаимной общественной поддержки. Даже группы, сильно отличающиеся по паттернам повседневного поведения, а также по этикетным и ритуальным формам поведения (такие, как разного рода «экологисты», например очень распространённые «анастасийцы», или миссионеры нетрадиционных религий и сект), могут достаточно быстро ассимилироваться и стать «своими» уже лет через десять.

Обобщённый социально-демографический портрет «чужого», мигранта, вознамерившегося поселиться надолго, успешного обзавестись жильём, ставшего до известной степени соседом, но ещё не сумевшего стать «своим», имеет несколько модификаций. Во-первых, это одинокие люди. Это не молодёжь, а взрослые, большинство из них не устроены в жизни, хозяйства не имеют, приобретённое по случаю жилище (квартира или чаще дом с усадьбой) плохое или ветхое. Преимущественно это одинокие мужчины без квалификации, давно разведённые, не связанные детьми, нередко после «отсидки», не сумевшие и на новом месте обзавестись семьёй. Изредка это одинокие, в возрасте от 30 до 50 лет женщины, почти всегда жительницы крупных городов, бегущие от семейных неурядиц и надеющиеся изменить свою судьбу. Они тоже имеют низкую квалификацию. Почти все такие люди здесь случайные. Сделав очередную неудачную попытку укорениться, даже и устроившись с жильём, но не сойдясь по работе и в общежитии, отвергнутые коллегами и соседями, они навсегда исчезают из городка или села.

Второй модификацией «чужих» являются семьи с детьми, обычно многодетные, привлечённые в провинцию чаще всего по идеологическим причинам (чистота природы, простота жизни и межличностных отношений, идеалы «жизни от земли»

и т.п.). Они предпочитают сельскую округу столь же часто, как и город. В последние 30 лет, начиная с 1990-х годов, количество городских семей значительно возросло [Нефёдова, Трейвиш, 1999; Плюснин, 2016; Между домом..., 2016]; есть деревни, где большинство жителей — такие новые насельники, «чужие», которые заместили всех местных жителей, скупив их дома. Часть таких семей живут круглый год, заводят хозяйство, не только огород и картофельное поле, но и домашний скот и птицу. Другие горожане остаются в статусе перманентных дачников: проживают сезонно, не только во время отпуска, нередко — целое лето и часть осени и зимы. Особенностью таких приехавших из крупных городов семей с детьми, в том числе и живущих сезонно, является необходимость в заработках, поэтому они начинают искать источники дохода на месте, не только в частном малом бизнесе, но и в бюджетной сфере (но в этой последней очень высока конкуренция, и бюджетные места повсеместно заняты местными жителями, здесь наиболее распространён блат). А поскольку многие «чужие» имеют детей, нередко трёх и более, то нуждаются в школах, детских садах и поликлиниках. Необходимость в источнике дохода, потребность в социальных учреждениях, а также запрос на повседневную помощь со стороны соседей заставляют данную категорию «чужих» активно вживаться в местную жизнь, адаптироваться, усваивать нормы и правила поведения — в общем, как можно быстрее становиться «своими». Семьи, успешные в этом процессе вживания, быстро становятся «своими», остальные вынуждены уехать, даже после 7–10 лет жизни в местном обществе.

Третьей модификацией являются горожане-дачники в возрасте старше детородного. Обычно это пары пенсионеров, переехавшие жить в деревню или городок. В дополнение к пенсиям они имеют доход от сдачи в аренду городской квартиры (часто двух или трёх квартир). В силу весьма недорогой жизни в деревне суммарный доход от пенсии и аренды значительно превышает денежные ресурсы местных жителей. Выбранная стратегия значительно повышает качество жизни горожан-пенсионеров, в том числе по сравнению с их городским опытом существования. При этом они не нуждаются в большом

подсобном хозяйстве, не заводят скот, не занимаются обработкой картофельного поля, а иногда и огорода; некоторые даже не делают совершенно необходимых в провинции заготовок грибов, ягод, орехов и других лесных продуктов, поскольку всё это покупают на месте. Потому такие горожане, с точки зрения деревенских жителей, являются богатеями и воспринимаются чужаками без срока давности — они «чужие» навсегда.

Правда, в этой же группе горожан-пенсионеров есть и несчастные «чужие». Это те бывшие местные жители, вернувшиеся на родину в уже пожилом возрасте или соединившиеся со взрослыми детьми. Такие группы вернувшихся стариков повсеместны. Это связано с тем общеизвестным фактом нашей социально-экономической истории, что в советские годы, как до Великой Отечественной войны, так и после, вплоть до конца 1980-х годов, в провинциальной России, особенно в районах Нечерноземья, был распространён набор работников на «великие стройки века» (например, Байкало-Амурская магистраль), «на севера» (вербовка в бригады на предприятия Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока по добыче природных ресурсов, нефти, газа, угля, полиметаллических руд и проч.) либо в Москву в качестве лимитчиков (работников заводов и фабрик, набираемых по количеству необходимых мест). В результате во многих нечернозёмных регионах за полвека численность населения упала в несколько раз (например, в Костромской области популяция сократилась в 5 раз в период с 1960-х по 2010-е годы). Теперь же, начиная с 1990-х, начался медленный, но неуклонный процесс возвращения жителей после утраты ими трудоспособности. Большинство из них возвращается на родину, тем более что многие сохранили здесь родительские дома. Эти массово возвращающиеся пенсионеры принимаются местным обществом в свой состав как бывшие «свои» и очень скоро таковыми и становятся. Более того, они возвращаются к многочисленной родне и друзьям детства. Но в течение какого-то времени они всё-таки являются для местного общества «чужими», по крайней мере, до тех самых пор, пока не вспомнят подзабытые стереотипы поведения и родной диалект.

6.8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СТРУКТУРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ СОСЕДСКО- РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Общие особенности соседско-родственной структуры в локальных сообществах выражаются в двух характерных признаках: эта структура может иметь как «агломерированную», так и «слоистую» природу. Но в разных типах обществ эти признаки проявляются неодинаково. Агломерированность — разнородность состава населения по происхождению, из разных родов, этносов — характерна для молодых сообществ. Слоистость — наличие более ранних и более поздних по времени вселения на территорию групп населения, имеющих разное происхождение, — выявляется в старых и древних сообществах. Наличие агломератов есть признак вселения на территорию местного общества разнородных групп населения почти одновременно (независимо от причин вселения — по принуждению государства или своевольно). Поэтому наличие агломерированности можно зафиксировать только в современных молодых сообществах; в старых и древних сообществах процесс взаимной ассимиляции давно завершён. Зато и «слоистость» по очевидным причинам не может быть выявлена в молодых сообществах, но регистрируется лишь в старых и древних.

Основой «свойства» в изолированных сообществах выступают родственные и этнические связи; здесь, хотя и подспудно, сохранён и древний этнический субстрат. Особенности состава и структуры «своих» в типах неизолированных местных обществ («ординарных» и «турбулентных») заключаются преимущественно в «слоистой», а не в агломерированной структуре. Отдельные компоненты-агломераты давно смешались, сгладились и растворились друг в друге. За счёт разрушения родственных связей структура «своих» атомизирована и гомогенна: в местном обществе нет крупных родственных групп, как и немного обособленных этнических групп, а если они есть, то имеет место взаимное смешение (члены разных этносов вступают в родственные от-

СОСЕДСТВО

ношения). Вследствие этого обычно невелика доля представителей других этносов, везде преобладают русские, особенно в сообществах «турбулентного» типа, где миграционное давление велико и в течение длительного времени способствует адаптации и ассимиляции иноэтнических мигрантов. В таких обществах в составе популяции наблюдается редукция сельской округи и гипертрофия административного центра, местечка. До $\frac{4}{5}$ всего населения сосредоточены в городе, а сельские населённые пункты деградируют, много выморочных (обезлюдивших) деревень. Ко всему прочему, родственно-соседские связи нарушены не только в центре, но и в сельской округе.

Состав и структура «чужих» в «турбулентных» и «ординарных» сообществах отличны от таковых в изолированных сообществах значительно большей численностью и высокой долей «проточных», случайных людей. Важные отличия заключаются также в преобладании «чужих» в деревнях сельской округи, а не только в административном центре местного общества. Имеет место слабая этническая и конфессиональная фильтрация, поэтому не только в городе, но и в сельской округе много мигрантов разных национальностей, немало сектантов, людей, чуждых по своему мировоззрению (менталитету). Значительный обратный поток жителей крупных городов в деревню, интенсифицировавшийся в последнюю четверть века, привёл к резкому нарастанию во многих провинциальных сообществах доли горожан, которые поселяются либо сезонно, как дачники, либо как постоянные жители. В остальном состав «чужих» в «турбулентных» и «ординарных» сообществах тот же, что и в изолированных сообществах. Он представлен отдельными семьями и несколькими группами людей, имеющих отличия от местных жителей социального, профессионального, этнического и конфессионального/мировоззренческого характера.

ГЛАВА 7

СТАТУС И ВЛАСТЬ

В социальной стратификации провинциального общества доходная стратификация, образование, квалификация и даже престиж профессии (профессиональный статус) не являются основными критериями статуса человека. Статус человека в местном обществе определяется факторами (в порядке очерёдности) социальными, этногенетическими, политическими и экономическими. Статус зависит прежде всего от влияния человека в местном обществе (его общественного уважения), затем от его принадлежности к клану (родственной и/или этнической группе), затем от места во властной иерархии и лишь в последнюю очередь от его денежного дохода. Такая иерархия факторов, определяющих статусные позиции, обусловлена тем, что детерминанты статуса в локальном обществе не анонимны, в отличие от общества большого города. Социальная структура не иерархична, но является гетерархической (обычно сетевой).

Тип политической организации жизни локального общества, по-видимому, зависит от того, как детерминирован индивидуальный статус. Выделено четыре полярных типа властных отношений в системе публичного управления в провинции: реальное местное самоуправление, «поместное» управление, государственное наместничество (управление советского типа) и конкурентное управление в политизированных муниципиях. Установление того или другого типа управления сочетается с типом общества по степени пространственной изоляции и естественности/принудительности его развития, поскольку эти последние могут определять разное участие факторов стратификации в занятии формальных руководящих позиций в системе муниципального управления.

7.1. ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СТАТУС В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕГО КРИТЕРИИ

Заниматься выяснением статусной стратификации в местном обществе есть дело практически бесполезное. Здесь невозможны анкеты и ничего не дают интервью с вопросами типа

«кто тут наиболее влиятельный/богатый/всесильный?», даже если, в соответствии с известными опытами, опрошено будет поголовно всё взрослое население городка. Повсюду формальный локальный политический статус — то ли главы муниципалитета, то ли председателя местной городской думы, то ли сити-менеджера — мало определяет реальный достигаемый статус этого человека в сообществе. Здесь надо прожить год или десять лет, чтобы проникнуть в суть локальной системы статусов и разобраться в деталях взаимных отношений между людьми и их персональных историй, определяющих текущий (наличный в данный момент) статус каждого в местном обществе. Поскольку это невозможно, внешнему наблюдателю приходится ограничиваться спорадическими наблюдениями в каждом случае и выстраивать общую картину из разнокачественных и *разноцветных* кусочков. Нередко такие «кусочки» обнаруживаются совершенно случайно, походя. Потому всё это обычно остаётся вне поля зрения исследователя, он проходит мимо таких фактов и сюжетов, поскольку не погружён в локальное культурное поле. Он может ещё кое-что выяснить в отношении предписанного статуса, но мало что узнает о достигаемом статусе человека.

Приведу по этому поводу пример. Будучи в одном из уральских городков, я несколько дней подряд безуспешно пытался встретиться с главой муниципалитета или главой городской администрации (это разные должности и обычно это есть разные люди). Однако всякий раз меня отправляли к председателю местной общественной организации — Союза малых предпринимателей, с которым мы и вели ежедневные беседы о самых разных проблемах местной жизни. Очень толковый и информированный респондент, знает всю подноготную, но уже давно пенсионер и не занимает никакой официальной должности, поэтому в некотором роде недостаточно убедителен, не авторитетен в текущих вопросах управления. Наконец, в последний день вечером, перед самым отъездом, я навестил и настоятеля местного монастыря. Приглашённый им к чаю, я вёл беседу о монахах, мирянах и о власти. Посреди разговора о влиятельных людях местного общества, в ответ на моё сожаление, что не удалось ни с кем из руководства встретиться, он между про-

чим проронил фразу, относящуюся к вышеуказанному респонденту: «*Так он же у нас смотрящий, он их всех и поставил*», т.е. это есть самый главный, кому все в администрации подчиняются, поскольку он и определил их на официальные должности. Так я нечаянно и случайно узнал, что в течение целой недели ежедневно получал информацию от самого главного человека в районе, *смотрящего* за порядком, контролирующего всю местную политическую и экономическую жизнь. Одна мимоходом брошенная фраза мигом прояснила всю ситуацию в местном обществе и развернула передо мной всю картину формальной социальной иерархии, да и не только формальной.

Продолжительные наблюдения во многих местных обществах со временем позволили мне выявить критерии, определяющие статус человека. Конечно, такие критерии во многом соответствуют общеизвестным (см., напр.: [Шкаратан, 2012; Wodtke, 2016; Тихонова, 2019, 2020]). Но есть важные различия в порядке значимости отдельных критериев: надо иметь в виду, что порядок (ранги) критериев определялись не путём опроса, но наблюдением. Следует зафиксировать два важнейших момента, относящихся к характеристикам социального статуса отдельного индивидуума в локальном сообществе. Во-первых, повсеместное отсутствие иерархии социальных позиций индивидов, вместо этого мы наблюдаем гетерархические (часто сетевые) отношения. Во-вторых, «низовая» социальная структура такова, что её всё ещё можно назвать «общинной», точнее архаической. Она, таким образом, детерминирована непосредственностью взаимодействий её членов (т.е. *соседством*), генетическим и социальным (символическим) родством большинства из них, наличием исторически сложившихся (традиционных) систем контроля поведения членов сообщества и системы оценки этого поведения (норм), а также наличием механизмов контроля за использованием местных ресурсов через контроль территории (ср.: [Кордонский, 2010, с. 76–80]).

Прежде всего: провинциальные статусные позиции не иерархичны. Нет никакой жёсткой иерархии, подобно армейской, кроме как в государственных и муниципальных учреждениях, да и здесь не повсеместно. Иерархичность носит частный характер,

определяется только формальными властными позициями в государственной «табели о рангах», но их в местном обществе не так уж и много. Формальная иерархия, традиционно выстраиваемая по таким простейшим признакам, как располагаемый доход и капитал (степень контроля ресурсов разного рода), если и работают в провинциальном обществе, то в ограниченном масштабе [Тихонова, 2018, с. 3–4, 10–48]. Безусловно важнее гетерархические отношения (*heterarchy*)⁶⁸. В отношениях между членами местного общества имеет место преобладание координационных, равноправных отношений над отношениями супер- и субординации. Можно утверждать, что здесь присутствуют все выделенные ранее структурные формы гетерархии (см.: [Brumfield, 1995, p. 125]) — от массива взаимно независимых гомогенных элементов, как это наблюдается при неформальных квазиэкономических взаимодействиях домохозяйств, до существования дискретных (независимых) иерархий, находящихся в равных отношениях, как это наблюдается во взаимодействиях между местными государственными и муниципальными служащими. Более того, поскольку все современные локальные сообщества находятся под постоянным и сильным внешним экономическим и политическим давлением, здесь в принципе невозможна ситуация спонтанного формирования и установления какой-либо стабильной иерархии, тем более одномерной (см.: [Small, 1995, p. 81–82], также: [Bondarenko, Nemirovskiy, 2007, p. 164–183]).

Сетевые (гетерархические) отношения, выстраиваемые между группами семей (кланами) и между отдельными людьми, связанными с детства дружескими отношениями, регулярно переливаются в ситуационно иерархические отношения: в борьбу за формальные властные позиции и за контроль ресурсов, а чаще всего за доступ к местным природным ресурсам. Но они не завершаются установлением какой-либо иерархии семей

⁶⁸ В соответствии с первоначальным определением *heterarchy* Уорреном Мак-Каллахом [McCulloch, 1945, p. 89, 91], развитым впоследствии Кэрлом Крамли [Crumley, 1979, p. 144] и детализированном на примере сложных антропологических систем в монографии Р. Эренрайха [Ehrenreich et al., 1995] (см. также [Bondarenko et al., 2002, p. 54–80; Bondarenko, 2007, p. 142]).

или кланов, а если такое и случается, то на непродолжительное время. Местами имеет место и конкуренция между представителями разных этносов, если местное общество составлено из представителей нескольких разных народностей. Но конкурентные отношения ни в одном из рассмотренных мной случаев не приводят к доминированию представителей одних этносов над другими, хотя нередко имеет место разная доступность ресурсов и/или формальных властных позиций для представителей разных этносов. Предполагаю, что во многом это есть всё ещё сохраняющееся в российской провинции наследие советской политики «выравнивания различий» (которая на территориях других постсоветских государств давно оставлена). Таким образом, на локальном уровне налицо существование системы «распределённого управления» как одного из важнейших признаков гетерархических отношений [McCulloch, 1945, p. 91]

Во-вторых, «общинная» низовая социальная структура, уже по своей природе являющаяся гетерархической, детерминирует статусные позиции индивидов как результат констелляции сразу нескольких факторов. Основные из них четыре, по значимости располагаются в следующем порядке: влияние, родство, власть и капитал. Указанные факторы в разной степени (во многом в зависимости от типа локального общества) определяют объём неформально устанавливаемых прав и обязанностей, преференций и степень доступа к локальным ресурсам и институциональным позициям. Именно эти четыре фактора можно считать критериями, детерминирующими статус отдельного человека в провинциальном местном обществе.

Наибольшее значение имеют влияние и родство. Если первое зависит преимущественно от профессиональных компетенций и нравственных качеств человека, то второе предустановлено — обусловлено принадлежностью человека к семье, клану и народу (этносу). Соотношение их как факторов статуса есть соотношение динамического и статического компонентов. Влияние зависит от самого человека и меняется в течение его жизни, клановая принадлежность если и меняется, то очень редко (например, вхождение в новую семью, получение статуса кума, символического родственника).

Два других фактора статуса — формальная властная позиция (обычно в публичном управлении и в крупных по местным меркам предприятиях) и капитал (доступ к контролю ресурсов, денежный доход и соответствующий ему уровень потребления) — в немалой степени определяются влиянием и родством, зависят от них. В этом отношении их можно рассматривать как второстепенные. Властные позиции человека относительно стабильны: даже после их утраты память людей о занимаемом человеком ранее статусе в формальной иерархии сохраняется продолжительное время, нередко до конца его жизни. В то же время обладание значительным капиталом не создаёт «шлейфа» после его утраты. Об этом помнят, но как фактор он перестаёт действовать. Так же и наоборот: внезапное (для местного общества) обладание капиталом и соответствующий этому рост благосостояния и потребления не слишком изменяют мнение людей о статусе нувориша (*нового русского*) в местной среде. Указанные факторы значимы прежде всего для исследований доходной стратификации [Шкаратан, 2009, с. 141–186; Григорьев, Салмина, 2013; Wodtke, 2016; Тихонова, 2018, с. 201–224]. Поэтому и эта пара второстепенных факторов соотносятся между собой как относительно стабильный и динамичный компоненты, определяющие статус человека в местном обществе.

Таким образом, четыре критерия статуса могут быть дифференцированы перекрёстно: в одном случае поделены на статический (родство и власть) и динамический (влияние и капитал) компоненты, а во втором случае — на определяющие, первостепенные (влияние и родство) и на определяемые, второстепенные (власть и капитал). Влияние, как важнейший, по моему мнению, фактор определения статуса, среди прочего имеет существенное значение при получении/утрате формальных властных позиций, особенно в ситуации выборности, а не назначаемости должностей. Здесь нет жёсткой взаимосвязи с родством и капиталом. Фактор родства связан с факторами власти и капитала, но своеобразно: в случае если длительное время представители одного клана находились у власти и располагали возможностью контролировать местные ресурсы. Формальная власть и капитал, безусловно, связаны как минимум односторонней связью:

формальный статус позволяет контролировать местные ресурсы. Однако в условиях сохраняющегося традиционного социального осуждения демонстративного потребления закрепление такой связи весьма неустойчиво. Кроме того, повсеместное присутствие в провинциальной местной экономике внешних игроков («москвичей»), располагающих гораздо большими капиталами, а нередко и обладающими здесь властными позициями, не позволяет представителям местного общества утвердиться за счёт только власти и/или капитала. Эти *столпы* слишком неустойчивы, надёжнее опираться на родство и персональное влияние.

Очевидно, что в разных местных обществах соотношение каждого из четырёх основных факторов статуса различно. Обобщая, можно соотнести их значение в выделенных мною шести базовых типах местных обществ. Фактор влияния везде имеет важное значение, но поскольку он определяется благодаря лишь общественному мнению и не может быть ни посчитан, как капитал, ни ранжирован, как властная позиция, ни даже номинирован, как родственная принадлежность, то вариации неопределимы. (По крайней мере, я не взялся бы определить степень вариативности фактора влияния даже в случае, если использовать только такие хорошо фиксируемые признаки, как уровень образования и социально-профессиональный статус, ср.: [Шкаратан и др., 2009, с. 385–465].) Напротив, три последних фактора довольно определённо зависят от типа общества и, вероятно, связаны с принципами, на которых строится моя типология обществ. Родство имеет относительно большее значение в обществах естественного развития, формальная власть — в обществах принудительного развития. Такая дифференциация обусловлена, вероятно, простыми причинами. В обществах естественного развития наличествуют давно сложившиеся родственные связи и отдельные кланы, особенно если они состоят из представителей разных народностей (этносов), и нередко они в большей или меньшей степени стратифицированы по степени доступа к ресурсам и позициям во власти в результате длительной конкурентной борьбы на местной почве. Такую ситуацию мы наблюдаем в обществах Северного Кавказа и сибирского севера. Напротив, фактор обладания формальной властью име-

ет несколько большее значение в обществах принудительного развития по такой же простой причине, рассмотренной мною выше в главах 3 и 5: жизнеобеспечение здешних местных обществ в значительной мере зависит от государства, местное общество слабее контролирует собственную территорию и ресурсы, соответственно, и формальная властная позиция теснее связана с реальным статусом индивидуума, поскольку он имеет относительно более важное значение для жизнедеятельности местного общества. Это мы наблюдаем в сравнительно молодых обществах, особенно на Дальнем Востоке Сибири. Четвёртый из факторов, располагаемый капитал, имеет относительно большее значение в обществах «турбулентных» и «ординарных», но часто имеет весьма малое значение в изолированных обществах. Причины состоят в меньших возможностях аккумулировать капиталы как в денежной форме из-за отсутствия рынка, так и в форме контроля значительных природных ресурсов, поскольку таковые контролируются всеми членами общества и до сих пор никому не позволено аккумулировать «излишние» ресурсы. Транспортная доступность крупных городов для «турбулентных» обществ позволяет фактор капитала конвертировать в формальную статусную позицию индивидуума. Сказанное типично для обществ европейской территории России. Здесь много чаще появлялись и появляются *новые русские*, получающие неформальный, а нередко и формальный статус за счёт преимущественно доходной стратификации⁶⁹, а не личных нравствен-

⁶⁹ Надо также иметь в виду, что в постсоветский период очень широкое распространение получила практика покупки дипломов о профессиональном образовании, вследствие чего фактор уровня образования перестал иметь реальное значение, особенно в провинции, где наряду с простой «покупкой образования» наличествует и «получение профессии» в учебных заведениях крайне сомнительного уровня и не в результате рутинного обучения, а путём примитивной «покупки экзаменов». В результате «дипломированный специалист» не знает даже азов «полученной» им профессии, но претендует на занятие статусных позиций, и даже успешно. По разным оценкам, полученным мною в российском интернете, до четверти всех фальшивых документов о среднем и высшем профессиональном образовании, покупаются с целью занятия должностей руководителей, в том числе в публичном управлении.

ных или профессиональных качеств. Такого практически нет в изолированных обществах ни на Русском Севере, ни в Сибири.

7.1.1. ВЛИЯНИЕ

В каждом местном обществе, которые я посещаю неоднократно, я нередко поддерживаю постоянные дружеские связи с несколькими бывшими моими респондентами. Они, как правило, есть наиболее ценные информанты, поскольку компетентны и при этом совершенно откровенны со мной. Так, в одном из обществ, посещаемом мной регулярно уже более четверти века, несколько лет назад я встретился с давним знакомым, который за эти годы вырос из мелкого предпринимателя в крупного бизнесмена и стал «уважаемым человеком». Обсуждая за дружеским обедом изменения, произошедшие в местном обществе за три десятилетия (а они здесь были очень значительными), я спросил, как поменялись статусные позиции нескольких прежних наиболее влиятельных людей, в том числе занимающих формальные властные позиции. Среди прочего, он ответил: *«Ну, ты знаешь, теперь же к нам ежегодно патриарх наезжает. И мы устраиваем торжественный обед. На него приглашаем человек пятьдесят наших местных. Вот они-то и есть влиятельные люди...»*

Как определить влиятельность? Каковы признаки влияния? Основываясь не на схоластических предположениях, но исключительно на моих эмпирических наблюдениях, я фиксирую следующее. Из объективных признаков ни пол человека, ни его происхождение (родство) не имеют здесь какого-либо значения. Но в сознании людей, подверженных сильному давлению традиции, имеет значение возраст человека. В провинциальном обществе имеет место корреляция между степенью влиятельности и возрастом человека. Молодые мужчины и женщины, даже достигшие высокого профессионального уровня или формального статуса, воспринимаются как менее влиятельные и уважаемые по сравнению со старшими людьми. Это архаичное наследие, но оно продолжает определять представления

простых людей о статусе человека. С учётом этого фона дискриминации по возрасту (вероятно, неосознаваемой и потому спонтанной) наиболее важными признаками влиятельности оказываются два: нравственные качества человека и его профессиональные компетенции (знания и умения).

Хотя трудно или невозможно найти критерии, позволяющие ранжировать эти два важнейших признака влиятельности, мне всё же представляется, что моральные и нравственные качества человека выступают в качестве первых. Неукоснительно правильное поведение человека, в соответствии с общепринятыми нормами и традицией (безупречное поведение), в сочетании с нравственным (образцовым) поведением, волевыми качествами и интеллектом, а также с мудростью, приходящей с возрастом, определяют его репутацию прежде всего остального. В результате влиятельный человек — это мудрый, нравственный и правильного поведения индивид среднего и старшего возраста, который участвует в создании и поддержании системы социального контроля, задавая локальные образцы и нормы поведения, формируя локальные же экспектации.

Второй компонент влияния, профессиональные компетенции, приобретается в молодом возрасте и является важнейшим условием уважения к человеку как к «грамотному специалисту». Причём это не связано с профессиональным образованием как таковым, человек может иметь диплом, и даже два или три, удостоверяющие получение им некой или нескольких специальностей, но оценка другими людьми его профессиональных компетенций с этим никак не связана, в том числе по причинам, указанным выше. Так же оцениваются любые профессиональные умения — оценки не зависят от престижа профессии в обществе. Умелые каменщик-самоучка или плотник-самоучка будут пользоваться несравненно большим уважением, нежели врач или адвокат, получившие образование в столичном вузе или попросту купившие диплом, но не демонстрирующие ожидаемых от них компетенций. Статус «дипломированного специалиста» не даст его носителю никаких преимуществ сравнительно с другим, не имеющим «диплома», но обладателем реальных умений, в глазах их соседей. Именно поэтому уровень образования

и даже его качество (получение образования в престижном университете) имеет совсем малое значение или никак не определяет статус человека в местном обществе, особенно в наше время. Он имеет значение только как критерий конкурсного отбора на занятие формальной должности, да и то несравненно меньшее, чем как это могло бы быть в крупном городе. В провинциальном обществе человек не может повысить свой социальный статус за счёт, в частности, уровня образования: здесь этот фактор почти обнуляется. Помимо прочего, здесь уровень образования не коррелирует с уровнем дохода, за редким исключением. Обычно он не коррелирует и с возможностями занимать официальные должности, поскольку в провинции это больше зависит от клановых связей и протекции (занятие должности «по наследству»; см.: [Жуков, Сельтцер, 2019]). Поэтому не уровень образования как таковой, а реально достигнутые человеком профессиональные компетенции определяют его локальный социальный статус.

Следовательно, влиятельный человек в провинции — это человек с высокой репутацией в тех сферах профессиональной деятельности, которые являются важными на локальной территории, и эту репутацию он уже продемонстрировал и подтвердил в своей деятельности, независимо от уровня и качества полученного им ранее профессионального образования. Но одновременно он должен быть и уважаемым человеком в силу своих моральных, нравственных и интеллектуальных качеств. Поскольку оба указанных фактора, определяющих влиятельность, складываются и утверждаются к достаточно зрелому возрасту, то, возможно, что в провинциальном общественном мнении они и воспринимаются как зависимые от возраста. В социологической литературе общим местом является дифференциация факторов статуса на влияние и образование, причём второму придаётся более высокое значение (например: [Шкаратан и др., 2009, с. 154–169]). Но в провинциальном обществе важнее не сам уровень профессионального образования, а его следствие в виде приобретённых умений. Поскольку они являются предпосылкой влияния, а не уровень образования, я и не рассматриваю этот последний как существенный фактор статуса.

7.1.2. КЛАН

Наименование «клан» как фактор статуса я использую в некоторой степени условно, как совокупности родственных семей, ведущих своё происхождение от общего (в том числе мифического) предка, а также связанных этническим родством. Наиболее близкое этнологическое определение может быть следующим: *«унилинейная кровнородственная корпоративная группа, члены которой возводят своё происхождение к общему предку, но не могут проследить все свои родственные связи генеалогически»* [Артёмова, 1999, с. 886], а вместе с тем и совпадающее с ним политологическое определение: *«...clans, informal organizations based on kin and fictive kin ties, are political actors that have a profound impact on the nature of posttransitional regimes and the potential for regime durability»* [Collins, 2004, p. 224]. Термин «клан» сейчас достаточно распространён не только в российском политологическом словаре [Young, 2009, p. 256–258], но и в повседневном российском обиходе, особенно в провинции, поскольку здесь значение родственных связей и взаимная поддержка родственников ещё очень велика. Поскольку она имеет значение и в борьбе за занятие формальных властных позиций, то использование этого понятия становится одним из способов объяснения результатов борьбы за власть в местном обществе (весьма ярко это демонстрирует, например, исследование социально-профессиональной динамики локальных элит за последние три десятилетия в регионах центральной России [Жуков, Сельтцер, 2019]). При этом так используемый термин «клан» часто заменяет более адекватные ситуации русские понятия «семья» и «род». Но стало уже традицией использовать термин «клан». Одна из важных причин этого — наличие здесь скрытого коннотата: *«лица, добивающиеся своих целей не всегда легальными средствами, прибегающие к помощи родственных, дружеских и соседских связей»* (моё определение), и потому термин воспринимается нередко как «мафиозная семья». Очень часто именно в таком явном значении используется термин при описании деятельности какой-то родственной группы, находящейся у власти в местном обществе: *«...да они там – мафия»*. Помимо

этого фактор клановой принадлежности фиксирует наличие реальных групповых отношений: статус индивида в сообществе определяется не через его автономные признаки (уровень дохода, формальная властная позиция, индивидуальный престиж), а через относительные, что представляется более важным.

В одних локальных обществах «кланом» может быть одна или несколько родственных семей, в других обществах «кланы» образуют представители одной или нескольких этнических групп (народностей), конфликтующих между собой за власть, неважно, формальную (глава муниципалитета) или неформальную (местный «*решатель*» или «*смотрящий*»). Фактор клановой принадлежности мало или совсем не определяет влияние человека. Но он достаточно сильно завязан на возможность человека занять формальную должность в государственных организациях и в органах публичной власти. Определяющее значение он имеет для статусной дифференциации в частных организациях, фирмах. Этот фактор стал играть важную и всё более усиливавшуюся роль в провинциальных обществах сразу после развала советской системы управления, на что я обратил внимание уже в начале 1990-х годов, отмечая, что муниципальные должности в первую очередь стали покупаться (так в местную власть стали приходить представители криминального мира) а затем и наследоваться, т.е. в органах местного самоуправления и территориальных учреждениях государственного управления количество лиц, связанных родственными (клановыми) отношениями стало быстро расти [Плюснин, 2002; Plusnin, 2000]. Это фиксировали и последующие наблюдения (см.: [Young, 2009]). Но, как показывают и новые исследования, такое положение дел на муниципальном уровне в провинции сохраняется и даже усугубляется [Ledyayev et al., 2014; Жуков, Сельтцер, 2019]. В условиях ослабления или даже полного отсутствия механизмов вертикальной социальной мобильности на конкурсной основе их роль практически полностью перешла к механизмам «наследственной» передачи статусных позиций в формальной иерархии ветвей публичной власти и криминализованного контроля местных природных ресурсов. Фактор клановой (родственной и криминальной) принадлежности стал практически определя-

ющим для статуса в формальной иерархии власти в местных обществах в Европейской России [Жуков, Сельтцер, 2019, с. 53; Ledyayev, Chirikova, 2019]. Однако по моим наблюдениям, в сибирских и северных обществах дело не зашло так далеко, хотя на юге России ситуация аналогична описываемой указанными авторами. В силу такого большого значения фактора клана в глазах местного сообщества формальные властные позиции политологами рассматриваются почти всегда как зависимые, определяемые этими первыми (например: [Бляхер, 2008]).

7.1.3. ВЛАСТЬ

Власть в локальном обществе есть обладание формальной статусной позицией, как правило или исключительно в системе государственных служений. В данном случае это верно и в отношении муниципальной службы, поскольку, несмотря на формальную независимость местного самоуправления от государства, позиции муниципальных руководителей определяет отнюдь не воля местных избирателей; любая сколь-нибудь значимая муниципальная должность требует согласования с куратором, региональным чиновником (см.: [Кордонский, 2006]).

Персональным источником власти, поскольку она формальна, обычно не является уровень располагаемого дохода индивида. Очень часто наблюдается ситуация, когда богатый предприниматель или криминализованный местный авторитет в течение длительного времени безуспешно пытаются получить должность, обычно выборную — депутата местного представительного собрания, главы администрации. «Купить должность» было легко в 1990-е и в начале 2000-х; теперь это гораздо труднее, да и со временем существенно снизилась привлекательность таких должностей⁷⁰. Повсеместно мы видим, что доля

⁷⁰ Возможно, по причине изменений в структуре межбюджетных трансфертов, при резком снижении доли дотаций, которые только и позволяли произвольно расходовать выделяемые муниципалитету государственные финансовые средства.

«купленных должностей» резко снизилась по сравнению с 1990-ми годами [Plusnin, 2000; Плюснин, 2002; Mote, Trout, 2003; Жуков, Сельтцер, 2019]. Властные позиции в массе замещают представители кланов, получая их «по наследству». Но в последнее десятилетие и их доля несколько снижается за счёт партийных и профессиональных «назначенцев». Однако и эти последние, при внимательном рассмотрении их связей, оказываются чаще всего «своими людьми», принадлежат определённому, доминирующему в данный момент клану, родственниками руководителей, близкими знакомыми, которых устраивают «по блату» (ср., например: [Ledeneva 1998, p. 83–87, 175; Барсукова, 2013, с. 119; Чирикова, Ледяев, Сельтцер, 2011]). Человеку извне, мигранту или недавнему насельнику в городе, совершенно невозможно получить управленческую должность ни в результате выборов, ни по назначению. Это доступно только «варягу», т.е. внешнему назначенцу или протезе от региональной власти.

Таково положение в верхних уровнях власти (обычно это выборные муниципальные должности или назначаемые должности в территориальных государственных учреждениях). Иная ситуация на нижних этажах власти, на уровне муниципальной службы. С одной стороны, имеет место катастрофическая нехватка профессионально подготовленных специалистов⁷¹, с другой стороны, сам уровень такой подготовки крайне низок по указанным выше причинам. Но с третьей стороны, важной причиной отказа идти на низовые муниципальные и государственные должности является весьма невысокий уровень жалования: парадоксально, но обычно размер жалования такого «бюджетника» ниже размера пенсии, которую он получит после окончания службы. Привлекательны только те низовые властные позиции, которые позволяют их носителям контролировать какие-либо важные локальные ресурсы, природные, финансовые или кадровые (участие в должностных назначениях). Всё

⁷¹ Хотя в стране действует более 430 кафедр государственного и муниципального управления, ежегодно выпускающих тысячи специалистов, но эти последние идут в лучшем случае в органы публичного управления в крупных городах, а в провинции они отправляются, как правило, сразу в сферу услуг – в торговлю.

в полном соответствии с системой административного торга на верхних, государственных этажах исполнительной власти.

Все бюджетные должности ранжированы в рамках каждого учреждения. Властный статус институционален и иерархичен. Каждый человек занимает (обычно) одну однозначно определённую позицию в иерархии линейных субординаций в одном, реже в нескольких институтах, создаваемых и контролируемых государством и имеющих уставно (юридически) зафиксированную организационную форму. Однако «бюджетная иерархия», субординация позиций в бюджетной организации, не связана с восприятием действительного статуса человека в глазах местного сообщества. Простой учитель школы или врач в районной больнице, в силу своих профессиональных компетенций, могут иметь несравненно более высокий общественный статус, нежели их начальники — директор той же школы или главный врач, но сами по себе ничёмные по своим профессиональным качествам. Таким образом, сами властные позиции человека, так же как и формальный уровень полученного им профессионального образования, слабо коррелируют с его реальным статусом в местном обществе. Причины заключаются в основном в инфляции как профессионального образования, так и должностных назначений. Широко распространившаяся купля дипломов об образовании, псевдообучение в многочисленных частных учебных заведениях и тотальная раздача должностей знакомым и родственникам («по наследству») привели к тому, что повсеместно общественный и формальный статусы одного и того же человека обычно не совпадают. Общественный статус есть статус реальных групповых отношений. Формальный статус есть всего лишь атомарная характеристика человека в сословно-классовой системе. В российских условиях, как прежних, так и современных — в системе сословных отношений [Кордонский, 2010]. Приведу наиболее впечатляющий, с моей точки зрения, пример.

Вероятно, наиболее яркое и зримое проецирование социальной дифференциации на основе формальной атомарной иерархии в буквальном смысле на местность дают наши кладбища. Кладбища и раньше — в имперский и в советский период — были зримой проекцией сословной структуры общества.

Таковыми они являются и сейчас, прежде всего и в первую очередь — в локальном масштабе (хотя в каждой столице имеются особые сословные кладбища, первое среди них — некрополь у Кремлёвской стены в Москве). Именно на кладбищах административных центров местных обществ структура общества манифестируется во всей полноте, как она выглядела век или полвека назад и как она выглядит сейчас. Покойники всегда располагаются сообразно своему рангу как в формальной, так и в локальной неформальной иерархии. Высокостатусные покойники находятся в центре кладбища. Могилы богатых, но менее статусных людей, а также могилы криминальных авторитетов расположены близко вокруг них на центральной аллее. Все «*першие люди*» упокоены как можно ближе к кладбищенскому храму или часовне. Бедные захоронены по окраинам, а бездомные и убогие, которым посчастливилось попасть на кладбище, захоронены рядом с кладбищенскими мусорными свалками и нередко вынесены за ограду, как в прежние времена поступали с самоубийцами и скоморохами-актёрами (ныне эти последние принадлежат к элите и располагаются обычно в центре).

Сословно-профессиональная дифференциация доходит до абсурда, когда сайты (отдельные участки) на кладбищах выделяются для отдельных государственных учреждений. Это очень характерно для закрытых административно-территориальных образований, а также для бывших *шарашек*, а также академических посёлков вроде новосибирского Академгородка или подобных ему академических посёлков. Обычно на таких кладбищах выделены участки не только для сословия или профессиональной группы, но и для каждого учреждения. Могилы руководителей, военных, строителей и учёных располагаются в разных сегментах одного кладбища, в наилучших местах. Могилы простых жителей («обывателей») располагаются в худших местах, часто в низинах, на болоте. Внутри выделенных сословных сегментов (например, для умерших из сословия учёных) каждому учреждению (например, университету и исследовательскому институту) выделяется отдельный, чётко отграниченный участок. На этом участке упокоенные начальники располагаются во главе своих бывших подчинённых, а мелкие служащие полу-

чают могилы на окраинах участка. Так и располагаются сайты учреждений ровными рядами, где в первых линиях руководители, во вторых — их заместители, далее — по рангу вплоть до самых низших (правда, простых работников, например, уборщиц, хоронят в сегменте для «простых людей»). Двухуровневая иерархия — между сословиями и внутри сословия — соблюдается неукоснительно и среди умерших. Все они лежат в соответствии с иерархией по предпоследнему своему статусу (последний же зафиксирован в могильном сайте). Но такова есть диспозиция на центральных и «престижных» кладбищах в административных центрах местных обществ, таких обычно одно-два на всё общество. Не так на деревенских кладбищах, которые в этом отношении эгалитарны. Хотя и здесь мы можем нередко наблюдать сегрегацию местоположения *покойников* по родственному, этническому и конфессиональному, а иногда и профессиональному признакам. Кладбища наши есть наилучший вековой — и уж вовсе не моментальный — срез социальной структуры общества как на генеральном, так и на локальном уровне.

Особенность распределения власти в провинции, в отличие от урбанизированных территорий (тем более в отличие от столиц), приводит к развитию своеобразных локальных стилей управления. Типология таких стилей исследована нами ранее [Плюснин, 2009; Плюснин и др., 2009; Кордонский и др., 2011] и обсуждается мною ниже.

7.1.4. ДОХОД

Выше я упоминал о существенном противоречии, заключающемся в том, что социальная структура часто выстраивается исследователями на модели доходной стратификации [Шкартан и др., 2009; Wodtke, 2016; Тихонова и др., 2018], тогда как на уровне локального общества различия в доходах между людьми или между домохозяйствами не являются существенным фактором, детерминирующим реальный общественный статус человека. Обладание капиталом не есть синоним статуса. Когда капи-

тал — контроль и обладание (присвоение) ресурсов разного рода (от природных до финансовых и информационных) — конъюгирует с формальным властным статусом, тогда он и начинает определять реальный достигнутый статус индивида. Но обычно это относится только к немногим отдельным людям и, как правило, к единичным ситуациям; для подавляющего же большинства нет прямой связи между капиталом и властной позицией.

На локальном уровне также кажется вполне уместным рассматривать доходную стратификацию домохозяйств в качестве синонима социальной стратификации. Но только на самых концах социальной лестницы — на самом верху и на самом дне. Всё остальное «тело общества» не будет никак стратифицировано. Домохозяйства или отдельных людей можно будет расположить по рангам только по официально получаемым доходам, но не по их общественным статусам. Тем более, как мы видели в главах 5, 6 и 7, доходы домохозяйств от неформальной экономической деятельности могут превышать формальные (задекларированные) доходы даже не в разы, а в десятки раз. Например, на каком ярусе мы расположим среднее провинциальное домохозяйство (из 3 человек), ежемесячный официальный доход которого соответствует региональному медианному доходу при заработной плате каждого члена семьи в 9 000–15 000 руб. (\$150–250), то есть составляет примерно \$560 (по данным 2018 [Тихонова и др., 2018, с. 182–183]), если ежемесячный доход этого же домохозяйства от неформальных промыслов разного вида составляет (уже по результатам наших полевых наблюдений) от \$2 500 до \$5 500? Такое домохозяйство должно быть отнесено к самой верхней высокодоходной страте ≥ 4 медианы. Но при этом домохозяйство не будет располагать многими товарами длительного пользования, пользоваться услугами, свойственными этой страте, а сами члены семьи единодушно будут причислять себя к бедным (ср.: [Тихонова и др., 2018, с. 59–65, 117–143, 157–172]). В данном случае это вовсе не гипотетический пример, а совершенно типичный, общераспространённый случай. И такие домохозяйства являются массовыми, что создаёт вполне объяснимый когнитивный диссонанс у полевого исследователя-социолога.

Столь же обычна в провинции и противоположная ситуация: в доходной стратификации домохозяйство относится к нижней страте, но сами члены семьи не считают себя бедными, а общественный статус их взрослых членов оказывается самым высоким благодаря уважению, которым они располагают. Таковы, например, подавляющее большинство профессиональных работников, занятых в системе социального обеспечения и воспроизводства — как раз те самые, уровень вознаграждения и статус которых столь не соответствует их реальной социальной роли, что и стало важным предметом обсуждения в новых кризисных условиях и на пороге нового мира [Schwab & Malleret, 2020, p. 36]. Надо сказать, что во всех случаях, когда мы наблюдаем отношения людей в немногочисленных и сравнительно изолированных местных обществах, имеет место полное несоответствие между уровнем доходов и потребления, с одной стороны, и социальной стратификацией, с другой. Общества «турбулентные» и более многочисленные приближаются к крупным урбанизированным сообществам. В целом же реальный статус человека зависит от отношений в локальном обществе, а не от его атомарных внешних признаков, таких как доход.

7.2. ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И ЕЁ ТИПЫ

Напоследок нас интересует отношение между местной властью и местным обществом. Каковы реальные взаимодействия между ними? В каких типичных формах проявляется местная власть? Как и почему эти формы задаются (определяются) местным обществом или какими-то внешними обстоятельствами?

Нормативно муниципальная власть, или «местное самоуправление», имеет чётко заданные функции и сообразную им структуру. Это прописано в федеральных законах. Однако жизнь корёжит по-своему. Реальные формы местной власти отнюдь не всегда совпадают с законом. Чаще они подчиняются закону жизни. Как иногда признаются муниципальные руководители: *«Живём мы не по законам, а по понятиям»* (термин «поня-

тия» следовало бы заменить на «по законам криминального мира»). В новой политической среде созданная заново муниципальная власть научилась жить «по понятиям», задаваемым конкретными местными условиями. Сложились разные формы власти: различна природа местной власти, различны социальные группы, обслуживаемые этой властью и обслуживающие её, изменились и частично заместились даже цели деятельности органов местного управления [Ledyayev, Chirikova, 2017; 2019].

Поэтому эмпирическими исследованиями фиксируется не законодательное единообразие, но феномен многообразия форм муниципальной власти. Для государственной власти всё это многообразие создаёт лишние хлопоты, повышает неопределённость результатов администрирования и снижает эффективность управления. На федеральном уровне такое многообразие практически неразлично, если не говорить о каких-то особых случаях, но для региональной власти оно становится непростой и с годами нарастающей проблемой. Как показывают наблюдения, основная проблема есть отношения местной власти с местным обществом. Иными словами, является ли власть «своей» или она «чужая» для общества, пришлая, привнесённая. Сложился ли институт власти в самом местном обществе как институт настоящего самоуправления или эта власть есть по сути «внешнее управление», назначенное и контролируемое государством.

В качестве операционального принципа соотнесённости муниципальной власти с местным обществом мы предложили принцип «включённости — исключённости» власти в/из местного сообщества. Синонимом этого является степень подконтрольности местных властей органам региональной государственной власти. Необходимо выделить две его стороны: формально — степень включённости муниципального уровня публичной власти в местное общество, содержательно — функциональная направленность местной власти.

Формальная характеристика описывается как функция, обратная степени зависимости местного управления от вышестоящих институтов управления, каковыми являются федеральный и региональный уровни государственной власти. Выражается

это прежде всего в зависимости управленческих решений муниципального руководителя от произвола регионального чиновника. Задача чиновника есть контроль и содействие таким решениям, но должностное лицо редко этим ограничивается. Может наблюдаться сильная зависимость местных руководителей от государственных чиновников либо умеренная и даже слабая зависимость. Соответственно, слабая зависимость решений местного управленца от произвола государственного чиновника и от «направляющих» воздействий региональных администраций обычно (но не всегда) свидетельствует о её включённости в местное общество. Иными словами, местная власть есть по факту местное самоуправление. А полная зависимость от внешнего управления есть признак исключённости власти из жизнедеятельности местного общества.

Содержательная характеристика принципа «включённости – исключённости» состоит в предпочтении органами власти определённых целей управления и определённых форм ответственности перед населением. Законодательно определены три цели местного управления, в порядке значимости: социальная, хозяйственно-экономическая и политическая, а также три формы ответственности местной власти: перед государством, перед населением и перед физическими и юридическими лицами. По закону необходима полнота ответственностей и достижение всей совокупности целей. В жизни далеко не всегда удаётся достичь идеала, часто не удаётся совсем. Органы местной власти могут смещать акценты, вынужденные выбирать одну, две или все три цели в качестве основных, а также предпочитая какую-то одну из форм ответственностей двум остальным. Далеко не всегда можно с равным успехом преследовать, например, политические и хозяйственные цели или совмещать ответственность перед населением с ответственностью перед государством. Наблюдения показывают, что в реальной жизни в деятельности органов муниципального управления всегда имеют место акценты как на отдельные формы ответственности, так и на какие-то отдельные цели деятельности. Например, власть может организовать местное управление, делая акцент исключительно на политические

цели и «исповедуя» форму ответственности только перед государством. Очевидно, что содержание управления так ориентированных органов власти будет радикально отличаться от управления, сделавшего акцент на ответственность исключительно перед населением и с ориентацией на социальные цели. Органы власти первого стиля управления будут и по содержанию, и по форме исключены из местного общества, вторые — включены в него по содержанию управления, хотя бы по форме и находились в зависимости от государственных органов. В этих последних мы будем фиксировать признаки реального местного самоуправления, в первых же их вовсе не найдём. В лучшем случае это будет «антикризисное» управление. Причинами таких формальных и содержательных акцентов могут быть условия и обстоятельства как объективные, так и вполне субъективные. Нередко причиной выступает состав населения местного общества и характер жизнедеятельности его, особенно распространённость неформальных практик экономического поведения.

Таким образом, учитывая формальную и содержательную стороны принципа «включённости — исключённости», мы можем разнести стили управления органов местной власти по двум ортогональным осям: (1) по степени подконтрольности региональным органам государственной власти и (2) по степени развития реального местного самоуправления. Обобщив большое количество эмпирических наблюдений организации муниципальной жизни, мы смогли отчётливо выделить четыре основных типа муниципалитетов (эти типовые формы организации муниципального управления уже были нами ранее описаны: [Плюснин, 2009; Кордонский и др., 2011]). Типы дифференцируются не только по стилю управления, по направленности и приоритетам, но и по стилю взаимодействий муниципальных руководителей с чиновниками государственной власти (специально об этом: [Плюснин, Митрошина, 2016]).

На схеме рис. 18 показано соотношение выделенных четырёх типов местной власти при распределении по осям степени развития местного самоуправления и степени зависимости (контроля) от органов государственной власти. Большой круг

СТАТУС И ВЛАСТЬ

с серой заливкой репрезентирует значительное количество муниципалитетов, в отношении которых я затрудняюсь, к какому из четырёх типов их отнести: таких муниципалитетов немало. Относительные размеры кругов указывают на долю того или иного типа муниципального управления. Местоположение кругов относительно оси абсцисс и оси ординат указывает на степень развития местного самоуправления и зависимости от органов государственной власти. Видно, что соотношение типов управления не является оппозиционным: круги-типы расположены не симметрично.

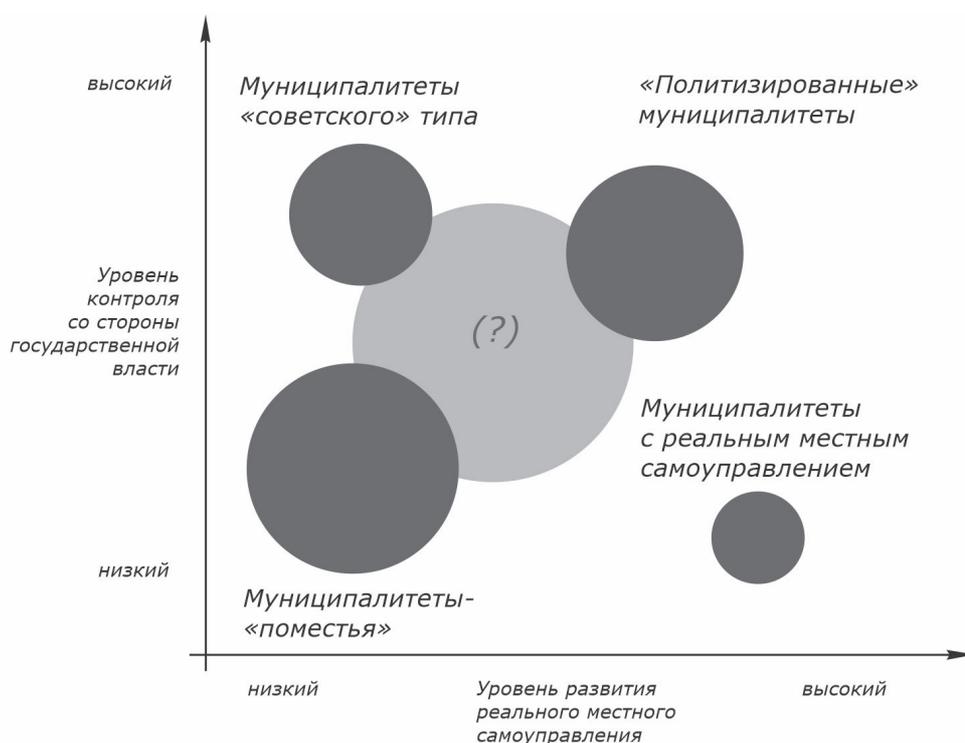

Рис. 18. Типы муниципального управления в провинциальных местных обществах

Оценки получены по результатам экспертных интервью из эмпирической выборки объёмом примерно 1 000 муниципалитетов, собранной нами в период с 2005 по 2020 годы в 297 полевых исследованиях. Замечу, что типология, описанная ещё в 2009 году [Плюснин, 2009], в дальнейшем не изменилась, новые наблюдения только подтверждали выявленную картину.

Если же оценивать распределение типов местной власти в обследованных мной 285 местных обществах (т.е. в основном и дополнительном списках), то картина выглядит следующим образом⁷². Муниципалитеты с реальным местным самоуправлением составляют наименьшую долю, 6–7 процентов. Чуть больше, но тоже невелика, до 10 процентов, доля муниципалитетов, сохраняющих советский стиль управления, с полным подчинением органам государственной власти. До $\frac{1}{5}$ составляют муниципалитеты с политизированной системой управления. Самую большую долю занимают муниципалитеты-«поместья»: их четверть. Наконец, до $\frac{2}{5}$ муниципалитетов есть такие, для которых я не смог точно диагностировать тип власти; круг не симметричен относительно центра, что говорит о том, что значительное большинство этих неопределённых типов муниципального управления могут быть предпочтительно отнесены к «советскому» и «поместному» типам. Политизированные муниципалитеты, где налицо борьба за власть между отдельными лицами и кланами, диагностируются достаточно хорошо. Примерно то же можно сказать и о муниципалитетах с реальным самоуправлением. Муниципалитеты с «поместным» и с «советским» типами управления не столь чётко дифференцируются. Если же соотнести доли упомянутых $\frac{3}{5}$ муниципалитетов с довольно точно определённым нами типом власти, то их пропорция выразится отношением 1: 1,5: 3: 4. На каждый муниципалитет, где имеет место реальное самоуправление, приходится в полтора раза больше муниципалитетов с системой управления «советского» типа, в три раза больше муниципалитетов с политизированной системой управления и в четыре раз больше муниципалитетов-«поместий». Ниже опишу каждый тип управления подробнее.

⁷² В каждом местном обществе наблюдались от 1–2 до 7–10 муниципалитетов разного вида, но здесь приводится оценка для уровня муниципальных властей в рамках целого местного общества. Чаще всего это муниципалитеты двух категорий: «муниципальный район» или «городской округ». Меньше муниципалитетов категории «поселение» (сельское и городское). Сейчас муниципальные районы переводят в категорию либо городского, либо муниципального округа.

7.2.1. МУНИЦИПАЛИТЕТЫ С РЕАЛЬНЫМ МЕСТНЫМ САМОУПРАВЛЕНИЕМ

К первому типу мы отнесли муниципалитеты, сложившиеся «по всем правилам»: здесь местное общество обладает реальным самоуправлением. Местная власть слабо зависима от органов государственной власти (в реальности — от произвола чиновников), что соответствует требованиям закона. Цели управления есть социальные и хозяйственные, т.е. направленные на непосредственное жизнеобеспечение, потому эти цели далеко не всегда собственно экономические. Основной формой ответственности является ответственность перед всем населением и лишь отчасти — формально-юридическая, перед государственными чиновниками. В этом смысле ответственность перед государством имеет лишь отчётно-учётный характер (который, собственно, и должна носить).

Как правило, это весьма небольшие по численности населения местные общества, в которых образованы муниципалитеты, относящиеся к категории «сельское поселение», реже «городское поселение», ещё реже — к категории «муниципальный район». Кроме того, что границы муниципалитета удачно совпали с естественными границами территории местного общества, нередко эти общества находятся в пространственной изоляции, представлены одной или немногими несколькими общинами. В своей жизнедеятельности население ориентировано на использование природных ресурсов и производство продукции в личном подсобном хозяйстве. Именно эти факторы — изоляция и жизнь своими силами — определяют характер управления: власть вырастает из тела местного общества как полноценное самоуправление и только потом конституируется в форме муниципальной власти (об этом специально см.: [Плюснин, 2008]). Нередко здесь представитель власти (глава муниципалитета и администрации) откровенно номинален, выбирается из случайных, некомпетентных и не пользующихся уважением людей, а реальное управление осуществляется силами всего общества или группой активистов (см. примеры: [Кор-

донский и др., 2011]). Обычно имеет место прямое, а не представительное самоуправление. Потенциал таких обществ относительно высок: власть и общество здесь консолидированы, действуют согласованно и эффект управленческой деятельности всегда велик (во многом ещё и потому, что приходится достигать результата в условиях значительных ресурсных ограничений). Между тем, такие муниципалитеты не представляют интереса для региональных властей. С них «нечего взять» и к ним неприменимо «ручное» внешнее управление: местная власть, интегрированная с обществом, упруга и не поддаётся тем простейшим административным операциям, к которым только и способны региональные чиновники. Именно поэтому о таких муниципалитетах на региональном уровне мало что известно. О специфике организации реального самоуправления, включая и структуру местной власти, можно узнать только в ходе прямого наблюдения в полевых исследованиях. Формально же (статистически) такие особенности не могут быть зафиксированы. Я хотел бы заметить, что эта форма организации управления слишком близка идеологии русского анархизма, чтобы государственная власть могла позволить её существование. Почему же существуют такие муниципалитеты? По-видимому, вследствие фактического пребывания местного общества «вне государства»; таких обществ на пространстве России немало [Плюснин, 1997б].

7.2.2. МУНИЦИПАЛИТЕТЫ-«ПОМЕСТЬЯ»

Второй тип организации местного управления назван «муниципалитеты-поместья» по особым причинам (наименование предложено С. Г. Кордонским и использовано в названии его монографии, см.: [Кордонский, 2010]). Своеобразие этой формы организации заключается в *поместной* природе власти. Это муниципалитеты, являющиеся по факту поместьями предпринимателей или муниципальных чиновников (обычно оба статуса совмещены если не в одной семье, то в одном клане).

Данная форма власти наиболее заметна в муниципалитетах категории района или городского округа, как правило, имеющего небольшую численность населения, но обширную территорию. Причины коррелированности типа управления с этими показателями могут заключаться в том, что, во-первых, на территории таких административных единиц имеются значительные местные природные ресурсы, соучастие в контроле которых имеется у местной власти. Во-вторых, именно муниципальные образования категорий района и округа подвержены значительному контролю со стороны региональной власти в силу как относительно больших объёмов выделяемых на местный уровень финансовых ресурсов (межбюджетных трансфертов), так и того, что отнюдь не население региона, а органы власти уровня этих муниципалитетов являются непосредственным объектом управления региональной администрации. Поэтому к таким административно-территориальным единицам (муниципальным районам и городским округам) применяется архаичная, но эффективная практика «испомещения наместника», получающего доступ к ресурсам и контролю местной экономики в обмен на верное несение государственной службы. Это становится востребованным тогда, когда у государства «руки коротки». Соответственно, в таких муниципалитетах расцветает местечковая деспотия, узаконенный рэкет бизнеса и цензура социально-политической активности. Практически вся способная приносить доходы собственность принадлежит главам муниципальных образований, членам их семей и доверенным лицам либо предпринимателям, формально не находящимся у власти, но фактически управляющими муниципалитетом. Обычно эти предприниматели есть те же бывшие районные руководители, которые накопили административные и финансовые ресурсы, ушли «на покой» (стали пенсионерами) и теперь управляют районом или городом через своих ставленников.

Здесь отмечается существенно бо́льшая включённость местной власти в структуру государственной власти: акценты смещены на экономические и политические цели, а формы ответственности — перед государством и отдельными лицами, от которых зависит статус муниципального руководителя. Насе-

ление здесь находится в «крепости», живёт принципу «нам бы хозяина — мы бы и тужились». В этих муниципалитетах «народом» считаются муниципальные и государственные служащие, пенсионеры, «социально незащищённые категории граждан», убогие, больные, бюджетники. Люди самостоятельные: предприниматели, коммерсанты, отходники, любые другие категории активного населения — «народом» не считаются. Забота власти заключается в социально справедливом распределении доступных ресурсов (см. подробнее: [Кордонский, 2008а; 2008b]). Такие муниципалитеты обычно бесконфликтно вписаны в систему региональной власти. Они закрыты для внешнего наблюдения, а муниципальные власти очень жестко реагируют на попытки «чужаков» понять, как устроена в них жизнь.

Муниципалитеты-«поместья» отличает всегда одна особая черта, можно сказать, диагностический признак этого типа властных отношений. Везде в таких районах-поместьях дома глав администраций располагаются на виду у населения, в самом лучшем и на самом высоком месте — в полном соответствии с традицией имперских и советских времён. К двух-трёхэтажному особняку обычно подведены и теплотрасса от ближней больницы, и водопровод с канализацией от здания администрации. Бывает, и электричество даровое. Поскольку помещики всё же вынуждены сменять друг друга хотя бы ради приличия, то таких особняков обычно несколько. Нередко они образуют «барские слободки», «кулацкие концы», «деревни бедных» и прочие выделенные территории для избранных (все приведённые наименования суть реальные). Муниципалитеты-поместья обычно формируются в обществах изолированных или «ординарного» типа; их почти не бывает в «турбулентных» обществах и в обществах принудительного развития. Связано это, как уже упоминалось, с особенностями распределения местных ресурсов и возможностями их непосредственного контроля со стороны региональной власти. Вблизи крупных городов и региональных столиц, так же как и на «больших дорогах» (в «турбулентных» обществах), такой тип муниципального управления встречается редко. Почти всегда формальные властные позиции детерминированы факторами клана и капитала.

7.2.3. МУНИЦИПАЛИТЕТЫ «СОВЕТСКОГО» ТИПА

Это есть ресурсоориентированные муниципалитеты, до сих пор сохранившие стиль советской системы управления. В этих муниципалитетах имеет место тотальная зависимость от государства, управление несамостоятельно, цели деятельности администрации есть социальные и экономические, а формы ответственности смещены исключительно на государство, т.е. на ответственность перед региональными чиновниками. Этот тип полярен относительно первого типа муниципалитетов с реальным самоуправлением и несколько схож со вторым типом, муниципалитетами-«поместьями».

Специфика этой категории муниципалитетов состоит в том, что их административная структура во многом сохранила советскую структуру управления и ориентирована на поток ресурсов, распределяемых органами государственной власти. Фактически такие поселения являются как бы структурными подразделениями региональных администраций, осуществляющих свою политику, слабо связанную с муниципальной спецификой и самостоятельностью подчинённых. Как правило, власть в таких муниципалитетах находится уже три-четыре и более сроков в руках людей, вышедших из райкомов партии и советских исполкомов, либо они управляются весьма зависимыми управленцами, пришедшими на волне ранней демократии 1990-х годов, поэтому нередко не обладающими необходимыми управленческими потенциями. Говорить о какой-либо действительной интеграции местной власти в местное общество, тем более о её произрастании из местного самоуправления в данном случае нельзя. Власть здесь по факту есть низовой уровень государственной власти. Здесь нет никакой свободы местного управления, ориентированного на нужды сообщества, здесь управление — простой передатчик административных импульсов, основу которых составляют перераспределение и раздача ресурсов из бюджета. Для этого типа управления, как и для поместий, «народ» есть исключительно «рентная» часть общества: пенсионеры и бюджетники, а также многочисленные группы льготников и «лиц, нуждающихся в социальном

обеспечении». Все эти категории находятся в полной зависимости от государственной социальной политики.

Такой способ управления, поскольку оно нуждается во внешних ресурсах и зависит от их централизованного распределения, реализуется обычно в местных обществах принудительного развития, пространственно изолированных или «ординарных», но не в «турбулентных», где есть разнообразные потоки ресурсов, не контролируемых властью.

7.2.4. «ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ» МУНИЦИПАЛИТЕТЫ

В этом стиле управления зависимость от государственных органов управления может быть как сильной, так и умеренной, а формы ответственности смещены как на население, так и на государство. Такой тип муниципалитетов занимает положение ближе к центру осей, как видно на рис. 18. Цели управления есть преимущественно или исключительно политические. Формально такой тип противостоит типу муниципалитета-«поместья», персональная сменяемость властей велика (главы «меняются как перчатки»). Политизированность обусловлена тем, что в системе муниципальной власти представлены интересы многих чиновников, богатых дачников-помещиков и предпринимателей. Силы и влияние их сопоставимы, уверенной победы в борьбе за власть нет ни у кого. Управление осуществляется путём балансировки интересов этих групп муниципальными властями. Местная власть находится между двух, трёх, а то и четырёх оппозиций, которые представляют как пришлые, так и местные «элиты», назначенные из региона или выросшие из недр местного общества группы, претендующие на ресурсы и потому на власть. Такие муниципалитеты всегда представляют проблему для региональных администраций. С точки зрения населения, политическая жизнь их сообщества интересна и насыщена. Она не даёт расслабляться даже совершенно аполитичным индивидам: всё население погружено в административные разборки, которые у всех на виду. В части таких

муниципалитетов власти стремятся к большей автономии от региональных администраций, в других, наоборот, они самым тесным образом повязаны с отдельными региональными чиновниками (пример отдельного муниципалитета см.: [Плюснин, 2000, с. 102–142]). Таких «политизированных» муниципалитетов немало в стране.

«Политизированные» муниципалитеты характерны как для изолированных, так и для «турбулентных» обществ; формирование такого типа управления обусловлено преимущественно фактором принудительного развития местного общества. Поэтому здесь формальные властные позиции определяет не клановая принадлежность, а влияние (профессиональные компетенции претендентов на власть) и капитал (в силу того, что результаты политической борьбы претендентов часто зависят от массивной избирательной кампании, поддерживаемой региональными и местными массмедиа (см., напр.: [Ledyayev, Chirikova, 2019]).

Однако выделенные по результатам непосредственного наблюдения четыре типа муниципального управления есть граничные случаи форм организации власти. В большинстве же случаев (от $\frac{2}{5}$ и более всех провинциальных муниципалитетов) мы наблюдаем структуру власти, более или менее соответствующую законодательно установленным нормам, и только пристальный взгляд может заметить, перекошена ли она в одну из четырёх сторон. Как показывают наши наблюдения, региональные администрации более всего устраивают муниципалитеты несамостоятельные, дотационные и потому относительно легко управляемые извне, и менее всего — «политизированные» муниципалитеты, власть здесь слишком беспокойна. Усилия региональных властей часто направлены на лишение муниципалитетов какой-либо самостоятельности, для чего, например, руководители «политизированных» муниципалитетов подвергаются разного рода преследованию, в том числе и уголовному. К тому же здесь конкурирующие «элиты» вынуждены искать поддержки населения, одной из важных опор для них является использование гражданской и экологической ангажированности людей, обеспокоенных проблемами здоровья более, чем проблемами занятости, и проблемами справедливости более,

чем проблемами демократии. Муниципалитеты с реальным самоуправлением совершенно неинтересны региональным властям, может быть, потому они и предоставлены сами себе, тем более что здесь местные власти заинтересованы в развитии социально ориентированной деятельности и его важнейшего компонента — социального предпринимательства, а именно такая форма экономической активности объединяет основные целевые функции местного самоуправления: предоставление услуг и социальную поддержку населения. Потому региональная власть и концентрирует основное внимание на муниципалитетах с «советским» и «поместным» типами управления. Муниципальные руководители, стремящиеся к тому или другому стилям управления, ориентированы в первом случае на подачи финансовых ресурсов «сверху», а во втором — на возможность перераспределять природные ресурсы «внизу».

7.3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СТАТУС И КОНФИГУРАЦИИ ВЛАСТИ В РАЗНЫХ ТИПАХ МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ

Имеется ли какое-либо соответствие (корреляция) между разными типами муниципального управления и факторами, определяющими социальный статус человека, с одной стороны, а с другой — с типами местных обществ, выделенных по основаниям пространственной изолированности и принудительности/естественности развития? Несмотря на то, что типология всегда делает акцент на крайние (предельные) формы, а в чистом виде они редко когда бывают представлены, можно найти некоторое соответствие между типом общества и способом реализации местного управления в нём, как я уже отметил выше. Труднее связать типологию обществ с факторами детерминации социального статуса, поскольку эти последние не только универсальны, но и взаимозависимы. Между тем такая связь и там, и там прослеживается, но с определёнными оговорками. В крайних типах обществ — изолированных естественного развития и «турбулентных» принудительного развития — эта связь,

конечно, отчётливее, чем в обществах, находящихся на середине шкалы. Очевидно, что во всех случаях надо говорить только о тенденциях, о преобладании того или иного типа управления, но не о predetermined соответствии.

В обществах изолированных естественного развития чаще других реализуются две крайние управленческие стратегии: реальное местное самоуправление и муниципалитеты-«поместья». Первая стратегия нередко присуща небольшим по численности обществам с малым количеством общин; обычно такой тип управления демонстрируют не все, а только некоторые общины. Вторая стратегия, «поместья», более свойственна территориально обширным обществам с изобилием природных ресурсов (лесные, речные, морские). Социальные позиции индивидов во многом определяются факторами влияния и клановой принадлежности, а фактор располагаемого дохода может практически не играть никакой роли.

В обществах изолированных принудительного развития, в отличие от первых, чаще имеют место две другие, полярные, стратегии управления: муниципалитеты «советского» типа и «политизированные». Чаще всего это наблюдается в молодых обществах, где всё ещё сильны властные позиции «назначенцев» из хозяйственной сферы, бывших руководителей предприятий, выросших в иерархии менеджеральных отношений и сохранивших стиль «командного управления» и, соответственно, приверженность государственной иерархии. Кроме того, наличие в таких обществах значительных групп промышленных рабочих, сохранение профсоюзов, развитие конкуренции между крупными предприятиями и их командами управленцев способствует обострённой борьбе за власть и в результате — появлению «политизированных» муниципалитетов. Следует отметить, что это характерно для всех обществ принудительного развития — то есть «политизированные» муниципалитеты и возникают в такого типа обществах, а также могут возникнуть в любых «турбулентных» обществах. Редко, но могут возникать и муниципалитеты-«поместья». Факторы, определяющие социальный статус человека, есть преимущественно клановая принадлежность и формальная власть.

В обществах «ординарных» естественного развития, как и в первом типе обществ, чаще реализуются две управленческие стратегии: реальное местное самоуправление и муниципалитеты-поместья. Точно так же определяются и статусы людей: преимущественно персональным влиянием и принадлежностью к клану. В этом отношении, по выраженности частоты стратегий управления и детерминаций статусов, данный тип локального общества совпадает с изолированными естественного развития сообществами. Во всех остальных типах сообществ эти две стратегии муниципального управления реализуются крайне редко или не реализуются вовсе.

В обществах «ординарных» принудительного развития чаще реализуются те же стратегии управления, что и в изолированных обществах принудительного развития, в именно «советская» и «политизированная». Таким образом, по управленческим стратегиям четыре вышеуказанных типа обществ разбиваются на пары по характеру развития: общества естественного развития реализуют чаще стратегии «реального местного самоуправления» и «поместья», а общества принудительного развития — «советскую» и «политизированную». (Это совсем не относится к обществам «турбулентным», они отличны как от тех, так и от других.) В сообществах «ординарных» принудительного развития персональные статусы больше детерминированы факторами клана, формальной власти, частично капитала.

Муниципальная власть в «турбулентных» обществах обоих типов может реализовать «политизированную» стратегию управления, все остальные реализуются крайне редко. Стратегия реального местного самоуправления здесь не обнаружена совсем (да и было бы нереально такую зафиксировать). В то же время социальный статус человека здесь детерминирован как социально-профессиональным фактором (влияние), так и формальными позициями во власти и капиталом. Фактор клана имеет небольшое значение или никакого, тогда как фактор капитала, наоборот, здесь проявляется сильнее, чем во всех других типах обществ.

Обобщая, можно заметить, что полярные стратегии управления, когда они проявляются, связаны с типами обществ тремя вариантами. В одном случае пара стратегий реального местно-

СТАТУС И ВЛАСТЬ

го самоуправления и «поместного» управления может наблюдаться только в изолированных и «ординарных» сообществах естественного развития; в остальных четырёх типах сообществ она практически не реализуется. Во втором случае пара других стратегий, «советская» и «политизированная», наблюдается как раз в сообществах принудительного развития как изолированных, так и «ординарных». В третьем случае только в «турбулентных» сообществах наблюдается «политизированная» стратегия, а остальные — нет.

Равным образом власть и капитал чаще имеют сравнительно большое значение в обществах «турбулентных» и принудительного развития, а клановая принадлежность — в обществах изолированных и естественного развития. Вероятные причины отмечаемых различий в стратегиях управления и детерминации статусов я обсуждал выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я попытался, в меру сил, проанализировать многочисленные эмпирические наблюдения и представить обобщённую картину реальной структуры современного провинциального российского общества. Материалы собирались в течение почти четырёх десятилетий, описываемый в них феномен представляется мне неизменным все эти годы. Однако эта неизменность всё же преходяща. Подозреваю, что очень скоро наступят новые времена и от описываемой мною картины в реальной жизни будущего общества останутся только отдельные осколки из того, что составляет сейчас целостность. Однако я думаю, что и это есть вполне достаточная причина зафиксировать наличное состояние общества.

В заключение я намерен сделать краткий эскиз описанного выше, в третий раз повторяя основные результаты исследования.

КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Провинциальное российское общество рассматривается мною исключительно на локальном уровне, поскольку считаю, что только это и образует наблюдаемую реальность. Местное провинциальное общество, составленное из общин, члены которых сами не определяют себя таковыми, поскольку не осознают этого, обладает структурой, вырастающей снизу, из самых глубин общественной жизни. Своя собственная, природная структура тонка и едва заметна. Она слаба и легко рвётся. Поэтому для внешнего мира у местного общества существует специальный защитный доспех, причём двойной. Это надеваемая сверху государством на самое тело сообщества своего рода «кольчуга» сословной структуры, государством определяемой и им же лелеемой. Сословная «кольчуга» груба, она ранит и деформирует

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ет нежную ткань низовой структуры сообщества. Поверх «кольчуги» надета «кираса» государственного административно-территориального каркаса, фиксирующего пространственную определённую общественную жизнь. Государственный доспех утверждает форму общественному телу. Не совсем понятно, какому образу соответствует эта метафора: то ли рака-отшельника в чужой раковине, то ли узника на тюремной цепи. Но она всё же образно фиксирует особенность организации нашей провинциальной российской жизни: двойная структура — мягкая общинная и жёсткая сословная — образует феномен, органичность которого постоянно подвергается сомнению поколениями наблюдателей-социологов.

Поскольку меня интересуют прежде всего самые низы общественной жизни, я попытался описать мягкое общинное тело, вытасченное из государственного панциря. Вытаскивать пришлось долго и со многими трудностями. Но неторопливость разглядывания позволила усмотреть несколько сторон провинциальной жизни. Первая сторона есть физическая проекция сообщества в пространстве; была сделана попытка описать территориальную структуру. Вторая сторона есть проекция пространства (в ограниченной форме ресурсов жизнеобеспечения) в живое тело повседневной общественной жизни; была сделана попытка описать хозяйственно-экономическую структуру. Третья сторона есть совокупность непосредственных устойчивых отношений между людьми в границах их обитания и хозяйствования; была сделана попытка описать низовую социальную структуру в совокупности соседских, родственных и статусных связей. При этом я намеренно избегал представить такую структуру как линейную, как иерархию или как доходную стратификацию домохозяйств.

Но поскольку «мягкость» ухватить весьма непросто, моё описание было разложено на три компонента с тем предположением, что именно они и образуют три основные оси скелета, всё же прощупываемого под мягкой общинной оболочкой. Важнейшая по значимости есть ось родственно-соседских связей, базирующаяся на родстве многих поколений ныне живущих совместно людей, на их территориальной консервативности,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

на мизерной миграционной активности, на постоянстве межперсональных связей. Эта структура образует ту почву, на которой вырастает повседневность жизни. Повседневность есть обитание, бытование и хозяйствование родственников и соседей в границах контролируемой территории. Эта же повседневность детерминирует вторую ось — взаимозависимых кооперативных отношений домохозяйств, выстраиваемых на основе как альтруистического (дар и помощь), так и взаимовыгодного обменного поведения. Вследствие этих отношений создаётся система локальных хозяйственно-экономических практик и дифференциация людей по оси экономической активности, полюсами которой выступают пассивное, «рентное» и активное, самозанятое население. Третья ось есть отношения взаимозависимых позиций людей — их локальных персональных статусов, распределяющих своих носителей на «верхи» и «низы». Статус зависит от нескольких, а именно четырёх основных, факторов: личного влияния, принадлежности к клану, располагаемой власти и контролируемого капитала. Используя три указанные оси для описания: (1) свои — чужие, (2) пассивные — активные, (3) верхи — низы, я попытался с их помощью зафиксировать низовую социальную структуру.

В результате эмпирический анализ позволил разглядеть сложность социальной структуры провинциального общества, её многокомпонентность и даже иерархичность. На верхнем уровне имеет место взаимодополнительность низовой социальной и сословной структур, имеющих как разрывы, так и точки проникновения друг в друга. Но поскольку природа их различна, они не конгруэнтны, но соподчинены. На нижнем (низовом) уровне сама общинная социальная структура подразделяется на три компонента. Но в данном случае имеет место конгруэнтность, более того, все три компонента имеют один источник, и они взаимозависимы. При этом низовая социальная структура выглядит *двудольной*. Одну из долей представляет территориальная структура, организующая сообщества в пространстве, а две других — экономическая структура и собственно социальная структура. Их функциональное значение разное, как было показано.

ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИИ МЕСТНЫХ ОБЩЕСТВ

Помимо этого, оказалось необходимым осуществить классификацию местных обществ по внешним для них основаниям. Я выбрал три основания, из которых наибольшую эвристичность продемонстрировали два: (1) степень пространственной изоляции сообществ и (2) особенности формирования и развития их в зависимости от степени воздействия со стороны государства. Третье основание, длительность существования местного общества, оказалось ограничено полезным, второстепенным. Результатами обобщения явились типологии сообществ. В максимально возможном наборе из восемнадцати типов местных обществ показана реальность шести типов (остальные двенадцать есть возможные типы, но не реализуемые). Эти последние оказалось возможным свести всего к четырём типам. Из этих четырёх окончательных типов два типа полярны по базовым признакам: (1) пространственно изолированные древние и старые общества, развивавшиеся естественно, без значительного вмешательства со стороны государства; (2) «турбулентные» общества, расположенные на транспортных магистралях и имеющие хорошо развитую инфраструктуру, как правило, молодые по длительности существования, образованные и развивающиеся при значительном принудительном политическом или экономическом воздействии со стороны государства. Два других типа занимают промежуточное положение и дифференцируются по разным основаниям: (3) турбулентные и неизолированные («ординарные») древние и старые общества естественного развития; (4) изолированные и неизолированные («ординарные») старые и молодые общества принудительного развития. Эти промежуточные типы сближаются с двумя полярными типами крест-накрест по своим основаниям: турбулентность сочетается с изолированностью и древностью, а изолированность — с принудительностью развития и молодостью сообщества. Разработанная типология оказалась полезна для систематизации разнообразного эмпирического материала, относящегося как до территориальной, так и социальной структуры, объясняющая особенности локальной экономики и неформальных экономических практик населения.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Наибольшее дифференцирующее значение созданная типология имеет для анализа территориальной структуры. Выразительные различия в территориальной структуре наблюдаются между двумя полярными типами — древними и старыми изолированными обществами естественного развития, с одной стороны, и молодыми турбулентными обществами принудительного развития, с другой стороны. В первом случае административный центр вторичен, он формируется из сельской округа, выделяясь первоначально в качестве религиозного либо экономического, а в дальнейшем наделяется и государственными военно-административными функциями. Сельская округа первична, развивается спонтанно, не ограничена ужимающим воздействием соседей. Сельская округа формируется в виде «кустов» из нескольких поселений. Поселения (деревни) невелики по числу жителей, но многочисленны и располагаются по всей территории. Градиент плотности от центра к окраинам невелик. Территория велика, размеры её определяются необходимостью контролировать природные ресурсы для повседневного жизнеобеспечения. Население способно жить автономно за счёт собственных добываемых природных ресурсов. Границы определяются природными барьерами и традицией, контролируются местными жителями; они стабильны в течение длительного времени, не всегда совпадают с административными границами.

В случае второго типа, полярного первому, его территориальная структура по многим признакам тоже полярна. Центр первичен, а сельская округа вторична, она формируется как «выселки» от центра на периферию. В силу этого сельская округа стягивается к центру, поэтому окраины территории не заселены. Число жителей в поселениях сельской округа большое, количество самих поселений мало, это обычно рабочие посёлки, а не деревни. Всё общество концентрируется вокруг центра. В известные периоды жизни центр стягивает на себя население сельской округа, а сама округа начинает заустевать. Градиент плотности от центра к периферии значительный. Само центральное поселение создаётся не естественным путём, а вблизи

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

от источника ресурсов, не имеющих непосредственного жизненного значения для общества. Селитебная структура как центрального поселения, так и поселений округа сформированы как бы «одномоментно», не выростали медленно и естественным путём. Освоенная и обитаемая территория почти всегда значительно меньше административных границ, не соответствует площади необходимых для жизни природных ресурсов. Сами ресурсы, как правило, не осваиваются населением. Границы не охраняются и не поддерживаются; население в своём жизнеобеспечении зависит от внешних источников, прежде всего от государства.

Территориальная структура третьего, «сборного» типа обществ, развивающихся естественно, но не являющихся изолированными, характеризуется хорошо развитой транспортной, энергетической и коммунальной инфраструктурой. Территория невелика по площади, границы контролируются населением. Большое количество поселений-деревень с невысокой численностью жителей в них покрывают всю территорию равномерно. Центры обществ сложились естественно, это древние и старые города.

Территориальная структура четвёртого, «сборного» типа молодых обществ, созданных принудительно, характеризуется умеренно развитой или недостаточной транспортной инфраструктурой. Размеры территории значительные, но не контролируемые населением. Малое число поселений сельской округи, с большим количеством жителей в них. Поселения концентрируются вокруг центра, градиент плотности от центра к периферии велик. Значительная часть местной популяции сконцентрирована вдоль транспортных магистралей.

На протяжении всего текста я обращаю специальное внимание на высокую консервативность территориальной структуры провинциальных сообществ: она остаётся неизменной очень долгое время, и община всеми силами и средствами стремится поддерживать эту неизменность. Вероятно, это есть наименее изменчивый компонент социальной структуры. Это есть в некотором смысле *костяк*, который остаётся «нетленным», переживая «*тела своих хозяев*» — локальные сообщества — сменяющих на

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

нём друг друга на протяжении столетий. «Территориальный костяк» переживает даже и словесные формы, различные в разные периоды политической жизни страны. Более того, сама упомянутая выше «кираса» государственной административно-территориальной структуры в значительной степени выросла на этом самом древнем *костяке*, по сути, пространственном инварианте социальной жизни.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Напротив, экономическая структура, по моему эмпирически обоснованному убеждению, есть как раз наиболее вариативный, лабильный компонент низовой социальной структуры, поскольку именно она и есть средоточие адаптивного потенциала сообщества. Самая первая, срочная реакция общины на любые изменения внешних условий её существования есть трансформация экономических практик как форм приспособительного поведения, ответственного за непрерывное поддержание жизнеобеспечения популяции. Именно здесь, в экономической структуре, мы наблюдаем многообразие переходов от одной стратегии к другой, едва только сколь-нибудь существенно меняются внешние условия. Смена стратегии массы домохозяйств есть смена *хозяйственного уклада*, который или которые характеризуют адаптивную способность общества, его потенциал. В этом отношении вариативная, лабильная экономическая структура оппозиционна «территориальному костяку», является его противоположностью, хотя в то же самое время экономическая структура выстраивается непосредственно на территориальной структуре.

Провинциальная экономика представлена двумя разными по природе и источникам, но глубоко взаимопроникающими формами. Первая, или формальная, экономика по масштабам и значению не является ведущей для жизнеобеспечения людей. Это место занимает «вторая экономика» — находящиеся вне формального государственного регулирования хозяйственно-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

экономические практики домохозяйств. Это есть широкое поле неформальной экономики, во всём своём масштабе локально легитимное, но далеко не легальное. Значительную часть её составляет тeneвая и криминальная экономическая активность. Провинциальная экономика имеет выразительные особенности в обеих своих частях.

Наиболее примечательной и наиболее важной особенностью формальной экономики в российской провинции является её однотипность. Она везде одинакова. Одинакова прежде всего потому, что её основу составляет «бюджетная» сфера. «Бюджетники» составляют от $\frac{2}{5}$ до $\frac{3}{5}$ и более всего занятого в местной экономике трудоспособного населения. На «бюджетном» фоне выглядят существенно менее развитыми остальные составляющие местной экономики — сферы материального производства и услуг. Формальная экономика провинции создаёт однородный фон, оттенки которого едва различимы от территории к территории и от региона к региону.

На этом фоне расцветает буйное многоцветье «серых» неформальных экономических практик. Подспудно, не на свету, а в «тени» бурлит экономическая активность населения. В неё погружены каждое домохозяйство и каждый человек, от мала до велика — и старики, и взрослые, и дети. Поэтому если говорить о провинциальной экономике, то нужно говорить прежде и в основном о неформальной экономической активности домохозяйств. Это есть по преимуществу экономика архаических промыслов. Мы определяем «промыслы» как самостоятельную хозяйственно-экономическую активность домохозяйства, использующую собственные средства и технологии и направленную на жизнеобеспечение семьи и на достижение иных, как правило социальных, целей. В качестве хозяйственной практики промысловая деятельность не предполагает ни предпринимательства, ни бизнеса в их первичном значении. В качестве экономической практики промысел направлен на извлечение дополнительного дохода. Промысел в значительной степени относится к неформальной экономике, т.е. не регулируется государством, не облагается налогом и не учитывается официальной статистикой. Масштабы промысловой активности в про-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

винции велики: от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и более всего трудоспособного населения в провинции занято не в местной экономике, а обеспечивает себя за счёт промыслов разного вида. Если же учесть всё взрослое население, включая пенсионеров, то выйдет $\geq \frac{1}{3}$. Однако и практически всё население, занятое в местной экономике (формальной), также промышленяет.

Доходы от промыслов соответствуют как минимум уровню официальных доходов («второй доход»), но чаще оказываются выше в разы и десятки раз. В случае криминальных промыслов, распространённых на некоторых территориях, неформальные доходы несопоставимо выше. Однако структура и динамика бюджета домохозяйств, занятых промысловой активностью, разительно отличается от бюджета средней городской семьи, основу которой составляют официальные источники.

Промысловые практики многообразны. Зафиксировано более 130 отдельных видов и групп промыслов. Осуществлена феноменологическая классификация промыслов на основе нескольких критериев. Основные критерии: (1) место осуществления деятельности, (2) ресурсы разного рода и (3) традиционность промысловой практики. Характер промысловой активности и его тип связаны с селитебной структурой провинции и детерминированы локальным рынком труда. Виды промысловой активности зависят от двух основных факторов: (1) пространственной изоляции сообщества и (2) наличия экономической поддержки со стороны государства. Таким образом, виды промыслов прямо детерминированы типом местного общества.

Каждое местное общество практикует множество видов промыслов (от нескольких десятков и до сотни). Каждое домохозяйство практикует обычно несколько (до десятка) видов промыслов. В силу разной доступности ресурсов, различной трудоёмкости и доходности промыслов домохозяйства стремятся специализироваться в отдельных видах промыслов. Специализация может захватывать многие домохозяйства и целые поселения (общины). Однако такая специализация угрожает экономической устойчивости домохозяйств и целых сообществ и, как следствие, вызывает рост скрытой социальной напряжённости и социального неблагополучия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденция к специализации приводит к феномену «гомологических рядов» промысловых практик: в случае сходства основных видов доступных населению ресурсов в разных регионах страны местные сообщества на разных, удалённых территориях демонстрируют одинаковые «наборы» промыслов. Такие промысловые гомологии обнаружены как на юге страны (промыслы на людях и инфраструктуре), так и на севере (промыслы на природных ресурсах и на государстве). Наряду с гомологичностью хозяйственно-экономических практик, специализация приводит и к феномену «множественной стенотопности»: отдельные поселения в местном обществе специализируются в немногих видах промыслов, но разные поселения имеют разные специализации, в результате в границах всего местного общества имеет место разнообразие промысловых практик. Предполагаю, что наличие столь явных «экологических аналогий» в системах жизнеобеспечения местных обществ свидетельствует о глубинных факторах, выступающих естественной подосновой провинциальной общественной жизни.

Адаптивный потенциал провинциальных сообществ, выраженный в неформальных хозяйственных практиках домохозяйств, колоссален. Именно в этой сфере жизнедеятельности местные общества демонстрируют «переход» к новым экономическим практикам, а вслед за этим — к новым социальным и, возможно, зачаткам политических форм организации жизни. Одновременно сообщества показывают возврат к давно «забытым» архаическим практикам, демонстрируя существование глубинной «социальной памяти». Но все такие формы экономических практик есть прежде всего формы самоорганизации, в рамках которых вызревают и механизмы самоуправления. Самоорганизация и самоуправление на местном уровне выстраиваются на основе самообеспечения. Именно поэтому я и говорю о феномене «жизни вне государства», присущем не только нашей отдалённой провинции, но и тем местным обществам, что примыкают к большим городским агломерациям. Благодаря самообеспечению и самодеятельности населения, массовой способности его «жить вдали от государства», к самостоятельности способны переходить и отдельные общины,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

и местные общества. Пресс государства стремится выдавить «вирус самостоятельности» из местной почвы во всех мельчайших его проявлениях. Но, как мы видели в 1990-е годы — времена прострации государства, этот «вирус» тотчас прорывается наружу и начинает давать не только здоровые ростки, но и самые уродливые формы. Такова природа экономического компонента социальной структуры.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Между «каркасным» и адаптивным компонентами — территорией и неформальными практиками жизнеобеспечения — балансирует третий компонент структуры, который за неимением лучшего я назвал «собственно социальной структурой». Это все те институциональные элементы, вытекающие из «тённисовской тетрады» отношений: соседско-родственных и взаимозависимых связей, объединённых духом *Kürwille*. Это тот компонент структуры, который отчётливо виден и самим её носителям, он эксплицирован в сознании простых людей в отличие от двух других. И он же связан наибольшим числом связей с «*государевой кольчугой*» сословной структуры. «Собственно социальная структура» находится под постоянным давлением со стороны сословной структуры и потому упруга, но поддаётся изменениям. Трансформации эти не всегда имеют определённую направленность и с трудом фиксируются; между тем «упругость» по видимости преобладает над «трансформизмом».

Обитание (территория) и хозяйствование (промыслы) есть основа бытования. Бытование есть повседневность в системе родственных и соседских связей и поведение в соответствии с той позицией, которая приобретена, освоена и утверждена человеком в его сообществе — соответственно его локальному социальному статусу. В провинциальном обществе почти все свои, здесь нет *чужих-как-своих*. Все чужие на виду, они «проходят мимо», не слишком влияя и не деформируя давно сложившуюся структуру отношений. Но соотношение между «своими»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

и «чужими» оказывается зависимым от типа сообщества. Сама структура и состав «своих» показывают такую зависимость. В разных типах обществ по-разному устанавливаются и развиваются отношения «свойства».

Формирование родственно-соседской структуры идёт двумя путями: путём разнородности насельников (механизм агломерации) и путём разновременности вселения на территорию (механизм слоистости). Агломерированность — разнородность состава населения по происхождению, из разных территорий и регионов, из разных родов или этносов. Наличие «агломератов» в составе общества есть признак вселения на его территорию разнородных групп населения почти одновременно, независимо от причин вселения — по принуждению государства или своевольно. Агломерации характерны для молодых сообществ, созданных принудительно, а также для «турбулентных», где велика доля мигрантов и их диаспор. «Слоистость» — наличие более ранних и более поздних по времени вселения на территорию групп населения, имеющих разное происхождение. «Слоистость» образуют разные этнические, конфессиональные, социальные или профессиональные группы. «Слоистость» выявляется в старых и древних обществах, обществах естественного развития. Совсем немногие современные сообщества создавались и существуют как разросшаяся единственная община, без участия мигрантов и без вселения компактных групп чужих, за два-три поколения становящихся своими.

Основой «свойства» в изолированных обществах выступают родственные и этнические связи. Здесь сохранён, хотя и подспудно, древний этнический субстрат. Напротив, в неизоллированных обществах особенности состава и структуры «своих» заключаются преимущественно в «слоистой», а не в агломерированной структуре. Отдельные компоненты-агломераты давно смешались, сгладились и растворились друг в друге. За счёт разрушения родственных связей структура «своих» атомизирована и гомогенна: в обществе нет крупных родственных групп, как и немного обособленных этнических групп, а когда они есть, то имеет место взаимное смешение. Особенно явно это в «турбулентных» сообществах, где миграционное

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

давление велико и в течение длительного времени способствует адаптации и ассимиляции иноэтничных мигрантов. В таких обществах в составе популяции наблюдается редукция сельской округи и гипертрофия административного центра. Как следствие, родственно-соседские связи нарушены и деградировали не только в центре, но и в сельской округе.

Состав и структура «чужих» отличны в «турбулентных» и «ординарных» типах обществ от таковых в изолированных. Здесь наблюдается значительно бóльшая численность мигрантов и, соответственно, высока доля «проточных», случайных людей. Важно, что в этих типах сообществ «чужие» массово присутствуют и в поселениях сельской округи, а не только в административном центре. Имеет место слабая этническая и конфессиональная фильтрация, поэтому не только в городе, но и в сельской округе много мигрантов разных национальностей и людей, чуждых местным жителям по своему менталитету. При этом состав «чужих» во всех типах обществ одинаков. Он представлен отдельными семьями и группами, имеющих от местных жителей отличия социального, профессионального, этнического и конфессионального или мировоззренческого характера.

Локальный социальный статус человека в местном обществе определяется факторами социальными, этногенетическими, политическими и экономическими. Статус, таким образом, зависит прежде всего от влияния человека — степени его общественного уважения, определяемого нравственными качествами, моральным поведением и профессиональными компетенциями (лишь косвенно связанными с уровнем образования). Второй важнейший детерминант статуса есть принадлежность его к клану (родственной и/или этнической группе). Другими основными, но менее важными факторами выступают место в формальной властной иерархии и денежный доход (располагаемый капитал). Такая иерархия факторов, определяющих статусные позиции, обусловлена тем, что детерминанты статуса в локальном обществе не анонимны, в отличие от общества большого города. Социальная структура не иерархична, но является гетерархической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеется определённая связь тех или иных факторов, детерминирующих статусные позиции, с типом общества. В разных типах обществ значение указанных факторов различно. В древних и старых изолированных обществах естественного развития социальные позиции индивидов во многом определяются факторами влияния и клановой принадлежности, а фактор располагаемого дохода практически не играет роли.

То же характерно для древних и старых «ординарных» обществ естественного развития. В этом отношении они совпадают с вышеуказанным типом.

Напротив, в изолированных обществах принудительного развития факторы, определяющие социальный статус человека есть преимущественно клановая принадлежность и формальная власть. В обществах «ординарных» принудительного развития персональные статусы больше детерминированы факторами клана, формальной власти, частично капитала.

Во всех «турбулентных» обществах социальный статус человека детерминирован как социально-профессиональным фактором (влияние), так и формальными позициями во власти и капиталом. Фактор клановой принадлежности имеет здесь небольшое значение. Фактор капитала, наоборот, здесь проявляется сильнее, чем во всех других типах обществ.

В целом формальная власть и капитал имеют сравнительно большое значение в обществах «турбулентных» и принудительного развития, а клановая принадлежность — в древних и старых изолированных обществах естественного развития. Вероятные причины различий в детерминации статусов заключаются, во-первых, в способности к самостоятельному жизнеобеспечению, во-вторых, в зависимости от ресурсного государственного обеспечения и, в-третьих, от степени рутинного контроля местной власти со стороны государства.

Характер политической организации жизни сообщества зависит от того, какими факторами детерминирован индивидуальный статус. Выявленные четыре вида стилей местного управления в системе власти показывают связь с доминирующими в сообществе факторами статусной детерминации и типом сообщества. Установление того или другого стиля управле-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ния сочетается с типом общества, поскольку это может определять разное участие факторов стратификации в занятии руководящих позиций в местном управлении.

В древних и старых изолированных обществах естественного развития предпочтительно реализуются две управленческие стратегии: реальное местное самоуправление и муниципалитеты-«поместья». Первая стратегия присуща небольшим по численности обществам с малым количеством общин; обычно такой тип управления демонстрируют не все, а только некоторые общины в составе общества. Вторая стратегия, «поместья», более свойственна территориально обширным обществам с изобилием природных ресурсов.

В таких же изолированных, а также в «ординарных», но обществах с принудительным развитием чаще имеют место две другие стратегии управления: муниципалитеты «советского» типа и «политизированное» управление. Это характерно для молодых обществ, где ещё сильны властные позиции «назначенцев» из хозяйственно сферы, сохранивших стиль «командного управления» и приверженность государственной иерархии.

Таким образом, по управленческим стратегиям эти типы обществ разбиваются на пары по характеру своего развития: общества естественного развития реализуют чаще стратегии «реального местного самоуправления» и «поместья», а общества принудительного развития — «советскую» и «политизированную».

Напротив, во всех «турбулентных» обществах трудно выделить какой-то определённый из указанных типов. Чаще других может реализоваться «политизированная» стратегия управления, а все остальные стратегии реализуются редко. Стратегия реального местного самоуправления здесь не обнаружена вовсе.

Как видно из сказанного, все три компонента социальной структуры — отношения «свои — чужие», «активные — рентные», «верхи — низы» — взаимосвязаны, и каждый друг с другом. Они связаны и с экономической структурой, и с территориальной структурой общества. Вместе все виды структур составляют ту целостность, которую на низовом уровне мы называем «общинной» в тённисовском смысле, на более высоком — местным обществом, в действительности являющимся конгломератом об-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

щин. Общины сохраняют свою архаическую природу, и именно поэтому они невидимы в масштабе большого города и большого общества. В силу невидимого присутствия архаических элементов в социальной структуре провинциальные общества сохраняют свою жизнестойкость во всяких условиях.

Соотнося функциональное значение каждого из трёх социальных структурных компонентов, я нахожу им следующий метафорический анатомо-эволюционный образ. Территориальная структура образует *скелет* «социального тела». Структура соседско-родственных и статусных отношений — *нутро*. А экономическая структура — это мышечный корсет и кожа, то, что взаимодействует с внешней средой и прежде всего реагирует на её изменения. *Нутро* же (собственно социальная структура), обеспечивая жизнедеятельность сообщества через выстраивание системы отношений, реагирует на внешние изменения чаще болезненно, поскольку всё привходящее скорее вредно, чем полезно для поддержания существования сообщества в неизменности. Напротив, *мышцы* и *кожа* есть орудия адаптации: подкачивая те или другие *мышцы* — переходя от одного хозяйственного уклада к другому, регенерируя *кожу* — заживляя полученные экономические раны, местное общество всеми силами стремится сохранить в неизменности своё *нутро* и свой *костяк* как условие общественного здоровья. Потому в первую очередь именно здесь в экономическом поведении людей российское провинциальное общество демонстрирует транзитивность — *переход* к новым условиям социальной жизни, вызванным новым политическим статусом. Все другие составляющие жизни провинциального общества с завидным упорством сохраняют вековую инерционность и ничуть не проявляют адаптивных тенденций, несмотря на более чем тридцатилетний период новой жизни страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алимова Т. А., Ченина А. В., Чепуренко А. Ю. Экономический кризис и предпринимательская деятельность населения России: открывать свое дело или выходить из бизнеса? // Мир России. 2011. № 2. С. 142–160.

Анабарский улус: История. Культура. Фольклор. — Якутск: Бичик, 2005. 232 с.

«Анатомия провинции». Отечественные записки. 2006. № 5 (32).

Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 288 с.

Андерсон П. Кочевнический тормоз // Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. С. 209–221.

Андрюшин Е. А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. 464 с.

Аникин В., Лежнина Ю. Экономическая стратификация: об определении границ доходных групп // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 237–273.

Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 336 с.

Артёмова О. Ю. Клан // Народы и религии мира: энциклопедия / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 886–887.

Архивный фонд Осетии. Посемейные списки сёл Владикавказского округа 1886 г.: в 5 т. / Л. Зассеева, Л. Ленник, М. Загалова, Л. Торгашина, Л. Худиева. Владикавказ: Веста, 2017. Т. 5. 236 с.

Ахиезер А. С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность, 2001. № 2. С. 89–100.

Байбурун А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. С. 65–93.

Байдавлетова А. Ф. Горнозаводское хозяйство Демидовых на Южном Урале в XVIII веке: дис. ... канд. истор. наук. Уфа, 2008. 205 с.

Балановская Е. В., Пежемский Д. В., Романов А. Г., Баранова Е. Е., Ромашикина М. В., Агджоян А. Т., Балаганский А. Г., Евсеева И. В., Виллемс Р., Балановский О. П. Генофонд Русского Севера: славяне? финны? палеоевропейцы? // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2011. № 3. С. 27–58.

БИБЛИОГРАФИЯ

Балановская Е. В., Соловьёва Д. С., Балановский О. П., Чурносов М. И., Софрокина И. Н., Евсеева И. В., Аболмасов Н. Н., Почешхова Э. А., Серёгин Ю. А., Пшеничников А. С. «Фамильные портреты» пяти русских регионов // Медицинская генетика. 2005. № 1. С. 2–10.

Барсукова С. Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003а. № 2. С. 81–122.

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: понятие, структура // Экономическая социология. 2003б. Т. 4. № 4. С. 15–36.

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2004. 448 с.

Барсукова С. Ю. Блатной Советский Союз, или Экономика взаимных услуг // Экономическая социология, 2013. Том 14. № 1. С. 111–119.

Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2015. 215 с.

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111.

Белков П. Л. Теория двух форм родства (Л. Г. Морган) // Белков П. Л. Австралийские системы родства. Основы типологии и элементарные преобразования. СПб.: Наука, 2013. С. 9–26.

Бенвенист Э. Общая лингвистика, М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.). Владикавказ: Ир, 2013 (серия «История и память»). 447 с.

Бессонова О. Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 144 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://razdatok.narod.ru/RER.html> (дата обращения: 28.06.2021).

Бляхер Л. Е. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // Полития. 2008. № 3 (50). С. 7–29.

Богданов А. А. Тектология — всеобщая организационная наука. Берлин, 1922. (Переиздание: Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. Издание третье, заново переработанное и дополненное. В 2-х кн. — М.: «Экономика», 1989.). Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5909> (дата обращения: 28.06.2021). Часть I, глава II.

Бондаренко Д. М. Сложности со «сложностью» (гетерархия, гомоархия и категориальные расхождения между социальной антропологией и синергетикой) // Общественная наука и современность. 2007. № 5. С. 141–149.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. 680 с.

Буев В. В. Теневая деятельность малых предприятий // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4 (98). С. 57–74.

Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Валлерстайн И. Государства? Суверенитет? Дилеммы капиталистов переходной эпохи // Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 80–104.

Вахитов Р. Москвичи как сословие // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 230–244.

Вахитов Р. Промысел как феномен сословного общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 1 (135). С. 51–57.

Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.

Вернадский Г. Монголы и Русь. М.: Ломоносовъ, 2018 (1966). Том 3, Глава 5. Влияние монголов на Русь. 5.3. Влияние на Правительство и администрацию [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv3.htm>. (дата обращения: 08.10.2021).

Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии / под ред. Ю. Г. Липеца. М.: ИГ РАН – Международная академия регионального развития и сотрудничества, 2005. 348 с.

Вишневский А. Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. 431 с.

Владимирский Н. Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела, 1927. 204 с.

Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: ИРИ РАН, 2004. 513 с.

Герасимов С. С. Из нашей старины. Кострома: Б.и., 2006. 346 с.

Герасимов С. С. Первая мировая война и Вохомские земли. Историко-краеведческий сборник. Кострома: Б.и., 2015. 736 с.

Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские [Электронный ресурс]. URL: <https://rucont.ru/efd/4839> (дата обращения: 27.06.2021).

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (ред.). Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова. М.: Издательский Дом ГУ-ВШЭ, 2006. 400 с.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (ред.). В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 536 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Гинтер Е. К., Мамедова Р. А., Ельчинова Г. И., Брусинцева О. В. Генетическая структура популяций и особенности территориального распределения аутосомно-рецессивных заболеваний в Кировской области // Генетика. 1994. Т. 30. № 1. С. 107–111.

Глазьев В. Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2003. 328 с.

Глазьев В. Л. Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.

Гольц Г. А. Город и его культурно-уровневые показатели в определении и измерении урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1995. С. 47–60.

Гольц Г. А. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 535 с.

Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сборник / ред.-сост.: Т. Нефёдова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/gorod/gorod.html> (дата обращения: 28.06.2021).

Горшков М., Пэйлинъ Л., Голенкова З. Т. Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М.: Новый хронограф, 2012. 512 с.

Готье Т. От Твери до Нижнего Новгорода // Готье Т. Путешествие в Россию. М.: Мысль, 1988. С. 349–396.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково Поле, 2000. 304 с.

Григорьев Л. М., Салмина А. А. «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения [Электронный журнал] // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 5–21. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/395/370> (дата обращения: 28.06.2021).

Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: ЭКСМО, 2006. 848 с.

Давыдов М. А. О проблемах российской модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 33–44.

Данилов В. П. Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 55–122.

Деларов Д. И. Северная область и её место в народном хозяйстве СССР // Север. Вологда, 1928. № 7–8. С. 135–160.

Дзибель Г. В. Феномен родства. Прологомены к иденетической теории. СПб.: Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), 2001. 490 с.

Донских О. А. Провинция и провинциальность: начало // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века) / отв. ред. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск: ГПНТБ, 2011. С. 25–44.

БИБЛИОГРАФИЯ

Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века). Новосибирск: Наука, 1983. 256 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

Дятлов В. И., Григоричев К. В. (ред.). Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск», 2013. 624 с.

Езерский Н. Кустарная промышленность и ее значение в народном хозяйстве. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1894. 124 с.

Ельчинова Г. И., Кадошников М. Ю., Мамедова Р. А., Букина А. М., Петрова Н. В., Старцева Е. А. О частотном критерии выбора фамилий для изучения генетической структуры популяций // Генетика. 1991. Т. 27. № 2. С. 358–360.

Ельчинова Г. И., Кравчук О. И., Старцева Е. А. и др. Луговые марийцы: гены, фамилии и миграции // Генетика. 1996. Т. 32. № 10. С. 1421–1422.

Жуков Д. С., Сельтцер Д. Г. Системная динамика российской региональной элиты (1985–2019 гг.): альтернативные сценарии // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 4. С. 40–74.

Зайонц Л. О. «Провинция» как термин // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 12–20.

Зайонц Л. О. «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 70–88.

Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. 2-е изд., испр. и доп. М.: Типография П. П. Рябушинского, 1914. 140 с.

Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1909. 323 с.

Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб: Интерсоцис, 2006. 256 с.

Ильин В. И. Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар, 2001. 160 с.

К 400-летию основания г. Тары и 60-летию Тарского района. Омск: Омское управление статистики Госкомстата России, 1994. 151 с.

Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1976. 200 с.

Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. Чухлома, 1926. 26 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 403 с.

Карышев Н. А. К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство, 1896. № 7. С. 1–24.

Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по уральской металлургии. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 524 с.

Качоровский К. Р. Русская община. СПб., 1900. Т. 1. 431 с.

Кизилов М. Б. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, каримов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней. Симферополь: БФ «Наследие тысячелетий», 2016. 340 с.

Кильбургер И. Ф. Краткое известие о русской торговле, каким образом она производилась чрез Россию в 1674 году / пер. с нем. СПб., 1820. (Переиздание: Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича / сост.: Г. Б. Курц. Киев: тип. И. И. Чоколова, 1915. 607 с.) URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Kilburger_2/frameved.htm (дата обращения: 28.06.2021).

Киприянов В. М. Русское сердце Арктики. Загадка мамонта. Вохма: б.и., 2018. С. 1–8.

Кисловский С. В. Кашинский край // Забытые станицы истории / сост. С. В. Кустов. Калязин, 2006. Кн. II. С. 122, 205–211.

Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории. М.: РОССПЭН, 1995. 320 с.

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. 384 с.

Козлов А. И. и др. (ред.). Кольские саамы в меняющемся мире / под ред. А. И. Козлова, Д. В. Лисицына, М. А. Козловой. М.: Институт Наследия, ИЛ «АрктАн-С», 2008. 96 с.

Коклан Д., О'Коннел Дж., Мерфи И. Знания, инновации и творческий потенциал как основа экономического развития в XXI в. // Вестник международных организаций. 2010. Т. 5. № 3. С. 21–32.

Коллиер П. Исход. Как миграция изменяет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд., стер. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

Кордонский С. Г. Ресурсное государство – от репрессий к депрессиям. М.: REGNUM, 2007. 108 с.

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России (ч. I) // Мир России. 2008а. Т. 17. № 3. С. 37–66.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России (ч. II) // Мир России, 2008b. Т. 17. № 4. С. 3–36.

Кордонский С. Г. Россия. Поместная федерация. М.: Издательство «Европа», 2010. 312 с.

Кордонский С., Дехант Д., Моляренко О. Сословные компоненты в социальной структуре современной России // Отечественные записки. 2012. № 46 (1). С. 74–91.

Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Моргунова О. М. Обучение наблюдением: студенты в исследовательском процессе // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 54–69.

Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Крашенинникова Ю. А., Тукаева А. Р., Моргунова О. М., Ахунов Д. Э., Бойков Д. В. Российская провинция и её обитатели (опыт изучения и способ описания) // Мир России. 2011. № 1. С. 3–33.

Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 6–30.

Космачёв К. П. (ред.). Теория хозяйственного освоения территории. Иркутск: Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР, 1979. 127 с.

Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы: Даик-Пресс, 2007. 416 с.

Крадин Н. Н., Лыниша В. А. (отв. ред.). Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995. 216 с.

Кропоткин П. А. Поездка из Забайкалья на Амур через Маньчжурию // Русский вестник. 1865. Т. 57. С. 585–681.

Кудрявцев О. К. Расселение и планировочная структура крупных городов-агломераций. М.: Стройиздат, 1978. 136 с.

Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город: исследования и материалы. Вып. 6. М., 1983. С. 4–36.

Куза А. В. Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989. 168 с.

Кузьминов Я. И., Радаев В. В. Отчуждение труда при социализме: характер, основные формы, пути преодоления: препринт доклада. М.: Институт экономики АН СССР, 1987.

Кулишер И. М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. Челябинск: Социум, 2004 (1924). 743 с.

Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.

Кустарная промышленность России. Разные промыслы: очерки в 2 т. СПб.: Г.У.З. и З. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, 1913. Т. 1. 610 с.; Т. 2. 588 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кучер А. Н., Тадинова В. Н., Максимова Н. Р., Санчат Н. О. Популяционная структура коренного и пришлого населения Сибири: изонимный подход // Генетика человека и патология / под ред. В. П. Пузырева. Вып. 6. Томск, 2002. С. 87–94.

Кучиев В. Д. (ред.). История города Дигоры. Владикавказ: Ир, 1992. 200 с.

Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Балановская Е. В. Динамика семейного состава как показатель изменения популяционной структуры коренных народов Южной Сибири // Вестник Московского университета. 2009. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 14–22.

Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. 3. 610 с.

Ливен Д. Российская империя и её враги. М.: Издательство «Европа», 2007. 688 с.

Липсиц И. В. (ред.). Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обзорный доклад. Под редакцией И. В. Липсица. М.: Издательский дом «Хроникер», 2000. 256 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода: «свое» и «чужое» в истории русской культуры [Электронный ресурс] // Труды по знаковым системам. 1982. Вып. XV. Тарту. URL: https://historicus.ru/izgoi_i_izgoinichestvo_kak_sotsialno_psihologisheskaya_pozitsiya/ (дата обращения: 28.06.2021).

Лукьянченко Т. В. Саамы в России: к вопросу об адаптивной функции традиционной культуры // Сибирский этнографический сборник. Вып. 6. Кн. 1. М., 1993. С. 11–23.

Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.

Лурье С. В. Геополитические формы организации экспансии и их влияние на характер народной колонизации // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 175–189.

Лурье С. В. Восприятие народом осваиваемой территории // Ответственные науки и современность. 1998. № 5. С. 61–84.

Лурье С. В. Игра в кошки-мышки: модели русской крестьянской колонизации в XIX — начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 11 (42). Часть 4. Декабрь. С. 129–131.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лурье С. В., Казарян Л. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 85–96.

Любомиров П. Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX в.): географическое размещение металлопромышленности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 298 с.

Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К. В. Аверкиева, Е. В. Антонов, П. Л. Кириллов, А. Г. Махрова, А. А. Медведев, А. С. Неретин, Т. Г. Нефёдова, А. И. Трейвиш; ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой и др. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.

Мельников П. И. (А. Печерский). В лесах: в 2 кн. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Кн. 1. 616 с.

Мельников П. И. (А. Печерский). Бабушкины рассказы // Мельников П. И. (А. Печерский). Собрание сочинений: в 6 т. М.: Правда, 1963. Т. 1. С. 195–240.

Мёрдок Дж. П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 608 с.

Мицу Л. Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М.: Вопросы труда, 1926. 201 с.

Мицу Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929. 470 с.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М.: Наука, 1990. 272 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.

Мишук С. Н. Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке середины XIX в. – начала XXI в.: факторы, динамика, результаты // Известия РАН. Географическая серия. 2013. № 6. С. 33–42.

Мкртчян Н. В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центрo-периферийных отношений. Научные труды: ИНП РАН. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 416–430.

Мокеев Г. Я., Щенков А. С. Планировочная структура городов [Электронный ресурс]. URL: <http://rusarch.ru/mokeev1.htm> (дата обращения: 28.06.2021).

Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2019. 138 с.

Мы здесь живём: социальная антропология малого российского города / отв. ред. В. А. Тишков. М.: РГГУ, 2013. 684 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нефёдов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 543 с.

Нефёдова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 204–215.

Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. Город и деревня: конвергенция или дивергенция? // Взаимодействие городских и сельских местностей в региональном развитии. М.: ИГРАН, МАРС, 2005. С. 4–22.

Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. Города и веси: поляризованное пространство России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 437–438, 4–17 октября 2010 г. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php> (дата обращения: 28.06.2021).

Никольский край в XVIII–XXI вв. Местная история глазами современников и исследователей: сборник докладов. Никольск, 2011. 104 с.

Никонов В. А. География фамилий. М.: URSS, 2017. 200 с.

Никулин А. Н. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 218–229.

О Вохомских землях конца XIX века: материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Кострома, 2015. 710 с.

Оглоблин Н. Н. Речные просёлки / сост. Н. В. Морохин, Д. Г. Павлов. Нижний Новгород: «Книги», 2010. 312 с.

Павлов А. Б., Селев С. С. Феноменологическое описание современных промыслов // Universum: Общественные науки. 2015. № 3 (13). С. 25–41.

Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. Издание Пермского губернского статистического комитета. Пермь: Тип. П. Ф. Каменского, 1892. 408 с.

Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

Паршев А. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д: Форум, 2000. 411 с.

Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М.: Знак, 2011. 680 с.

Першин Ю. Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2014. 40 с.

Пилиховский А., Столбов В. Неформальная кооперация в сельских общинах // Социологические исследования. 2000. № 1. С. 34–36.

Писцовая книга черносозных волостей Кевролы и Мезени с уездами письма и меры Осипа Яковлевича Прончищева и подьячих Семена Реткина и Петра Шарапова 131 г. (1622 г.). Кн. 185, Л. 1–471 Подлинник за скрепами О. П. Прончищева, С. Реткина и П. Шарапова. [также: Оп. 1,

БИБЛИОГРАФИЯ

Ч. 3, Кн. 107, Л. 1–44 список 1678–1679 гг. за скрепами дьяка Новгородского приказа Павла Симонова и земского дьячка Карпа Иванова].

Плюснин Ю. М. Концепция «социального архетипа» (почему мы не понимаем мотивов поведения чёрта?). Новосибирск: ИФП СО РАН, 1991. 30 с.

Плюснин Ю. М. Малые города России. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 147 с.

Плюснин Ю. М. Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997а. № 3. С. 180–192.

Плюснин Ю. М. Психология материальной жизни (парадоксы сельской экономики выживания) // ЭКО: экономика и организация промышленного производства. Новосибирск, 1997б. № 7. С. 169–176.

Плюснин Ю. М. Социально-психологические механизмы жизнеобеспечения населения в условиях экономического кризиса (сравнительный анализ сельских сообществ на Русском Севере и в Горном Алтае) // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1997в. С. 47–56.

Плюснин Ю. М. Власть и управление в глазах провинциального общества // Эволюция российской государственности за 10 лет. Никитский клуб. «Россия в глобальном контексте». М., 2002. Вып. 3. С. 52–55.

Плюснин Ю. М. Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2003. 143 с.

Плюснин Ю. М. Мезень: реальности натуральной жизни // Отечественные записки. 2006. № 32 (5). С. 147–156.

Плюснин Ю. М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 38–50.

Плюснин Ю. М. Структура местной власти в муниципалитетах разного вида // Регион 86. Журнал государственного и муниципального управления г. Югры, Ханты-Мансийский автономный округ. 2009. № 2 (10). С. 63–68.

Плюснин Ю. М. Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. Т. XXII. № 3. С. 60–93.

Плюснин Ю. М. Вдали от государства: отходники и власть в современной России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 60–80.

Плюснин Ю. М. Новый способ жизни после мегаполисов // Поиск постурбанических моделей жизнеустройства / отв. ред. А. В. Ермишина, Л. В. Клименко. Ростов н/Д: Изд-во «Фонд науки и образования», 2016. С. 52–76.

БИБЛИОГРАФИЯ

Плюснин Ю. М. Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018а. Т. 21. № 1. С. 73–106.

Плюснин Ю. М. Территория общественного благополучия. Взаимодействие этно-социальных групп в Еврейской автономной области // Идеи и идеалы. 2018б. № 4. Т. 1. С. 136–159.

Плюснин Ю. М., Кордонский С. Г., Скалон В. А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.

Плюснин Ю. М., Заусаева Я. Д., Жидкевич Н. Н., Позаненко А. А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013. 376 с.

Плюснин Ю. М., Митрошина Е. Н. По другую сторону концепции открытости, прозрачности и этичности публичного управления: неформальные отношения муниципальных руководителей и их стратегии взаимодействия // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 2. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 297–309.

Позаненко А. А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 31–55.

Позаненко А. А. Два вида изолированных локальных сообществ как старые и новые тённисовские общности в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 3. С. 161–178.

Преображенский А. Л. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.

Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: ЗАО Журнал «Эксперт», 2002. 376 с.

Радаев В. В., Кузьминов Я. И., Субботина Т. П., Набиуллина Э. С. Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989. 282 с.

Радаев В. В. Теневая экономика в России: изменение контуров // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 1 (10). С. 5–24.

Радаев В. В. Средний класс как нормативная модель // Уровень жизни населения регионов России. 2008. № 11–12. С. 107–110.

Радаев В. В. (ред.). Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты / Е. Гладникова, М. Нагерняк, Я. Рощина, А. Сухова; отв. ред. сер. В. В. Радаев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 220 с.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3–4 (58–59). С. 150–191.

Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.

Рогозин Д. М., Ипатора А. А., Галиева Н. И. Этнографическое интервью. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 170 с.

Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост.: М. В. Бабич, Ю. М. Эскин, Л. А. Тимошина. М.: АЦ, 1991 (Т. 1), 1992 (Т. 2), 1997 (Т. 3), 1999 (Т. 4).

Россия: принципы пространственного развития: доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа под редакцией В. Глазычева и П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. URL: https://glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm (дата обращения: 28.06.2021).

Русская дача: милый дом без удобств, газа и подъездных путей [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск № 2605. Омнибус-ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114861> (дата обращения: 28.06.2021).

Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. М.: Наука, 1978. 295 с.

Сага о Греттире. Новосибирск: Наука, 1976. 176 с.

Салтер Ф. К. Этнические генетические интересы и биополитика // *Философия науки*. 2003. № 4 (19). С. 84–122.

Селеев С. С., Павлов А. Б. Гаражники. М.: Страна Оз, 2016. 168 с.

Семёнов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 312 с. (Переиздание: М.: Юрайт, 2021, 276 с.)

Сергеев Д. В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // *Мир России*. 2012. Т. 21. № 3. С. 100–118.

Сибирь. Атлас Азиатской России. Новосибирск; Москва: ООО «Топ-книга», Феория. Дизайн. Информация. Картография, 2007. 864 с.

Скворцов Н. Краткий взгляд на село Вохомско-Вознесенское // *Вологодские губернские ведомости*. Вологда, 1848. С. 33–40.

Скотт Дж. Моральная экономика деревни // *Неформальная экономика: Россия и мир* / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999. С. 541–544.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.

Смирнов И. Н. Пермьяки. Историко-этнографический очерк. 1891. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 296 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

Соловьёв С. М. История России с древнейших времён // Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. V. Т. 10, М.: Мысль, 1990. Гл. 1. С. 357–440; Кн. VII. Т. 13. М.: Мысль, 1991. Гл. 1. С. 40–48; Гл. 2. С. 173–175.

Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Пг.: Колос, 1920. 360 с.

Сорокин П. А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 3–14.

Сорокина И. Н., Евдокимов В. И., Чурносов М. И. О генетических характеристиках населения центральной России // Вестник ТГУ. 2011. Т. 16. Вып. 6. С. 1535–1538.

Сорокина И. Н., Чурносов М. И. Использование «частотного» критерия отбора фамилий для анализа структуры генофонда населения // Вестник ТГУ. 2008. Т. 13. Вып. 5. С. 401–407.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

Суворов К. И. Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930). М.: Изд. «Мысль», 1968. 258 с.

Суханов Н. Н. К характеристике российского пролетариата // Современник. 1913. № 4. С. 320–328.

Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). Омск: Омское кн. изд-во, 1994. 200 с.

Тархов С. А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск: Ойкумена, 2005. 386 с.

Тархов С. А. Транспортная освоенность территории // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 2. С. 3–9.

Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. М.; Л.: Гос. изд. литературы по строительству и архитектуре, 1953. 214 с.

Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 416 с.

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002. 452 с.

Тихонова Н. Е. (ред.). Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева, В. А. Аникин, А. В. Каравай, Е. Д. Слободенюк. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

Тихонова Н. Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 167–173.

БИБЛИОГРАФИЯ

Тихонова Н. Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 4. С. 34–56.

Торгово-промышленная Россия. СПб., 1899. 268 с.

Тощенко Ж. Т. (ред.). Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. М.: Новый хронограф, 2009. 376 с.

Тургель И. Г. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2010. 520 с.

Фёдоров А. Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах (на материалах Центрального Промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 69–86.

Фигуровский Н. А. Очерки средневековой истории города Солигалича. Кострома: Авантитул, 2010. 268 с.

Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Издательство «Европа», 2006. 128 с. Карта 10 (1763–1913). Сто пятьдесят лет русской военной и гражданской колонизации. С. 33–35. Карта 11 (1763–1913). Сто пятьдесят лет «иностранческой» колонизации. С. 35–39. Карта 37 (1989–2003). Этническая карта. Миграционные тенденции и их постсоветская кризисная эскалация. С. 100–104.

Чагин Г. Н. Города Перми Великой. Чердынь и Соликамск. Пермь: Книжный мир, 2004. 256 с.

Чепуренко А. Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России. 2008. Т. 17. № 2. С. 22–40.

Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России: матер. науч. конф., посвящ. 100-летию Чердынского краеведч. музея им. А. С. Пушкина. Пермь, 1999. 348 с.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 414 с.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Сельцер Д. Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 88–105.

Шабанова М. А. Сезонные строители в сибирском селе // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1986. № 7. Вып. 2. С. 48–57.

Шабанова М. А. Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 55–63.

БИБЛИОГРАФИЯ

Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной сельской России // Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Logos, 1999. С. 317–371.

Шанин Т. (ред.). Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. 576 с.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. — 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997. 560 с.

Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 30–40.

Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М.: «Прогресс-Традиция», 2008. 568 с.

Шишков М. К. Территориальное устройство России: проблемы и перспективы. Самара, 2009. 364 с.

Шкаратан О. И. (ред.) и др. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 560 с.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 526 с.

Штейнберг И. Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи — «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002. С. 183–189.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 415 с.

Юрченко А. Г. Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.

Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.

Abbott A. Methods of Discovery: Heuristics for the Social Sciences. New York: W. W. Norton and Company, 2004. 261 p.

Abbott A. What do Cases do? // What is a Case? Exploring the Foundations of Social Inquiry / ed. by C. Ragin, and H. Becker. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1992. P. 53–82.

Alexeev M., Gaddy C., Leitzel J. Economic Crime and Russian Reform [Электронный ресурс] // Journal of Institutional and Theoretical Econom-

БИБЛИОГРАФИЯ

ics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1995. Vol. 151. № 4. (Dec. 1995). P. 677–692. URL: <https://www.jstor.org/stable/40751848>_(дата обращения: 28.06.2021).

Allen P. M., Sanglier M. Urban Evolution, Self-Organization and Decision-Making // Environment and Planning. 1981. Vol. 13. P. 167–183.

Altman I., Chemers M. M. Culture and environment. Monterey, CA: Brooks/Cole Publishing Company, 1984. 337 p.

Anderson P. Passages from Antiquity to Feudalism. London; New York: Verso, 2013. 304 p.

Ashby W. R. Principles of the self-organizing system // Principles of Self-Organization: Transactions of the University of Illinois Symposium / H. Von Foerster and G. W. Zopf, Jr. (eds.). London: Pergamon Press, 1962. P. 255–278.

Barsukova S., Radaev V. V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview, Economic Sociology // The European electronic newsletter. 2012. Vol. 13 (2). P. 4–12.

Becker S. Nobility and privilege in late imperial Russia. NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1985. 259 p.

Becker H. S. Tricks of the trade: how to think about your research while you're doing it. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1998. 239 p.

Bergman M. M., Joye D. Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman and Wright // Cambridge Studies in Social Research, No. 10. SSRG Publications, Cambridge, 2005. 35 p.

Bernard H. R., Johnsen E. C., Killworth P., Robinson S. Estimating the Size of an Average Personal Network and on an Event Subpopulation: Some Empirical Results // Social Science Research. 1991. Vol/No. 20. P. 109–121.

Bertalanffy von L. General System theory: Foundations, Development, Applications. 1st ed. New York: George Braziller, Inc., 1968. 289 p.

Birdwhistell R. L. The language of body: The natural environment of word // Human communication / A. Silverstein (ed.) Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum. 1974. No. 9. P. 203–220.

Blom J.-P. Ethnic and cultural differentiation. Ethnic groups and boundaries // The social organization of culture difference. Fredrik Barth (ed.). 1969. P. 74–85.

Blum J. Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961 (1992). 688 p.

Blumen I., Kogan M., McCarthy Ph. J. The industrial mobility of labor as a probability process // Cornell Studies in Industrial and Labor Relations, Vol. VI. Ithaca: Cornell University, 1955. 163 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bondarenko D., Grinin L., Korotayev A. Alternative pathways of social evolution // *Social Evolution and History. Studies in the Evolution of Human Societies.* 2002. Vol. 1. № 1. P. 54–80.

Bondarenko, D. M., Nemirovskiy A. A. (eds.). Alternativity in cultural history: heterarchy and homoarchy as evolutionary trajectories. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies Press. (12) Alternatives of Social Evolution. 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/231182477_Alternatives_of_Social_Evolution#fullTextFileContent (дата обращения: 28.06.2021).

Vopp F. Rapid Manufacturing: Zukünftige Wertschöpfungsmodelle durch generative Fertigungsverfahren. Diplomica Verlag, 2010. 84 s.

Bourdieu P. Espace social et pouvoir symbolique, mars 1986 // Bourdieu P. *Choses dites.* Paris: Minuit, 1987. P. 147–166.

Bourdieu P. Social space and symbolic power // *Sociological Theory* (Spring, 1989). Vol. 7. No. 1. P. 14–25.

Brumfield E. M. Heterarchy and the analysis of complex societies: Comments // Ehrenreich Robert M., Crumley Carole L., Levy Janet E. (eds). *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies.* Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1995. No. 6. P. 125–131.

Bryman A. Quantity and quality in social research. L.: Routledge, 1988. 208 p.

Burds J. Peasant dreams and market politics: labor migration and the Russian village, 1861–1905. Pittsburgh, PA: Univ. of Pittsburgh Press, 1998. Vol. XIV. 314 p.

Carneiro R. L. A theory of the origin of the state // *Science.* 1970. New Series. Vol. 169. Issue 3947 (Aug. 21, 1970). P. 733–738.

Carneiro R. The chiefdom as precursor of the state // *The Transition to Statehood in the New World* / ed. by G. Jones and R. Kautz. Cambridge, 1981. P. 37–79.

Carneiro R. L. Evolutionism in Cultural anthropology: A Critical History. Cambridge MA, Westview Press, 2003. 322 p.

Cavalli-Sforza L.L., Bodmer W. F. The genetics of human populations. Mineola, NY: Dover Publications, Inc., 1999. 965 p.

Chepurenko A. Small family business in Russia: formal or informal? // *International Journal of Sociology and Social Policy.* 2018. Vol. 38. No. 9/10. P. 809–822.

Chepurenko A. Different types of informal entrepreneurs in fragile ‘transitional’ contexts: case based evidence in Russia // *Entrepreneurship and local economic development: a comparative perspective on entrepreneurs, universities and governments.* 1st ed. New York: Routledge, 2019. P. 1–29.

БИБЛИОГРАФИЯ

Chepurenko A., Popovskaya E., Obraztsova O. Cross-regional variations in the motivation of early-stage entrepreneurial activity in Russia: determining factors // *Entrepreneurship in Transition Economies. Diversity, Trends, and Perspectives* / ed. by A. Sauka, A. Chepurenko. Springer, 2017. P. 315–342.

Christaller W. Central Places in Southern Germany. Engliwood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. 230 p.

Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischer Funktion. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1980. 331 s.

Cochran G., Harpending H. C. Natural history of Ashkenazi intelligence // *Biosocial Sciences*. 2006. No. 38. P. 659–693.

Cochran, G., Harpending H. C. The 10 000 year explosion: how civilization accelerated human evolution. New York: Basic Books, 2009. 303 p.

Cohen R., Toland J. D. State formation and political legitimacy / eds. by R. Cohen, J. D. Toland. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988. 204 p.

Collier P. Exodus. How migration is changing our world. New York: Oxford University Press, 2013. 309 p.

Collins K. The logic of clan politics: evidence from the Central Asian trajectories [Электронный ресурс] // *World Politics*. 2004. Vol. 56. No. 2. P. 224–261. URL: <https://www.jstor.org/stable/25054256> (дата обращения: 28.06.2021).

Creswell J. W. Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. 2nd ed. Sage Publication Ltd., 2009. 342 с.

Crow J. F. The estimation of inbreeding from isonymy // *Human Biology*. 1980. Vol. 52. P. 1–12.

Crow J. F., Mange A. P. Measurement of inbreeding from the frequency of marriages between persons of the same surname // *Social Biology*. 1982. Vol. 29. No. 1–2. P. 101–105.

Crumley C. L. Heterarchy and the analysis of complex societies // Ehrenreich Robert M., Crumley Carole L., Levy Janet E. (eds). *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1995. No. 6. P. 1–5.

Crumley C. L. Three locational models: an epistemological assessment for anthropology and archaeology // *Advances in Archaeological Method and Theory* / ed. by M. Shiffer. New York: Academic Press, 1979. Vol. 2. P. 141–173.

Dekkers R., Bennett D. Industrial networks of the future: review of research and practice // *Dispersed Manufacturing Networks. Challenges for Research and Practice* / ed. by R. Dekkers. Springer Science & Business Media, 2009. P. 13–34.

БИБЛИОГРАФИЯ

Denzin N. K., Lincoln Y. S. (eds.) The landscape of qualitative research. Theories and issues. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage Publication, 1998. 632 p.

Dunbar R. L. M. Neocortex size as a constraint on group size in primates [Электронный ресурс] // Journal of Human Evolution. 1992. Vol. 22. No. 6. P. 469–493. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/004724849290081J?via%3Dihub> (дата обращения: 28.06.2021).

Durkheim E. De la division du travail social. Etude sur l'organisation des societes superieures. Paris: Felix Alcan, Editeur, 1893. 471 p.

Dziebel G. V. The genius of kinship. The phenomenon of human kinship and the global diversity of kinship terminologies. New York, 2007. 568 p.

Ehrenreich R. M., Crumley C. L., Levy J. E. (eds.) Heterarchy and the analysis of complex societies. Archeological papers of the American Anthropological Association. 1995. No. 6. 135 p.

Eibl-Eibesfeldt I. Methods of data gathering, observation and description // Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology (Die Biologie des menschlichen Verhaltens). New York: Aldine de Gruyter, 1989. P. 107–112.

Eibl-Eibesfeldt I., Salter F. K. (eds.) Ethnic conflict and indoctrination. Altruism and identity in evolutionary perspective / eds. by I. Eibl-Eibesfeldt, F. K. Salter. New York, Oxford: Berghahn Books, 1998. 490 p.

Fischer D. H. The great wave. Price revolutions and the rhythm of history. Oxford & New York: Oxford University Press, 1996. 536 c.

Garfinkle H. Studies in ethnomethodology. Cambridge, UK: Polity Press, 1984. 304 p.

Gautier Th. The travels of Theophile Gautier. Volume one. Travels in Russia (English ed.). Boston: Little, Brown, and Company, 1912. 358 p.

George A., Bennett A. Case studies and theory development in the social sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. 352 p.

Gladwell M. Blink: the power of thinking without thinking. New York; Boston; London: Little, Brown and Company, 2005. 296 p.

Glaser B. G., Strauss A. L. The discovery of grounded theory: Strategies for qualitative research. Chicago: Aldine, 1967. 284 p.

Goffman E. Frame analysis. An essay on the organization of experience. Boston: Northeastern University Press, 1986. 580 p.

Goldin I., Cameron G., Balarajan M. Exceptional people: How migration shaped our world and will define our future. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 392 p.

Goldstein J. S. Long cycles: Prosperity and war in the modern age. Rev. of thesis. New Haven: Yale Univ. Press, 1988. 433 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Goldthorpe J. H. Social mobility and class structure in modern Britain. (2nd rev. and enlarged ed.). Oxford: Clarendon Press, 1987. 398 p.

Goldthorpe J. H. The constant flux: A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press, 1992. 448 p.

Gowland R., Thompson T. Human identity and identification. Cambridge University Press: Cambridge, UK, 2013. 233 p.

Grettla, Grettir's Saga or The Saga of Grettir the Strong [Eng. see also: The Saga of Grettir the Strong, trans. by G. A. High, ed. by Peter Foote, Everyman's Library, 699, repr. (London: Dent, 1965)].

Grossman G. Notes on the illegal private economy and corruption // The Soviet Economy in a Time of Change, by U.S., Congress, Joint Economic Committee. Washington, DC: Government Printing Office, 1979. P. 834–855.

Grossman G. The second economy in the USSR and Eastern Europe: A bibliography (Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR, No. 1, University of California, Berkeley, and Duke University, updated, March, 1987.

Grossman G. The second economy of the USSR // Problems of Communism, 1977. No. 26. P. 25–40.

Grossman G. (ed.) Studies in the second economy of communist countries. Berkeley: University of California Press, 1988.

Guha-Khasnobis B. et al. (eds). Linking the formal and informal economy: concepts and policies / eds. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006. 294 p.

Harpending H. C. Genetic structure of small populations // Annual Review of Anthropology. 1974. Vol. 3. P. 229–243.

Hatton T. J., Williamson J. G. Global migration and the world economy: two centuries of policy and performance. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. 488 p.

Heylighen F. Complexity and self-organization. Center "Leo Apostel": Free University of Brussels. 2008. 39 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228365689_Self-organization_of_complex_intelligent_systems_an_action_ontology_for_transdisciplinary_integration/link/0046352960e932f1c2000000/download (дата обращения: 28.06.2021).

Hill F., Gaddy C. The Siberian curse: how communist planners left Russia out in the cold. Washington, DC: The Brookings Institution, 2003. 302 p.

Houston R., Snell K. D. M. Proto-industrialization? Cottage industry, social change, and industrial revolution // Historical Journal. 1984. Vol. 27. No. 2. P. 473–492.

Høivick T., Gleditsch N. P. Structural parameters of graphs: a theoretical investigation // Quantitative Sociology. International Perspectives on Mathematical and Statistical Modeling / ed. by H. M. Blalock, A. Aganbe-

БИБЛИОГРАФИЯ

gian, F. M. Borodkin, R. Boudon, V. Capecchi. New York, San Francisco, London: Academic Press Inc., 1975. P. 203–223.

Jenkins R. Social identity. 3rd ed. London; New York: Routledge, 2008. 246 p.

Jennings J., Earle T. Urbanization, state formation, and cooperation: a re-appraisal // *Current Anthropology*. 2016. Vol. 57. No. 4. P. 474–493.

Johnson A. W., Earle T. The Evolution of human society: from foraging group to agrarian state. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1987. 456 p.

Jones R. The emancipation of the Russian nobility. 1762–1785. Princeton, New Jersey, 1973. 326 p.

Kahan A., Hellie R. The plow, the hammer, and the knout: an economic history of eighteenth-century Russia [Электронный ресурс]. Chicago: University of Chicago Press. 1985. 399 p. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=0226422534> (дата обращения: 28.06.2021).

Kimura M., Crow J. F. The measurement of effective population number [Электронный ресурс] // *Evolution. The International Journal of Organic Evolution*. September 1963. Vol. 17. No. 3. P. 279–288. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1558-5646.1963.tb03281.x> (дата обращения: 28.06.2021).

King G., Keohane R., Verba S. Designing social inquiry: scientific inference in qualitative research. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. 264 p.

Kizilov M. Crimean Judea. Notes on the History of the Jews, Khazars, Karaites and Krymchaks in the Crimea since Ancient Times. 2nd ed. Simferopol: Heritage of Millenia, 2016. 340 p.

Kordonsky S. G. Socio-economic foundations of the Russian post-Soviet regime. The resource-based economy and estate-based social structure of contemporary Russia (The cyclical nature of Russian history). Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016. 220 p.

Kordonsky S. The social structure of Russia // *Russia. Strategy, Policy and Administration* / ed. by I. Studin. New York: Palgrave Macmillan, 2018. P. 76–85.

Kordonsky S., Plusnin J. Field research training in the department of local administration, National Research University – Higher School of Economics // *Laboratorium*. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 71–91.

Kostakis V., Bauwens M. Network society and future scenarios for a collaborative economy. Palgrave Pivot, 2014. 100 p.

Kuhnle H. (ed.) Distributed manufacturing: paradigm, concepts, solutions and examples. London: Springer Sciences & Business Media, 2009. 191 p.

Kuhnle H. Post mass production paradigm (PMPP) trajectories // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2007. Vol. 18. No. 8. P. 1022–1037.

Kuhnle H., Bitsch G. Foundations & principles of distributed manufacturing: elements of manufacturing networks, cyber-physical production systems and smart automation. New York: Springer Verlag, 2015. 121 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Lambert H., Griffiths D. Social inequalities and occupational stratification: Methods and concepts in the analysis of social distance. Palgrave Macmillan, 2018. 384 p.

Ledeneva A. (ed.) The global encyclopedia of informality. Understanding social and cultural complexity / ed. by A. Ledeneva. L.: UCL Press, 2018. Vol. 1. 435 p.

Ledeneva A. V. Russia's economy of favours: "blat". Networking and informal exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 235 p.

Ledyaeu V., Chirikova A., Seltser D. Who governs? Power in the local Russian community // *Journal of Political Power*. 2014. Vol. 7. Issue 2. P. 211–231.

Ledyaeu V. G., Chirikova A. Power in local Russian communities: patterns of interaction between legislative and executive branches of local government // *Urban Affairs Review*. 2017. Vol. 53. Issue 6. P. 990–1024.

Ledyaeu V. G., Chirikova A. E. Governors and local elites in Russia: patterns of interaction // *European politics and society*, 2019. Vol. 20. Issue 3. P. 315–332.

Lieven D. Empire. The Russian empire and its rivals from the sixteenth century to the present. London: Pimlico, 2003. 486 p.

Losch A. Population cycles as a cause of business cycles // *Quarterly Journal of Economics*. 1937. Vol. LI. P. 649–662.

MacArthur R.H., Wilson E. O. The theory of island biogeography. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1967. 215 p.

Maier J. Cyclical theories in sociology and history: theory and research / W. J. Cahnman and A. Boskoff (eds.). New York: Free Press; London: Collier-Macmillan, 1964. P. 42–61.

Manning N., Veit-Wilson J., Abrahamson P., Davidova N., Zdravomislov A., Zuziev A., Tikhonova N. E. Poverty and social exclusion in the new Russia. London: Routledge, 2017. 304 p.

Mathias P., Postan M. M. (eds.). The Cambridge economic history of Europe. Vol. VII. The industrial economies: capital, labour, and enterprise. Part I: Britain, France, Germany, and Scandinavia. Cambridge: Cambridge Press, 1978. 832 p.

McCarty C., Killworth P. D., Bernard H. R., Johnsen E. C., Shelley G. A. Comparing two methods for estimating network size // *Human Organization*. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 28–39.

McCulloch W.S. A heterarchy of values determined by the topology of nervous nets // *The bulletin of mathematical biophysics*. 1945. Vol. 7. P. 89–93.

Mendels F. F. Proto-industrialization: the first phase of the industrialization process // *Journal of Economic History*. 1972. Vol. 32. No. 1. P. 241–261.

Mote V., Trout W. Political territoriality and the end of the USSR // *Space & Policy*. 2003. Vol. 7. No. 1. P. 21–43.

БИБЛИОГРАФИЯ

Mokyr J. Growing-up and the industrial revolution in Europe // Explorations in Economic History. 1976. Vol. 13. No. 7. P. 371–396.

Murdock G. P. Social Structure. New York: The Macmillan Co; London: Collier-Macmillan Limited, 1949. 387 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.52407/page/n103/mode/2up> (дата обращения: 28.06.2021).

Murdock G. P., Ford S. C., Hudson A. E., Kennedy R., Simmons L. W., Whiting J. W. M. Online of cultural materials // Yale Anthropological Studies, II. New Haven, 1945. P. 1–56.

Nefedov S. A model of demographic cycles in a traditional society: the case of Ancient China // Social Evolution & History. 2004. Vol. 3. No. 1. P. 69–80.

Ogilvie S. C. Protoindustrialization in Europe // Continuity and Change. 1993. Vol. 8. No. 2. P. 159–179.

Patton M. Qu. Qualitative research and evaluation methods. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2002. 590 + 129 p.

Peregrine P. Atlas of cultural evolution // World Cultures. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 2–88.

Peregrine P., Ember M. (eds.). Encyclopedia of prehistory / ed. by P. Peregrine and M. Ember. Vols. 1–9. New York, 2001–2002.

Pirenne H. Economic and social history of medieval Europe. New York: Harcourt Brace, 1937. 256 p.

Plusnin J. A new Russia – or the same old Russia? An alternative worldview in the making // Russia's fate through Russian eyes. Voices of the new generation. Boulder, Colorado: Westview Press, 2000. P. 15–29.

Plusnin J. M., Slobodskoy-Plusnin J. J. Local government and small business: mismatch of expectation. WP BRS 04/PA/2013. Moscow: HSE, 2013. 40 p.

Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering workers. Mores, behavior, way of life, and political status of domestic Russian labor migrants. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015. 306 p.

Plusnin J. M., Kordonsky S. G. Revived Archaic: “scattered manufactories” in provincial Russia // Cahiers di Scienze Sociali. Torino, 2020. No. 13. P. 31–57.

Prigogine I., Nicolis G., Babloyantz A. Thermodynamics of evolution // Physics Today. 1972. Vol. 25. No. 12. P. 38–44.

Radkau J. Natur und Macht. Eine Weltgeschichte der Umwelt. München: Verlag C. H. Beck, 2012. 469 s.

Rieber A. J. Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, NC: Univ. of North Carolina Press, 1982. 464 p.

Graburn N. H. H. Readings in kinship and social structure. Harper & Row, 1971. 449 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Reclus E. The Earth and its inhabitants. The universal geography. London: J. S. Virtue & Co, 1878. Vol. VI. Asiatic Russia. 504 p.

Rifkin J. The end of work: The decline of the global labor force and the dawn of the post-market era. New York: G. P. Putnam's Sons, 1996. 350 p.

Rudolph R. L. Family structure and proto-industrialization in Russia // Journal of Economic History. 1980. Vol. 40. No. 1. P. 111–118.

Rutgeizer V. The shadow economy in the USSR // Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR / eds. G. Grossman, V. G. Treml. Duke University Durham, NC. Paper No. 34. February 1992. 77 p.

Salter F. K. On genetic interests: family, ethnicity, and humanity in an age of mass migration. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2003. 388 p.

Sampson S. L. The second economy of the Soviet Union and Eastern Europe [Электронный ресурс] // The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1987. Vol. 493. Issue 1. P. 120–136. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0002716287493001009> (дата обращения: 28.06.2021).

Schneider F. Shadow economy around the world: what do we really know? // European Journal of Political Economy. 2005. Vol. 2. No. 2. P. 598–642.

Schneider F. Size and development of the shadow economy of 31 European and 5 other OECD countries from 2003 to 2012: some new facts [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/268185661_Size_and_Development_of_the_Shadow_Economy_of_31_European_and_5_other_OECD_Countries_from_2003_to_2012_Some_New_Facts (дата обращения: 28.06.2021).

Schrenck von A. Reise nach dem Nordosten des europaischen Russlands, durch die Tundren der Samojuden zum arktischen Uralgebirge. Dorpat, Zweiter Theil, 1854. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/reisenachdemnord01schr> (дата обращения: 28.06.2021).

Schütz A. Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt. Eine Einleitung in die verstehende Soziologie. Wien: Springer, 1932. 286 s.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The great reset. Forum Publishing, 2020. 110 p.

Scott J. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976, 246 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://yalebooks.yale.edu/book/9780300021905/moral-economy-peasant> (дата обращения: 28.06.2021).

Scott J. Stratification and Power: Structure of Class, Status and Command. Cambridge: Polity Press, 1996. 296 p.

Simmel G. The sociology of Georg Simmel. Glencoe, Illinois: Free Press, 1950. 523 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

Shanin T. Revolution as a moment of truth: 1905–1907→1917–1922. Yale University Press, 1986.

Shanin T. The awkward class: political sociology of peasantry in a developing society, Russia 1910–1925. Oxford: The Clarendon Press, 1972. 253 p.

Shils E. Center and periphery: essays in macrosociology (Selected Papers of Edward Shils, 2). Chicago and London: University of Chicago Press, 1975. 516 p.

Shils E. Centre and periphery // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi. Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 117–130.

Small D. B. Heterarchical paths to evolution: the role of external economies // Ehrenreich Robert M., Crumley Carole L., Levy Janet E. (eds). Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Archeological Papers of the American Anthropological Association. 1995. No. 6. P. 71–85.

Sorokin P. A. A Survey of the ciclical conceptions of social and historical process // Social Forces. Baltimor. 1927. Vol. VI. No. 1. P. 28–40.

Sunstein B. S., Chiseri-Strater E. Field Working. Reading and writing research. 2nd ed. Boston, New York: Bedford/St. Martin's, 2002. 504 p.

Tajfel H. (ed.). Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 546 p.

Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // W. G. Austin; S. Worchel (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.

Teschke B. The myth of 1648: class, geopolitics, and the making of modern international relations. London and New York: Verso, 2003. 300 p. [Электронный ресурс]. URL: [http://libcom.org/files/\[Benno_Teschke\]_The_Myth_of_1648_Class,_Geopoliti\(BookFi.org\).Pdf](http://libcom.org/files/[Benno_Teschke]_The_Myth_of_1648_Class,_Geopoliti(BookFi.org).Pdf) (дата обращения: 28.06.2021).

Toennies F. Gemeinschaft und Gessellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1887. 294 S.

Tönnies F. Gemeinschaft und Gessellschaft // Handwörterbuch der Sociologie. Hrsg. von A. Vierkandt. Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1959. S. 180–191.

Vidich A. (ed.). The new middle classes. life-styles, status claims and political orientations. London: Palgrave MacMillan, 1995. 405 p.

Waldenfels B. Topografie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden 1. Frankfurt-an-Main: Suhrkamp, 1997. 240 S.

Weber M. Die "Objektivität" sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. XIX. Bd. Heft 1. 1904. S. 22–87.

Weisberg H. F., Krosnick J., Bowen B. D. An introduction to survey research, polling, and data analysis. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. 408 p.

БИБЛИОГРАФИЯ

White H. C. Stayers and movers // *American Journal of Sociology*. 1970. Vol. 76. No. 2. P. 307–324.

Williams C. Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations // *European Urban and Regional Studies*. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 147–159.

Wodtke G. T. Social class and income inequality in the United States: ownership, authority, and personal income distribution from 1980 to 2010 [Электронный ресурс] // *American Journal of Sociology*. 2016. Vol. 121. No. 5. P. 1375–1415. URL: https://www.researchgate.net/publication/297678661_Social_Class_and_Income_Inequality_in_the_United_States_Ownership_Authority_and_Personal_Income_Distribution_from_1980_to_2010 (дата обращения: 28.06.2021).

Wyckoff D. D. *Truck drivers in America*. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1979. 138 p.

Yin R. *Case Study Research: Design and Methods*. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2014. 282 p.

Young J. F. Russia's elusive pursuit of balance in local government reform // *Federalism and Local Politics in Russia* / ed. by C. Ross and A. Campbell. Routledge Taylor & Francis Group: London and New York, 2009. P. 248–262.

Текст монографии подготовлен в основном на базе материалов полевых исследований по двум проектам фонда «Хамовники» («Социальная структура российского провинциального общества» в 2011–2012 гг., проект № 2011–002, и в 2013–2015 гг., проект № 2013–007) и двум проектам в рамках Программы Научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100» (грант № 17–01–0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества» в 2017–2018 гг. и грант № 19–01–067 «Провинциальные промыслы: неформальные экономические практики населения» в 2019–2020 гг.).

Научное издание

Юрий Михайлович Плюснин

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА**

Корректор *М. Глушкова*

Выпускающий редактор *П. Канюкова*

Верстка *Ф. Дервянкин*

Оформление *Е. Ставицкая*

Подписано в печать 30.01.2022. Формат 60x90^{1/16}

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewBaskervilleС. Усл. печ. л. 21.

Тираж 1000 экз. Заказ № ВП-161